БАКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
BAKU INTERNATIONAL MULTICULTURALISM CENTRE

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

№ 2

ВАКУ 2021

Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей), № 2.
Баку, 2021, 228 стр.

Главный редактор: **Камал Абдуллаев,**
председатель Попечительного Совета Бакинского Международного Центра Мультикультурализма, ректор Азербайджанского университета языков, Народный писатель, академик

Научные редакторы: **Фарида Мамедова,**
член-корр. Национальной Академии Наук Азербайджана, академик Азербайджанской Национальной Академии Творчества, заслуженный деятель науки Азербайджана, лауреат Государственной премии Республики, кавалер орденов Славы и Золотого пера, зав. отделом «Историческая география и демография Азербайджана» Института истории НАНА, доктор исторических наук, профессор

Ульвия Гаджиева,
ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории

Ответственный за проект: **Раван Гасанов,**
исполнительный директор Бакинского Международного Центра Мультикутурализма

Редактор: **Тахир Казымлы,**
сотрудник отдела Аналитики Бакинского Международного Центра Мультикутурализма

Представленное вниманию читателей издание второго номера журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании», посвященное Великой Победе Азербайджана в Отечественной войне 2020 года за освобождение Карабаха от продолжавшейся почти 30-лет оккупации, представляет собой сборник статей, в которых рассматриваются важные проблемы албановедения в области археологии, антропологии, истории, источниковедения, этнологии, архитектуры и искусства. Это издание предназначено как для учёных, так и для представителей общественности, для всех, кто интересуется различными аспектами истории и культуры Кавказской Албании (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.), а также всего албанского этнокультурного наследия в целом.

ISBN 978-9952-28-564-2

© Бакинский Международный Центр Мультикультурализма, 2021

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ АЗЕРБАЙДЖАНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 2020 ГОДА

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРАБАХА ОТ ОККУПАЦИИ –

ВЕЛИКОЙ ДОБЛЕСТИ ПРЕЗИДЕНТА И ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЛЬХАМА АЛИЕВА,

ПОБЕДОНОСНОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ АРМИИ, ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ ШЕХИДОВ,

ПАТРИОТИЗМУ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ МИРА И ВСЕХ ЭТНОСОВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КАРАБАХ – ЭТО АЗЕРБАЙДЖАН!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ВВЕДЕНИЕ

МАМЕДОВА Ф. Албанские выдающиеся личности в истории Азербайджана..... 11

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

РАГИМОВА М. Роль археологической науки в изучении истории и культуры Кавказской Албании античного периода 26

КВОН ОЮНГ, ДЖАБИЕВ Г., КИМ ДЖОНГИЛ, НАДЖАФОВА И.М., СОН ДЖАЕХЬЮН. Элементы градостроительства Кавказской Албании в контексте археологического изучения Габалы 37

МУСЕИБЛИ Н., НАДЖАФОВ Ш. Памятники античного периода Акстафы 46

АЛИЕВ Т. Албанское культурное наследие в археологическом комплексе Наргизтепе..... 57

АХУНДОВА Г. Предметы украшения в контексте культурно–экономических связей Кавказской Албании 65

ВЕЛИЕВ Э. Следы зороастризма в образцах материальной культуры III–V веков (торевтика, ритон, грифон) на территории Кавказской Албании..... 74

ГОШГАРЛЫ Г. Кавказская Албания и другие страны Кавказско–Переднеазиатского региона в системе политической борьбы Парфии и Рима на рубеже двух эр 81

ДЖАБИЕВ Г. Мехреван – новая страница в изучении истории Албании..... 91

ИСКЕНДЕРОВ Э. Северный Азербайджан и Ахемениды: к постановке проблемных вопросов..... 92

КИРИЧЕНКО Д. О черепе из срубно-катакомбного погребения Мингячевира 100

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

АСАДОВ Ф. Арабы, ислам и Албания: взаимодействие и трансформация культурной среды в VII–X вв. 112

ИГУМЕН АЛЕКСИЙ (НИКОНОРОВ). Епархии Албанской Церкви к VI века..... 122

ИМРАНЛЫ-ЛОУ К. Место кавказских албан в стратегии России на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. 134

ЛОЛУА Р. Сообщения древнеармянских источников о генезисе кавказско–албанской письменности 147

МЕЛИКОВ Р. Албанский храм богини Луны 156

МОБИЛИ Р. Удины и Албанская Церковь в мультикультуральной среде Азербайджана 167

ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА

ВАГАБОВА Д. «Албанская оратория». Страницы творчества Намика Мамедова..... 176

ГАДЖИЕВА У. Албанские памятники Тертерского и Кельбаджарского районов Азербайджана 182

ГАРАБАГЛЫ Р. Исламская архитектура Иревана..... 196

ЗАММАТТЕО П. Христиане Азербайджана в Италии: Комано-терме и его каменные реликвии..... 202

МАМЕДОВА Л. Об албанском периоде в творчестве Галиба Мамедова 209

РЗАЕВА С. Типология дохристианских изобразительных символов Кавказской Албании..... 215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Азербайджанская Республика является прямым историческим наследником и хранителем богатейшего албанского этнокультурного наследия, античной и раннесредневековой культуры Кавказской Албании (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.) и всего исторического и религиозного наследия, созданного на её территории в последующие века проживающими здесь этносами.

Мультиэтничность и многоконфессиональность этого региона Южного Кавказа, многовековое сосуществование на одной территории, использование албанского, а затем азербайджанского языков, как средства межэтнического общения проложили путь многовековой традиции толерантности. Эти традиции заложили прочный фундамент современного мультикультурализма в Азербайджане, создав условия для процветания всех этносов и субэтносов, отражающих колоритность и богатство этнической палитры этого региона.

Как известно, в Албании на протяжении веков проживали кавказоязычные (кавказско–албанская конфедерация из 26 племён – албаны, уди (утии, удины), гелы, леги, гаргары, сильвы, чилбы, лпины и др.), тюркские (гунны, савиры, барсилы, саки) и ираноязычные (талаи (талыши), таты, курды) этносы, а также иудеи (предки горских евреев), потомки которых сейчас являются гражданами Азербайджанской Республики.

Следует отметить, что Вселенская Церковь состоит из отдельных Поместных Церквей, одной из которых являлась и Албанская Апостольская Автокефальная Церковь (IV– начало XIX вв.), своими конфессиональными истоками становления связанная с Иерусалимской Церковью. Поместные Церкви, в свою очередь, включают в себя епископии-епархии, которые объединяют в себе приходские храмы и монастыри. Такая структура Церкви сложилась уже в течение первых столетий её истории, и с тех пор в основе своей она остаётся неизменной.

В IV–VII вв. в период правления албанских царей Аршакидов и великих князей Михранидов была создана гражданская и ранняя албанская культовая архитектура, как в самой Албании, так и в Иерусалиме.

Согласно сведениям автора «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, церковно-административная структура Албанской Церкви представлялась в следующем виде: Архиепархия Партава, епархии автономных областей Лпинии и Чолы/Чоры (область маскутов), находящиеся в управлении архиепископа Партавского, католикоса Албанского; епархии Кабалы, Бахалата и Беха/Ехни-Беха, Шаки, Пайтакарана и Баласакана, Амараса и Габанда, Гардмана, Ути, Мец Куэнка, Мец Иранка, Гашуа (Хоша/Иуши), Цри (Чилбка), Еута; а также Гуннская епархия и Сюникская митрополия, которая во второй половине VI в. фактически находилась в юрисдикции Албанской Церкви, получая рукоположение и святое миро от албанского католикоса. Такая структура сохранялась до падения албанской государственности в начале VIII в. в результате арабского завоевания, которое принесло с собой распространение религии Ислама.

Мусульманство было принято основным многоэтничным населением Албании и стало идеологической основой в процессе этнолингвистической и культурно–идеологической консолидации к XII в. кавказоязычных албан, тюркского и ираноязычного этнических пластов в единый азербайджанский народ, создавшего богатейшее мусульманское этнокультурное наследие.

Часть потомков вышеназванных этносов – хыналыгцы, лезгины, будуги, грызы, удины, цахуры, рутульцы, хапыты, ингилойцы, таты, талыши, курды и другие на протяжении веков сохранили свою национальную самобытность, самосознание, самоназвание, этнические традиции и самобытность культуры, приобретя двойную идентичность – общую национальную (азербайджанскую) и более конкретную этническую.

Почти все эти этносы, кроме части албан (в основном удин), приняв ислам, стали мусульманами, и сейчас исповедуют эту религию, проживая в Азербайджане.

На протяжении веков потомки албанских княжеских родов создали ряд независимых феодальных княжеств в IX–XI в Арране, Сюникское царство в IX–XII вв., Арцах–Хаченское княжество–царство в

XII–XV вв., меликства в XV–XVIII вв. в составе феодальных государств Саджидов (IX–X вв.), Саларидов (X в.), Шеддадидов (XI–XII вв.), Атабеков–Ильденизидов (XII–XIII вв.) Хулагуидов, Джалаиридов (XIII–XV вв.), Гара-гоюнлу, Аг-гоюнлу (XV в.), Карабахско–Гянджинского беглярбекства государства Сефевидов (XVI–XVIII вв.) и Карабахского ханства.

Албаны-христиане, проживающие на правом берегу Куры, были неотъемлемой частью паствы Албанской Апостольской Автокефальной Церкви вплоть до начала XIX в., и стали созидателями албанского этнокультурного наследия указанного периода, включающего в себя, как письменные историко-литературные труды, так и строительство дворцов, крепостей, монастырей, церквей, часовен в XI–XIII и частично в XVII–XVIII вв.

В XIII в. албанский князь Хасан-Джалал (1215–1261) из рода Михранидов в 1216–1238 гг. построил Гандзасарский монастырь в честь св.Иоанна Крестителя, который был освящен в 1240 г. албанским патриархом Нерсесом III (1235–1262), о чём свидетельствовала эпиграфика этого храма. Албанский католикосат стал называться Гандзасарским, ибо именно этот монастырь стал его центром вплоть до начала XIX в.

Документы XVIII в. – «Краткий реестр Иреванской провинции» (Irəvan əyalətinin icmal dəftəri), «Краткий реестр Нахчыванского санджака» (Naxçıvan sancağının müfəssal dəftəri), «Пространный реестр Гянджа–Карабахской провинции» (Gəncə-Qarabağ əyalətinin müfəssal dəftəri), а также «Описание Карабагской провинции (составленное в 1823 г., по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, действительным статским советником Могилевым и полковником Ермоловым 2-м)» доказывают, что основным населением Карабахского, Иреванского и Нахчыванского ханств были азербайджанцы.

В начале XIX в. Южный Кавказ был завоеван царской Россией, которая существенно изменила этнополитическую карту этого региона, массово переселив армян из Персии и Турции в соответствии с условиями Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров на исторические азербайджанские земли в указанные ханства. Как было отмечено выше, Албанская Апостольская Автокефальная Церковь осуществляла свою независимую религиозную деятельность на территории Карабаха до 1836 г., объединив албанскую христианскую паству в азербайджанском мусульманском окружении, которое веками проявляло к ним толерантность. Доказательством этому служат сведения письменного источника XIX в. о том, что в Карабахе «еще в 1828 г., по свидетельству очевидцев, монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии, однако после ликвидации Албанского католикосата, т.е. после 1828 г. ….постепенно по большей части стали разрушаться». Физическое и конфессиональное уничтожение албанского культового наследия произошло в результате передачи его епархий в подчинение Армяно-григорианской церкви с центром в Эчмиадзине указом Николая I в 1836 г. До конца XIX в. были разрушены многие албанские гражданские и культовые сооружения; служба в монастырях, являющихся центрами епископств Албанского (Гандзасарского) католикосата, не велась, библиотеки и архивы исчезли, албанская христианская паства была рассеяна, подвергшись конфессиональной трансформации, деэтнизации. В начале XX в. Эчмиадзин получил разрешение от царской России на уничтожение архивов, что является официальным подтверждением их исчезновений на протяжении XIX в.

В результате геополитических изменений, произошедших в начале XX в., армяне и Эчмиадзин, никогда в истории, не имевшие государственности на Южном Кавказе, смогли приобрести её в виде Армянской ССР, а также Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в составе СССР.

Именно по этой причине азербайджанские учёные на протяжении XX столетия не имели возможность вести научные изыскания на всей территории Карабаха, что позволило армянам подвергнуть трансформации – григорианизировать сохранившееся албанское культовое наследие. В исторической науке утвердилось такое направление, как арменоведение, главной целью которого стало неправомерное фальсифицированное обоснование принадлежности правобережья Куры на территории Азербайджана к истории и культуре армян для присоединения в будущем к Армении.

С 60-х гг. XX в. стало развиваться албановедение, как составная часть исторической науки Азербайджана, с момента появления национальной плеяды ученых, таких как З.М.Буниятов, Ф.Мамедова, Ворошил Гукасян, З.И.Ямпольский, С.М.Казиев, Д.Агаев, Г.Мамедова, К.Алиев, Т.Мамедов, Г.Гошгарлы, Т.Алиев, которые своими фундаментальными трудами опровергли всю неправомерность и ненаучность армянских концепций относительно исторических азербайджанских земель.

Новые геополитические условия, связанные с распадом СССР в конце XX в., позволили армянским вооружённым силам оккупировать Карабах и удерживать его под оккупацией в течение почти 30-ти лет вплоть до осени 2020 года.

Под руководством **Президента Азербайджана и Доблестного Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами, Великого Полководца-Освободителя Ильхама Алиева победоносная Азербайджанская армия**, поддерживаемая всеми этносами и конфессиями Нашей многоэтничной и поликонфессиональной Страны, а также азербайджанской диаспорой в Европе и США, с чувством высочайшего патриотизма, сплотившись в единый железный кулак, в течение 44 дней (27 сентября – 10 ноября) освободила районы: Джебраильский с г.Джебраил (04.10.2020), Физулинский с г.Физули (17.10.2020), Зангиланский с г.Зангилан (20.10.2020), Губадлинский с г.Губадлы (25.10.2020), ряд сёл Ходжалинского и Ходжавендского, г.Гадрут (09.10.2020) и жемчужину Карабаха – город Шушу (08.11.2020).

В результате этих побед было подписано трёхстороннее заявление между Азербайджаном, Россией и Арменией от **10 ноября 2020 года**, согласно которому Азербайджану были возвращены районы: Агдамский с г.Агдам (20.11.2020), Кельбаджарский с г.Кельбаджар (25.11.2020), Лачинский с г.Лачин (01.12.2020), а также де-юре Ходжавендский, Ходжалинский, Тертерский и Ханкенди (10.11.2020).

Одержанной Великой Победой в Отечественной войне 2020 года Азербайджан обязан мужеству доблестных воинов – представителей всех этносов и конфессий страны. Героизм шехидов навсегда останется в памяти азербайджанского народа как доблестная страница истории Азербайджана. Их высочайший патриотизм ещё раз доказал ценность идеологии мультикультурализма в Нашей Стране.

На всей освобожденной от оккупации земле Карабаха, в первую очередь в Шуше и Агдаме, вновь зазвучал азан, а удины, посетив албанские монастыри Худаванк/Дадиванк Кельбаджарского района, Агоглан Лачинского района и церковь Св.Иоанна в селе Туг Ходжавендского района, вернули свои истоки христианской духовности.

И вновь, как было когда-то в Албании, по свидетельству Каланкатуйского, «земля будет гудеть от молитвенного возгласа, благословенных псалмов, в которых на разных языках воспевается Бог», когда по всему Азербайджану, в мусульманских мечетях, святых местах, удинских и православных церквах, синагогах граждане Нашей страны произносят молитвы за Великую Победу Азербайджана и процветание этой древней земли.

Цитируя слова Общенационального Лидера азербайджанцев мира Гейдара Алиева, можно сказать, что «широко шагает Азербайджан» к своей заветной мечте – возродить древнюю землю наших предков, поклониться их могилам, отстроить наши святыни – мусульманские мечети, святые места и албанские храмы, возродить утраченные духовные ценности и восстановить природные красоты этого удивительно прекрасного края.

В культурной столице Азербайджана, жемчужине Карабаха – городе Шуше **12–13 мая 2021 года** Фондом Гейдара Алиева был организован и проведён Международный Музыкальный фестиваль «Хары-бюльбюль», посвященный памяти шехидов. В фестивале приняли участие Президент Азербайджана и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Ильхам Алиев, Первый Вице-президент и Первая леди Мехрибан Алиева, их дочери Лейла и Арзу Алиевы, известные деятели культуры и общественности Азербайджана. Спустя почти 30 лет на Джыдыр дюзю и в горах Карабаха вновь зазвучал азербайджанский мугам «Баяты-Шираз». На фестивале, прославляя Азербайджан, выступили музыкальные и танцевальные коллективы различных этносов, проживающие в Нашей стране, известные азербайджанские исполнители и музыканты. Между выступлениями были представлены снятые в Шуше видеоролики с исполнениями легендарных азербайджанских певцов таких, как Бюльбюль, Сеид Шушинский, Хан Шушинский, Рашид Бейбутов, Шовкет Алекперова. Также были исполнены классические музыкальные произведения азербайджанских композиторов, в числе которых увертюра из оперы «Кёроглы» Узеира Гаджибекова, а также мугам «Гарабах шикестеси». В рамках фестиваля были представлены работы азербайджанских и зарубежных художников. Был презентован изданный Фондом Гейдара Алиева сборник «Вечные подписи», включивший нотные записи произведений выдающихся азербайджанских композиторов.

Фестиваль «Хары-бюльбюль» завершился показом видеоролика, в котором Общенациональный Лидер азербайджанцев мира Гейдар Алиев произнёс в своё время слова об оккупированных

землях: *«Я желаю, чтобы мы вместе с вами поехали в Шушу. Поверьте, мы поедем! Шуша – это око Азербайджана, это апофеоз гордости для каждого азербайджанца. Шуша – это символ нашей культуры и истории. Шуша дорога всем. Но не только Шуша, дороги также горы Лачына. Мы никогда не сможем жить без Лачына. Прекрасный город Агдам, Физули, Джебраил, Зангилан, Губадлы, родники Кельбаджара, Истису Кельбаджара. Мы без них не сможем жить, и представить себе это невозможно»*. Президент Азербайджана и Победоносный Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Ильхам Алиев в своём обращении к народу в день освобождения Шуши сказал: *«Я счастливый человек оттого, что выполнил завет своего отца. Шушу мы освободили. Это – большая Победа! Дорогая Шуша, ты свободна! Дорогая Шуша, мы вернулись! Дорогая Шуша, мы тебя возродим! Шуша наша! Карабах наш! Карабах – это Азербайджан!».*

26 мая 2021 года Бакинским Международным Центром Мультикультурализма, Министерством Культуры Азербайджанской Республики, Государственным Комитетом по работе с религиозными организациями Азербайджанской Республики, Институтом Истории НАНА и Азербайджанским Университетом Архитектуры и Строительства была совместно организована и проведена Международная научная конференция на тему «Кавказская Албания: история, религия и архитектура». В конференции приняли участие 26 учёных, из которых 11 участников были представителями 8 зарубежных стран: Германии (Джост Гипперт), Норвегии (Бьерн Агнар Вегге), Грузии (Роман Лолуа), Франции (Жилес Отье), Италии (Паоло Замматтео, игумен Алексий (Никоноров), России (Ричард Данакари, Артём Куранов, Сархан Баширов), Литвы (Раса Чепаитине), Турции (Салиб Озмен).

Изучение важнейших проблем албановедения в области истории, археологии, антропологии, этнологии, лингвистики, архитектуры и искусства, сохранение и защита албанского этнокультурного наследия является одним из важных направлений политики мультикультурализма в Азербайджанской Республике.

Академик Камал Абдуллаев

ВВЕДЕНИЕ

Мамедова Фарида,
Член-корр. Национальной Академии Наук Азербайджана,
академик Азербайджанской Национальной Академии Творчества,
заслуженный деятель науки Азербайджана, лауреат Государственной
премии Республики, кавалер орденов Славы и Золотого пера,
зав. отделом «Историческая география и демография Азербайджана»
Института истории НАНА, доктор исторических наук, профессор

АЛБАНСКИЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

История не является линейным и предопределённым процессом, и в целом развитие общества происходит согласно присущим ему закономерностям, которые не могут быть отменены волей отдельных людей. Однако человек может значительно повлиять на ход истории, в силу чего исторические события могут иметь множество альтернатив. Каждая личность несёт ответственность за свои действия перед историей и обществом и оказывает то или иное влияние на общество в целом. В силу того, что общество состоит из взаимодействия всех людей, каждая личность может влиять на исторические факты даже в мельчайших деталях. В связи с этим роль личности проявляется в конкретных исторических событиях, явлениях и процессах, и оценивать ее необходимо исходя из конкретных исторических фактов [Гущин, 2013, с.233-237].

На протяжении веков в истории Азербайджана была целая плеяда выдающихся личностей, сыгравших важнейшую роль в политике, культуре и науке. Албанское этнокультурное наследие является христианской страницей истории Нашей страны и частью богатейшего азербайджанского этнокультурного наследия.

Как известно, Албания (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.) является первым древним государством на территории Азербайджанской Республики. На протяжении 1000-летней истории её границы простирались от Дербента на севере и до реки Аракс на юге, и от Каспийского моря на востоке до границ Грузии (Иверии) на западе (до крепости Хнаракерт, до верховья рек Иори и Алазани, до междуречья Куры и Храми) [Мамедова, 1986, с.89, 121, 127-139, 143, 150-151; Мамедова, 2005, с.247, 273].

Правители страны из местной династии Араншахидов, а затем Аршакидов и Михранидов персидского происхождения, проводили проалбанскую политику, направленную на сохранение независимости Албании и её процветание в весьма сложных геополитических условиях до падения албанской государственности в начале VIII в. Среди этих правителей особо выделяется ряд выдающихся личностей, чья политическая деятельность сыграла ту или иную важнейшую роль в истории Албании.

Идею возрождения Албанского царства пытались осуществить отдельные представители этих родов на локальных территориях Карабаха и Сюника (Зангезура) на протяжении IX–XVIII вв. На сохранение независимости Албанской Апостольской Автокефальной Церкви и албанских духовных ценностей в IV – начале XIX вв. была направлена конфессиональная деятельность албанских патриархов-католикосов, ряд выдающихся личностей которых следует отметить.

На протяжении веков интеллектуальная творческая албанская элита создала ряд исторических хроник, агиографическую литературу, научные труды по праву, в которых, несмотря на неправомерное армянские редактирования и искажения смыслов текстов, сохранились ценные сведения об албанском этнокультурном наследии Азербайджана – истории, юриспруденции, религии, архитектуре.

Как известно, политика персидских (парфянских) Аршакидов по отношению к подвластным странам Кавказа была нестабильной, степень зависимости каждого царства отличалась в разное время. Во II–I вв. до н.э. для контроля над подвластными странами Аршакиды сохраняли власть местных династий. Каланкатуйский сообщает, что «главою всех их был поставлен по велению Валаршака некто из рода Сисакан из потомков Иафета (Аран), который унаследовал поля и горы Албании от реки Ерасха до крепости Хнаракерт... Из храбрых и знаменитых потомков этого же Арана, говорят, парфянин Валаршак назначил воеводу над страной... От детей его, говорят, произошли народы Утийского, Гардманского, Цовдийского и Гаргарского княжеств» [Каланкат., I, 4, с.5]. Таким образом, Аран родом из албанской области Сисака (Сисакана–Сюника) стал основателем династии Араншахидов.

С возрастанием сепаратизма вассальных царств правительство аршакидской Персии вытесняло местные династии и устанавливала власть представителей Аршакидского дома. Так, в I в. н.э. зародились младшие Аршакиды в Албании, Персиде, Элимаиде, Атропатене, Гиркании, Индии, Армении, Грузии, Махелонии.

Основными источниками об албанских Аршакидах являются Моисей Каланкатуйский, Фавстос Бузандаци, Егишэ, Хоренаци, Агафангел, «Жития святых» (агиографическое сочинение), «Джарынтир»[1], Киракос Гянджинский, Мхитар Айриванеци. Каланкатуйский сохранил список 10-ти албанских царей Аршакидской династии: «Неизвестно число дней от Арана до храброго Вачагана, который происходит от великого рода Аршакидов. Вот имена царей, владевших Албанией по порядку: Вачаган Храбрый (I), Вече (I), Урнайр, Вачаган (II), Мирхаван, Сатой, Асай, Асуаген, Вече (II), после него Вачаган Благочестивый (III)» [Каланкат., I, 15, с.31]. Учитывая стратегическое значение Албании (защиту кавказских проходов от кочевников), её природные ресурсы, торговые пути, цари Персии сохранили государственность Албании с I в. по VI в. Однако албанские Аршакиды, несмотря на своё персидское происхождение и родство с царями Ирана, всегда стремились быть независимыми правителями. Албания представляла собой феодальное централизованное государство. Царь возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти, был главнокомандующим всеми военными силами страны. Таким образом, Албанское государство в период правления албанских Аршакидов продолжило традиции древней Албании и являлось суверенным государством.

Первым аршакидским царём в Албании был Вачаган I Храбрый, которому удалось объединить все области Албании и создать единое централизованное царство [Каланкат., I, 6, с.6] и в этом историческая значимость его правления. Столицей Албанского государства до V в. был город Кабала (Кабалака/Габала).

Албанский царь Урнайр [Каланкат., I, 8-10, 13, с.8-11, 23] был современником персидского царя Шапура II Долголетнего (309–379), на сестре которого был женат; византийского императора Константина Великого (337–361) и армянских царей Трдата III (287–330), Тирана (338–345), Аршака (345–367) и Папа (370–374). Самая ранняя дата упоминания об Урнайре относится к 313/4 г. в связи с принятием христианства [Каланкат, I, 9, с.9], а конечная датируется 371 г. в связи с Дзиравским сражением [Бузандаци, V, 4; Каланкат., I, 13, с.23].

Грекофильский период проповеди христианства в Албании был связан с именем Григория Просветителя и албанского царя Урнайра, когда христианство становится государственной религией в 313/4 г. [Каланкат, I, 9, 14, с.9, 23]. Григорий Просветитель (этнически парфянин, как и Урнайр), рукоположенный в Кесарии в чин главного священника (каханайапет), кроме Армении «просвещал страны Иберию и Албанию. Придя в область Габанд (Албания), он поучал народ соблюдать заповеди Сына Божьего и положил основание церкви в городе Амарасе, назначил работников и смотрителей, чтобы достроить церковь» [Каланкат., I, 14, с.26]. О распространении христианства в Албании раньше, чем в Армении, свидетельствует ряд текстов албанского историка: «на 43-м году летоисчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан…»; из обращения армянского католикоса Авраама к албанам: «Престол албанский, бывший раньше нашего (армянского), был прежде согласен с нами (армянами)» [Каланкат., II, 47, с.216]; «Блаженный Елисей, начав апостольское возделывание с концов земли, просветил только северную часть нашего Востока (Албании), а не всех, и сам, совершив благую борьбу за народ свой

[1] *Джарынтир – различные по объему и содержанию сборники, в которых собраны речи церковных деятелей, мартирологические и иные сочинения. «Джарынтир» призваны обеспечить догматическое воспитание членов общины.*

– утрудился. Но в то время, когда Господь посетил род человеческий, озарил весь запад через великого императора Константина… обратил в веру и Восток (Албанию), который несколько познал уже о спасительном явлении истинного солнца. ***Албаны вторично и совершеннее были просвещены*** Урнайром**. *Все эти чудеса свершились в одно время от Бога»*** [Каланкат., I, 9, с.9-10].

В свете вышеизложенного представляется несостоятельным господствующее в науке мнение о том, что первые христианские проповедники посылались в Албанию из Армении.

Внутренняя политика Урнайра характеризуется борьбой с язычеством, наделением Церкви землями, назначением, выделением Церкви первых плодов, церковной десятины [Каланкат., I, 11, с.15]. Однако христианство не получило при Урнайре повсеместного распространения, не стало всеобщим вероисповеданием. Воспринятое царем, двором, знатью и частью населения Албании, оно становится идеологической основой слагающейся феодальной культуры. Продолжали бытовать древние языческие верования, в основу которых было положено поклонение силам природы, тенгрианство, догмы манихейства, маздеизма, зороастризма. О внешней политике Урнайра известно, что Албания, будучи вассалом и союзником Шапура II была втянута в персидско-римские войны. Так, в битве под Амидой в 359 г. между римлянами и персами, албанский царь Урнайр сопровождал персидского царя Шапура II (Аммиан Марцелин, кн.XVIII, гл.6). Каланкатуйский называет его «мужем доблестным, который наследовал славное имя в великих войнах, водрузив знамя победы внутри Армении» [Каланкат., I, 9, с.10]. Но остается неизвестным, какие войны имеет в виду автор. Царь Урнайр оказал помощь Шапуру II и в битве на Дзиравском поле в 371 г. против римского и армянского войск (Бузандаци, V, 4). В этом сражении Урнайр был ранен Мушегом Мамиконяном [Каланкат., I, 13, с.23; Бузандаци, V, 4]. Данные о нём этими фактами не ограничиваются.

Резюмируя, следует отметить, что албанский правитель Урнайр сыграл важную роль в истории страны, объявив христианство официальной религией Албании, и с помощью этой монотеистической религии смог объединить полиэтничное и поликонфессиональное население Албании, и противостоять зороастризму и маздеизму Персии.

Эту идеологию поддерживали как албанские правители Аршакиды, стремившиеся заменить политеизм единой конфессией, так и позднее их последователи великие князья Михраниды. К концу IV в. в Албании уже сложилась необходимая церковная иерархия с присущей ей определенной субординацией. Это позволило албанскому клиру самому рукополагать главу Албанской Церкви. Каланкатуйский сообщает: «Относительно рукоположения католикоса нашего [албанского] первые [албанские католикосы] получали [рукоположение] из Иерусалима – до св.Григориса. И потом и поныне получают [рукоположение] от епископов наших» [Каланкат., III, 8, рук. С-59].

С христианизацией Албании связано возникновение в IV в. письменности и литературы на албанском языке. С сирийского и греческого языков на албанский переводились Евангилие и другая богословская литература. Об этом свидетельствует обнаруженный в 1996 г. член-корр. АН Грузии З.Н.Алексидзе в монастыре Св.Катерины на Синайской горе грузино–албанский палимпсест (М/8т-13, М/5ш-50). Только народ, имеющий весь текст Библии на своём языке, может создать лекционарий. Этот лекционарий не был переведён, а был составлен на основе книг Библии на албанском языке и представлен на основе потерянного ныне греческого лекционария [Алексидзе, 2002, 15-26].

Это подтверждает несостоятельность армянской традиции, согласно которой албанский алфавит будто бы был изобретен Месропом Маштоцем в V в. В действительности он не изобрел даже армянский алфавит, а просто заимствовал его у эфиопов [Ольдерогге, 1975, с.208].

Историческая значимость правления албанского царя **Асуагена (Есуагена)** заключается в том, что при нём путём усовершенствования старой была **создана новая албанская письменность.** Данные об этом сохранились у Каланкатуйского и армянских авторов V–VIII вв. Корюна, Мовсеса Хоренаци. Особый интерес представляет организация Есуагеном **обучения албанских детей**. Он «приказал обучить искусству письма многих детей из областей и районов страны, послать их группами в школы, в подобающие и удобные места и назначить им «довольствие на пропитание» [Тревер, 1959, с.308-309].

В 444 г. албанским царем стал **Вече II,** сын Есуагена и сестры персидского царя Иездигерда II (438–457). В 428 г. Сасаниды упразднили царскую власть в Армении, превратив ее в наместничество. Албания в этот период представляла собой вассальную страну, сохранившую царскую власть,

привилегии светских феодалов и духовенства. Сепаратизм албанских царей тревожил Иездигерда II, мобилизовавшего военные силы Албании, Грузии и Армении и перебросившего их на северо–восточные рубежи своего государства на борьбу с гуннами (Егшиэ, I). Экономический, политический и культурно–идеологический гнёт привели к антиперсидскому движению 450–451 гг. албан, иберов и армян, поводом для которого послужила попытка насадить маздеизм персидскими магами, прибывшими в количестве 700 человек, из коих 300 были предназначены для обращения албан в маздеизм (Егишэ, II). Албанский царь Вече II не мог поддержать восставших, ибо в качестве заложника находился при персидском дворе Иездигерда II, принуждённый принять маздеизм (Егишэ). Восстание в Албании возглавили католикос и хазарапет страны [Калакат., II, 2, с.85; Егишэ, III]. Оно было подавлено в 451 г., Иездигерд II на уступки не пошёл. Воспользовавшись междоусобной войной за власть в Иране, возникшей в 457 г. после смерти Иездигерд II, царь Вече II возглавил антиперсидское восстание (457–463) [Каланкат., I, 10, с.11; Егишэ, X]. Внешним проявлением восстания было отречение Вече II от зороастризма, принятого по принуждению. В 459 г. к власти в Иране пришёл Пероз (459–484), при котором тяжелое положение подвластных народов усугубилось многолетней засухой, неурожаем и войнами, которые он вёл с внешними врагами. Албанские повстанцы захватили проходы Чола и, пропустив войска маскутов, заключили союз с одиннадцатью «царями» Большого Кавказа и с их помощью два года вели успешные военные действия против сасанидских войск, вторгшихся в Албанию. Неоднократные попытки персов начать переговоры с Вече II оказались тщетными. Тогда Пероз за большие деньги призвал гуннов-оногур, и они вторглись в Албанию через Аланские ворота (Дарьял) (Егишэ, VII). С 462 г. оногуры целый год сражались с албанским царём [Каланкат., I, 10, с.11-12; Егишэ, VII]. Восстание в Албании было подавлено только в 463 г. По приказу царя Пероза Вече II построил город Перозабат (Партав) [Каланкат., I, 5, с.6], ставший столицей Албании до начала VIII в. Перенесение столицы из Кабалы в Партав, и престола Албанского патриаршества из города Чола, объясняются частыми нашествиями кочевников (хазар, савир) на Албанию, предававших огню церкви и Священное писание, подвергавших разрушению города и села [Каланкат., II, 4, с.90]. Сасаниды вновь укрепились в Албании. Вече II, отрекшись от престола, получил у Пероза разрешение на то, чтобы 1000 подымных земельных наделов, которые были наследством его отца, остались за ним. Письмо епископа Гюта к царю Вече II после отречения его от престола является своего рода гимном в честь Вече II [Каланкат., I, 10, с.12, II].

Таким образом, правление албанского царя Вече II Аршакида было ознаменовано участием Албании во главе с албанским католикосом в антиперсидском движении 450–451 гг., антиперсидским восстанием в Албании в 457–463 гг., возглавляемом самим царём Вече II и строительством им новой столицы Албании – города Партав (Барда).

В 463 г. царская власть в Албании была упразднена и установлен режим персидских наместников (марзбанов). «От Вече до Благочестивого Вачагана в продолжение 30 лет Албания оставалась без царя...» [Каланкат., I, 16, с.32]. Неудачные войны Пероза, карательные экспедиции против албан, усиление налогового гнета, ущемление наследственных привилегий нахараров, религиозные гонения явились причинами восстания в Албании, Иберии и Армении (481–484). Пероз был убит, и в 484 г. эфталиты ворвались в пределы Персии. Это заставило персидские войска покинуть Албанию. Тяжелое политическое и экономическое положение в Персии пирвело к заключению мира с народами Кавказа. Согласно условиям Нварсакского мира в Албании была восстановлены царская власть Аршакидов, свобода вероисповедания, привилегии албанской знати и оставлен в нерушимости принцип иерархии нахарарских родов. Сасаниды обязывались не навязывать маздеизм, а христиане не должны были обращать в свою веру огнепоклонников. Было уменьшено количество дани, которая должна была поступать в Персию из Албании. Албаны были освобождены от поставки всадников в конницу Персии.

В 487 г. «жители Албании, снова соединившись в одно царство, взяли из детей царских храброго, мудрого… Вачагана, сына Иездигерда, брата Вече, царя албанского, возвели его на престол с помощью Валарша, царя персидского» [Каланкат., I, 17, с.36]. Албанский царь **Вачаган III Благочестивый** стремился добиться религиозного единства в стране, пр**о**возгласив христианство общей государственной религией. С этой целью он усиленно преследовал огнепоклонников, искоренял все языческие секты, открыл школы, построил «столько церквей и монастырей, сколько дней в году» [Каланкат., III, 22, с.276], восстановил церковные

чины. В объяснении причин, вызвавших созыв Вачаганом III Агуэнского собора 488 г., Каланкатуйский сообщает, что «произошли несогласия между мирянами и духовенством, между азатами и простолюдинами (рамиками); тогда царь пожелал собрать собор – многочисленное судилище» [Каланкат., I, 26, с.65]. Вачаган III с помощью Агуэнских канонов пытался усилить государственную власть, обуздать своевольных феодалов (азатов), в правах уравнить клир со светской знатью, урегулировать отношения податного сословия со светской знатью и духовенством, добиться религиозного единения всех сословий для сохранения политической независимости страны и для борьбы с иным религиозным влиянием. В Албании также проповедывались оппозиционные христианству несторианство и манихейство, проповедниками которых были последователи сирийца Ибаса (умер в 457 г.), приверженца Нестора и последователи сирийца-манихейца Бундоса (V в.). Если согласно канонам Агуэнского собора 488 г., албанское духовенство отстаивало свои права перед светской знатью – азатами, пыталось с нею уравниться в правах, то согласно канонам 705 г. духовенство вступает в борьбу с азатами, ограничивает их произвол и категорически запрещает им вмешиваться в дела Церкви, клира [Каланкат., I, 26, с.65-69, III, 11, с.248-252].

Следует еще раз отметить, что цари Урнайр, Вече II, Вачаган III вели ожесточенную борьбу с различными языческими верованиями, пытаясь искоренить их. **Царствование Вачагана III Благочестивого было периодом политического и культурно–религиозного возрождения Албании.**

В 510–629 гг. Сасаниды установили в Албании власть персидских наместников (марзбанов). В середине VI в. в результате военно–административной реформы Хосрова I Ануширвана (531–579), Албания была включена в Северный Адурбадаганский Куст, управляемый одним персидским марзбаном.

После смерти Вачагана III Благочестивого «род этот стал ослабевать и князья из рода Михран, из племени Сасанидов, прибыв из Персии, утвердились в Албании» [Каланкат., III, 22, с.276]. Каланкатуйский дает генеалогию албанского Михранидского рода: Михр, Армаель, Вард, Вардан Храбрый, Вард, Варазман, Вараз-Григор, Вараз-Пероз, Джеваншир, Езуд-Хосров и Варазман [Каланкат., II, 17, с.135-137, III, 22, с.276-277]. Надежды Сасанидов относительно албанских Михранидов не оправдались. Михраниды, будучи этнически персами, приняв христианство, породнились с местной албанской знатью, приобщились к албанской культуре и языку, албанизировались. В.В.Бартольд считал, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения». Албанские Михраниды продолжили проалбанскую политику. Хотя они утвердились в Албании к 603 г., но «первыми великими князьями» Албании стали только с 630 г.

Среди выдающихся албанских личностей периода правления Михранидов следует отметить албанского **католикоса Виро (536–630) [**Каланкат., III, 23, с.281]. Воспользовавшись ирано–византийскими войнами, население Албании в 603–604 гг. восстало против сасанидского гнёта. Возглавляемое католикосом Виро восстание было жестоко подавлено Хосровом II. Многие из представителей албанской знати погибли, албанский католикос Виро остался в живых благодаря заступничеству шахини Ширин, жены Хосрова II. В течение 25 лет он должен был находиться при персидском дворе при условии, что до конца жизни «не возвратится в страну свою, но останется под стражей при дворе. Он [Хосров II] не отнял у него доходов патриарших и не лишил его сана католикоса» [Каланкат., II, 14, с.117-118]. Находясь в заключении, албанский католикос Виро добился от Хосрова II распоряжения о даровании албанским князьям из династии Михранидов титула «владыки Гардмана и князя Албании» [Каланкат., II, 23]. Хосров II созвал Персидский церковный собор, согласно которому в 614 г. сделал монофизитство официальным вероисповеданием всех подвластных христиан Персии, Кавказа и завоеванных византийских восточных провинций в противовес диофизитству Византии. В 624–628 гг. Албания и Иберия становятся одной из главных арен персидско–византийских войн [Каланкат., II, 9-12, с.97-109]. В Албанию в 629 г. вновь вторглись хазары во главе с Шатом. Персидский марзбан бежал в Персию, а албанская знать во главе с католикосом Виро, вернувшимся в Албанию из персидского плена, признала верховную власть хазар в 629–630 гг. [Каланкат., II, 14, 16, 169, с.121-134]. Убийство Джебу-хакана и междоусобицы в Хазарии положили конец владычеству хазар в Албании, которая приобрела независимость. Этому способствовало то, что Византия и Персия в 628–629 гг. вышли из персидско–византийских войн изнуренными. В 630 г. католикос Виро крестил Вараз-Григора Михранида (630–642), перешедшего из монофелитства в монофизитство, и возглавившего страну в титуле велико-

го князя Албании, полученным католикосом Виро от персидского шахиншаха Хосрова II. Албания была разорена хазарами, в стране царили голод и эпидемия, жертвами которых стали многие, и в их числе католикос Албании Виро (630 г.).

Историческая значимость патриаршества католикоса Виро заключается в том, что он возглавил антиперсидское восстание, после поражения которого, будучи в персидском плену у Хосрова II он добился для албанских Михранидов титула «владыки Гардмана и князя Албании».

Албания осталась в сфере влияния Сасанидской Персии. К этому времени на Ближнем Востоке усиливаются арабы, которые в 632 г. двинулись на Персию [Каланкат., II, 18, с.137]. По отношению к странам Кавказа они проводили политику Сасанидов – отторжения кавказских народов от Византии, поддерживая монофизитство. Иездигерд III для борьбы с арабами требовал от правителей подвластных ему стран вспомогательные войска.

Каланкатуйский сообщает, что «Вараз-Григор... обратил внимание на второго сына своего, **Джеваншира,** гордого, величественного и прекрасного… искусный в вооружении, ловкий как орел, опора отца, во всем преуспевающий Джеваншир в уме своём готовился помогать ему в мирской жизни, сравняться с великими и находиться при царях» [Каланкат., II, 18, с.137]. В 636–642 гг. Джеваншир, будучи главнокомандующим албанских войск, входил в состав армии персов. В битвах у Мертвых вод, при Кадиссии (637 г.) он отличился храбростью, достойно оценённой Иездигердом III, «который дал ему знамя и громкие трубы, два золотых дротика и два золоченых щита, которые носили всегда перед ним. Опоясал его золотым поясом, унизанным жемчугом, и мечом с золотой рукоятью, дал ему браслеты на руки и надел на голову прекрасный венец. Он дал ему также повязки, осыпанные жемчугом, и много ниток жемчуга повесил на его шею» [Каланкат., II, 18, с.138-139]. В 640 г. во время осады арабами персидской столицы Ктесифон, Джеваншир в течение шести месяцев во главе албанского войска (3 тыс.) совместно с персами защищал город. Он также принимал участие в битве при Нихавенде в 642 г., когда персидская армия была полностью разбита. Таким образом, в продолжение семи лет (635/6–642/3) Джеваншир участвовал в войнах, получив 11 тяжких ран, возвратился в Албанию. Он в 642/3 г. становится первым великим князем Албании при жизни Вараз-Григора. «Пресветлый Джеваншир возвратился из персидских войн со славным именем и по повелению царя возвысил собою всю Албанию» [Каланкат., II, 19, с.141]. Сразу же Джеваншир поднял восстание против персидских правителей. Вместе с князем Вараз-Григором он выступил к северу от Партава (Барды) на левый берег р.Куры. В это время в Албанию вторглись персидские войска, которые после разгрома арабами Сасанидского государства, пытались закрепиться в Албании. Джеваншир очистил от персов области Гардман и Камбисену, в которой заключил союз с правителем Иберии Атрнерсехом. Получив вспомогательное грузинское войско, Джеваншир направился в область Ути, изгнал оттуда персов, очистил от них столицу Партав, освободил плененных персами своих родичей (мать и братьев). Новые персидские войска, присланные из Атропатены, были разбиты Джеванширом в двух битвах в области Сакасена. Джеваншир заключил перемирие с персами. «вспомнив о …. независимости первых восточных (албанских) царей и, сравнив их с собой в царском блеске, задумал никогда больше не подчинять никому свое княжество» [Каланкат., II, 19, с.141-143]. Его борьба с персами за независимость Албании прекращается с вторжением арабов. В 642–645 гг. они со стороны Атропатены напали на Центральный Кавказ и вошли в Албанию, но обосноваться там не успели (Себеос, XLIX).

В этот период Армения практически была провинцией Византийской империи, поэтому с приходом арабов, армяне надеялись добиться относительной самостоятельности и объединения армянских провинций.

В борьбе против арабов великий князь Джеваншир счел нужным стать вассалом Византии. В своем послании византийскому императору Константу II (641–668) Джеваншир писал: «Всесильный господин, могущественный и милостивый государь греческий Констант... тебе поклоняется, приветствуя смиренно, Джеваншир, аспарапет и князь албан с покорною страною Востока. Да будет угодно твоему христолюбивому господству согласиться принять в новое подданство отдаленный народ...» [Каланкат., II, 20, с.144-145]. Византийский император в ответном послании выразил согласие и именовал Джеваншира «властителем Гардмана, князем Албании, аспарапетом и прото-патрикием» [Каланкат., II, 21, с.145-146]. Джеванширу, кроме даров, были посланы пативы (почет, должность) для возведения 1200 мужей в патрики, ипаты, апоипаты и другие византийские титулы [Каланкат., II, 20, с.145]. В 660 г. Джеваншир дважды встретился с

императором Константом II (в Персии и в г.Вагаршапате), который принял его с большими почестями: «Джеваншир вступил ***как царь*** в императорский двор», «император ***почтил его выше всех вельмож»,*** «император опоясал его поясом храброго деда своего Геракла и предка Никиты», «император дал ему частичку св.Креста, царские одежды», «два знамени», «сыновей его император сделал патрициями». «Вельможи армянские и военачальник Амазасп, видя, что ему достались такие небесные дары, сильно ему завидовали... Император отправил его в сопровождении азатов Арарата не как раба своего, а ***как сопрестольного брата...»***. «Он [Констант] отдал ему [Джеванширу] из рода в род все села и ***пределы албанских царей*** и поручил ему блюсти на Востоке ***по-царски»*** [Каланкат., II, 22, с.147]. Князь Джеваншир сумел сохранить государственность Албании при условии вассальной зависимости от Византии. В 662, 664–665 гг. хазары вновь напали на Албанию, поэтому Джеваншир заключил союз с хазарами и женился на дочери хазарского хакана [Каланкат., II, 23, 26, с.149-150, 153-154]. Набеги хазар, ослабление Византии, агрессивная политика арабов побудили Джеваншира подчиниться халифу [Каланкат., II, 27, с.155-158]. Князь Джеваншир посещает халифа Муавию в Дамаске в 667 г., в результате чего население Албании три года было избавлено от иноземных вторжений. В 670 г. Джеваншир вновь по приглашению посещает халифа Муавию. Авторитет Джеваншира настолько возрастает в глазах халифа, что он был уполномочен стать посредником в дипломатических переговорах между халифатом и Византией. Джеваншир с таким умением провел переговоры, что обе стороны остались довольны. Одарив его подарками, халиф отдал в подчинение ему княжество Сюник и правление Атропатеной. Однако Джеваншир отклонил это предложение и просил халифа «облегчить тяжелые подати, наложенные [халифатом] на его страну, и царь юга с удовольствием согласился на это, и приказал уменьшить ярмо налога на одну треть» [Каланкат., II, 28, с.159-163]. Албанский автор отмечал, что халиф принял Джеваншира «с такими почестями и великолепием, каких он не оказывал ни одному из наместников страны». «Он приказал оказывать почести восточному князю, ***как венчанному царю***» [Каланкат., II, 27, 28].

Наделение князя Джеваншира ***царским достоинством, царской почестью*** как со стороны византийского императора Константа II, так и халифа Муавии показывает, что он был видным полководцем, мудрым политиком, тонким дипломатом, крупным государственным деятелем середины VII в., сумевшем сохранить самостоятельность Албании в противоборстве между персами, арабами, византийцами и хазарами. Он был заказчиком «История албан», в котором сохранилась элегии поэта Давтака на смерть великого князя Албании Джеваншира в виде акростиха [Каланкат., II, 35]. В элегии подчеркивается масштабность личности Джеваншира («Слава его распространилась по всей земле, имя его дошло до конца света»). Князь Джеваншир был убит в результате политического заговора, по мнению одних исследователей в 683, а последняя точка зрения – в 684 г. Каланкатуйский писал: «Он был уважаем и почитаем четырьмя завоевательными государствами и был не ниже этих властителей» [Каланкат., II, 28]. «Самодержавно и с великолепием он господствовал от пределов Иберии до ворот гуннов и до р.Аракс» [Каланкат., II, 21, с.146].

Таким образом, можно считать, что **время его правления считается периодом политического и культурного расцвета Албании.**

В 705 г. албанский князь Вараз-Трдат полностью принимает подданство арабов **[**Каланкат., III, 12, с.254]. Когда на территории бывшей Албании в IX–XIII вв. образовались азербайджанские государства Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Равадидов, Шеддадидов, Атабеков, то мелкие возрожденные албанские царства-княжества входили в состав этих азербайджанских государств.

В IX в. на правобережье Куры возник ряд феодальных владений, возглавляемых потомками албанских княжеских родов – Атрнерсех в Хачене, Кетритч в Гардмане, Степан Клиа в Утике, Есаи абу Муса в Арране (Миль-Мугань, Байлакан до р.Аракс), Сахл ибн Сунбат в Шеки, Арране, Сюнике, которые после долгого сопротивления были захвачены арабским полководцем Бугой ал-Кабиром [Каланкат., III, 22, с.278; Буниятов, 1965, с.184-194]

Григор-Хамама Благочестивый, один из сыновей владетеля Хачена Атрнерсеха, внук Сахля «главы сюнийцев», князь «Малого Сюника и Агванка» в 886 г. «сделавшись албанским царём, **возобновил разгромленное царство Албанское»**, «творил великие и щедрые благодеяния церквам, нуждающимся и неимущим» [Каланкат., III, 21]. Согласно ал-Мас'уди (Мурудж, II, с.86), Хумам (Хамам) был **«великим князем Востока»** и **«царём Албании»,** объединившим обезглавленное арабами Албанское царство. Асогик также называет Хамама

«царём Агванка». Владения Григора-Хамама простирались от восточного побережья оз.Гейча на западе до подступов к г.Партав (Барда) на востоке. Он «распространил свою власть по ту сторону, включив в свои владения Камбичан–Шаки» [Каланкат., III, 22; Буниятов, 1965, с.189], т.е. земли левобережья Куры, которые входили в пределы Албанского царства при албанских Аршакидах и Михранидах.

Один из сыновей Григор-Хамамы по имени **Атрнерсех II** в 910 г. в Камбечани–Эрети объявил себя царём. Во время его правления в 915 г. («Картлис цховреба», I, 264) абхазский царь Константина III (893–922) и кахетинский хорепископ Квирике I (892–918) совершили набег на Шекинское царство, в результате чего были потеряны некоторые пограничные города. Но эти города Атернерсех II вернул после крупного вторжения Саджидов в Центральное Закавказье между 925–929 гг. Так, Шекинское царство сохранило свои территориальные пределы в течение всего X в. [Насибов, 1985, с.19; Мас'уди, «Мурудж»]. В середине X в., как сообщает армянский католикос Анания Мокаци, «сидел на царском троне Ишханик – сын царя Атрнерсеха и внук блаженного Хамама, **благочестивого государя Агванского»** [Мамедова, 2005, с.396].

Арцах и частично провинция Ути перешли другому сыну Григора-Хамама – **Сааку Севаде,** чье царство длилось до XI в. [Каланкат., III, 21, 22]. Он подчинил себе область Гардман в провинции Ути, области Кости и Парнаса в провинции Арцах, а также область Цорогета (Ширак) в Араратской провинции. Из потомков Саака Севады в X в. вышли цари возрожденной Албании. Это были его правнуки – Иоанн Сенекерим и Филиппе [Каланкат., III, 22].

О **Иоанне Сенекериме** албанский автор сообщает, что «десница Всевышнего избрала царём давно прекратившегося царства, возобновленного Богом через него. Царь персидский наградил его великими почестями, дал ему корону отца своего и коня его. В том же году магистр греческий Давид послал царский венец и великолепную порфиру в честь и в уважение Богом избранного мужа, который был помазан в цари десницею патриарха во славу Христа» [Каланкат., III, 22, с.270]. Албанский автор трижды подчеркивает законность царского сана: «персидский царь... дал корону», «греческий магистр Давид послал ему царский венец», и наконец, «был помазан в цари десницею патриарха». Под персидским царём следует подразумевать Саларидов, в тот период правивших Азербайджаном (Северным и Южным), у которых в вассальной зависимости находились среди прочих правителей и правители Арцах-Сюникского царства.

Период его правления до конца X в. считается расцветом Шекинского царства [Крымский, 1974, с. 593-594].

К концу XII в. возвышается Хаченское царство-княжество, считавшееся частью древней Албании. Как отмечалось в «Аджаиб-ад-дунйя», Хачен являлся округом, входящем в состав Аррана, занимал территорию Арцаха и Ути, центром которого был бассейн рек Хачен-чай и Тертер [Мамедова, 2005, с.408]. Возвышение Арцах-Хаченского царства-княжества связано с выдающейся личностью Х**асан Джалалом,** сыном владетеля Нижнего Хачена – Вахтанга Танкик (Тонкик) и Хоришах (сестры знаменитых в истории Кавказа братьев Захарии Спасалара и Иванэ Атабека Долгоруких-Аргутинских). Он также был в родстве с правителями Сюника через жену Мамкан, происходившей из боковой линии Сюнийского дома, от владетеля этой страны Сенекерима. Эпоха, в которую жил и творил Хасан Джалал, богата событиями в истории Кавказа, которые нашли отражение в трудах албанских авторов Киракоса Гянджинского, Вардана Агванского, Мхитара Гоша. В персидских, армянских, грузинских синхронных источниках, а также в эпиграфических надписях Хасан Джалал наделён высокими титулами: «князь князей», «царственно-блистательный», «князь стран хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь», «венценосец», «царь Албании», «великий окраинодержатель Албании» [Мамедова, 2005, с.408-413]. В 1216–1238 гг. был построен Гандзасарский монастырь в честь св.Иоанна Крестителя, в эпиграфике которого было написано: «Я смиренный раб божий Джалал Дола, сын Вахтанга, внук великого Асана, коренной владетель высокой и великой Арцахской страны, царь и в многопредельной области; отец мой завещанием поручил мне и матери моей Хориша, дабы мы построили сию церковь на могиле отцов наших в Гандзасаре, к чему мы приступили в 665 (1216) г. …Сия церковь освещена в 689 (1240) г. в патриаршестве тер Нерсеса – католикоса Агванского» [Бархударянц, с.154-156, 160, примеч. 403]. Князь Хасан Джалал щедро одарил обитель пахотными землями, серебряной священной утварью, которая подробно перечисляется в книге. В 1220 г. Хачен подвергся нападению монгольских войск. В 1227 г. (или позже) во время похода хорезмшаха Джалал-ад-Дина его визирь Шараф ал-Мюльк подступил к крепости Хачен. Хасан Джалалу удалось

откупиться, уплатив 10000 динаров. Позже Хачен вновь подвергся нашествию монголов. Хасан Джалал засел с жителями своей области в крепости Хоханаберд. «Мудрый Джалал, увидев нападение безверных, укрыл свой народ в крепости, называемой по-персидски Хоханаберд. И когда пришли татары (монголы) и, осадив эту крепость, убедились, что ее невозможно взять, тогда они предложили Хасану дружбу и мир». Хасан Джалал отправился к монголам с многочисленными дарами. Они «ему вручили его страну с некоторыми прибавлениями территориальными». Ему вменялось в обязанность всегда принимать участие в их походах. Это происходило между 1238 и 1240 гг. Вероятно, с этим временем следует связать женитьбу Бора-нуина, сына Чармагана, на дочери Хасан Джалала Рузукан. В 1243 г. Хасан Джалал с отрядом участвует в походе Бачу, занявшего место Чармагана, против румского султана Гияс-ад-дина Кай Хусрау III. К этому времени Хасан Джалал имел определенное влияние при монгольском главнокомандующем. Именно благодаря содействию Хасан Джалала послам киликийского царя Хетума удалось представиться Бачу, жене Чармагана Эльтина-хатун. Тяжелые притеснения со стороны Аргуна и Буги в 1246/7 гг., связанные с новой нормировкой податей, вынудили Хасан Джалала, найти себе покровителя в лице Сартака, сына золотоордынского хана Батыя. В 1251 г. отправляется к нему с изъявлением покорности. Сартак проводил Хасан Джалала к своему отцу Бату (в ставку на берегу Каспийского моря), который вернул ему его наследственные владения – Чараберд (Джраберд), Акана и Каркар, а также объявил его правителем ряда новых земель. Хасан Джалалу удалось выхлопотать привилегии для албанского католикоса Нерсеса, обеспечив его имущество налоговым иммунитетом. Заслуживает внимания сообщение Киракоса Гянджинского: «...но с другими странами они (монголы) так не поступали, и куда прибывали, везде приносили гнёт и притеснения» (Киракос, с.136). В 1255–1260 гг. Хасан Джалал из-за гонений Аргуна был вынужден вторично отправиться к великому хану Бату в Монголию, в Каракорум. Великий хан вновь возвратил ему все его наследственные права-владения страной и «дал ему письменное заверение власти». Хасан Джалал добился на 10 лет (1251–1261) сохранения независимости Хаченского княжества. Вскоре, по возвращении из монгольского стана, Хасан Джалал был заподозрен Аргуном в участии в антимонгольском восстании. «Закованного в кандалы под деревянным ярмом» его отправили в Казвин на каторгу, но в пути убили в 1261 г. Князем Хачена был назначен его сын Атабек, правивший до 1287 г.

Таким образом, в тяжелых политических условиях, благодаря мудрой, гибкой политике, Хасан Джалалу удалось сохранить независимость Хаченского царства-княжества. Ради сохранения целостности албанского христианского этноса, Албанской Апостольской Автокефальной Церкви Хасан Джалал неоднократно ездил в монгольский стан, участвовал в их войнах, оставался годами в монгольском стане и, наконец, стал жертвой их.

В Гандзасарский собор перемещается Албанский католикосат, после чего стал именоваться Гандзасарским католикасатом, став религиозным центром поздних албан до 1836 г. Очень важно, что сам Хасан Джалал назвал Гандзасарский собор «престольным собором Албании».

Из представителей албанского духовенства, помимо Виро, следует также отметить католикосов Есаи Хасан Джалала и Саркиса (Сергея) Хасан Джалала.

Албанский католикос **Есаи Хасан-Джалалян** возглавлял Гандзасарский патриарший престол в 1702–1728 гг. Он поддержал карабахских и зангезурских меликов в их стремлениях к приобретению независимости, которые выразились в том, что они обратились за помощью к русскому царю Петру I [Тер-Григорян, 1989, с.6]. Католикос Есаи Хасан-Джалалян возглавил антиперсидское восстание в Карабахе, потерпевшее поражение. Его большой заслугой является написанный им труд «Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.)» [Хасан-Джалалян Есаи, 1989], который сохранил ценные сведения об этом периоде истории региона. Само название подтверждает сохранение албанского самосознания в Карабахе в XVIII в.

Последний албанский католикос **Саркис (Сергей) Хасан Джалал** был рукоположен в Гяндже в 1794 г. в весьма сложное время конфессионального противостояния между Гандзасарским католикосатом и самопровозглашенным католикосатом монастыря Ерек Манкунк, а также политического противостояния между карабахским Ибрагим-ханом и меликами Гюльстана, Джраберта, Дизака. Поддерживая меликов в их стремлении сохранить свою суверенность, оказавшись в оппозиции к карабахскому хану, потерпев поражение, католикос Саркис (Сергей) Хасан Джалал был вынужден с паствой переехать в Грузию в 1798 г. Здесь он был прекрасно принят грузинским царём и назначен архи-

епископом Ахпатского монастыря. В 1812 г. Саркис (Сергей) Хасан Джалал вместе с паствой вернулся в Гандзасар и возглавлял Албанскую Церковь в сане католикоса до своей смерти в 1828 г. [Раффи].

Таков краткий обзор об исторической значимости деятельности ряда выдающихся албанских правителей и католикосов.

К созданию своей литературы Албания была подготовлена социально–экономическими, конфессиональными и политическими условиями на протяжении V–VIII вв. Это было время существования Албанского государства с правящей царской династией Аршакидов и сменивших их великих князей Михранидов, а также Албанской Апостольской Автокефальной Церкви. Каланкатуйский (I, 3) сообщает данные, приводимые римским автором Ипполитом, согласно которым албаны упомянуты в перечне народов, имеющих язык и письменность [Мамедова, 1986, с.42]. Армянский историк VIII в. Гевонд, перечисляя языки, на которых существует перевод Библии, на 12-ом месте упоминает албанский язык. Об албанском языке есть сведения в XVII–XVIII вв., в рукописях 1669 и 1726 гг., когда «Святые отцы нашли на Востоке рукопись, именуемую «Об истории святого и божественного елея», написанную на албанском языке, и они же перевели её на древнеармянский. Эта древнеармянская рукопись была обнаружена А.Д.Анасьяном в Матенадаране [Еремян, 1958; Шанидзе, I960, с.169; Алексидзе, 2003, с.36; Абуладзе, 1940, с.317-319; Ямпольский, 1957, с.149-156; Алиев, 1962, с.17; Буниятов, 1965, с.97].

В становлении албанской историко–литературной традиции на рубеже VII–VIII вв. неоценимую роль сыграл **Моисей Каланкатуйский**. Его труд «История албан», дошедшей до нас на древнеармянском языке в переводе с албанского, содержит основные исторические сведения об Албании I–X вв. (социально-экономической, политической, церковно-идеологической истории, об Албанской Апостольской Автокефальской Церкви, культуре, исторической географии), позволяет осветить проблемы этногеза Азербайджана, историю албанского, тюркского и многих других этносов, проживающих на Кавказе и за его пределами. А.Г.Шанидзе писал: «Полагают, что «История Албании», приписываемая Моисею Каланкатуйскому, переведена с албанского на армянский язык, подобно тому, как переведены с грузинского на армянский язык исторические хроники «Картлис цховреба» под названием «Истории Грузии» [Шанидзе, I960, с.169].

Впервые имя автора «Истории албан» было названо Мхитаром Гошем (XII–XIII вв.) в незаконченном сочинении «Албанская хроника»: «...История, написанная Моисеем Дасхуранци, который сделал полный отчет об албанской династии» [Гош Мхитар, 1960, с.8]. Имя Моисея Дасхуранци также называет ученик Мхитара Гоша, вардапет Ванакан (учитель Киракоса Гянджинского). В XIII в. Киракос Гянджинский и Мхитар Айриванци первыми называют автором «Истории албан» Моисея Каланкатуйского [Гандзакеци Киракос, 1946, с.15]. Очевидно, прозвище Каланкатуйского основано на контексте самой «Истории албан», где сообщается: «Неприятели преследовали бегущих и догнали часть их при подошве горы, против большого села Каланкатуйк, в той же области Утик, откуда и я» [Каланкат., II, 11, с.106]. Ч.Доусет, основываясь на мнении В.Б.Хенинга, полагает, что прозвище относится к названию монастыря в Каланкатуйке, служителем которого был Моисей, а прозвище Дасхуранци относится к селу Дасхорен, откуда он был родом. «Это дает право рассматривать Каганкатваци и Дасхуранци как одно лицо». Причем Ч.Доусет отдает предпочтение прозванию Дасхуранци [Dowsett, 1958, p.476, XIX; Мамедова, 2005, с.32; Каланкат., I, 26, с.66]. По мнению Н.Адонца, Т.Тер-Григорьяна, К.В.Тревер, З.М.Буниятова, В.Аракеляна, Л.М.Меликсет-Бекова, К.Г.Алиева I–II книги были написаны Моисеем Каланкатуйским, а III книга – Моисеем Дасхуранци.

Таким образом, следует отметить, что в историографии принято считать, что Моисей Каланкатуйский, живший на рубеже VII–VIII вв., является автором «Истории албан», а «Дасхуранци» либо его прозвище, либо имя автора III части книги. Село Каланкатуйк, вероятнее всего, находилось к западу от г.Партав, являясь важной стоянкой на дороге Двин–Партав, предположительно в окрестностях с.Магавус. I–II книги датируются началом VIII в., а III книгу исследователи относят к X в. на основании того, что последним упоминаемым событием является взятие Партава (Барды) русами.

Исследование изданий «Истории албан» – на трех древнеармянских, современном армянском, английском и русском языках, а также изучение дополнительных четырех рукописей из С-Петербурга и Парижской Национальной библиотеки, из коих две относятся по контексту разночтения к албанской редакции (J10 ИВАН С-59 и Р4 220) и две – к армянской [ЛО ИВАН В-56 и Pi 217 (каталог Маклера)] [Мамедова, 1982, с.38-39] – изучая генеалогию

рукописных списков этого труда, удалось составить генеалогическое древо рукописей источника, которое делится по своему разночтению на две группы: 1) отредактированная со стороны Армянской Церкви, 2) не подвергшейся редактированию [Каланкат., 1861; C.J.F.Dowsett, The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci, 1961].

На основе текстологического анализа, изучения стиля написания памятника, хронологической системы датирования событий в «Истории албан» следует, что содержание этого труда (в котором дана история страны Албании с древнейшего времени до начала VIII в: история албанского этноса, правителей страны, Албанской Церкви, где трижды очерчены территориальные пределы страны, в разные периоды стабильно расположенные на двух берегах р.Куры и др.), манера изложения, авторское отношение к описываемым событиям, отношение к отдельным историческим личностям (католикосу Виро, Вачагану III, Джеванширу, поэту Давтаку), строго разработанная хронологическая система – датирование событий по правлению албанских правителей, а также по правлению персидских и византийских царей (датирование с синхронизацией) даёт основание для единственного вывода, что «История албан» была написана албанцем для албанского народа [Мамедова, 1977; Мамедова, 1986, с.8-21; Мамедова, 2005, с.8-69, 669-670].

Моисей Каланкатуйский является тем выдающимся албанским историографом, чей труд «История албан», несмотря на неправомерные армянские редактирования, сохранил бесценные сведения о Кавказе, Албании и христианстве I–X вв., и на протяжении веков вплоть начала XXI в. служит настольной книгой многих историков, археологов, источниковедов, лингвистов, этнологов, архитекторов, позволяющей воссоздать подлинную историю Кавказа.

Исследование показало, что с возникновением албанских локальных царств-княжеств в Сюнике, Карабахе-Арцахе, Шеки–Камбисене связан период расцвета албанского письменного наследия. Именно в этот период возвышается роль г.Гянджи, давшего таких известных представителей албанской историографии как Давид Алавик («Каноническое предостережение» XII в.), Мхитар Гош («Албанская хроника», «Судебник», «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского» XII–XIII вв.) [Гош Мхитар, 1960], Киракос Гянджинский («История» XIII в.) [Гандзакеци Киракос, 1946], Вардан Великий Аревелци/Агванеци (Восточный/Албанский) («Всеобщая история» XIII в.) [Вардан Великий, 1861; Vardan Arewelc'I, 1989], Григор Патмич-Магакия («История монгол»), Смбат Спарапет («Судебник» XIII в.) [Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля), 1971; Смбат Спарапет. Летопись, 1859, 1956, 1974], Степаннос Сюнийский («История рода Сисакан» XIII в.) [Степаннос Сюнийский, 1861], Хетум Патмич («Ветроград историй стран Востока»). В своих трудах они отразили отдельные аспекты албанского общества, его политической и духовной жизни XI–XIII вв., период сельджукского и монгольского господства на Кавказе и в Передней Азии, а также сохранили ценные сведения об истории Грузии, Армении, Византии, Киликии, истории христианства вообще и Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, в частности. Исходя из сведений об использовании албанской письменность в XIV в., сообщенных историком Хетумом Патмич (из рода Хетумидов, выходцев из Гянджи, живущим в Киликии) в его книге «La Flor des estoires de la Terre d'Orient» («Ветроград историй стран Востока»), написанной в 1307 г. на старофранцузском языке ясно, что «…были разные алфавиты – один армянский, другой албанский» (I, гл. IX) [Мамедова, 2005, с.103; Мирный, 1956, с.72-82], можно предположить, что вышеуказанные труды были написаны албанским письмом и позднее переведены на армянский язык.

Следует также отметить труд албанского католикоса Есаи Хасан-Джалаляна «Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.)», впервые изданной в 1839 г. в Шуше митрополитом Багдасаром Хасан-Джалалом. Второе его издание вышло в Иерусалиме в 1868 г. Этот труд был переведен на французский язык акад. М.Броссе и опубликован в Петербурге в 1876 г. [Хасан-Джалалян Есаи, 1989, с.6].

Весьма характерно, что албанского самосознания у всех перечисленных авторов, начиная с VIII и вплоть до XVIII вв., наблюдается как в тексте источников, так и в названиях произведений.

До XIV в. созданная на албанском языке литература стала переводиться армянами с XIII в. на древнеармянский язык. Сохранение албанской литературы на древнеармянском языке, скорее было связано с геополитическими изменениями, интересы которых предусматривали трансформацию албанского этнокультурного наследия в армянское, начиная с переосмысления албанской историко-литературной традиции. После упразднения царской властью в 1836 г. Албанской Апостольской

Автокефальной Церкви и подчинения её Эчмиадзину, армянское духовенство стало издавать албанскую литературу, переведя её на армянский язык и отредактировав с глубоко продуманной армянской концепцией. Но даже в отредактированном варианте албанское письменное наследие позволило восстановить хронологическую последовательность развития албанской историко-литературной традиции.

Краткий исторический обзор о выдающихся албанских личностях (правителях, католикосах и историографах) свидетельствует, что они своими военно-политическими, дипломатическими и литературными деяниями на протяжении веков внесли важный вклад в формирование многовековых традиций азербайджанской государственности и толерантности, защищая от иноземных завоевателей территориальную целостность Родины, которой преданно служили во имя её независимости и процветания.

Многовековые традиции государственности в период обретения Азербайджаном независимости в конце XX века нашли своё воплощение в политической деятельности Президента Страны и Общенационального Лидера всех азербайджанцев мира **Гейдара Алиева** (1993–2003). Наша Страна обрела выдающегося правителя и тонкого дипломата, который в тяжелейших геополитических условиях, экономического и военно-политического кризиса, поражения в первой Карабахской войне и потере 20% территории Азербайджана, сумел заложить мощнейшие основы военно-политического, социально-экономического, культурно-идеологического развития Азербайджана и создать азербайджанскую диаспору в мире [Мамедова, 2010, с.12].

Президент Азербайджана и Доблестный Верховный Главнокомандующий Азербайджанской армией, Национальный Герой, Полководец-освободитель, мудрый политик, тонкий дипломат, крупный государственный деятель **Ильхам Алиев** своим правлением с 2003 г. продемонстрировал всему миру преемственность азербайджанских традиций государственности. Экономическое развитие страны позволило поднять на высокий уровень военно-политический потенциал в Азербайджане и создать высокопрофессиональную Азербайджанскую армию. Национальная политика, выраженная в идеях мультикультурализма и высочайшего патриотизма, объединила полиэтничный и многоконфессиональный Азербайджан в единый железный кулак. Карабахская проблема, навязанная Азербайджану армянским сепаратизмом и их политическими союзниками на протяжении почти 30-ти лет, была молненосно решена в течение 44 дней в ходе Отечественной войны (27 сентября – 10 ноября 2020 года).

Президент Азербайджана Ильхам Алиев во главе Победоносной Азербайджанской армии, поддерживаемый всеми гражданами полиэтничного Азербайджана, являющимися представителями разных конфессий, и азербайджанцами мира, объединившихся вокруг него в единый железный кулак, освободил древнюю землю Карабаха от оккупации и весь регион от армянского фашизма. Великая Победа Президента Азербайджана Ильхама Алиева навечно вошла золотыми буквами в скрижали истории Азербайджана, как и вечная память шехидам, и благодарность всем участникам Первой и Второй Карабахских войн наших современников и потомков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексидзе А. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино–албанский палимпсест/ The history of Caucasus. The scientific–public Almanac, 2002, №2, s.15-26.
2. Абуладзе И.В. Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев // Сообщения грузинского филиала Академии наук СССР, т.1. 1940, №4, с.317-319.
3. Алиев К. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании / ВИКА. Баку, 1962, с.17.
4. Бархударян М. Арцах. Баку, 1895, часть I–II (арм.яз.) / Перевод Яргуляна, 1949 – НАИИАНА Инд. №1622.2010.
5. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965, 384 с.
6. Вардан Великий. Всеобщая история / Перевод Н.О.Эмина. М., 1861, 201 с.
7. Гандзакеци Киракос. История / Перевод с древнеарм.яз. Т.Тер-Григорьяна. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1946, 302 с.
8. Гош Мхитар. Албанская хроника / Предисловие, перевод и комментарии З.М.Буниятова. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1960, 34 с.
9. Гущин А.А. Роль личности в истории // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе, 2013, №3(7), с.233-237.
10. Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III–VII вв./ Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958, с.324.
11. Каланкатуйский М. История агван / Перевод с армян. К.Патканова. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1861, 376 с.
12. Крымский А.Е. Труды. Страницы из истории Северного, или Кавказского, Азербайджана (классической Албании). Шеки. Т. IV. Киев: Наукова Думка, 1974, с.593-594.
13. Мамедова Ф. Интерпретация новых дополнительных глав парижского списка «Истории албан» Моисея Каланкатуйского в свете эпиграфических данных Гандзасарского храма / Тезисы докл. всесоюзной научной сессии «Актуальные проблемы изучения и создания письменных исторических источников». Тбилиси, 1982, с.38-39.
14. Мамедова Ф. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку: Элм, 1977, 202 с.
15. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
16. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
17. Мамедова Ф. Хранитель истории и государства Азербайджана // Gənc aviator, №3 (8), 5 may 2010, s.12.
18. Мирный С.М. «La Flor des estoires de Terre d'Orient» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов // «Советское востоковедение», 1956, №5, с.72-82.
19. Насибов Ю. Азербайджан в V– первой половине XII вв. (по древнегрузинским источникам): Автореф. дисс. канд. истор. наук. Баку, 1985, 26 с.
20. Ольдерогге Д.А. Из истории армяно–эфиопских связей (Алфавит Маштоца) / Древний Восток: Сб.1. М., 1975, с.208.
21. Раффи. Меликства Хамсы. «Мшак», 1882/ bookdesigner@the-ebook.org 13.10.2008/ Раффи. Собрание сочинений в 12-ти томах, т.IX. Ереван: Советакангрох, 1987. Прим. и словарь сост. Л.Казаряном.
22. Смбат Спарапет. Летопись. Париж, 1859; Венеция, 1956; Ереван, 1974.
23. Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля). 1265 / Перевод со среднеарм., предисл. и примеч. А.Г.Сукиасяна. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971, 208 с.
24. Сюнийский Степаннос. История рода Сисакан / Перевод с арм. М.Эмина. М., 1861, 249 с.
25. Тер-Григорян Т.И. Есаи, католикос албанский/ Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской / 1702–1722 гг./ Перевод с древнеарм.яз. Т.И.Тер-Григоряна, предисловие, издание акад.З.М.Буниятова. Баку, 1989, с.6.
26. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 392 с.

27. Хасан-Джалалян Есаи. Краткая история страны Албанской / 1702–1722 гг./ Перевод с древнеарм. яз. Т.И.Тер-Григоряна, предисловие и подготовка к изданию академика З.М.Буниятова. Баку: Элм, 1989, 48 с.
28. Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев // Вестник отделения общественных наук. Тбилиси, №1, I960, с.169.
29. Ямпольский З.И. К изучению Летописи Кавказской Албании // Изв. АН Аз.ССР. Сер. обществ, наук, 1957, №9, с.149-156.
30. Dowsett. C.J.F. The Albanians Chronicle of Mkitar Gos / BSOAS, XXI, 1958, T.XXI, №3, p.478.
31. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / translated by C.J.F.Dowsett. London: Oxfort University press, New York, Toronto, 1961, 252 p.
32. Vardan Arewelc'i. The Historikal Compilation of Vardan Arewelc'i / Translated by R.W.Thomson. Dumbarton Oaks Papers.No.43. Washington D.C.1989.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Рагимова Маиса
Профессор, доктор исторических наук
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

Исследователи выделяют два периода в более чем тысячелетней истории Албании, одного из древнейших государств на Южном Кавказе. Первый древний период охватывает хронологический промежуток от эпохи эллинизма до поздней античности включительно (IV в. до н.э. – начало III в. н.э.), а второй, раннесредневековый, длится от основания Сасанидского государства до арабского завоевания, положившего конец самостоятельной политической истории Албанского государства на Кавказе (III – начало VIII вв.). Если второй период достаточно хорошо освещён в многочисленных сасанидских, византийских, сирийских, арабских, армянских и грузинских источниках [Тревер, 1959, с.7-24], то ранний, древний период истории Албании широкой источниковедческой базой не располагает. Здесь мы имеем дело с достаточно узким кругом античных источников, сведения которых зачастую поверхностны, противоречивы, а порой и диаметрально противоположны.

Албаны, как один из ведущих крупных этносов Южного Кавказа, впервые упоминаются в письменных источниках в связи с Гавгамельской битвой (331 г. до н.э.). Римский историк Флавий Арриан, описывая эту битву, отмечает, что албанские воины были в составе армии персидского шаха Дария III [Арриан, 1993, кн.III, 11, 3]. С этого времени сведения об албанах и государстве, созданном ими, в конце IV – начале III вв. до н.э., на обширной территории Южного Кавказа – от гор Большого Кавказа до р.Аракс, встречаются в трудах некоторых греческих и римских авторов.

Больше всех Албанскому государству уделял внимание историк и географ Страбон, живший на стыке двух эпох [Страбон, 1964, кн.XI, гл.IV, 1-8; Грацианская, 1988, с.6-175]. В своём труде «География» он широко использовал сведения об Албании, содержавшихся в не дошедших до нас работах более ранних греческих и римских авторов IV–I вв. до н.э. Среди источников, на которые ссылается Страбон можно отметить Патрокла (IV в. до н.э.), Эратосфена (III в. до н.э.), Метродора Скепсийского (II в. до н.э.), Посидония (I в. до н.э.) и Феофана Митиленского (I в. до н.э.), участвовавшего в походе Помпея на Кавказ и других авторов [Тревер, 1959, с.7-9; Алиев, 1992, с.21]. Вследствие механического соединения и обобщения сведений этих разновременных авторов о Кавказе в целом, и об Албании в частности, в труде Страбона масса неточностей, противоречий и взаимоисключающих сообщений. Нередко эти сообщения сдвинуты во времени и пространстве [Тревер, 1959, с.8-9; Алиев, 2003, с.25-26].

Краткие сведения об Албании, связанные, в основном, с походами римлян и их политикой в отношении Южного Кавказа, мы встречаем у античных авторов римской эпохи нашей эры. Так, в трудах «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Римская история» Диона Кассия подробно описаны поход римского полководца Гнея Помпея в Албанию и соседнюю Иберию [Плутарх, 1994, Помпей, 34: Дион Кассий Коккеиан, 1948, кн. XXXVI, гл.54, 3-5; кн.XXXVII, гл.3, 1-6; гл.4, 1-4]. Важную информацию об Албании предоставил выдающийся географ и астроном древности Клавдий Птолемей. Он поделился сведениями о некоторых городах Албании, в том числе и об её столице Габале, а также сообщил о многих реках, протекающих по территории Албании, о горных проходах Большого Кавказа, о морской и сухопутной торговле албан [Птолемей, 1948, с.232-257]. Птолемей даёт географические координаты всех упомянутых им географических объектов и это могло бы оказать большую помощь в их локализации, но использование им неточных показателей долготы, делает невозможной локализацию объектов по данным его координат [Томсон, 1953]. Некоторые сведения о природе Албании, и о быте и образе жизни самих албан, мы встречаем у выдающегося римского учёного-энциклопедиста Плиния Старшего (I в. н.э.) в его знаменитой «Естественной истории» [Тревер, 1959, с.9-10; Алиев, 1992, с.21]. По сообщению самого Плиния, им при описании Албании использованы работы авторов

предшествующих эпох, в том числе и тех, которые сопровождали Александра Македонского в его восточном походе [Алиев, 1992, с.21].

У остальных античных авторов I–III вв. н.э. таких, как Тит Ливий, Тацит, Помпоний, Мела, Иосиф Флавий, Гай Транквил Светоний и другие, сведения об Албании и албанах крайне лаконичны и зачастую дублируют друг друга, и повторяют сведения вышеприведённых авторов. В силу отмеченных факторов решающую роль в реконструкции исторического прошлого Кавказской Албании античного периода должны были сыграть археологические исследования.

В целом археологическая наука в Азербайджане стала формироваться в первой половине XX в., а конкретно албановедческое направление в азербайджанской археологии сформировалось лишь во второй половине прошлого века. До этого на протяжении всего XIX в. спорадически археологические исследования в Азербайджане осуществляли русские и иностранные археологи, а порой и местные чиновники, не владевшие методикой научных раскопок. При этом исследовались исключительно погребальные памятники, в основном эпохи бронзы, а выявленный материал вывозился за пределы Азербайджана. Так в 1834 г. швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере провел раскопки могильника на территории современного Гейгельского района, а обнаруженные артефакты вывез во Францию. Французский путешественник Адольф Бернье в 1862 г. исследовал некоторые древние памятники в Муганской степи, и, также вывез во Францию обнаруженные материалы [Azərbaycan Milli Ensiklopediyası, 2007, s.652-653]. В конце XIX в. сотрудник немецкой фирмы «Сименс и К» В.Белк, занимавшийся производством меди в Гедабекском районе, раскопал более 300 могил типа «каменные ящики», относящихся к периоду поздней бронзы и раннего железа (конец II – начало I тыс. до н.э.). Весь обнаруженный археологический и антропологический материал был отправлен в Германию, где находится и по сей день [Göyüşov, 1986, s.8]. В тот же период французский археолог Жак де Морган в зоне Талышских гор раскопал 230 могил периода поздней бронзы и раннего железа. Весь археологический материал был отправлен во Францию, где они по сей день хранятся в Сен-Жерменском Музее [Yacones de Morqan, 1927, pp.263-283]. В конце XIX – начале XX вв. по поручению Императорской Археологической Комиссии России – Э.Реслером, Г.Розендорфом и А.Ивановским были проведены исследования многочисленных могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Карабахе, в долине реки Гянджачай, и в других западных регионах Азербайджана. Материалы этих раскопок были вывезены в С-Петербург, Москву, а научные отчёты публиковались в «Отчётах Императорской Археологической Комиссии» [Гусейнова 2011, с.154] и в сборниках «Известия Археологической комиссии», «Материалы по археологии Кавказа» [Ивановский, 1911, вып.VI, с.85-172].

Таким образом, памятники албанского периода в XIX в. целенаправленно не изучались, но, тем не менее, первые шаги в области албанистики относятся именно к этому периоду. После заключения Туркменчайского мирного договора, в 1829 г. Императорская Археологическая комиссия отправила Александра Яновского в Закавказье (Южный Кавказ) с целью выявления древних исторических памятников. Помимо изучения региона, А.Яновский осуществил и разведочные раскопки в зоне столицы Албании Габалы [Бабаев, 1990, с.17]. Итогом его исследований стала опубликованная в 1846 г. статья «О древней Кавказской Албании», ставшей фактически первой научной статьёй в области албанистики, в которой затрагивались вопросы границ, политического устройства городов, дан анализ источников и т.д. [Яновский, 1846, с.97-203]. Следует также отметить, что ещё до А.Яновского в 1835 г. вышла статья Фридриха Крузе, написанная, по мнению К.В.Тревер, по заказу [Тревер, 1959, с.24], в которой отмечается важность изучения древней истории Иберии, Албании, Колхиды и Армении, особенно в плане восстановления древнего торгового пути между Каспийским и Чёрным морями [Крузе, 1835, с.423-438].

В XIX в. и первой половине XX в. некоторые вопросы, связанные с древней историей Кавказской Албании, встречаются в трудах русских учёных И.Шопена, Б.А.Дорна, В.В.Бартольда, В.Ф.Минорского, Е.А.Крымского, С.В.Юшкова, и у европейских исследователей Г.Гиперта, В.Томашека, И.Маркварта, Г.Хюбшмана и других [Алиев, 1992, с.6-9],

Первым азербайджанским исследователем, затронувшим албанскую тематику, был А.А.Бакиханов. В своём знаменитом труде «Гюлистан-и Ирам», исследуя историю Азербайджана с древнейших времён до Гюлистанского договора (1813 г.), используя античные и восточные источники, данные топонимики и некоторые историко-архитектурные памятники, он затронул и ряд вопросов, связанных с исторической географией Албании, её племенами

и их борьбой с римскими и другими завоевателями [Бакиханов, 1991].

Археологические исследования албанских памятников начались лишь в самом конце XIX в. и в начале XX в. Так Э.Реслер в 1895 г. обнаружил в Мильской степи в районе Калатепе и Карабулаг (совр. Агджабединский и Физулинский районы) могильники с кувшинными погребениями [Халилов, 1985, с.12], а в 1903 г. Г.О.Розендорфом на территории современного Гей-Гельского района были изучены 16 погребений в сырцовых гробницах, датированных рубежами двух эпох. В 1905 г. раскопки на этом могильнике продолжил В.А.Скиндер, исследовавший ещё 6 могил этого типа; в 1937 г. Я.И.Гуммель исследовал 8 могил этого типа, а в 1938 г. ещё 12 погребений этого могильника [Гошгарлы, 2012, с.60-65]. В 1915 г. Е.А.Лалаян вёл раскопки грунтовых погребений албанского периода в современном Габалинском районе в окрестностях села Нидж и на берегу р.Турьянчай [Халилов, 1985, с.13]. Это были первые научные раскопки албанских памятников на территории Азербайджанской Республики.

Важным шагом в развитии археологической науки в Азербайджане в целом, в том числе и в археологическом исследовании памятников древнего албанского периода, в 20–30-е гг. XX в., стало создание в 1920 г. Азербайджанского Государственного Музея истории. В 1923 г., с целью планомерного исследования памятников археологии на территории Азербайджана, были созданы Азербайджанский Археологический Комитет и Общество обследования и изучения Азербайджана. Благодаря активной деятельности этих трёх выше отмеченных научных структур, 20–30-е гг. XX в. стали периодом формирования национальных кадров-археологов. Именно в этот период начали свою научную археологическую деятельность Давуд Шарифов, Алескер Алекперов, Исхак Джафарзаде, Е.А.Пахомов, Якоб Гуммель, Салех Казиев. Все они внесли заметный вклад в развитие археологической науки в Азербайджане, в том числе, и в исследование албанских памятников античного периода.

В 1926 г. экспедиция Азербайджанского Государственного Музея истории под руководством Д.М.Шарифова исследовала грунтовые погребения античного периода в местности Ялойлутепе. В могилах был обнаружен разнообразный богатый инвентарь, представленный керамическими сосудами, орудиями труда, украшениями, в том числе и римской монетой датируемой I в. до н.э. [Шарифов, 1927, с.7; Пахомов, 1965, с.22]. Русские археологи – Т.Пассек и Б.Латынин заинтересовались материалами этих раскопок, и опубликовали статью, посвященную анализу керамического материала из ялойлутепинских могил [Пассек, Латынин, 1927, с.217-222].

В 20–30-е гг. XX в. были проведены масштабные полевые работы по изучению кувшинных погребений, самого распространённого типа албанских погребений периода античности.

Экспедиции, возглавляемые академиком И.И.Мещаниновым и А.К.Алекперовым, исследовали десятки кувшинных погребений в Мильской степи, а также в Шекинском, Геокчайском и других районах. По мнению А.К.Алекперова кувшинные погребения концентрировались вдоль древнего торгового пути по рекам Кура, а затем Риони. Он также предположил, что эта погребальная утварь могла принадлежать одному из албанских племён, а именно гаргарам, память о которых сохранилась в целом ряде топонимов в зоне Мильской и Муганской степи. В 1935 г. А.К.Алекперов на II Международном конгрессе по искусству Ирана в Ленинграде (совр. С-Петербург) выступил с докладом на тему кувшинных погребений Азербайджана [Алекперов, 1960, с.30-36].

В 1937 г. Т.С.Пассек исследовала могильник с грунтовыми и кувшинными погребениями в селе Джафархан Сабирабадского района. Она также обследовала и разветвлённую систему оросительных каналов, сооружённых в середине и второй половине I тыс. до н.э., связав эти древние ирригационные сооружения с сообщениями Страбона о том, что земли в Албании орошаются реками и другими водами лучше, чем в Египте и Вавилоне [Пассек, 1946, с.169-188].

В 30-е гг. XX в. поселения и могильники албанского периода обследовал археолог, ученый-нумизмат Е.А.Пахомов. Он совершил ряд поездок в Исмаиллинский, Геокчайский, Агджабединский, Мингячевирский районы, где были обнаружены несколько могильников с кувшинными погребениями [Пахомов, 1939, с.70-74; 1944, с.46-53]. Во время одной из этих поездок возле села Молла Исаклы Е.А.Пахомовым была обнаружена терракотовая статуэтка античного периода, выполненная с большим мастерством [Пахомов, 1936, с.23-28].

В 30-е гг. XX в. одним из археологов, внёсших большой вклад в исследования многих памятников Кавказской Албании, был С.М.Казиев. Являясь научным сотрудником Музея истории Азербайджана, он в 30-е годы был участником свыше 70-ти науч-

ных командировок и экспедиции, охвативших почти все регионы Азербайджана [Джафарова, 2009, с.14-20]. Но больше всего его внимание привлекли албанские памятники Габалинской зоны.

В 1941 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Древности Габалинского магала», в котором был дан развернутый анализ многих памятников этого края, в том числе впервый в азербайджанской историко-археологической литературе, была детально исследована столица Кавказской Албании – Габала [Джафарова, 2009, с.17]. Эта диссертация фактически стала первым обобщающим трудом по истории Кавказской Албании с привлечением археологического и этнографического материала.

В 30-х гг. археологические исследования памятников, относящихся к древнему албанскому периоду, проводились также на территории Мингячевира. В 1934–1938 гг. обследование кувшинных погребений в зоне Мингячевира проводил Е.А.Пахомов. В этих исследованиях активное участие принимал и С.М.Казиев [Джафарова, 2009, с.38]. В 1939–1940 гг. С.М.Казиев, ещё раз самостоятельно обследовав окрестности Мингячевира и убедившись в наличии в этом регионе ценных археологических памятников различных исторических эпох, в том числе и албанского периода, выступил с соответствующей информацией на заседании Президиума Азербайджанского филиала Академии наук СССР, и поставил вопрос о необходимости провести на территории Мингячевира обширные археологические исследования. В 1941 г. решением Президиума Аз.ФАН СССР под руководством С.М.Казиева была создана Мингячевирская экспедиция. Весной того же года экспедиция начала проводить полевые исследовательские работы, с целью выявления и регистрации всех археологических памятников на территории Мингячевира. Однако они были прерваны в связи с нападением фашистской Германии на СССР, что привело к началу Великой Отечественной войны [Джафарова, 2009, с.39-40].

В целом, первую половину XX в. можно считать периодом накопления археологического материала в области албанистики, и в этой связи появление первых профессиональных археологов-албановедов. Но для серьёзного прорыва в этой области потенциала было ещё недостаточно. Необходимы были масштабные комплексные исследования археологических памятников с целью выявления такого количества фактологического материала, который позволил бы на базе археологических артефактов добиться научно-обоснованных реконструкций и обобщения различных аспектов истории и культуры Кавказской Албании.

Таким прорывным фактором стала вторая Мингячевирская археологическая экспедиция. В 1946 г. в связи со строительством крупнейшей на Кавказе гидроэлектростанции в районе Мингячевира здесь планировалось не только отчуждение под строительство промышленных объектов обширной территории, но и создание на площади в 65 км.^{2} искусственного водохранилища. Принимая во внимание тот факт, что территория зоны строительства электростанции и водохранилища окружена многочисленными памятниками (могильники, курганы, поселения, культовые сооружения и др.), по инициативе Президиума АН Азерб.ССР была создана археологическая экспедиция, которая на протяжении 8 лет (1946– 1953 гг.) вела в зоне строительства ГЭС масштабные и впервые комплексные исследования. Учитывая огромный масштаб полевых работ, которые предстояло осуществить в сжатые сроки, отведённые для строительства этого энергетического объекта, экспедиция должна была функционировать круглогодично. Начальником экспедиции был назначен С.М.Казиев. Следует отметить, что эта экспедиция исследовала в зоне Мингячевира археологические памятники широкого хронологического диапазона от энеолита и бронзы до средневековья, но, больше всего, были исследованы памятники албанского периода. Именно здесь в Мингячевирской экспедиции под руководством С.М.Казиева сформировались как археологи и освоили методику полевых исследований десятки научных сотрудников Музея истории Азербайджана, Института истории АН Азерб.ССР, преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета Азербайджанского Государственного Университета. Часть сотрудников этой экспедиции, такие, как Г.И.Ионе, Т.И.Голубкина, Г.М.Асланов, Р.М.Ваидов, Дж.А.Халилов стали впоследствии видными археологами-албанистами.

Как уже отмечалось, Мингячевирская экспедиция была комплексной. В её работе наряду с археологами участвовали этнографы и эпиграфисты (М.И.Атакишиева, З.А.Кильчевская, А.Н.Гусейнов, Т.А.Буниятов), антропологический материал исследовала Р.М.Касимова [Касимова, 1960; 1971, с.44-53], а остеологические материалы Н.А.Алекперов и Н.О.Бурчак-Абрамович. К работе в экспедиции, были привлечены известный палеоботаник В.А.Петров, минеролог Г.Г.Леймлен [Леймлен, 1949,

с.83-87], архитектор А.В.Саламзаде. Спектральный и химический анализ древних металлических предметов из Мингячевира проводил И.Р.Селимханов. В различные периоды работы экспедиции её неоднократно посещали видные российские археологи С.В.Киселёв, А.А.Иессен, Б.Б.Пиотровский. За 8 лет полевых работ была обследована площадь в 35 тыс. кв.м. и обнаружено более 20 тыс. артефактов [Джафарова, 2009, с.42-43]. Было обследовано несколько поселений албанского периода, и сотни различных типов могил античного периода. Это были грунтовые могилы с вытянутыми на спине костями, грунтовые могилы с сильно скорченными и слабо скорченными костяками, кувшинные погребения, срубные погребения, катакомбные погребения, а также комбинированные катакомбно-кувшинные и катакомбно-срубные погребения. Наряду с поселениями и могильниками исследовались многочисленные производственные сооружения, в том числе остатки различных ремесленных мастерских и гончарных печей [Ионе, 1951, с.31-77]. В исследованных могилах и поселениях Албании античного периода были выявлены тысячи разнообразных артефактов. Это были орудия труда и бытовая утварь, разнообразное оружие, украшения, предметы торевтики, геммы и буллы, предметы культового назначения, разнообразные инструментарии ремесленников и т.д. Керамические изделия древней Албании поражали своим функциональным и художественным разнообразием. В Мингячевире было выявлено большое количество предметов античного импорта, что говорит о прочных торгово–экономических связях Албании античного периода с окружающим миром. Об этом же свидетельствовали и выявленные в Мингячевире многочисленные античные монеты, отчеканенные в разных странах [Пахомов, 1951, с.141-146].

В 50-е гг. XX в. на базе выявленного уже достаточно обширного археологического материала стали появляться первые работы по истории Албании античного периода с широким привлечением археологического материала. Это были серии статей С.М.Казиева в сборниках «Материальная культура Азербайджана» [Казиев, 1949, с.9-49; 1951, с.5-30], статьи Г.И.Ионе [Ионе, 1946, с.399-406; 1948, с.451-457; 1951, с.31-77; 1953, с.82-97], статьи Р.М.Ваидова [Ваидов, 1951, с.81-85; Ваидов, Фоменко, 1991, с.80-102], Г.М.Асланова [Асланов, 1953, с.61-66].

В 50–60-е гг. XX в. стали появляться и первые обобщающие труды по истории и культуре Кавказской Албании. В этих работах стали использоваться археологические материалы для обоснования широкого спектра исторических проблем. Среди них можно отметить работы О.Ш.Исмизаде [Исмизаде, 1956], Н.М.Иващенко [Иващенко, 1947, с.73-80], Г.Г.Леймлена [Леймлен, 1949, с.83-87], В.Н.Левиатова [Левиатов, 1950, с.65-95], Р.М.Касимовой [Касимова, 1960] и целого ряда других исследователей. Но подлинной научной сенсацией стала изданная в 1959 г. фундаментальная работа К.В.Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании» [Тревер, 1959]. В работе большое место отведено опубликованным к тому времени археологическим материалам, относящимся к албанскому периоду. Анализ этого фактологического материала позволил К.В.Тревер прийти к заключению, что представление об Албании античного периода, сделанное исследователями на основе письменных источников, и прежде всего сообщений Страбона, о якобы отставании Албании в общественном развитии от соседних стран «…не выдерживает критики при освещении этого периода данными археологии» [Тревер, 1960, с.3]. Вслед за работой К.В.Тревер появились: труд С.М.Казиева, посвящённый кувшинным погребениям Мингячевира [Казиев, 1960]; коллективное фундаментальное исследование Г.М.Асланова, Р.М.Ваидова, Г.И.Ионе, посвящённое раскопкам в Мингячевире [Асланов, Ваидов, Ионе, 1959]; обобщающий труд по античной Албании З.И.Ямпольского [Ямпольский, 1962].

Таким образом, в 60–70-е гг. XX в. в Азербайджане окончательно сформировалось многовекторное албановедение, включившее в себя исследования в области истории, археологии, архитектуры, искусствоведения, антропологии и т.д. Наличие значительного числа историков и археологов-албановедов, прошедших подготовку в ведущих научных центрах Москвы и Ленинграда (совр. С-Петербург) позволило начать масштабные исследования многих античных памятников и, прежде всего, городов Кавказской Албании.

Учитывая огромное количество уникальных материалов, найденных на территории античного города, которые исследователи Мингячевирской зоны сравнивают с упоминаемым в античных источниках городом Самунис, было принято решение расширить исследования именно античных городов Кавказской Албании. В 1959 г. была создана Габалинская археологическая экспедиция, которая продолжает свои исследования и по сей день. С 1959 по 1971 гг. экспедицию возглавлял С.М.Казиев. в последующие годы – Г.М.Ахмедов

и И.А.Бабаев. Эта экспедиция, в составе которой в различные годы участвовали археологи-албанисты Р.Б.Геюшев, И.А.Бабаев, Ф.Л.Османов, О.Ш.Исмизаде, Т.И.Голубкина, А.А.Карахмедова внесла огромный вклад в изучение истории и культуры Кавказской Албании. Было установлено первоначальное местонахождение античной Габалы в местности, именуемой Чаккаллыг [Babayev, Əhmədli, 1981, s.8-21], а в конце I – начале II вв. н.э. центр древнего города был перенесен в местность Сельбир и Гала, где городская жизнь продолжалась до позднего средневековья. Многолетние исследования Габалы, как и Мингячевирские раскопки, внесли неоценимый вклад в изучении истории Албании античного и средневекового периода. В 1964 г. вышел в свет очередной, пятый том сборника «Материальная культура Азербайджана», который был полностью посвящён результатам изучения Габалы [Материальная культура Азербайджана, т.5, 1964]. Исследования античной Габалы показали высокий уровень городской культуры Кавказской Албании, развитое градостроительство, многопрофильного ремесленного производства, фундаментальных общественных и культовых сооружений, обширных международных связей и т.д. [Бабаев, 1990, с.62-101]. Помимо многочисленного и разнообразного археологического материала, обнаруженного в античных слоях Габалы, и в его могильниках, при раскопках было выявлено значительное количество античных монет эллинистического периода. Это были монеты А.Македонского, селевкидских, парфянских и греко-бактрийских правителей, а также монеты римской эпохи. Особую научную ценность представляли обнаруженные в Габале два клада античных монет [Бабаев, Казиев, 1971, с.16-32; Гошгарлы, 2020, с.80]. Обнаруженные в Габале и на территории Албании другие клады античных монет (Хыныслинский, Алибайрамлинский, Нюдинский, Шаракунский, Ленкоранский) наглядно свидетельствуют о широких экономических связях Кавказской Албании с внешним миром. Более того потребность в монетах в Албании была столь велика, что начиная с III в. до н.э. албаны наладили чеканку своих монет, сходных с различными античными монетами [Rəcəbli, 2012, s.33-68].

Таким образом, утверждения ряда исследователей, в частности представителей армянской исторической школы, об архаичности албанского общества в древности, основанные на сведениях Страбона о том, что албаны не знали более ста цифр, обычно не использовали отчеканенную монету, а занимались лишь мелкой торговлей, полностью опровергнуты важными нумизматическими материалами, обнаруженными при археологических раскопках Кавказской Албании.

Ещё одним античным албанским городом, ставшим во второй половине XX в. объектом широкомасштабных археологических исследований, стала также упоминаемая в античных источниках древняя Шемаха (Кемахия). Интенсивные раскопки в зоне современного шемахинского села Хыныслы, где были зафиксированы следы античного городища и его могильников проводились более 15 лет. Экспедицией руководил один из ведущих археологов-албанистов Азербайджана того периода Дж.А.Халилов. Он исследовал более 2000 м^2 площади древнего городища и ряд его могильников. Были обнаружены и исследованы десятки жилых, общественных, культовых сооружений, производственных очагов и построек; выявлены тысячи предметов материальной культуры, значительный антропологический, остеологический материал и обуглившиеся остатки пшеницы, ячменя, косточек различных фруктовых растений и т.д. [Халилов, 1985, с.19-20]. Именно в Хыныслых были впервые выявлены местные албанские разменные монеты, что обусловило научную значимость изучения этого памятника.

В 70-е г. XX в. под руководством Дж.А.Халилова был реализован ещё один крупный научный проект по составлению свода археологических памятников северо–восточного Азербайджана. Здесь были выявлены и первично обследованы сотни археологических памятников различных исторических эпох, в том числе и ряд поселений, городищ и могильников античной Албании [Халилов, Кошкарлы, Аразова, 1991]. Исследованные в этой зоне античные могильники у с.Рустов в Губинском районе [Халилов, 1974, с.58-59; Кошкарлы, 1985, с.44-45], античного городища и могильника Джанахар в Хачмазском районе [Халилов, Кошкарлы, Аразова, 1991, с.109-113; Dostiyev, Qoşqarlı, 2011, s.103-109], а в последствии и Алтыагаджского могильника в Хызынском районе [Qoşqarlı, 2012, s.25, 102-105] позволили значительно расширить представления о связях Албании в первые века нашей эры с кочевыми племенами сармато–аланского круга. Эта зона интересна и в том плане, что здесь Клавдий Птолемей отметил четыре крупных албанских города – Талейбу, Албану, Гелду и Гайтару, которые были расположены в устьях рек Соаны, Герры, Касии и Албаны [Птолемей 1948, V, II, 1]. Не исклю-

чено, что обнаруженный в Хачмазском районе, и занимающий обширную территорию античное городище Джанахар является одним из городов этого региона, упомянутых Птолемеем.

Среди исследованных античных городищ Албании следует отметить Торпагкалу [Vahidov, 1965, s.201-211]. Здесь наряду с городищем были исследованы также грунтовые, кувшинные и катакомбные погребения первых веков н.э. [Халилов, 1985, с.20-21; Vahidov, 1965, s.207; Aslanov, 1961, s.33-35].

Среди исследованных крупных археологических комплектов античного периода следует отметить и городище Гырлартепе в Ахсуинском районе. Многие годы этот памятник исследовал археолог Ф.Османов [Osmanov, 2006, s.74-126]. Он же исследовал и многие могильники античного периода (Молла-Исаклы, Нюди, Узунбойлар) в Агсуинском и Исмаиллинском районах, давших очень ценные артефакты по материальной культуре Кавказской Албании [Османов, 2006].

Результаты многолетних исследований многих археологических памятников Кавказской Албании античного периода, и глубокого научного анализа полученных артефактов, позволили азербайджанским учёным издать во второй половине XX в. ряд обобщающих трудов по данной тематике. Здесь можно, прежде всего, отметить фундаментальные исследования «Материальная культура Кавказской Албании» Дж.А.Халилова, «Города Кавказской Албании» И.А.Бабаева, «Античная Кавказская Албания» К.Г.Алиева, «Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана» Г.О.Гошгарлы, а также ряд обобщающих трудов по истории архитектуры [Ахундов, 1986] и истории искусства [Рзаев, 1976] Албании.

Наряду с отмеченными обобщающими трудами азербайджанские археологи исследовали, и в своих монографических трудах систематизировали: керамическое производство античной Албании [Бадалов, 2003], оружие и военное дело албан [Алиев, 2008], производство стекла [Nuriyev, 1981], глиптики [Бабаев, 1965], торевтики [Кошкарлы, 1989] орудий труда [Мехтиев, 1990], украшений [Ахундова, 2020]. Специальные исследования посвящены международным связям Кавказской Албании в период античности [Расулова, 2008; Гошгарлы, 2001].

Следует отметить, что серьёзные научные исследования памятников античного периода Албании на территории Дагестана проводят дагестанские археологи. Так, в различные периоды прошлого века исследователи А.С.Башкиров, М.И.Исаев, а затем В.Т.Котович изучали в Дербентском районе городище Торпахкала, который, по мнению И.А.Бабаева, может быть одним из вышеотмеченных четырёх городов Албании в Прикаспийской зоне [Бабаев, 1990, с.26-27]. Под руководством В.Г.Котовича исследовалось городище Урцеки [Гаджиев, 2002, с.11; Маммиев, 1970], которое идентифицируется с отмеченным у Моисея Каланкайтукского городом Варачан [Халилов, 1985, с.49]. С 70-х годов дагестанскими археологами начались исследования крупного городища Таргу, где были выявлены культурные слои античного албано-сарматского периода [Котович и др., 1983, с.57-82]. С 1970 г. более 50 лет под руководством сперва А.А.Кудрявцева, а затем М.С.Гаджиева ведутся стационарные исследования в Дербенте, где выявлены и исследованы слои античного и раннесредневекового периодов. Учёным удалось решить сложные вопросы хронологии и стратиграфии, времени возникновения города, динамики его развития, его исторической роли в древней и средневековой периоды [Кудрявцев, 1982; Гаджиев, 2002]. Большой вклад в исследование древних городов и погребальных памятников Албании античного периода внёс О.М.Давудов [Давудов, 1996].

Таким образом, раскопки, в Дагестане органически, дополняя исследования в Азербайджане, воссоздают единую материальную культуру Албании античного периода с определёнными локальными особенностями.

К сожалению, в конце XX в. в результате распада СССР, и последовавшей за этим оккупацией Арменией значительной части территории Азербайджана, археологические исследование в Азербайджане временно были приостановлены. Но уже в начале XXI века вновь начались масштабные раскопки албанских памятников древности. В этот период, были продолжены исследования многих вышеотмеченных памятников, было начато также обследование античных албанских памятников в зоне равнинного Карабаха и Нахчывана. Наиболее масштабные исследования проводятся на городище Шортепе, которое идентифицируется с античной Бардой [Məmmədov, Əliyev, 2013, s.208-211; 2015, s.207-210; 2017, s.234-245], и на городище Галатепе, которое некоторые исследователи идентифицируют с албанским городом Айнианой, о котором упоминает Страбон [Страбон, кн.XI, гл.7,1]. Здесь одновременно с городищем исследуются

и его могильники с грунтовыми и кувшинными захоронениями [Əliyev, 2012, s.216-234; 2013, s.202-207; 2015, s.199-206; 2017, s.225-232].

В Нахчыванской Автономной Республике уже долгие годы исследуется крупное античное поселение городского типа Мейдантепе [Bədəlov, Əsədov, 2012, s.221-225; 2013, s.198-201; Bədəlov, 2015, s.193-198; Bədəlov, 2017, s.215-220]. В настоящее время Отдел археологии античного периода Института археологии, этнографии и антропологии завершает подготовку к изданию фундаментального обобщающего коллективного труда, в котором будут отражены все основные исследования античных памятников Кавказской Албании.

Сегодня с полной уверенностью можно отметить, что археологические исследования античных памятников Албании не только привели к пересмотру ранее устоявшихся взглядов на историю, культуру, общественный и социальный строй Албанского государства и общества того периода, но и стали своеобразным маркером, определяющим границы этого государства в античный период – от Кавказских гор на севере, до Аракса на юге, от побережья Каспия на востоке, до озера Геокча на западе.

Это имеет особое значение, так как противоречивые, запутанные и не всегда отражающие историческую реальность сведения античных авторов о границах государств Кавказа в древности, часто использовались при отнесении к территории древней Армении территорий, принадлежавших албанам, в частности Мильской, Муганской, Карабахской (горной) и других зон на правом берегу реки Кура. На этой основе, нередко, пытаются обосновать и сегодняшние притязания на международно-признанные земли Азербайджанской Республики.

Сегодня, после триумфального освобождения оккупированных Арменией исторических земель Азербайджана, которые в период античности входили в состав Албании, Институтом археологии, этнографии и антропологии НАНА подготавливается широкомасштабная программа археологических исследований в освобождённых районах. Несомненно, что в числе приоритетных направлений будет и исследование на этих землях и албанских памятников античного периода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan Milli Ensiklopediyası. Bakı, 2007, s.652-653.
2. Aslanov Q.M. Torpaqqalada arxeoloji qazıntı işlərinin ilk yekunları // Известия АН Аз.ССР, серия общественных наук, 1961, №8, с.33-35.
3. Eminli C.T. Azərbaycanın ellinizm dövrü saxsı məmulatı (e.ə. IV–I əsrlər): Tarix elm. namiz. diss. avtor. Bakı, 2008.
4. Əliyev T.R., Babayev F.İ., Hüseynova T.T., Əliyeva G.İ., Abbasov V.B., Əliyev V.T. Qalatəpə antik şəhər məskəni və nekropolunda tədqiqatlar / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2011. Bakı, 2012, s.226-234.
5. Əliyev T.R., Babayev F.İ., Hüseynova T.T., Əliyeva G.İ., Abbasov V.B., Əliyev V.T. Qalatəpədə aparılan arxeoloji tədqiqatlar haqqında / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2012. Bakı, 2012, s.202-207.
6. Əliyev T.R., Babayev F.İ., Hüseynova T.T., Əliyev V.T. Mil–Qarabağ ekspedisiyası Qalatəpə dəstəsinin 2013–2014-cü illərdə apardığı göl tədqiqatlar haqqında / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2013–2014. Bakı, 2015, s.199-206.
7. Əliyev T.R., Babayev F.İ., Əliyeva G.İ., Əliyev V.T. Mil–Qarabağ ekspedisiyası Qalatəpə dəstəsinin 2015–2016-cü illərdə apardığı göl tədqiqatlar haqqında / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2015–2016. Bakı, 2017, s.225-233.
8. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Gəbələ. Bakı: Elm, 1981, 66 s.
9. Bədəlov Ə.N., Əsədov A.A. Meydantəpə yaşayış yerində arxeololi tədqiqatlar / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2011. Bakı, 2012, s.221-225.
10. Bədəlov Ə.N., Əsədov A.A. Meydantəpə yaşayış yerində arxeololi tədqiqatlar / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2012. Bakı, 2013, s.198-201.
11. Bədəlov Ə.N. Meydantəpədə arxeoloji tədqiqatlar / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2013–2014. Bakı, 2015, s.193-198.
12. Bədəlov Ə.N. 2015–2016-ci illərdə Meydantəpə yaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2015–2016. Bakı, 2017, s.221-224.
13. Dostiyev T.M., Qoşqarlı Q.O. Canaxırda antik nekropol // Bakı Dövlət Universitetinin xəbərləri, 2011, №2, s.103-109.
14. Göyuşov R.B. Azərbaycan arxeoloqiyası. Bakı, 1986, 186 s.
15. Məmmədov A.M., Əliyev T.V. Bərdə arxeoloji qazıntıları / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2012. Bakı, 2013, s.208-211.
16. Məmmədov A.M., Əliyev T.V. Bərdə arxeoloji ekspedisiyasının 2013–2014-ci illərdə tədqiqatları / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2013–2014. Bakı, 2015, s.221-224.
17. Məmmədov A.M., Əliyev T.V., Rəcəbov M.İ., Quliyeva S.A. Bərdə 2015–2016-ci illərdə aparılmış arxeoloji qazıntı, və çöltədqiqat işlərinin / Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar 2015–2016. Bakı, 2017, s.221-224.
18. Nuriyev A.B. Qafqaz Albaniyasının şüşə məmulatı və istehsalı tarixi. Bakı, 1981.
19. Rəcəbli Ə. Azərbaycan sikkələri. Bakı, 2012, 356 s.
20. Vahidov R.M. Torpaqqalada arxeololi qazıntılar / Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti, c.VI. Bakı, 1965, s.201-202.
21. Алекперов А.К. Кувшинные погребения в Азербайджанской ССР/ Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, 1960, с.30-35.
22. Алиев А.А. Оружие древних албанов. Баку, 2008.
23. Алиев И.Г. Лжеистория – попытка оправдать агрессию. Баку: Нурлан, 2003, 48 с.
24. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с.
25. Арриан Флавий. Поход Александра. М.: Миф, 1993, 272 с.
26. Асланов Г.М. Каменные орудия Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, т.3. Баку, 1953, с.61-66.
27. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1959, 189 с.
28. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азерб. Госуд. Изд-во, 1986, 311 с.
29. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку, 2020, 280 с.
30. Бабаев И.А. Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья: Автор. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1965.
31. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990, 236 с.

32. Бабаев И.А., Казиев. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и Эпиграфика. М., вып. IX, 1971, с.16-32.
33. Бакиханов А.А. «Гюлистан-и Ирам». Баку: Элм, 1991, 304 с.
34. Бадалов А.Г. Гончарное ремесло Азербайджана античного периода (I–III вв.). Баку, 2003.
35. Ваидов Р.М. Фрагменты глиняного подсвечника с албанской надписью // Доклады Академии наук Аз.ССР, №2, 1951, с.81-85.
36. Ваидов Р.М., Фоменко В.П. Средневековый замок в Мингечауре / Материальная культура Азербайджана, т.III. Баку, с.80-102.
37. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. М., 2002.
38. Гошгарлы Г.О. Античная Кавказская Албания в системе международных отношений в IV–I вв. до н.э. / Материалы международной конференции «Этно-культурное наследие Кавказской Албании». Баку, 2001, с.25-30.
39. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
40. Гошгарлы Г.О. Азербайджан на шелковом пути во II в. до н.э. – III в. н.э. Азербайджан на шелковом пути. Баку, 2020, с.38-99.
41. Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения / Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988, с.6-175.
42. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III– IV в. н.э.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996, 428 с.
43. Джафарова Э. Вклад Салех Мустафа оглы Казиева в развитие археологии Азербайджана. Баку, 2009.
44. Дион Кассий, Коккеиан. 1948. Римская история//Вестник древней истории, №2, с.268-277.
45. Ивановский А.А. По Закавказью / Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, 1911, с.85-172.
46. Иващенко М.М. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии // Известия АН Аз.ССР, 1947, №1, с.73-80.
47. Ионе Г.И. Археологические раскопки в Мингечауре // Доклады Академии наук Аз.ССР, 1946, т.II, №9, с.399-406.
48. Ионе Г.И. Археологические раскопки в Мингечаруе // Доклады Академии наук Аз.ССР, 1948, т.IV, №10, с.451-457.
49. Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, т.II, Баку, 1951, с.31-77.
50. Ионе Г.И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского типа» / Материальная культура Азербайджана, т.III, Баку, 1953, с.82-97.
51. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1956, 131с.
52. Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре / Материальная культура Азербайджана, т.I. Баку, 1949, с.9-49.
53. Казиев С.М. О некоторых типах оружия из Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, т.II, Баку, 1951, с.5-30.
54. Казиев С.М. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960.
55. Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.
56. Касимова Р.М. О краниологических материалах из раскопок в Мингечауре / Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с.44-53.
57. Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М.. Городище Таргу / Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с.57-82.
58. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 139 с.
59. Крузе Ф. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемее главном писателе в рассуждении Географии сей страны / Журнал Министерства Народного Просвещения, ч.5, 1835, с.423-438.
60. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982**,** 176 с.
61. Левиатов В.Н. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // Известия АН Аз.ССР, 1950, №1, с.65-95.
62. Леймлен Г.Г. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя // Доклады Академии наук Аз.ССР, 1949, т.V, № 2, с.83-87.
63. Маммиев М.М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового периода: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1970.
64. Материальная культура Азербайджана. T.V. Баку, 1964.
65. Мехтиев Т.С. Орудия труда Кавказской Албании: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1990.
66. Османов Ф.Л. История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 2006.
67. Пассек Т.С. Джафарханский могильник // Вестник древней истории, 1946, №2, с.169-188.
68. Пассек Т., Латынин Б. К вопросу о керамике из Ялойлу-Тепе // Известия Общества

обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927, №4, с.217-222.
69. Пахомов Е.А. Статуэтка из Молла–Исаклинского сельбища и её датировка // Известия Аз.ФАН СССР, Баку, 1936, №1, с.23-28.
70. Пахомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана // Известия Аз.ФАН СССР, Баку, 1939, №3, с.70-74.
71. Пахомов Е.А. Кувшинное погребение из Мингечаура // Известия Аз.ФАН СССР, Баку, 1944, № 9, с.46-53.
72. Пахомов Е.А. Монеты Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, т.II. Баку, 1951, с.141-146.
73. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1965, вып.IX.
74. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т.II. М.: Изд-во «Наука», 1994, 672 с.
75. Птолемей, Клавдий. «Географическое руководство» // Вестник древней истории, 1948, №2, с.232-257.
76. Расулова М.М. Торгово–экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром. Баку: Мутарджим, 2008, 228 с.
77. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку: Элм, 1976, 256 с.
78. Страбон. География. Ленинград, 1964.
79. Томсон Дж.О. История древней географии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1953, 592 с.
80. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
81. Тревер К.В. К вопросу о культуре Кавказской Албании. М., 1960.
82. Халилов Дж.А. Могильник у с.Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана / Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1974, с.58-59.
83. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985.
84. Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. Свод археологических памятников Азербайджана. Баку: Элм, 1991.
85. Шарифов Д.М. Раскопки в Ялойлутепе / Материалы Азгосмузея, вып. I. Баку, 1927, с.1-32.
86. Ямпольский З.И. Древняя Албания III–I вв. до н.э. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 389 с.
87. Яновский А.А. О древней Кавказской Албании / Журнал Министерства Народного Просвещения, 1846, ч.52, с.97-203.
88. Yacques de Morqan. La prehistoire orientale. Paris, 1927, pp.263-283.

Квон Оюнг
Профессор кафедры истории Кореи
Сеульского Национального университета (Корея)

Джабиев Гафар
Главный научный сотрудник отдела «Археологии раннего средневековья»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор исторических наук, профессор

Ким Джонгил
Профессор кафедры археологии и истории искусств
Сеульского Национального университета (Корея)

Наджафова Ирада М.
Ведущий научный сотрудник отдела «Истории и теории археологического наследия»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, к.и.н., доцент / СЕБА

Сон Джаехьюн
Научный сотрудник Центра Азии Сеульского Национального университета (Корея)

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГАБАЛЫ

Название города Габала (в форме *«Кабалака»*), как главного города (столицы) государства Кавказская Албания, впервые было упомянуто в письменных источниках в I в. н.э. в энциклопедическом труде «Естественная история» известного римского учёного Плиния Старшего [Babayev, Əhmədov, 1981, с.3].

Информацию о Габале можно встретить в трудах Клавдия Птолемея (II в.), Аль-Балазури (IX в.), Ибн-Хаукаля (X в.), Аль-Мукаддаси (X в.), Якута аль-Хамави (XIII в.), Бадра Ширвани (XV в.), Аббаскули-ага Бакиханова (XIX в.) [История Габалы, 2017, с.29, 57, 70, 74 и др.] и др.

Наряду с письменными источниками по истории Габалы, очень ценны и археологические источники. Начиная с 1926 г., археологические раскопки, проводимые под руководством Давуд-бека Шарифова, Салеха Казиева, Омара Исмизаде, Гара Ахмедова, Ильяса Бабаева, Фирудина Кадырова, Гафара Джабиева [История Габалы, 2017, с.33] и др., позволили определить, что город Габала существовал с V в. до н.э. Руины древнего города Габала расположены к югу от шоссе Баку–Шеки, близ сёл Чухур-Габала, Мирзабейли, Товла, Шамлы Габалинского района Азербайджанской Республики.

Новые этапы археологического изучения Габалы

С 2005 г. по инициативе и при поддержке Азербайджано–Корейской ассоциации культурного обмена СЕБА (Сеул–Баку) начался новый этап археологического изучения города Габала с участием специалистов Института Археологии и Этнографии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), а с 2009 г. – и с участием корейских специалистов. В 2005–2019 гг. основным объектом исследований археологической экспедиции стали три территории городского центра Габалы – Античная территория, территории Сельбир и Гала. Напомним, что эти территории расположены в Габалинском государственном историко-художественном заповеднике.

В результате исследований были обнаружены, с научной точки зрения, очень ценные и интересные находки, демонстрирующие этапы развития города и градостроительной культуры.

На самой ранней территории, на которой возник и развивался город – на *Античной территории*, городская жизнь продолжалась с V в. до н.э.

Остатки продовольственного амбара IV–III вв. до н.э./ Античная территория

Консервация 1-го овального общественного здания I в. до н.э. – I в. н.э. / Античная территория

Вид территорий Сельбир и Гала

Камера катакомбы № 1 II–III вв. н.э., в которой находились захоронение и предметы / Территория Сельбир

по I в. н.э. Здесь были обнаружены остатки пяти общественных зданий овальной формы (самое большое из которых площадью 1385 м^2), построенных в III в. до н.э. – I в. н.э.; мастерская III–II в. до н.э. с гончарными печами для производства ваз на одной ножке; продовольственный амбар IV–III в. до н.э. с остатками более чем 200 больших хозяйственных кувшинов-пифосов (в которых хранили вино, орехи и пр.) и др.

На территории *Сельбир* были обнаружены оборонительные стены, основания зданий, остатки стен, черепица крыш, кирпичные полы, мастерские, бани, бассейны, водопроводы, линии канализации, захоронения, в том числе катакомбы, гончарные изделия, хозяйственные ямы, кувшины-пифосы, печи-тендиры, местные и зарубежные монеты, оружие, орудия труда, украшения, посуда из селадона, фарфора, стекла и др.

Во время раскопок, проводимых на территории *Гала*, были обнаружены многочисленные печи, которые находились в жилых кварталах, принадлежали мастерам-гончарам, мастерские и др. остатки построек, полы зданий, улицы и их перекрестки, водопроводная система, состоящая из керамических труб, бани, печи-тендиры, монеты, посуда из фаянса, фарфора и селадона, поступившая путём торговых отношений, многоцветные, разнообразные лампы, орудия труда, украшения и др. Предполагается, что использованные в строительстве кирпич, черепица и материалы, применяемые для фасада, производились в городе или его окрестностях.

Судя по находкам, можно заявить, что в Габале были развиты: гончарное ремесло, обработка металла, строительное, ювелирное дело и др. А привозные предметы и монеты подтверждают торговые отношения Габалы с другими городами и странами. Исходя из этих материалов, можно сказать, что географический ареал этих связей простирается от Европы до Китая.

Исследования на территории Сельбир

Начиная с 2009 г., основными целями проведения исследований на территории Сельбир Азербайджано–Корейской международной экспедицией являются: 1) получение археологических данных о процессе градостроительства и раннем государственном устройстве, в частности, Кавказской Албании; 2) достижение устойчивого взаимопонимания между Восточной и Западной цивилизациями; 3) проведение совместных раскопок азербайджанскими и корейскими археологами, обмен знаниями и опытом с целью расширения и укрепления связей между между двумя странами .

В общей сложности было проведено десять сезонов исследований. Начиная с первого сезона исследований в 2009 г., и до сегодняшнего дня, получено много результатов. Например, было завершено изучение северной крепостной стены города, что в свою очередь позволило подробно определить процесс строительства стены, который продолжался, начиная с I в. до н.э. и до средневековья. За этот период, благодаря раскопкам, проводимым на территории близ западной стены города, был выявлен «некрополь», в основном состоящий из катакомб, а также различные строения и печи, водопроводные и санитарные устройства,

остатки гончарных печей, хозяйственных ям и других остатков материальной культуры, используемых с древности до средневековья.

Таким образом, исследования, проводимые на территории Сельбир, хоть и частично, но позволили обнаружить развитую в высокой степени структуру города. В результате стало возможным определить и различные прогрессивные методы строительства, использованные для возведения крепостных стен города и сооружений города. Изученные типы захоронений и предметы в них, позволили в значительной степени прояснить и сущность отношений между Кавказской Албанией с соседними странами и иными культурами. Помимо этого, обнаруженные в захоронениях стеклянные сосуды, в том числе сосуды римского производства, позволяют глубже задуматься о сути культурного обмена между Востоком и Западом, охватившего территорию от Рима до Корейского полуострова и Японского архипелага. Находки, полученные в ходе археологических исследований, позволяют глубже и детальнее изучить ряд проблем античной и средневековой истории не только Габалы, но и региона в целом.

Напомним и то, что подробная информация о находках, образцах архитектуры и др., выявленных по итогам проведенных раскопок вблизи у северных и западных стен территории Сельбир, и о кургане бронзового века, изученного в Дизахлы, дана в ежегодных отчетах, издаваемых Ассоциацией СЕБА [перечень отчетов в списке литературы].

Находки, обнаруженные в катакомбе № 1 II–III вв. н.э. / Территория Сельбир

Вид катакомбы № 8 II–III вв. н.э. / Территория Сельбир

Структура городских крепостных стен и способ строительства

Территория города Габала, окруженная единой системой крепостных стен, состоит из двух основных частей, называемых на севере Сельбир, на юге – Гала. В средневековье при помощи рва, прорытого посередине, город был разделён на две части. И поэтому у территории Сельбир изначально не было южных стен. Помимо этого, небольшое число остатков восточной стены, оказалось разрушенным в результате эрозии. Таким образом, в настоящее время на Сельбире остается в наличии только северная и западная стены.

Отметим, что в IX в. северная часть города на территории Гала была укреплена крепостными стенами. Эти стены ранее были изучены Г.Ахмедовым и Г.Джабиевым.

Северные крепостные стены Сельбира также были ранее частично изучены азербайджанскими археологами, при проведении контрольных раскопок в нескольких местах.

Таким образом, было установлено, что, после возведения, северная крепостная стена перестраивалась несколько раз. В результате недавних исследований оказалось, что первая и вторая стена (земляные) были построены в античный период. Время же постройки третьей стены определить сложно, однако надо отметить, что азербайджанские археологи относят эту стены из сырцового кирпича к периоду Сасанидов. Четвертую стену, возведённую из камня и сырцового кирпича, можно отнести к периоду средневековья. Поскольку похожее строение, обнаруженное на западной стене крепости, точно было определено периодом средневековья.

Западные крепостные стены VI в. / Территория Сельбир

Северные крепостные стены II, VI вв. / Территория Сельбир

Западные стены Сельбира были построены и отремонтированы в три этапа. Первая стена была построена с использованием тёмно-серой песчаной почвы и серо-коричневой песчаной глинистой почвы. Во время этого процесса строительства было разрушено древнее захоронение, созданное из дерева; схожая последовательность наблюдается и в северной крепостной стене. Вторая стена была построена подобным же образом, как и третья северная стена города, путём установки друг на друга сырцовых кирпичей. Вначале, были установлены кирпичи большого, затем среднего и, наконец, малого размеров. Исследования, проводимые на верхней и внешней частях стены, подтвердили, что кирпичи-сырцы были собраны упорядоченно, чтобы сформировать структуру стены, что заметно и по плану, и разрезу стены.

Таким образом, можно констатировать, что первая западная стена соответствует второй северной стене, вторая западная стена соответствует третьей северной стене, третья западная стена соответствует четвертой северной стене.

К вышеизложенному можно добавить, что во время раскопок 2009 г. под руководством проф.Г.Джабиева на юго-восточной окраине территории Гала были обнаружены остатки крепостных стен I в. до н.э. Эти остатки имеют полное сходство с ранними крепостными стенами, находящимися вдоль северного и западного края Сельбира. А это означает, что ещё в I в. до н.э. на территории Сельбир и Гала, окруженной едиными и великолепными крепостными стенами, была многолюдная городская жизнь. Это и есть называемый у Плиния Старшего (Plin.NH.VI.29) «praevalent oppidum Albaniae Cabalaca» («преобладающий (главный) укреплённый город Албании Кабалака») [История Габалы, 2017, с.29], т.е. столица древнего государства Азербайджана Кавказской Албании – город Габала. Находки античного времени на территории Гала впервые были выявлены в 70-х гг. прошлого века Г.Ахмедовым. В этой связи можно отметить обнаруженные на IV раскопе винный амбар и богатое захоронение I в. н.э.

Исследование внутригородской инфраструктуры

Рельеф территории Сельбир выше в западной части, в восточной же части несколько низменный. Территория близ западной крепостной стены представляет собой плоскую террасу и археологические находки последних лет, в основном, сосредоточены здесь. Хронологические рамки находок простираются от античного периода до XI–XII вв. Среди находок городского слоя раннего времени более всего встречаются захоронения, изготовленные из дерева, катакомбы, остатки ям для хранения (амбаров), а в верхнем же слое преобладают находки жилых зданий, печей, разного рода очагов, устройств водоснабжения и санитарных сооружений, хозяйственных ям и др. Среди них катакомбы, устройства водоснабжения и санитарные сооружения – самые заметные находки, подтверждающие возникновение и развитие градостроительства в Кавказской Албании. На территории были обнаружены остатки древнего здания квадратной формы, построенного с использованием сырцового кирпича и каменных баз столбов. Трудно понять назначение и функцию этого строения, но отсутствие в нём очага и водного сооружения, также наличие пола из сырцовых кирпичей и небольших каменных баз столбов, увеличивает вероятность того, что здание не использовалось для повседневной жизни. Возможно, что это строение специального назначения для проведения церемоний, связанных с погребением.

Предполагается, что здания на территории Сельбир, относящиеся к средневековью, более всего использовались для повседневной жизни. Прочные стены домов образуют структуру, похожую на пчелиный улей. Хотя из-за ограниченности площади раскопок и разломов в стратиграфии трудно сформировать четкое представление об общем характере объекта, но можно определить, что стены имеют следующие общие характеристики: стены были построены, в основном, с использованием сырцового кирпича, с добавлением различных материалов, таких как камень, черепица и керамика. Использование разных материалов может быть особенностью основного процесса возведения стен или же, как результат ремонтных работ, проведенных впоследствии. В 1985–1990 и 2008–2019 гг. на территории Гала были обнаружены и исследованы улицы и площади, а также многочисленные строительные остатки, относящиеся к периоду средневековья. А самым грандиозным средневековым сооружением города было общественное здание, обнаруженное и исследованное в 60-х гг. прошлого века С.Казиевым. Все это очень важно с точки зрения изучения внутренней инфраструктуры города, архитектурных элементов средневековых городов Азербайджана в целом.

На территории Сельбир печи-тендиры устроены, в основном, внутри небольшого колодца (ямы), но на разной глубине. У некоторых из них видна только наружная часть горловины, а другая часть находится в положении, наполовину закопанном в землю. У основания (в нижней части) тендиров, с целью облегчения вентиляции, под определенным углом крепятся трубы (из того же глиняного материала, который используется в водопроводе и санитарных установках). Нижние части труб размещают под полом здания, а верхние – над жилой поверхностью остальных частей здания. Тендиры встречаются в двух местах – в центре сооружений или в виде их крепления к стенам сооружений. Использование второго случая встречается чаще. Учитывая, что срок эксплуатации таких печей не превышает 10 лет, весьма вероятно, что требовался их более частый ремонт и замена. Действительно, стало возможным определить, что на одной и той же территории было построено несколько тендиров одинакового размера и структуры. А также можно было определить и здания, в которых было несколько тендиров. Помимо этих тендиров, используемых для выпечки хлеба, было обнаружено большое количество очагов, которые использовались для приготовления супов или чая. Многие из очагов располагались близко к стенам построек. Во время использования очагов для приготовления супов, с целью предотвращения возгорания во многих случаях керамит размещали на земле. Очаги, используемые для приготовления чая, были меньше, чем очаги, используемые для приготовления супов.

Была обнаружена ещё одна интересная структура, созданная по плану. Она состояла из двух кругов кирпичей, которые были равномерно уложены. Внутренний круг был выполнен с наложением двух слоев кирпичей, а наружный круг имел четыре слоя. Фундамент, состоящий из глины и керамических осколков, располагался под кирпичной конструкцией. Диаметр внешней кольцевой структуры составляет 4,63 м, а диаметр внутренней круглой структуры – 3,65 м. Это сооружение располагалось ближе к западной стене, на расстоянии примерно в 20 м от групп построек. Пространство между внутренним и внешним кругом образовало структуру, похожую на русло, по которой течет вода. Хотя цель этой конструкции в настоящее время неясна, предположительно, она функционировала как место для омовения, используемое для религиозных церемоний.

На территории, где проводилось исследование, были выявлены водопроводные и санитарные сооружения разных эпох. Они состояли из трубопровода и каналов, облегчающих сток воды: одни линии, были созданы с использованием обожженного кирпича и труб, а другие линии представляли собой просто вырытые в земле каналы. Предполагается, что трубопроводы использовались для водоснабжения, а каналы – в санитарных целях.

На территории Сельбир изучено более 100 ям, относящихся к античности и средневековью. Интересно, что частота встречаемости ям увеличивается пропорционально удаленности от крепостных стен. По своим функциям ямы можно разделить на хозяйственные ямы, углубления и колодцы. Что касается хозяйственных ям, то соотношение их диаметра к глубине составляет 1:1,5 и обеспечивает большое пространство внутри ямы. На территории Сельбир не было найдено свидетельств наличия внутри ям больших емкостей для хранения, однако факт отдельного хра-

Консервация северных крепостных стен II, VI вв. / Территория Сельбир

Башни южных ворот города IX в. / Территория Гала

Шаровидно-конусовидный сосуд XI–XII вв. (на боку надпись арабскими буквами «Али») / Территория Гала

Фаянсовая чаша XIV–XVIII вв. / Территория Гала

нения разного рода вещей (например, зерна, посуды, оружия, глиняной посуды и др.) внутри строений, позволяет высказать мнение о назначении этих ям. Колодцы, считающиеся ямными структурами, имеют размеры, превышающие 10 м, и являются чрезвычайно глубокими. Диаметры отверстий колодцев составляют 1,3-1,7 м.

Внутригородская водопроводная сеть протянулась по всей исследуемой территории раскопа и продолжается за ее пределами, в северном и южном направлениях. Как и в случае с трубопроводами, эти устройства спланированы для потока воды с севера на юг. Например, на территории Гала, расположенной к югу от территории Сельбир, предположительно, водопровод питался из источников воды из относительно высокой местности, расположенной к северу от территории города. Главная система водоснабжения города, обнаруженная под руководством проф.Г.Джабиева в 2008–2009 гг. вдоль западной окраины Сельбира, играет существенную роль в обосновании этого комментария.

Городской квартал XIV–XVIII вв. / Территория Гала

В ходе исследований на территории Сельбир были также обнаружены средневековые гончарные печи, которые использовались для изготовления посуды. От этой конструкции сохранился только фундамент, состоящий из топки и камеры обжига. Пол и углы топки имеют форму прямоугольника. Было установлено, что на её стенках имеются следы легкого налипания и она соединена с камерой обжига (где находится глиняная посуда). Топка, в основном, находится под землей, а камера обжига находится над землей. Между топкой и камерой обжига имеются отверстия, служащие для передачи тепла. Это служило для обжига керамических образцов, помещенных в камеру обжига или подвешенных на глиняных крючках. Напомним, что ещё в 1961 г. на территории города, называемой Гала, проф.О.Исмизаде обнаружил две [Исмизаде, 1963, с.19], в 2008–2013 гг. проф.Г.Джабиев обнаружил десять гончарных печей, а ранее и одну печь, используемую для изготовления стеклянных браслетов [Cəbiyev, 2003, с.31; Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası, 2014, с.263; Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası, 2015, с.110].

Габалинский археологический центр

Характеристика захоронений

На территории Сельбир были обнаружены различные типы захоронений, в том числе захоронения в деревянных гробах, ямах, на черепице, в кувшинах и в катакомбах. В ходе исследований там были обнаружены и изучены 20 катакомбных захоронений. В катакомбах №1, 8 и 13 были найдены различные виды погребальных принадлежностей. Говоря об их основной характеристике, следует сказать, что, например, катакомба №1 состоит из вертикального шурфа и коридора. Коридор по плану прямоугольный, его длина более 170 см, а ширина равна 100 см. Погребальная камера находится в южной части коридора. Уровни пола коридора и погребальной камеры одинаковы. Пол погребальной камеры круглый в плане и относительно ровный, а потолок погребальной камеры имеет форму полукруглого купола. Длина погребальной камеры составляет около 195 см, ширина – 155 см. Вход в погребальную камеру имеет дверную раму, что говорит о том, что для закрытия входа использовалось деревянное приспособление.

Артефакты, извлеченные из катакомбы №1, включают: из западной части погребальной камеры 11 видов керамической посуды (включая

встроенную чашку), 1 пряжку, 1 бронзовое кольцо; из центральной части погребальной камеры – 1 пряжку, 2 бронзовых браслета, 2 фибулы и более 673 бусин; из восточной части погребальной камеры – 1 керамическую посуду и др. Интересно, что человеческих останков в этой катакомбе не обнаружено, но наличие двух пряжек в разных местах дает основания говорить существовании дополнительных захоронений.

Средневековые ямы, водопроводы и каналы западной части Сельбира были частично разрушены. Катакомба №8 указывает на то, что впоследствии в эту катакомбу как минимум два раза были добавлены захоронения. При первичном захоронении коридор (в виде длинного прямоугольника на плане) выкапывается почти вертикально, имея не менее 4-х шагов. Что касается дополнительного захоронения, то трудно точно определить, как покойный был уложен в погребальной камере. Коридор катакомбы вырыт под углом 30-45°. Эта катакомба длиной 465 см, шириной 170 см была обнаружена на глубине около 4,66 м от поверхности земли. Артефакты, извлеченные оттуда, включают: из южной части погребальной камеры – 1 кувшин с ручками, 1 сосуд с ручками, 1 монету, 2 предмета из бронзы, 7 предметов из железа; из западного угла погребальной камеры – около 50-и железных наконечников стрел и копий; из северной части погребальной камеры – различные артефакты, в том числе 1 большой керамический кувшин с каменной крышкой, 1 сосуд с ручками, 5 кувшинов с одной ручкой каждый, 2 римских стеклянных флакона, 1 железную боевую вилу и др. Внутри большого сосуда были найдены преднамеренно удаленный зуб, 1 украшение, 1 сосуд с ручками, в котором было небольшое количество костей животных. В полу северной части погребальной камеры зафиксировано углубление диаметром 38 см, глубиной 16 см. Внутри него был железный предмет, назначение которого неизвестно. Предполагается, что человеческие кости, обнаруженные в погребальной камере, могли принадлежать женщине.

Катакомба №13 имеет коридор и погребальную камеру с купольной структурой в форме полусферы. На полу погребальной камеры был обнаружен скелет человека. Похороненный человек был помещен в согнутом положении, голова и тело были уложены в восточном направлении, руки прислонены к груди. Рядом с позвоночником скелета был найден браслет, состоящий из черного янтаря, кости, красного агата и стеклянных бусин. За пределами прямоугольной площади, где был найден скелет, были найдены 1 кувшин с двумя ручками и 1 кувшин с четырьмя ручками внутри формы, заполненной серовато-белой почвой высокой твердости.

Напомним, что подобный случай был обнаружен и в катакомбе №8, где после первоначального захоронения была запечатана погребальная камера.

В ходе исследования на территории также был зафиксирован обычай кувшинного погребения. Со временем в неглубокое углубление, прорытое на нижней поверхности, устанавливался большой кувшин. Из-за небольшого размера углубления большой кувшин с трудом был помещён в него, а поскольку он помещали под углом, то его горловина выступала за углубление. Внутри кувшина были найдены останки человека, идентифицированные как женщина средних лет. Исходя из своего местоположения, кувшинное погребение относится к периоду конца античности или периоду начала средневековья. Представляет интерес тот факт, что кувшинное погребение закопали не полностью, а частично. Это единственное кувшинное погребение, обнаруженное на территории Сельбир. Это также могила, которая использовалась в качестве второго захоронения в катакомбе №3. Большой размер кувшина дает основание говорить о том, что умершего возможно было поместить в могилу целиком.

Артефакты, найденные внутри кувшина, включают в себя такие украшения, как ожерелье из различных материалов (кости, стекла, черного янтаря и красного агата), 7 бронзовых колец, серьги из тонких бронзовых прутьев и керамическая посуда с ручками. Бусины, используемые в ожерелье, состоят из следующих: 2 из кости (одна большая, одна маленькая), 1 из керамики, 15 прямоугольных из кости (некоторые из них были обнаружены с нанесенным на них черным органическим веществом), 2 похожие на зубья пилы (стекло или камень), 14 из кости в форме многоугольной трубки, 14 из кости круглые (2 большие, 12 маленьких), 1 из красного агата, 6 в форме зуба из черного янтаря, 1 маленькая раковина каури (полученная путем внешней торговли), 3 из кости в виде хурмы, 1 из стекла в виде хурмы, 2 крупные трубчатые, 1 пара стеклянных бусин.

Для информации отметим, что еще в 60–70-х гг. прошлого века на габалинской территории Гала, то есть перед южными крепостными стенами и к югу от них, а также на территории Камалтепе, в ре-

зультате проводимых исследований были обнаружены и исследованы многочисленные кувшинные погребения, относящиеся к первым векам нашей эры.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие данные по территории Сельбир были собраны в результате раскопок, проведенных за последние 10 сезонов. Они включают в себя информацию о строении и истории крепостных стен города, различные археологические находки, связанные с ремесленными образцами и повседневной жизнью от древности до средневековья, а также особая природа этих находок, их типы и виды захоронений. К таким типам могил относятся катакомбы, захоронения в деревянных гробах, на керамите, земляные могилы. На основании этих сведений можно получить заключения о крепостных стенах города, о различных строительных площадках и ямах, колодцах и структуре водоснабжения, структуре городского пространства Сельбира, об исторической роли и значении этого города, окруженного стеной, о характеристике повседневной жизни на Сельбире и о процессе градостроительства в древней Кавказской Албании.

Можно предположить, что появление катакомб на территории Сельбир (как в Габале, так и в других местах Азербайджана), может быть связано с приходом в Албанию сарматов, массагетов, аланов, начиная с конца I тыс. до н.э. Следует отметить, что обнаружение столь большой концентрации катакомб – очень редкое явление, которое относится к I–II вв. н.э. Идентификация людей, похороненных в катакомбах, найденных на территории Сельбир, а также организация похоронных церемоний в пределах города, окруженного крепостными стенами, являются темами, которые необходимо рассмотреть в будущем. Ясно, что эти археологические свидетельства имеют важное значение для понимания истории Кавказской Албании. В частности, обнаруженная в катакомбе №8 парфянская монета (Артабана II) и печать Сасанидского периода, найденная внутри одного из тендиров, могут рассматриваться как свидетельство интенсивного обмена, который когда-то имел место быть между Кавказской Албанией и Ираном.

Помимо раскопок, с 2010 г. при финансовой поддержке Ассоциации СЕБА периодически ведутся и работы по консервации некоторых памятников под открытым небом. В частности, проведена консервация и сооружена конструкция над раскопанными частями северной стены (490 м^2) и западного квартала (2112 м^2) на территории Сельбир, а также над основанием I овального здания (2376 м^2) на Античной территории.

Надо отметить, что Ассоциацией СЕБА был построен Габалинский археологический центр, открытие которого состоялось 22 сентября 2014 г. при участии Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева. На территории центра расположены 2 выставочных зала (музей), реставрационная лаборатория, археологический фонд, конференц-зал, библиотека и др. Итоги исследований, проводимых в Габале, публикуются в Баку и Сеуле, а также представлены в документальном фильме «Габала – столица Кавказской Албании», подготов-

ЛИТЕРАТУРА:

ленным Баку Медиа Центром по заказу Ассоциации СЕБА.

1. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ (tarixi–arxeoloji oçerk). Bakı: Elm, 1981, 66 s.
2. Cəbiyev Q.C. Azərbaycan keramikası. Bakı: Elm, 2003, 233 s.
3. Исмизаде О.Ш. О гончарных обжигательных печах, открытых в Кабале в 1961 г. // Известия АН Аз.ССР, 1963, №1, с.13-24.
4. История Габалы / Главный ред. Теймур Бунятов. Баку: CBS PP, 2017, 328с.

Ежегодные отчеты:

1. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası 2005–2010. Tapıntılar. Bakı: CBS, 2011, 236 s.
2. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyasının Hesabatları 2005–2010 / Məsul redaktorlar: Teymur Bünyadov, İlyas Babayev, Qafar Cəbiyev, Yi Seon-bok. Bakı: CBS, 2012, 416s.
3. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası 2011–2012. Tapıntılar. Bakı: CBS, 2013, 347 s.
4. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyasının Hesabatları 2011–2012 / Məsul redaktor: İlyas Babayev. Bakı: CBS, 2014, 434 s.
5. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2013/ Məsul redaktor: İlyas Babayev. Bakı: CBS, 2015, 284 s.
6. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2014 / Məsul redaktor: İlyas Babayev. Bakı: CBS, 2016, 227 s.
7. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2015–2016 / Məsul redaktor: İlyas Babayev. Bakı: CBS, 2017, 296 s.
8. Qəbələ Arxeoloji Ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2017–2018 / Məsul redaktorlar: Qafar Cəbiyev, Kim Jongil, Ceyhun Eminli. Bakı: CBS, 2019, 141 s.
9. The Selbir site. vol.I. Seoul: Zininzin, 2017, 276 pp.
10. The Selbir site. vol.II. Seoul: Zininzin, 2017, 447 pp.
11. The Dizakhli kurgan. vol.III. Seoul: Zininzin, 2017, 139 pp.

Мусеибли Наджаф
Заместитель директора по научной работе Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор исторических наук, профессор

Наджафов Шамиль
Ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА АГСТАФЫ

Гянджа–Газахская зона насыщена археологическими памятниками разных исторических периодов. В этом регионе, который является исторической областью одного из древних государств Азербайджана – Кавказской Албании, поселения и погребения античного периода (IV в. до н.э. – III в. н.э.), изучены сравнительно слабо. В целом античные городища Кавказской Албании на территории Азербайджана изучены лучше, чем сельские поселения. Но в начале XXI в. многочисленные небольшие по площади сельские поселения и их могильники албанского периода были исследованы в результате спасательных археологических раскопок, проведенных экспедицией Института Археологии и Этнографии НАНА в связи со строительными работами на маршруте нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) и Южно–Кавказском газопровода (ЮКГ) в 2002–2005 гг. В зоне трубопроводов были выявлены и исследованы грунтовые, кувшиные, срубные и катакомбные погребения, относящиеся к основным типам могил Кавказской Албании.

В данной статье обобщены результаты археологических раскопок, проведенных в те годы на местах античных поселений и погребений, выявленных близ с.Пойлу Агстафинского района. В виду того что, в зоне с.Пойлу было выявлено несколько разновременных поселений, они были зафиксированы под названиями Пойлу I, Пойлу II и Пойлу III. На территории первых двух были исследованы погребения (гробницы) катакомбного типа.

Поселение Пойлу I. Данный памятник расположен к югу от р.Кура, на территории одноименного села, примерно в 500–600 м к северо-востоку от железнодорожной станции Пойлу Агстафинского района. Поселение Пойлу I, расположенное на 409,1 км, маршрута трубопроводов, на высоте 215 м. над уровнем моря, является многослойным. До строительства трубопроводов наличие археологического памятника в этом районе не регистрировалось. Это связано с тем, что на поверхности не было обнаружено никаких признаков, которые могли бы привлечь внимание со стороны. Поселение было обнаружено группой археологического мониторинга во время снятия с помощью техники верхнего слоя почвы. Вся окружающая территория используется для посадки растений. Рядом можно найти даже развалины недавних построек и фундаменты домов [Nəcəfov, 2006, s.7].

Общая площадь поселения около 1 га.

Во время процесса раскопок, который пришелся на зимние месяцы, на некоторых квадратах исследованного участка (1, 2, 3A) не удалось продолжить раскопки до конца культурного слоя, потому что после определенной глубины здесь появились грунтовые воды [Nəcəfov, 2006, s.7].

Археологические раскопки в поселении Пойлу I велись на полосе шириной 4 м, то есть непосредственно в зоне укладки нефтепровода БТД. На одних квадратах раскопки велись на глубину 70–80 см, на других – 1,2–1,3 м [Nəcəfov, 2011, s.44].

В результате раскопок выяснилось, что на территории памятника находятся материальные и культурные остатки позднего энеолита, античности и средневековья.

Часть культурного слоя от современной поверхности земли до глубины 40 см богата материальными остатками средневековья. Этот культурный слой был практически разрушен и перемешан за многие годы сельскохозяйственных работ. За этим слоем следует слой почвы около 5 см, местами насыщенный золой и остатками угля.

От 40 см до 80 см, а местами и до глубины 1 м наблюдается культурный слой античности.

Культурный слой богат качественными керамическими образцами, а также печами, которые характерны для периода античности. Исследовав культурный слой античного периода по всей площади раскопок, становится ясно, что на некоторых квадратах он нарушен и выглядит смешанным с материалами, принадлежащими к первому культурному слою. Например, в квадратах 7, 8, 13 на глубине 60–70 см были обнаружены образцы керамики как античной, так и средневековой эпох [Nəcəfov, 2006, s.10].

Керамика. Выявленные в античном культурном слое поселения Пойлу I керамические образцы в основном, представлены фрагментами сосудов высокого качества. Это фрагменты от таких типов сосудов как: горшки, кувшины, крынки, маслобойки, корчаги и другие, изготовленные из чистой без примеси глины, красного, черного, розового и серого цветов (Рис. 1-2). Горлышки этой тонкостенной посуды украшены методом вдавливания и насечек. Горловина от одной крынки была слабо выраженной и фактически являлась продолжением корпуса, а горлышко у большинства фрагментов кувшинов, наоборот, имеют богатый дизайн.

Большинство фрагментов горловин посуды украшены вдавленными в разные стороны вмятинами и кружками [Nəcəfov, 2006, s.15-16]. Обнаружены три хорошо отполированных экземпляра (фрагменты чаш, кувшинов и чашек). Встречаются также фрагменты средневековой расписной посуды.

В ходе раскопок встречались и части больших *хозяйственных кувшинов*. Практически все они представляют собой фрагменты горловин, корпуса и основания сосудов. По этим фрагментам было определено, что кувшины были толстостенными и изготовлены из глины с примесью крупного и мелкого песка, а также мелкого гравия. Толщина выявленных фрагментов варьируются от 0,9 до 1,8 см. Бытовые корчаги, обожжены при нестабильной температуре, имеют небольшое плоское основание, грушевидный корпус, цилиндрическое горлышко и отогнутый наружу край горловины. Часто их корпус имеет орнаментальную полосу в виде процарапанных или врезных волнистых линий. Обнаружены только корпуса и основания этих корчаг, которые помещались вертикально в землю и долгое время использовались для хранения зерновых продуктов. Отсутствие горловин у этих сосудов можно объяснить тем, что территория памятника систематически распахивалась, и в результате, верхние части этих корчаг нередко полностью были сломаны и, видимо, вместе с крупными камнями были удалены с поля.

Горшки, найденные в поселении Пойлу I, были, в основном, представлены темно-серыми, а иногда и черными фрагментами. Они круглые и разных размеров. Встречаются также фрагменты горшков с узким горлышком. По фрагментам видно, что поверхность горшков хорошо залощена. Края горловины обычно отогнуты наружу. Горшки составляют значительную часть сосудов античного периода поселения Пойлу I. Они в основном толстостенные, с плоскими основаниями и сделаны качественно. Они просты и обычно художественно не оформлены [Nəcəfov, 2006, s.15-16].

Определенная часть античной керамики поселения Пойлу I представляет собой фрагменты кувшинов. В основном кувшины были удлиненные, с плоским основанием и узким горлышком. Ручки кувшинов, соединяющие край венчика с корпусом, имеют округлую и лентообразную форму (Рис. 1.13; 2.7-11). Глина такой посуды хорошо отмучена, качественно обжжена, а на поверхность нанесен тонкий слой ангоба.

Образцом может служить очень качественно изготовленный кувшин, который был найден в античной катакомбной гробнице. Его горловина имеет желобок, а поверхность хорошо отполирована (Рис. 4.6). Следует отметить, что такие кувшины с желобком, а также фрагменты посуды, редко встречались в поселении Пойлу I. Ф.Л.Османов считает что кувшины с желобком на горлышке, с отогнутым на все четыре стороны четырехлепестковым горлышком и с шарообразным корпусом являются типичными для первых периодов Кавказской Албании [Osmanov, 2006, s. 57]. Такие кувшины позже во II в. до н.э. – I в. н.э. были заменены на шарообразные с трехлепестковым горлышком или с горлышком в форме утиного клюва. Они привлекают внимание своей элегантностью, качеством, эстетичностью [Qazıyev, 1960a; Osmanov, 2006].

Некоторые из кувшинов античного периода с шаровидным корпусом и узким горлышком, найденные на территории Агстафинского района, часто встречаются в памятниках раннего железного века на территории Газахского района [Xəlilov, 1958, I таблица, рисунок 3, II таблица, фото 1, 3, 4; 17, III таблица, рисунок 1]. Хотя они отличаются по времени и стилю изготовления, они похожи по составу глины и орнаментации.

Античные *чаши* из поселения Пойлу I были изготовлены из состава глины, с примесью мелкого

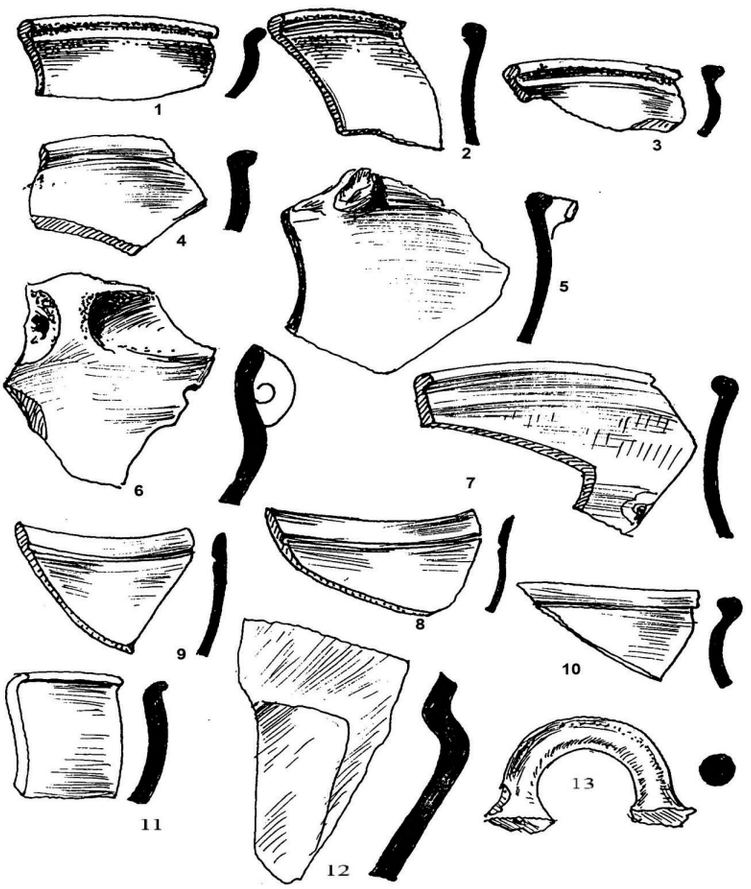

Рис. 1. Античная керамика поселения Пойлу I

песка, и хорошо обожжены (Рис. 2.1). На чашах орнамент отсутствует.

Небольшие фрагменты, в основном серых, тонкостенных, с толстыми основаниями маслобоек (всего 3), представлены частями горловины и верхней половиной корпуса. Корпус и основание серой маслобойки, найденные на глубине 75 см в 8-м квадрате, находятся в хорошем состоянии. Посуда такого типа как *ковш* и *чашечка-светильник,* в основном, была найдена в 15 квадрате поселения Пойлу I и в катакомбной гробнице. Некоторые из этих предметов – толстостенные, грубые, и подвергнутые обжигу при нестабильных температурах. Наличие густой сажи и следов горения на чашах-светильниках свидетельствует о том, что они широко использовались в повседневной жизни [Nəcəfov, 2006, s.14-15].

Глиняных *чашек* в поселении Пойлу I выявлено мало. Они серо-черные, с маленькими ручками. Изготовленные грубо, при нестабильных температурах обжига, чашки имеют широкую горловину, слегка сдавленный, широкий корпус и относительно узкое прямое основание. Такие глиняные чашки обычно имеют одну-две ручки. Иногда встречались и образцы глиняных чашек с одинарной, двойной ручкой [Osmanov, 2006, s.22].

Немногочисленные фрагменты глиняной посуды в форме *фиалы*, найденные в античном слое поселения Пойлу I, имеют преимущественно светло-красный цвет. Чаще всего они представлены фрагментами корпуса или основания. У них толстые стенки и высокое качество обжига. Среди обломков керамики античного слоя поселения также обнаружены фрагменты темно-красной посуды в форме *вазы*. У них чашеобразный корпус и приплюснутое основание. Эта ваза, состоящая из фрагментов нескольких горшков одинаковой формы, имеет одно целое и одно сломанное основание. По остаткам разбитого основания посуды было установлено, что оно было изготовлено отдельно, а затем присоеденено к корпусу. Элементы узора на фрагментах керамики в форме ваз встречаются редко.

Фрагменты глиняной посуды в форме *кувшинов* также немногочисленны. Края венчиков кувшинов частично отогнуты наружу, а верхняя часть корпуса вогнута внутрь. Фрагменты кувшинов, найденные и в античном поселении Гираг Касаман II, этого же региона, несколько отличаются от фрагментов кувшинов, найденных в поселении Пойлу I [Müseyibli və b., 2008; Müseyibli və b., 2012, s.185]. Они различаются по технологии изготовления, и более изящны. Таким образом, хотя найденные в поселении Пойлу I кувшины имеют ту же форму, они более грубые.

Фрагмент венчика керамического сосуда, относящегося к типу широкогорлого кувшина, декорирован вдавленной бороздкой и отверстиями. Наискосок к месту крепления ручки к корпусу имеется лепка в виде

трех круглых пуговиц, расположенных на одинаковом расстоянии в одном направлении. Такой тип посуды широко использовался в Шеки–Загатальском регионе [Казиев и др., 1969; Халилов, 1985] и в Ширване, в частности в Агсу [Османов, 2006].

Встречаются и фрагменты больших *мисок*, наружная поверхность которых украшены насечками и врезными линиями. Внутренняя поверхность некоторых мисок украшена врезными прямыми линиями, проведенными от основания к краю венчика, а между ними – волнистыми линиями. Такой тип посуды, в основном, представлен фрагментами верхнего края. Основываясь на этих фрагментах, можно сказать, что миски были относительно аккуратно изготовлены из глины с примесью мелкозернистого песка и хорошо обожжены. В основном фрагменты светло-красного цвета. На поселении помимо керамики были найдены орудия из камня и железа, а также бусы из агата и пасты.

Античные находки поселения Пойлу I, особенно керамика, в целом идентичны материалам других памятников Кавказской Албании того периода. В этом плане керамика Пойлу I является дополнительным фактологическим материалом для изучения албанской керамики во всем ее разнообразии. В то же время сравнительный анализ показывает, что античная керамика, являясь среди всего археологического материала, основным источником информации этого периода, по своим техническим и типологическим особенностями имеет много аналогий с керамикой предыдущего периода – поздней бронзы–раннего железного века. По целому ряду признаков она является продолжением основных технологических и художественных традиций, которые сложились в период поздней бронзы и раннего железа в массовом керамическом производстве. Все эти материальные факты, свидетельствуют о прямой преемственности между Ходжалинско-кедабекской культурой Азербайджана и материальной культурой албанского периода, а следовательно Албанское государство является прямым преемником традиций предыдущего периода. Такая связь прослеживается и в основных типах могил и обрядах захоронения, распространенных в регионе.

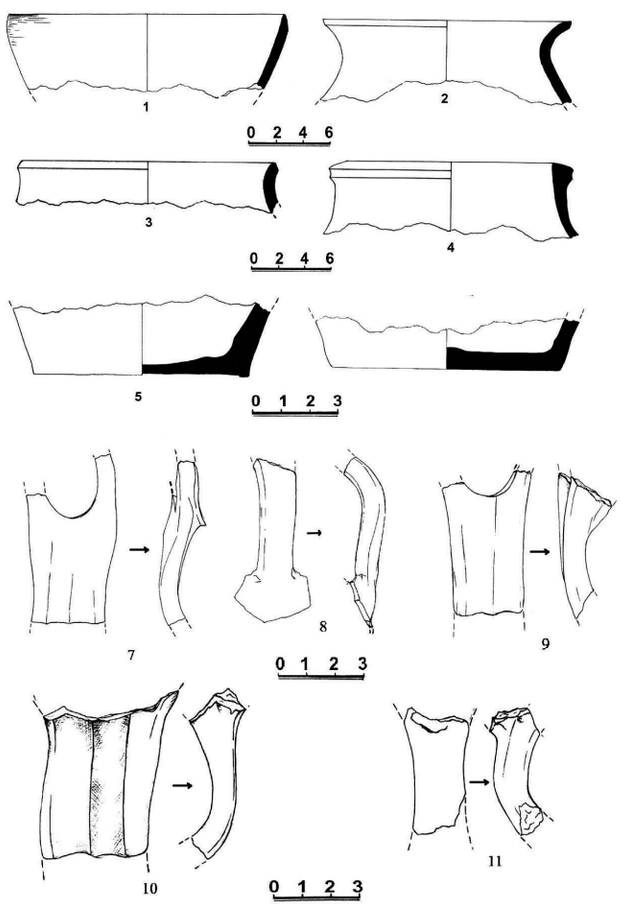

Рис. 2. Античная керамика поселения Пойлу I

На территории поселения Пойлу I было исследовано и одно погребение катакомбного типа (Рис. 3).

Погребение №1. Почва в зоне захоронения представляла собой смесь гравия и песка. Овальная могильная камера имеет длину – 1,45 м и ширину 1,25 м. Могила была обнаружена на глубине 1 м от современной дневной поверхности. Глубина самой камеры была 35 см. Дромос, примыкающий к могиле с северо-востока, был длиной 1 м и шириной 90 см. В могиле похоронен ребенок. По положению скелета видно, что слегка согнутый труп был положен в могилу на левой бок, лицом, повернутым на север [Nəcəfov, 2011, s.46-47]. Вокруг черепа трупа, который был погребен в направлении восток–запад, поместили три небольших речных камня. Два куска обсидиана были найдены на верхней части

Рис. 3. Пойлу I: Катакомба № 1

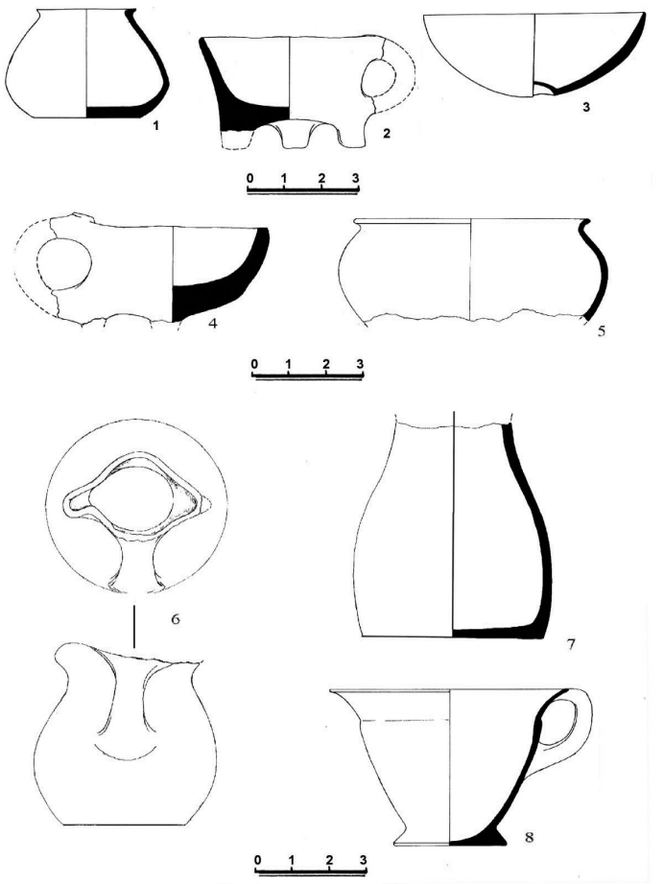

Рис. 4. Пойлу I. Глиняные сосуды, найденные в катакомбе № 1

черепа и один на спине. На обсидиановых кусках следов обработки не было. В погребальной камере было обнаружено восемь керамических сосудов (Рис. 4). Только один из них, небольшой горшок, остался цел. У других были трещины в разных частях. Глиняная посуда состояла из тонкостенной чаши, светло–красного горшка, покрытого желтым ангобом, черного трехногого светильника, чарки, чашки, крынки, миски и кувшина [Nəcəfov, 2006, s.11-12].

Погребения в поселении Пойлу II. Памятник расположен на равнине, восточнее железнодорожной станции Пойлу. Верхняя часть памятника и прилегающие к нему участки, расположенные примерно в 2,5 км к югу от русла Куры, уже много лет используются как пахотные земли. По этой причине археологические материалы разных периодов, в верхних слоях были обнаружены перемешанными. Культурный слой памятника без внешних признаков расположен ниже современной поверхности земли [Müseyibli, 2008, s.6].

По ареалу разброса подъемного материала установлено, что площадь поселения Пойлу II составляет около 1 га. Памятник был заселен в эпоху позднего энеолита, ранней бронзы, поздней бронзы и средневековья. Кроме того, в культурных слоях поселения были обнаружены античные могилы и места, где ритуально хоронили животных.[1]

Погребение № 3. Оно было найдено на глубине 1,4 м в центре квадрата 7 (Рис. 5). Могила катакомбного типа имела округлую форму и диаметр 1,4 м. Дромос, примыкающий к гробнице с юго–востока, имеет длину 1 м, ширину 60 см и глубину 20 см. В гробнице голова трупа повернута на юг, ноги на север, лицо обращено на восток, руки и ноги скрещены. Голова умершего была слегка деформирована. В 20 см к востоку от сустава колена был помещен сосуд в форме горшка (Рис. 6.1). Он изготовлен из перемешанной с песком, хорошо отмученной красной глины, край горловины был отогнут наружу. Сосуд имеет шарообразный корпус и широкое плоское основание. Перед обжигом на его корпусе была изображена 1 крестообразная метка [Müseyibli, 2008, s.8].

Погребение № 4. Обнаружено на пересечении квадратов 2 и 3, в нижней части северной стены раскопа, на глубине 1,8 м. В могильной камере были обнаружены два античных керамических сосуда. Их нашли лежащими на боку. Ленточная ручка бурого сосуда кувшенообразного типа соединяла корпус с краем горлышка (Рис. 6.2). Край горлышка рифленый. Сосуд имеет шарообразный корпус и плоское основание. Второй красновато–бурый кувшенообразного типа сосуд имел короткую горловину, выпуклый корпус и плоское основание (Рис. 6.3). Ручка кув-

[1] *В статье представлены только могилы, исследованные одним из авторов (Н.Мусеибли).*

шина выступает чуть выше края горлышка. Других материалов в погребальной камере не обнаружено. На такой глубине определить границы могильной камеры и тип погребения не удалось из-за влияния грунтовых вод. Скорее всего, место, где были обнаружены эти сосуды, было лишь частью погребения [Müseyibli, 2008, s.8-9].

Помимо могил, античного периода в поселении Пойлу II были обнаружены и места ритуального захоронения животных, относятся к тому же периоду, что и отмеченные погребения.

Поселения Пойлу I, и Пойлу II многослойные. При определении возраста памятников были учтены результаты анализа самого археологического комплекса, сравнительный анализ выявленных образцов материальной культуры и результаты радиоуглеродного анализа.

Следует отметить, что найденные в этих памятниках археологические материалы, особенно керамика, имеют ряд черт характерных для керамики середины I тыс. до н.э. В основном это небольшие горшки темно–серого или черного цвета. Некоторые из них имеют выпуклости на корпусе. Такие сосуды особенно характерны для памятников Азербайджана этого периода. Подавляющее большинство керамических изделий, найденных в культурном слое поселения Пойлу I, было грубым. Однако, как уже упоминалось, фрагменты, найденные в некоторых квадратах, особенно из хозяйственных колодцев, относятся к тонкостенным сосудам очень тонкой работы.

Гончарный круг широко использовался в этом регионе до и после античности. В то же время, в период античности, керамические сосуды делали на гончарном круге в соседних с Албанией странах. Как известно, античная керамика Кавказской Албании, в основном, создавалась вручную без использования гончарного круга. Главной особенностью керамики кавказских албанцев в период античности считалось не использование гончарного круга, а ручная работа. Не исключено, что сложные специфические формы многих типов керамических сосудов Кавказской Албании делало невозможным их получения при использовании гончарного круга. Однако, часть античной керамики, найденной в южных регионах Кавказской Албании – в памятниках Гаракобара в Агджабадинском районе и Аликомектепе в Джалилабадском районе – была изготовлена на гончарном круге [Müseyibli və b., 2012, s.186]. Среди памятников центральных провинций Албании, при раскопках ее столицы Габалы, в эллинском слое, были так же обнаружены отдельные фрагменты керамики, изготовленные на гончарном круге [Бабаев, 1990, с.136]. Эти явления можно объяснить локальными, региональными особенностями гончарного искусства того времени, и его связями с соседними регионами [Müseyibli, Axundova, 2007, s.60].

Можно провести ближайшие параллели рассмотренных нами керамических изделий, найденных как в этих поселениях, так и в их могильниках, и теми, которые были найдены в Ялойлутепе, Мингячевире, Габале, Шемахе, Джафархане и во многих других античных памятников Азербайджана [Пассек, 1946; Исми-

Рис. 5. Катакомба № 3 в Пойлу II.

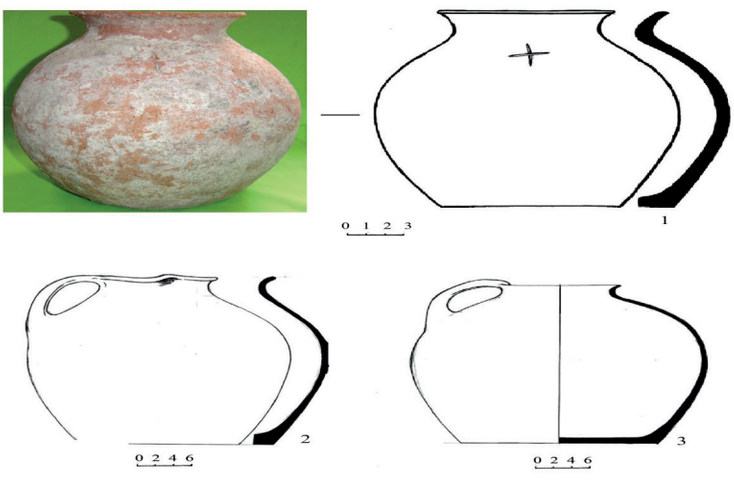

Рис. 6. Глиняные сосуды, найденные в Пойлу II:
1– катакомба № 3;
2, 3 – погребение № 4.

заде, 1956; Qazıyev, 1960; Халилов, 1985; Osmanov, 2006].

Весьма вероятно, что именно в районе поселения Пойлу I верх некрополя III–I вв. до н.э, и расположенное по соседству поселение, относящиеся к этому некрополю, спустя время были покрыты культурным слоем, сформировавшимся в I в. до н.э. – III в. н.э. Центральная часть имеющего древний слой поселения, которая непосредственно связана с могилами, вероятнее всего, расположена к югу и юго-западу от нынешнего места раскопок.

Археологические раскопки в Гянджа–Газахском регионе в связи с проектами строительства БТД и БТЭ сыграли важную роль в обнаружении античных грунтовых и кувшинных могил. Раньше сведения об античных погребениях региона были очень поверхностными и случайными, но в результате этих раскопок были собраны богатые фактические полевые материалы. Античные погребения Пойлу I и Пойлу II относятся к так называемой Ялойлутепинской культуре. Между этими и многими другими аналогичными памятниками Ялойлутепинской культуры есть и ряд сходств и некоторые отличия.

Могилы ранней античности в Пойлу I покрыты культурным слоем поселения, относящемуся к более позднему этапу античности. Похожая ситуация наблюдалась и в двух других, ранее исследованных в Азербайджане античных памятниках. В результате появления в конце II в. н.э., на территории современного с.Хыныслы Шемахинского района, античного поселения, его культурный слой покрыл более древнее поселение IV–III в. до н.э. и могилы II в. до н.э. – II в. н.э. [Xəlilov, 1965, s.83]. Такая же ситуация наблюдалась и в другом памятнике албанского периода – Агязи в Загатальском районе. Ф.Махмудов считает, что эти могилы относятся к I в. до н.э., а слой поселения, покрывший эти могилы, относится к I в. н.э. [Mahmudov, 1965, s.138, 140]. Однако, исходя из характеристик керамики, погребения Агязи можно отнести к более раннему этапу Ялойлутепинской культуры.

Эти факты наглядно демонмтрируют тот факт, что, в отличие от предыдущего исторического этапа, в период античности, в Албании, могильники располагались в непосредственной близости от населенных пунктов. Со временем, в результате расширения территорий поселений их культурный слой покрывал определенную часть более ранних могильников.

Радиоуглеродный анализ костей из ямы ритуального захоронения животных в поселении Пойлу II, показывает I–III вв. н.э. (Таблица 1).

Находки античных могил Пойлу I и Пойлу II близки к материалам могил Нюгеди [Osmanov, 2006, s.46-52], Ялойлутепе [Шарифов, 1927; Исмизаде, 1956], Габала [Казиев и др., 1969, с.376-378], Шеки [Osmanov, 1970, s.21-25], Агязи [Mahmudov, 1965, s.131-144], Шамахы [Xəlilov, 1961, s.31-47], Джафархан [Пассек, 1946], Борсунлу [Qoşqarlı və b., 2003], Алазанской долины на территории Грузии. Подобные примеры характерны и для античных могильников Шеки–Загатальского региона, а также Мильской и Муганской равнин. По сходству материально–культурных остатков один из упомянутых выше регионов является особенно близким к рассмотренным в данной статье материалам. Это инвентарь из кувшинных могил Мингячевира [Qazıyev, 1960]. Эти аналогии отражают экономическое, культурное, территориальное, единство местного населения, связанное, видимо, с определенным общим этническим составом [Osmanov, 2006, s.51].

Таблица 1

Участок	Контекст	Лаборатория №	Измеренный радиоуглеродный возраст	Соотношение 13C / 12C	Условный радиоуглеродный возраст	Материал	2 сигма вероятность 95%	1 сигма вероятность 68%
KP 408.8	Kv 5. Уголь	Beta 226241	1930+/-40 BP	-24.4 o/oo	1940+/-40 BP	Уголь	Cal BC 30 to Cal AD 130	Cal AD 20 to 90
KP 408.8	Kv 4. Яма 2. Скелет животного	Beta 220998	1760+/-40 BP	-18.2 o/oo	1870+/-40 BP	Кость	Cal AD 60 to Cal AD 240	Cal AD 90 to 220

Как видно, могилы катакомбного типа античного периода были раскопаны в Пойлу I и Пойлу II. Такие могилы занимали определенное место в погребальных обрядах населения некоторых регионов Евразии в разные исторические периоды.

В каждом регионе, и в различные исторические эпохи, их структура также была разной.

Краткое заключение по поводу ареала распространения катакомб на Ближнем Востоке и Кавказе состоит в том, что самые древние катакомбы относятся к VI–V тыс. до н.э. и применялись в Месопотамии [Мерперт, Мунчаев, 1982].

Древнейшая катакомба на территории Азербайджана в Габалинском районе датируется первыми веками IV тыс. до н.э. Она была обнаружена в нижнем слое поселения Галаери. В этой могиле похоронен ребенок 4–5 лет [Museibli, 2016]. С того периода и до первых веков I тыс. н.э. погребения катакомбного типа в Азербайджане не фиксировались. На прикаспийских территориях Дагестана исследованы многочисленные катакомбы эпохи бронзы – III–II тыс. до н.э. [Магомедов, 2000].

Помимо типологических различий между всеми этими катакомбами периодов халколита и бронзы, также не прослеживается и никаких географических, хронологических и культурных связей. В то же время все эти катакомбы не имели ничего общего и с катакомбными погребениями античного периода.

Во второй половине I тыс. до н.э. захоронения в катакомбах были основным погребальным обычаем сарматских и аланских племен на Северном Кавказе. Эти племена распространились на Северный Кавказ из Южного Урала и Поволжья [Смирнов, 1975].

Катакомбы в Азербайджане были частью погребальной традиции в поздней античности – раннем средневековье (I–VII вв.). Этот тип погребений известен в основном по раскопкам Мингячевира в 1946–1953 гг. (более 200). В последующие годы катакомбные могилы были обнаружены в Гахском, Газахском и Гусарском районах. Некоторые из катакомб Мингячевира и катакомб Гусара относятся к раннему средневековью. Изучено пять античных катакомб в Гахе и только одна в Газахе. Поэтому основной базой для исследований являются катакомбы Мингячевира [Гошгарлы, 2012, с.82-84].

Катакомбы первого этапа – античного периода в Мингячевире имеют длинный узкий дромос и куполообразное покрытие. Нижняя часть гробниц имеет эллипсовидную, овальную или прямоугольную форму, а верхняя – куполообразную [Гошгарлы, 2012, с.84]. Изученные нами катакомбы в Пойлу также относятся к первому этапу распространения подобных захоронений в Азербайджане – к первым векам нашей эры, и по структуре близки к катакомбам Мингячевира этого периода.

Один или, в редких случаях, несколько трупов были захоронены в катакомбах Мингячевира и других подобных ранних могилах. Трупы клали на бок с согнутами ногами или на спину. Позднее в Азербайджане, точнее в Албании, захоронения в катакомбах совершались в больших кувшинах, на деревянных настилах или настилах из сырцового, а иногда и обоженого кирпича. В катакомбе Бабадервиш Газахского района из глины сооружена подстилка прямоугольной формы для захоронения умершего [Qazıyev, 1953, s.18; Əliyev, 1969, s.54-55; Гошгарлы, 2012, с.84-85]. Настил для захоронения в катакомбах Пойлу не обнаружен.

Одним из интересных моментов является искусственная деформация черепа группы людей, захороненных в катакомбах. Так, захоронения людей с деформированными черепами появились на Южном Кавказе – в Грузии (Иберии) и Азербайджане (Албании) в первые века нашей эры. Впервые на территории Азербайджана деформированные черепа были зафиксированы у лиц, погребенных в катакомбных могилах Мингячевира. В то время деформация черепов считалась этническим признаком для аланских племен, проживавших на Северном Кавказе и в районе, близком к этому региону в зоне проходов Большого Кавказа и на территориях, прилегающих к этим проходам [Алиев, Асланов, 1975, с.74; Гошгарлы 2012, с.85]. Вместе с тем следует отметить, что все обыкновенные и деформированные черепа в Мингячевирских катакомбах являются долихокранными и соответствуют локальным антропологическим типам, распространенным на Южном Кавказе с древних времен [Касимова, 1960, с.61, 85].

В катакомбе №3 Пойлу II также был похоронен человек со слегка деформированным черепом. Этот череп также относится к долихокранному типу.

Один из основных вопросов, связанных с катакомбами, заключается в том, где и как этот тип могил и погребальный обычай распространился в Азербайджане. Хотя по этому поводу нет единого мнения, ни один автор не отрицает, что этот тип погребений был завезен на территорию Азербайджана. И.Алиев и Г.Асланов писали, что катакомбы Мингячевира принадлежали сармато–аланам, а

точнее племенам алан, пришедшим на юг из Северного Кавказа в начале нашей эры. Авторы обосновали свои идеи, опираясь на данные письменных источников о походах этих племен, типологическом строении Мингячевирских катакомб, обрядах захоронения, археологических находках и антропологических факторах [Алиев, Асланов, 1975].

Их оппонент Дж.Халилов писал, что способ захоронения в катакомбах был завезен в Азербайджан с юга. По его словам, захоронения в катакомбах Мингячевира совершались в кувшинах и в срубах, в соответствии с местными, албанскими обычаями, также инвентарь этих могил является продуктом местного производства, а со временем захоронения в катакомбах в Албании стали одним из погребальных обрядов аборигенов этой территории. По мнению исследователя, обнаружение привозных находок в этих могилах является результатом культурно–экономических связей албанского населения [Халилов, 1985, с.101-103].

По словам И.Бабаева, хотя древние катакомбы Мингячевира принадлежали аланам, они были очень сильно ассимилированы. В этих катакомбах погребения в кувшинах и в деревянных срубах чужды чисто сарматским захоронениям. Сармат–аланские элементы более ярко проявляются в катакомбах Мингячевира более позднего периода, IV–VII вв. [Бабаев, 1990, с.117].

Г.Гошгарлы проанализировал и обобщил результаты всех исследований катакомбных погребений на территории Азербайджана. Исследователь не согласен с тем фактом, что обычай захоронения в катакомбах был принесен с юга-и в этом он прав. Отсутствие таких могил в Нахчыване или в юго–восточной Прикаспийской зоне Азербайджана, обнаружение древних катакомб только в бассейне Куры, особенности погребальных обрядов и археологические материалы в этих могилах показывают, что представления о южном направлении необоснованны. Г.Гошгарлы проанализировал как данные письменных источников, так и данные материальной культуры – типологические особенности катакомбных захоронений, археологические материалы, и пришел к выводу, что этот погребальный обычай был принесен в Албанию пришедшими с севера алано–сарматскими племенами. Автор справедливо отмечает, что при анализе этнической принадлежности этих могил, не следует учитывать только факт военных походов. Потому что участники военных походов не могли создать могилу такой сложной конструкции, так как постройка требует длительного времени. Таким образом, речь идет о населении, которое поселилось здесь давно и имело тесные контакты с автохтонами [Гошгарлы, 2012, с.114-119].

Соглашаясь с этими доводами, нельзя не отметить и тот факт, что обряд захоронения в могилах катакомбного типа, привезенный в Албанию алано–сарматскими племенами, постепенно приобрели местные черты и стали одним из местных погребальных обычаев, правда, только в отдельных районах Албании. Катакомбные могилы, раскопанные в Пойлу, также несколько расширили базу данных о погребальных обычаях, и, о распространении в Азербайджане погребальных памятников этого типа в античный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Əliyev V. Babadərvişdə katakomba qəbri // Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 1969, №4, s.54-62.
2. Xəlilov C.Ə. Xınıslı qədim yaşayış yeri // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (ictimai elmlər seriyası), 1961, №3, s.31-47.
3. Xəlilov C.Ə. Xınıslıda arxeoloji qazıntıların ilk nəticələri haqqında // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti, VI cild, Bakı, 1965, s.78-90.
4. Xəlilov C.Ə. Qazax rayonunun Qazaxbəyli kəndi yaxınlığındakı qədim qəbiristanlıq haqqında // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (ictimai elmlər seriyası), 1958, №2, s.29-40.
5. Qazıyev S.M. İki küp və iki katakomba qəbri // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti, III cild, Bakı, 1953, s.5-35.
6. Qazıyev S.M. Mingəçevir arxeoloji həfriyyatı küp qəbirləri albomu. Bakı: Elm, 1960, 26 s.
7. Qazıyev S.M. Vardanlı arxeoloji qazıntılarınının hesabatı (1956-cı il) // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (ictimai elmlər seriyası), 1960a, №4, s.25-52.
8. Qoşqarlı Q.O., Müseyibli N.Ə., Aşurov S.H. Borsunlu kurqanı. Bakı: Elm, 2003, 81 s.
9. Mahmudov F.R. Ağyazı düzənliyində Yaloylutəpə mədəniyyətinə aid abidə / Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti, VI cild, Bakı, 1965, s.131-144.
10. Müseyibli N.Ə., Axundova G.K. II Qıraq Kəsəmən antik dövr nekropolunda arxeoloji qazıntılar // Azərbaycan arxeologiyası, №3-4, 2007, s.53-65.
11. Müseyibli N.Ə. BTC boru marşurutunun 408.8 km-də yerləşən II Poylu yaşayış məskənində aparılmış qazıntıların geniş elmi hesabatı (AMEA AEİ). Azərbaycan – Bakı, 2008, 74 s.
12. Müseyibli N.Ə., Kvaçidze V.A., Nəcəfov Ş.N. BTC marşurutunun 406-cı km-də II Qıraq Kəsəmən abidəsində 2005-ci ildə aparılmış arxeoloji qazıntıların geniş elmi hesabatı (AMEA AEİ). Azərbaycan – Bakı, 2008, 60 s.
13. Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., Axundova G.K. II Qıraq Kəsəmən Antik dövr yaşayış məskənində arxeoloji qazıntılar / Antik və Orta əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları. 27–28 oktyabr 2010 il. Bakı: "Çaşıoğlu", 2012, s.182-196.
14. Nəcəfov Ş.N. BTC marşurutunun 409.1 km-də yerləşən I Poylu yaşayış yerinin qazıntısı barədə qısa elmi hesabat (AMEA AEİ). Azərbaycan – Bakı, 2006, 41 s.
15. Nəcəfov Ş.N. I Poylu yaşayış yeri // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası, №1, 2011, s.44-58.
16. Osmanov F.L. Ağsu ərazisində arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: "Adiloğlu", 2006, 164 s.
17. Osmanov F.L. İsmayıllı rayonu ərazisində 1970-ci il arxeoloji tədqiqatlarının hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu, Çöl tədqiqatları şöbəsi, № H47.
18. Алиев И.Г., Асланов Г.М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато–массагето–аланского круга в первые века нашего летоисчисления / Материалы по археологии и древней истории северной Осетии. Т.III. Орджоникидзе, 1975, с.72-88.
19. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
20. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
21. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура / Отв. ред. Б.Пиотровский. Баку: АН Аз.ССР, Интут Истории, сектор археологии и этнографии, 1956, 132 с.
22. Казиев С.М., Бабаев И.А., Османов Ф.Л. Работы Кабалинской экспедиции / Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с.376.
23. Касимова Р.М. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку, 1960, 134 с.
24. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в приморском Дагестане. Махачкала, 2000, 120 с.
25. Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) / Археология Старого и Нового света. М.: «Наука», 1982, с.28-49.

26. Пассек Т.С. Джафарханский могильник (археологические разведки в Муганской степи) // Вестник древней истории, 1946, №2, с.169-188.
27. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношения к катакомбам Северного Кавказа / Материалы по археологии и древней истории северной Осетии. Т.III. Орджоникидзе, 1975, с.13-20.
28. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 277 с.
29. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд 1926 г.). Материалы Азербайджанского Государственного Музея. Баку, 1927, 32 с.
30. Museibli N. Some issues on general features of the Leilatepe culture // Azerbaijan archaeology and ethnography, №2, 2016, pp.15-22.

Алиев Тавакkюль

Заведующий «Сектором полевых исследований» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

АЛБАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ НАРГИЗТЕПЕ

Комплекс археологических памятников Наргизтепе в Ходжавендском районе занимает особое место среди материальных памятников культуры Азербайджана. Центральный памятник этого комплекса, получивший название «Возвышенность Наргизтепе», расположен на пересечении предгорий Карабахского хребта с Мильской равниной, в 0,7 км к юго–востоку от реки Хонашен, на естественном холме на высоте 217 м над уровнем моря (Рис. 1). Его высота 8 м, площадь около 1,3 га, координаты: 39°51’46’’ с.ш., 47°12’38’’ в.д. Еще в середине XX в. руководитель Азербайджанской (Оренгалинской) экспедиции А.А.Иессен зарегистрировал многослойный памятник Наргизтепе, основываясь на керамических образцах эпохи средней бронзы и культуре кувшинных погребений античного периода [Иессен: 1965, с.19]. Возвышенность Наргизтепе, имеющая стратегическое значение, на протяжении долгого времени – 28 лет (1992–2020 гг.), будучи частью Верхнего Карабаха, находилась под контролем Азербайджана.

Комплекс археологических памятников Наргизтепе занимает большую территорию диаметром около 5 км. Здесь памятники различных периодов словно были выстроены рядом друг с другом. Они состоят из оборонительных и гражданских строений, поселений и разнотипных погребальных памятников (курганов, каменных ящиков, грунтовых и кувшинных погребений). В качестве строительных материалов использовались обломки скальных пород, круглой формы мелкие и крупные речные камни, сырец и обожженый кирпич. Строительные камни предшествующих периодов стали материалом для строительства в последующих периодах.

Разведочно-поисковые работы вокруг Наргизтепе показали непрерывность жизни в этом районе, начиная с конца эпохи бронзового века. Здесь для эпохи поздней бронзы–раннего железа в основном характерны оборонительные стены, в том числе циклопические сооружения и образцы чернолощенной высококачественной керамики. Окруженная рвом и земляным валом крепостная стена длиной более 50 м выстроена из крупных и необтесанных скальных пород. При возведении стены не использовался никакой связующий раствор. В связи с этой особенностью описанные фрагменты крепостной стены, более известные в Азербайджане, как «циклопические сооружения», входят в ряд классических цилопических сооружений, широко распространенных в Нахчыване, Западном Азербайджане, Кедабеке, Дашкесане и других регионах [Расулоглы, 1993]. Отметим, что в ходе исследований, проведенных в последние годы в Миль–Карабахском регионе, впервые были обнаружены фрагменты такого укрепления.

Качеством отличается керамика раннего албанского периода – VI–IV в. до н.э. Изготовленная из мелкой глины, с хорошим обжигом посуда имеет гладкую и блестящую поверхность. По многим признакам она напоминает керамику ахеменидского периода. Расположенные на большой территории некрополь кувшинных погребений и каменные ящики, остатки каменных и кирпичных построений свидетельствуют об активной жизни в окрестностях Наргизтепе в эпоху античности и раннего средневековья. Образцы материальной культуры этого периода, в особенности керамика, своей формой и орнаментацией аналогичны с другими античными памятниками Мильской равнины (Галатепе, Гаракобар, Гаракопектепе и др.), а также с памятниками левобережья Куры, как керамические изделия Ялойлутепинского типа. Это свидетельствует о том, что в указанный период на обширных территориях от Северного Кавказа до реки Араз, в междуречье Куры и Араза сформировалась единая албанская культура.

На большой территории к югу от Наргизтепе заметны развалины совершенных сооружений со сложной конструкцией – стен, построенных из крупных камней. Сохранился фундамент этих стен, построенных в два ряда из крупных и круглых речных камней, заполненных изнутри мелкими камня-

Рис. 1. Вид Наргизтепе с востока

Рис. 2. Раскопки в Наргизтепе

Рис. 3. Остатки стены из сырцового кирпича

Рис. 4. Расположение очага на кирпичном полу

ми и землей. Во время первичных исследований было очищено около 60 м этих стен шириной 1 м. Использованные в их строительстве тысячи тяжелых речных камней, предположительно, были доставлены из русла реки Хонашен, находящегося примерно в километре от них. Однако в настоящее время в русле реки подобные камни не встречаются. Образцы керамической (Рис. 9) и стеклянной посуды, выявленные вокруг стен при расчистке, подтверждают принадлежность этих строительных остатков к раннему средневековью. Впоследствии камни этих утративших значение общественных зданий были использованы для различных целей [Əliyev, İbrahimli, Əliyeva, 2015a, s.73]. Так, например, средневековые мусульманские могилы у южного подножия Наргизтепе были обрамлены этими камнями в виде кромлеха.

На средневековом тюркском кладбище, расположенном на площади около одного гектара (150 x 70 м) у южного подножия Наргизтепе и называемом местными жителями «Авшарским кладбищем», было зафиксировано более 300 могил, на поверхности некоторых из них были изучены знаки и штампы, резные узоры (Рис. 5). Привлекли внимание несколько каменных сундуков с изображениями и эпиграфикой как значимый образец надгробий. С XIII–XIV вв. эпиграфические тексты на надгробиях выгравировывались на азербайджанском языке арабской графикой. Коллега-эпиграфист, сотрудница Национального Музея истории Азербайджана НАНА Хабиба Алиева смогла расшифровать надпись, выгравированную арабской графикой на одном из надгробий. В этой надписи упоминалось имя умершего – Ахмад оглу Гусейн бек, дата его смерти указана как 701 год хиджры, 1302 год по григорианскому календарю. Это совпадает с периодом правления монгольских Хулагуидов (Ильханидов) в Азербайджане [Əliyev, İbrahimli, Əliyeva, 2015b, s.120].

Согласно легенде, многие события, описанные в эпосе «Китаби Деде Горгуд», особенно рассказы о Гараджа Чобане, происходили именно в окрестностях Наргизтепе. Местные жители считают, что могила на холме принадлежит Гараджа Чобану, а вышеупомянутые большие круглые камни являются его окаменевшими овцами. В целом топонимы вокруг Наргизтепе указывают на принадлежность этой территории древним тюркам-огузам: герой дастана Газан хан именуется «Гарачугским барсом». Наименованием одной из высот Карабахского горного хребта в районе Наргизтепе является «Гарачуг». Также имеются сведения о существовании на этой территории в средние века села Гарачуг [Cəmşidov, 1977, s.44-46; Qeybullayev, 1990, s.150].

Таким образом**,** с одной стороны, тюркские топонимы, с другой стороны – знаковые надгробия вокруг Наргизтепе, а также медные монеты, часто встречающиеся в регионе, и отчеканенные во имя правителей Сельджуков и Эльденизов подтверждают, что, начиная с VII в. и на протяжении всего средневековья, на упомянутой территории постоянно проживали тюрки-огузы.

Немало свидетельств о проживании тюркских племён в Карабахе до VII в. Одним из них является гидроним «Хонашен», связанный с наименованием тюрков-гуннов. Эта река длиной 62 км, берущая свое начало у восточных предгорий Карабахского хребта (ввиду отсутствия в русском языке буквы «h» называется «Хонашен», которую А.А.Иессен исследовал как «Ханашен»), протекает по территории Ходжавендского и Агджабадинский районов и высыхает до Гавурарха – древней ирри-

гационной системы Азербайджана. В документе 1727 г. упоминается село Хонабад Баргушадского уезда. Наименование бывшего Мардакерта было Хунашен, а точнее Хонашен; большая часть Карабахской равнины называлась Хонашенской степью [Qeybullayev, 1990, s.108]. А значит, неслучайно византийский историк Феофан именовал «Хонашен», как «страну гуннов» [Qeybullayev, 1990, s.108]. Следует отметить, что слово «шен» имеет древнетюркское происхождение и означает место обитания, проживания населения. К примеру, крепость хагана Хазарского каганата аль-Байда, в значении «белой крепости», именовалась Сарашен. В начале же VIII в. эта крепость превратилась в центр крупного города Ханбалык [Плетнева, 1986, с.5]. Часто используемые в азербайджанском языке слова «шен», «шенлик» имеют значение места торжества. Отметим также, что еще с III в. имеются сведения о пребывании на Южном Кавказе тюрков-гуннов, сыгравших важную роль в этногенезе азербайджанского народа [Джафаров, 1985, с.16, 23]. З.Буниятов, изучавший труды византийских историков и грузинские источники, писал, что в 576 г. сабиры-тюрки были массово переселены в район Гянджи (Сакашены), в результате чего в междуречье Куры и Араз образовалась страна гуннов [Bünyadov, 2007, s.200].

Территория нынешнего комплекса Наргизтепе располагалась в период античности и раннего средневековья на стыке двух крупнейших провинций Албании – нижней (Отена – Ути) и верхней (Орхистена – Арцах). Имеется достаточно исследований об этих двух провинциях Арана в указанный период в составе Албании [Мамедова, 1987; Bünyadov, 2007; Qeybullayev, 1990, s.117, 124, 200-217; Гейбуллаев, 1991, с.220-229 и др.]. Ф.Мамедова пишет: «Албанские территории правобережья Куры делились на четыре крупные провинции (наханги): Арцах, Ути, Пайтакаран и Сюник. Каждая из них была разделена на отдельные области [Мамедова, 1987, с.7-8]. К примеру, в раннем средневековье сам Арцах состоял из 11 областей [Azərbaycan tarixi, 2007, s.86]. Ф.Мамедова, анализируя сведения греческих и римских историков, опровергает утверждения об оккупации Ути и Арцаха в I в. до н.э. [Мамедова, 1987, с.11]. Албанский историк Моисей Каланкатуйский четко указывал, что граница Албанской страны простиралась от реки Аракс до крепости Хунан (город-крепость у слияния реки Храм с Курой) [Kalankatuklu, 1993, I kitab, V fəsil].

Археологические исследования в Наргизтепе проводились в 2013–2015 и 2017 гг. В осуще-ствлении разведочно-поисковых работ оказали содействие немецкие специалисты – участники Азербайджано-германской международной экспедиции: геофизики Ю.Фасбиндер и Ф.Бескер составили магнитологическую карту, а А.Кваст – топографический план памятника с использованием современной техники.

С целью определения стратиграфии поселения Наргизтепе были проведены разведочные раскопки в северо–западной части участка в 60 кв. м (квадраты А1 и А2), которые выявили три культурных слоя этого памятника общей толщиной всего 4,6 м: эпоха бронзы и раннего железа, античность и средневековье. Толщина последнего культурного слоя – средневекового составляет около 0,8–1,0 м. В этом слое наряду со строительными остатками, хозяйственными ямами и местами очагов, были обнаружены фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики и каменные орудия труда.

Рис. 5. Средневековое кладбище у восточного подножия Наргизтепе

Рис. 6. Керамические сосуды из погребальных памятников

Рис. 7. Часть окрашенной посуды

Рис. 8. Часть окрашенной посуды

Рис. 9. Фрагмент сосуда с изображением

В Наргизтепе античный слой начинается с глубины 1,0–1,05 м. Его общая толщина составляет около 2,5 м. Первоначально здесь в в северо-восточном углу раскопа были обнаружены кладки из сырцовых кирпичей размером 42 х 25 х 13 (14) см, фрагменты черной и красной полированной керамики. На глубине 1,35 см ближе к восточной стене раскопа был вскрыт укрепленный земляной слой-основание с местами 7-ми отверстий для деревянных столбы.

На глубине 1,5 м квадрата А1 была выявлена часть стены (длиной 3,8 м) из сырцового кирпича (Рис. 3). Эта стена шириной 53–54 см была сложена в два ряда из сырцовых кирпичей двух разных размеров. Размер больших кирпичей 44–45 х 33–34 х 9–10 см. Размер маленьких – узких кирпичей 44–45 х 19 х 9–10 см. Кирпичи, изготовленные с небольшой растительной примесью, были покрыты между собой очень прочным скрепляющим глиняным раствором толщиной около 2 см. Квадратный и удлиненно-прямоугольный сырцовый кирпич широко использовался в постройках античных албанских поселений [Babayev, 1990, s.68]. Представляет интерес использование определённых кирпичей для построек античного периода не во втором слое поселения Гаратепе (Мильская равнина, Бейлаганский район) (V–I вв. до н.э.), а в нижнем – в третьем слое VII–VI вв. до н.э. [Исмизаде, 1965, с.76-83]. По мнению Дж.Халилова, указанная датировка для второго слоя Гаратепе неточна, потому что здесь нет находок II–I вв. до н.э. и средний слой памятника датируется примерно V–III вв. до н.э. [Халилов, 1984, с.26]. В городище Галатепе на Мильской равнине также встречались типичные для античных строений квадратные сырцовые кирпичи (42 х 42 х 14/15 см; 44 х 44 х 15/16 см) [Əliyev və b., 2013, s.204). В культурном слое на глубине 2,1 м, на 0,6 м ниже указанной стены при очистке участка в

Рис. 10. Ролики из камня и глины

10 кв.м были обнаружены 16 фрагментов керамики, зуб одного крупнорогатого животного, 3 каменных орудия. На одном из фрагментов имелся вертикальный волнообразный рисунок, исполненный красной краской. Подобный орнамент встречается и в других идентичных памятниках Азербайджана (Галатепе, Гаракобар, Тойратепе и др.). Среди находок из слоя античного периода привлекает внимание часть тулова посуды, орнаментированной красной краской (Рис. 7). Этот фрагмент крупной керамической посуды молочного цвета относится к качественной керамике. Она сделана из мелкой глины, с хорошим обжигом, с нанесением красной краской геометрических, зооморфных (и антропоморфных ?) узоров: между двумя паралельными линиями проходит рисунок меандра. Ниже есть изображение оседланного коня и тянущегося от него поводка. Всадник на впереди идущем коне (здесь видна очень маленькая часть) ухватился за конец этой веревки [Əliyev, Əliyev, 2017, s.253, şək.12). Фрагмент по многим признакам напоминает античную греческую керамику. В особенности, знак меандра чаще всего встречается на греческой посуде V в. до н.э. [Кругликова, 1984, рис. 6, 11, 26].

В культурном слое на глубине 2,2–2,3 м были выявлены строительные остатки из сырцовых кирпичей квадратной формы (42 х 42 х 14 см) типичные для античного периода; в середине кирпичного настила имелось место очага (0,8 х 0,4 м) вытянутой прямоугольной формы (Рис. 4). Вокруг очага было найдено около 120 образцов керамики, каменных и костяных орудий, остеологических останков. Образцы керамики в основном светло-серого и темно-красного цветов. Они аккуратно изготовлены вручную из тонкой глины и с хорошим поверхностным лощением. Часто встречаются фрагменты крупных сосудов. Из этого слоя также было обнаружено лезвие железного ножа с острым кончиком (Рис. 11, а). Его длина 13 см, ширина центра – 2 см. Лезвие в хорошем состояни,так как было обнаружено между слоями пепла. Одно из найденных костяных орудий было изготовлено из трубчатой кости мелкого рогатого животного. С обеих сторон этого предмета неясного функционального назначения были видны следы отверстий от острых инструментов (Рис. 11, б).

В античном слое раскопочного участка (кв. А1, глубина 2,4–2,6 м) встречались обгоревшие глиняные куски, обломки основания кюпов, части тулова посуды, изготовленной из глины с примесью песка. Наряду с ними в этом слое также имелись образ-

цы, изготовленные из тонкой глины с хорошим обжигом, с нанесёнными на поверхность красной краской геометрическими линиями (прямыми, наклонными, волнистыми). Этот тип орнаментированной посуды характерен для керамических изделий с поселений и погребальных памятников левобережья и правобережья Куры Албании. При раскопках расписные фрагменты были также найдены в культурном слое на глубине 2,8–3,6 м: на маленьком сосуде с шаровидным корпусом имелись красные полосы и слабые следы треугольника. Высота посуды 4,2 см, а диаметр основания 3 см. Среди керамических изделий исследуемого слоя также имелась одна целая пряслица (Рис. 10, б). Одна ее сторона плоская, другая – выпуклая, куполовидная. Диаметр составляет 3,3 см, а толщина – 1,4 см. Посередине есть отверстие. Изготовлена из мелкой глины. Привлёк внимание один предмет, обнаруженный здесь приблизительно на глубине около 2 м раскопанного памятника. Этот предмет из твердого серого речного камня имеет форму колеса. С обеих сторон от центра сделано отверстие диаметром 4,5 см. Диаметр предмета 16 см, толщина 6 см. С краю имеется небольшая поломка (Рис. 10, а).

Представляет интерес остатки стены шириной 2,7 м, состоящий из крупных овальных камней и сырцовых кирпичей, обнаруженный на глубине 2,5 м в античном слое Наргизтепе. Была вскрыта его часть в 5,2 м (Рис. 2). Предполагается, что эта стена опоясовала около 1,3 га участка Наргизтепе, в последующие исторические периоды – в строениях раннего средневековья, в надгробных кромлехах средневековья использовались камни именно из этой крепостной кладки. Также следует отметить, что выявленные обломки стены в целях безопасности не были очищены до фундамента, были только вскрыты верхие два ряда.

На юго–западной стороне Наргизтепе можно найти разбросанные по сторонам и впадинам каменные и керамические изделия [Əliyev, İbrahimli, Əliyeva, 2017, s.20-25]. Вокруг одной из впадин, образованной от дождевой воды, на участке 2x2 м был поставлен проверочный шурф, и здесь был вскрыт погребальный кувшин, расположенный венчиком к югу и основанием к северу. Его высота 1,35 м, ширина среза тулова 0,8 м, диаметр венчика 37 см, диаметр основания 22 см. Края венчика были украшены желобчатыми налепными узорами. Внутри погребального кувшина был скорченный костяк человека распололоженный на левом боку, голова направлена к венчику кувшина, лицо обращено на запад. Кости его были сильно деформированы. Наличие погребального инвентаря указывает на женское захоронение. Так, внутри погребального кувшина были выявлены: у головы – один целый кувшин серого цвета (Рис. 6, б), разбитый кувшин, изящно изготовленная чернолощенная чаша (разбитая), 4 браслета из бронзовой проволоки, пара серег, кольцо и около 90 разноцветных бусин из разных материалов (Рис. 12). Эти образцы находят свои аналоги и в других кувшинных погребениях античного периода Кавказской Албании [Qazıyev, 1960, XXXVII tablo; Халилов, 1984, с.140, табл. XXX, 6-7; Ахундова, 2020, с.86, табл. XXII, 9-10, табл. XXVIII].

Рис. 11. Железный нож и костяной предмет

В юго–восточной части Наргизтепе, в 25–30 м юго-восточнее холма, называемого «могила Гараджа Чобана», на срезе траншеи, вырытой трактором, прослеживался слой обгоревшей земли и пепла. В 12 м западнее от него в слое земли, выброшенном в сторону от траншеи, были обнаружены обломки керамической посуды красного цвета. На поверхности многих фрагментов тулова крупных керамических сосудов розового цвета, изготовленных из тонкой глины, имелся богатый орнамент, нанесённый красной краской (Рис. 8). Эти орнаменты состоят из геометрических – прямых, перпендикулярных и косых линий, сводов, природных изображений – солнца, гор и деревьев, и зооморфных изображений – оленей (рогатых и безрогих). На ручке сосуда имелись косые полосы, нанесённые красной

краской. На керамических образцах из античных памятников Карабаха (Галатепе, Гаракобар, Гаракопектепе и др.), в том числе и из раскопок Мингячевира [Qazıyev, 1960, VIII–IX tablolar] часто встречаются подобные орнаменты или его отдельные элементы. К сожалению, уцелела только часть этой посуды, да и то в фрагментарной форме (около 50), являющейся редким образцом искусства. Некоторые фрагменты идентичны образцам из раскопок близ поселения Наргизтепе. При осмотре траншеи возле скопления земли с разбросанными фрагментами крашеной расписной посуды были выявлены обломки большого погребального кувшина (вместе с человеческим костяком) с сильно сжатым сверху и снизу туловом. В будущем проведение археологических раскопок погребальных памятников на этой территории создаст условия для изучения религиозных верований и погребальных обычаев древних жителей поселения Наргизтепе, длительное время проживавших здесь в античности (что подтверждают толщина и богатство культурного слоя).

Рис. 12. Украшения из бронзы и различных камней

Первичные исследования территории комплекса Наргизтепе, а также обзор различных земляных работ указывают на наличие здесь крупного некрополя кувшинных могил. Местоположение погребальных кувшинов на пологом склоне, под твердой каменистой почвой обеспечило их сохранное состояние. В будущем проведение археологических исследований в этом некрополе может сыграть важную роль в изучении политической, социально-экономической и культурной жизни древнего азербайджанского государства-Кавказской Албании.

По мнению Г.Гошгарлы, глубоко изучившего погребальные памятники, сыгравших важнейшую роль в материально–культурном наследии Албании, три типа погребений – грунтовые, каменные ящики и кувшинные применялись на протяжении всего периода античности, и этот погребальный обряд имел продолжение в эпоху раннего средневековья [Гошгарлы, 2012, с.92]. Он предполагает, что широкое распространение в античности обряда кувшинного захоронения связано с новым этапом развития земледелия и распространением зороастризма [Гошгарлы, 2012, с.139]. Погребальный инвентарь кувшинных захоронений на территории Азербайджана в сравнении с комплексами на территории Грузии и Армении более богат и разнообразен, на что указывали и другие исследователи [Нонешвили, 1992, с.117]. Как справедливо отмечает М.Халилов, в сравнении с античным периодом в раннем средневековье на территории Азербайджана количество памятников кувшинных погребений значительно уменьшилось, ареал их распространения в определённой мере сузился. Исследователь связывает это с процессом вытеснения язычества после того, как христианство в Албании в IV веке было возведено в ранг государственной религии [Xəlilov, 2009, s.31].

Летом 2015 г. во время сельскохозяйственных работ в сторону от траншеи, раскопанной вокруг Наргизтепе, были выброшены вперемежку с землёй плоские каменные плиты, различные образцы керамических сосудов. Один из сосудов, можно сказать, сохранился полностью (Рис. 6, а). Этот сосуд типа ойнахойи желтоватого цвета с трёхлепест-

ковым широким венчиком изготовлен из тонкой глины с примесью песка. Диаметр венчика около 14 см. Стержневидная ручка сосуда соединяет венчик с плечиковой частью. Тулово выпуклое и диаметр в центре достигает 55 см. Диаметр плоского и несколько овального основания очень мал – 6,5 см. Высота сосуда 21,5 см. Идентичные сосуды встречаются в Азербайджане как в памятниках античности (например, в культуре Ялойлутепе – III–I вв. до н.э.) [Qazıyev, 1960, s.10, XXII tablo, 1-2 və 5-ci şəkillər; Bədəlov, 2003, s.73-74], так и раннего средневековья. Рядом с этим описываемым сосудом была найдена плоская, удлинённо-прямоугольная, перламутровая бусина голубоватого цвета с отверстием в центре (Рис. 13). Внутри траншеи были отчетливо видны края нескольких каменных плит, расположенных в горизонтальном положении. В выброшенной в сторону земле были видны разбросанные человеческие кости. Это указывает на покрытие грунтовых погребений каменными плитами в описываемом участке. В погребальном обряде албан помимо других типов могильников широко были распространены погребения в каменных ящиках. Эта традиция продолжалась до раннего средневековья. К примеру, в некрополе Еддитепе (Физулинский район), недалеко от Наргизтепе встречаются такие могильники [Xəlilov, 2009, s.37]. Вместе с тем, следует принять во внимание, что христианские погребения раннего средневековья, как правило, уже не имели могильного инвентаря. Вышеупомянутые предметы подтверждают связь здешних грунтовых могил с каменным покрытием античного периода или раннего средневековья с языческими религиозными обрядами и погребальными обычаями. Впрочем, более точный вывод можно получить только после полного исследования нескольких могил на этой территории.

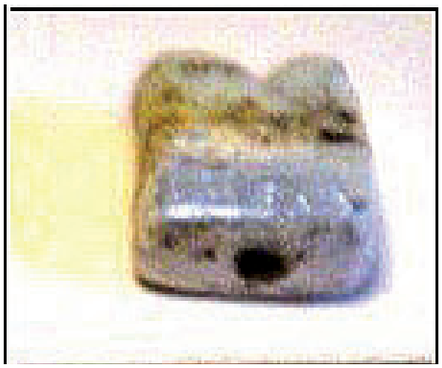

Рис. 13. Перламутровая бусина

Как видно, комплекс памятников Наргизтепе позволяет осветить различные области культурно-хозяйственной жизни населения древнего Азербайджана. Результаты первичных археологических раскопок демонстрируют богатство албанского культурного наследия изучаемого периода. Несмотря на сложность общественно–политической панорамы эпохи, албаны достигли больших успехов в строительном искусстве, создав совершенные образцы как оборонительных, так и гражданских сооружений. Отдельные виды ремёсел (в особенности гончарство, резьба по камню, резьба по кости и др.) были развиты на высоком уровне. Плотность поселений и погребальных памятников также свидетельствуют о плотности обитаемости населения Наргизтепе и его окрестностей. Эта территория является благоприятной зоной для создания новой модели общей албанской культуры путём обширных исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə: II cild (III–XIII əsrin I rübü). Bakı: Elm, 2007, 608 s. + 24 s. illüstrasiya.
2. Bünyadov Z. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Bakı: “Qərb-Şərq”, 2007, 424 s.
3. Cəmşidov Ş. “Kitabi-Dədə Qorqud”. Bakı: Elm, 1977, 176 s.
4. Əliyev T., Babayev F., Hüseynova T. və b. Qalatəpədə aparılan arxeoloji tədqiqatlar haqqında /Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar (2012). Bakı, 2013, s.202-207.
5. Əliyev T., İbrahimli B., Əliyeva G. 2015a. Qarabağda Nərgiztəpədə ilkin arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycan arxeologiyası. Cild 18, №1, s.67-75.
6. Əliyev T., İbrahimli B., Əliyeva G. 2015b. Nərgiztəpədə türk-avşar qəbiristanlığı // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. №1, s.117-124.
7. Əliyev T., İbrahimli B., Əliyeva G. Qarabağda Nərgiztəpə arxeologi abidələr kompleksi. Bakı: “Mütərcim”, 2007, 96 s.
8. Əliyev T. Nərgiztəpənin antik dövr təbəqəsində tədqiqatlar / Beynəlxalq elmi seminar – Qəbələ arxeologiyası. Bakı, 2017, s. 204-209.
9. Əliyev T.R., Əliyev V.T. 2017. Mil-Qarabağ arxeoloji ekspedisiyası Nərgiztəpə dəstəsinin 2015-ci il tədqiqatları / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. Bakı, 2007, s.250-254.
10. Xəlilov M. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: “Nafta-Press”, 2009, 180s.
11. Kalankatuklu Moisey. Albaniya tarixi. Mxitar Qoş. Alban salnaməsi. Bakı: Elm, 1993, 170 s.
12. Qazıyev S.M. Mingəçevir arxeoloji həfriyyatı. Küp qəbirləri albomu. Bakı: Azərb. EA nəşriyyatı, 1960, 71 s. ill. ilə (27 s. +44 tablo).
13. Qeybullayev Q. Qarabağ. Etnik və siyasi tarixinə dair. Bakı: Elm, 1990, 248 s.
14. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: “Elm və təhsil”, 2020, 280 с.
15. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании (в IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1990, 236 с.
16. Бадалов А. Гончарное ремесло Азербайджана античного периода. Баку: Элм, 2003, 186 с.
17. Гейбуллаев Г.А. К этногензу азербайджанцев. Баку: Элм, 1991, 552 с.
18. Гошгарлы Г. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
19. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Элм, 1985, 124 с.
20. Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи / Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т.II. М.-Л., 1965, с.10-36.
21. Исмизаде О.Ш. Итоги археологического исследования поселения на холме Каратепе / Археологические исследования в Азербайджане (Сборник статей). Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, с.72-86.
22. Кругликова И.Т. 1984. Античная археология. М.: Высшая школа, 1984, 216 с.
23. Мамедова Ф. О некоторых вопросах исторической географии Албании в I в. до н.э. – VIII в. / Историческая география Азербайджана. Баку: Элм, 1987, с.7-45.
24. Нонешвили А.И. Погребальные обряды народов Закавказья. Тбилиси: «Мецниереба», 1992, 260 с. с илл.
25. Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1986, 88 с.
26. Расулоглы Т. Циклопические сооружения на территории Азербайджана. Баку, 1993, 147 с.
27. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1984, 236 с.

Ахундова Гюльнара
Ведущий научный сотрудник «Сектора полевых исследований»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент

ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Международные связи с древнейших времен играли большую роль в более тесном познании народов, государств друг друга. Благодаря этим связям народы знакомились с достижениями в различных областях экономики и культуры, заимствовали все прогрессивное друг у друга.

Выгодное географическое положение Южного Кавказа, в том числе Кавказской Албании – одного из древних государств Азербайджана, экономическое развитие, природные богатства страны, близкое расположение этого региона к центрам древневосточной культуры способствовали возникновению его связей с другими странами. После похода Александра Македонского на Восток торгово–экономические и культурные связи между государствами расширились еще больше. С него началось проникновение эллинистической культуры в страны Востока. Она оказала положительное влияние на появление и расширение торговых связей Албании с другими странами.

В результате археологических раскопок было установлено, что Албания поддерживала связи почти со всеми культурными центрами эллинистического мира. Об этих связях, помимо нумизматических материалов, свидетельствуют как письменные источники, так и многие памятники материальной культуры.

В результате археологических раскопок в Габале было установлено, что здесь пользовались привозными печатями из стран эллинистического мира. В слоях эллинистического периода на нескольких десятках булл из Габалы имеются оттиски печатей, изготовленных греческими мастерами в центрах эллинистической культуры. На этих печатях изображены Геракл, различные животные, растения [Бабаев, 1990, с.171]. Значительная часть оттисков на глине произведена привозными перстнями-печатями. А это означает, что перстни с изображениями являлись не только украшениями или амулетами, но и печатями – знаками собственности.

О связях Албании античного периода свидетельствуют и два перстня-печати, найденные в Мингячевире и Шемахе. На мингячевирском перстне изображён молодой сатир, стоящий и пьющий из чаши, на плече у него – тирс. Предполагается, что на перстне воспроизведена античная статуя. На древнешемахинском перстне в точечном ободке изображены дельфин, рак, якорь, водоросли [Халилов, 1985, с.157].

В Шемахе [Халилов, 1985, с.141] и памятниках Исмаиллинского района [Османов, 1995, с.44] обнаружены перстни со спиральным щитком (Рис. 1.8-11). Перстни эти носят печать древнегреческих традиций, где мотив спирали был широко распространен в украшениях и предметах быта [Кругликова, 1969, с.115-116].

О торговых связях Албании со странами Ближнего Востока в эллинистическую эпоху свидетельствуют обломки различных стеклянных и глазурованных сосудов, которые имеют сирийское происхождение [Халилиов, 1985, с.129; Бабаев, 1990, с.171]. Известно, что Сирия в то время была одним из центров стеклянного производства античного мира. Стеклянные бусы сирийского происхождения найдены при раскопках почти всех памятников Албании античного периода. В частности, такие бусы в большом количестве встречаются в Мингячевире, Ялойлутепе, Хыныслы и Дагестане [Карахмедова, 1978, с.14-15].

В ранних кувшинных погребениях Мингячевира, обнаружены привозные из Египта скарабеи. Они изготовлены из бледно-зеленой египетской пасты, на плоских основаниях которых сделаны изображения. Скарабеи в древнем Египте считались священными и служили амулетами. Однако, скарабеи использовались не только в Египте, финикийцы изготавливали их аналоги (подделки) и торговали ими [Казиев, 1949, с.82]. Б.Б.Пиотровский считал, что скарабеи завозились в Закавказье из Передней Азии различными способами [Пиотровский, 1958, с.22-23]. А.А.Карахмедова считает, что товары из Сирии, Египта, Месопотамии проникали в Албанию по так называемой «царской дороге», которая еще во времена Ахеменидов проходила по территории Ирана [Карахмедова, 1978, с.11]. Об этом пути имеются сведения и у Геродота [Геродот, 1972, I, 104]. Один из путей, идущий из Ахеменидского Ирана на север, прошел вдоль западного побережья Каспийского моря.

Кавказская Албания поддерживала торгово–экономические и культурные связи и со странами Передней Азии. Особенно оживленными были свя-

зи с Ираном. Тесные и всесторонние контакты Албании с Ираном привели местных мастеров к заимствованию некоторых форм изделий, существовавших в Иране. Так, браслеты с выгибом на середине, встречающиеся в памятниках Албании эллинистического периода, витые гривны, калачиковые серьги имеют определенное сходство с подобными изделиями Ирана [Бабаев, Гусейнова, 1979, с.12-13]. Обычай носить в качестве украшения металлические гривны – переднеазиатский, получивший широкое распространение в Ахеменидском Иране.

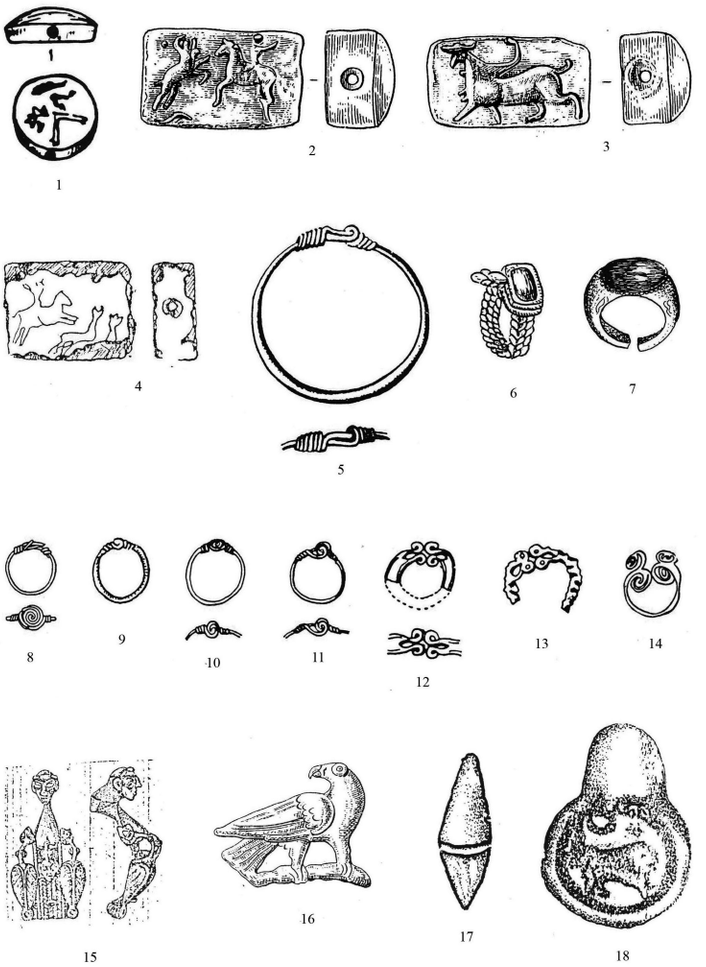

Рис. 1.

В грунтовых погребениях Мингячевира [Казиев, 1949, с.28, рис. 19] с вытянутым и слабоскорченным костяками обнаружены бронзовые литые перстни-печати, часть из которых была привезена из Ирана, а некоторые изготовлены на месте. На щитке этих перстней изображены различные животные. Они представлены в различных позах – стоящими, идущими, бегущими. Так, на одном из них изображен олень, которого преследует лев. На некоторых перстнях имеются человеческие изображения. Известен перстень, на котором изображен человек, борющийся с набросившимся на него львом. Человек одет в длинный персидский кафтан [Асланов, Бабаев, 1965, с.95].

Такие же сюжеты встречаются и на бронзовых поясах начала I тыс. до н.э. На щитке другого перстня изображен человек на скачущем коне. Имеются и перстни с изображениямм фантастических существ. На одном из них имеется изображение крылатого чудовища с львиной головой и рыбьим хвостом. На другом перстне изображен олень с двумя головами – львиной и оленьей [Асланов, Бабаев, 1965, с.95, табл. II, 1, 10]. Все это указывает на то, что мастера и владельцы этих перстней были знакомы с персидской мифологией, и использовали эти мотивы в украшениях.

Ввозимые в Албанию привозные изделия служили и образцами для подражания. Местные мастера, основываясь на них, производили аналогичные украшения, предметы глиптики. При местном производстве упомянутых предметов, в ряде случаев, имели место быть дефекты полуфабрикатов и ремесленного брака. Не только импорт, но и местное подражание ему свидетельствовало о торгово– экономических и культурных связях Албании с античным миром.

Жители Албании употребляли и бусы формы скарабеоида. Такие бусы получили известность в Мингячевире. Они были изготовлены из гидратной формы кремния и желтовато-белого кальцита [Голубкина, 1956, с.82]. На них имеются очень схематичные изображения, а у некоторых экземпляров они вообще не поддаются определению (Рис. 1.1). Эти скарабеоиды имели плоско-выпуклую форму правильной окружности, которая была заимствована из Финикии [Голубкина, Расулова, 1966, с.78]. И.А.Бабаев считает эти скарабеоиды являются продукцией местного производства [Асланов, Бабаев, 1965, с.96-97], но их формы напоминали скарабеоиду древнего Египта, Финикии, Малой Азии [Голубкина, Расулова, 1966, с.75].

В эпоху эллинизма Албания поддерживала тесные торгово–экономические связи и с соседней Грузией. О достаточно тесных взаимосвязях

Албании с Грузией свидетельствует сходство между археологическими материалами. М.И.Максимова, исследовавшая памятники глиптики Грузии, считала, что Иберия являлась одним из центров производства стеклянных печатей [Максимова, 1941, с.91-92]. В памятниках Албании найдены три стеклянных многогранных печатей [Бабаев, 1965, с.128-133]. Они имели форму параллелепипеда. На одном из них изображена сцена борьбы всадника с кентавром (Рис. 1.2), на втором – конная охота на двух животных – ланей или газелей, убегающих от всадника (Рис. 1.4), на третьем – птицеголовый крылатый грифон (Рис. 1.3). Изображения на первых двух многогранниках в точности копируют грузинские. И.А.Бабаев считает, что мингячевирские и грузинские многогранники были изготовлены в одной мастерской, а именно в Иберии [Асланов, Бабаев, 1965, с.99]. На территории Грузии такие многогранники из синего стекла обнаружены в большом количестве [Максимова, 1941, с.91-92].

В эллинистическую эпоху в торгово–экономических связях Албании большую роль играл Северный Кавказ. Северный Кавказ был тесно связан со многими странами удобными торговыми путями. Один из самых оживленных транзитных торговых путей проходил вдоль западного побережья Каспийского моря через Дербент.

На Северном Кавказе жили многие народности. В IV в. до н.э. здесь осели сарматы и стали появляться на границах Южного Кавказа [Виноградов, 1963, с.139]. Сарматские племена, имевшие большую военную силу, быстро налаживали экономические связи с соседними народами, в том числе и албанцами. Эти связи прослеживаются по археологическим материалам. Так, в кувшинных погребениях IV–III вв. до н.э. Мингячевира найдены меловые и серные бусы [Казиев, Голубкина, 1949, с.76, 81]. Известно, что савроматы и сарматы в погребальной обрядности использовали меловые бусы, меловую и серную посыпку [Алексеева, 1976, с.14-16]. Это дало основание некоторым исследователям говорить о том, что в кувшинных погребениях Мингячевира II–I вв. до н.э. выражены сарматские черты [Карахмедова, 1978, с.12-13]. Ряд элементов – захоронение вместе с конем, наличие ритуала, связанного с огнем, обилием оружия – сближает некоторые могилы с погребениями сарматского типа, имевшими широкое распространение в указанное время на Северном Кавказе и не редко встречаемые в северных окраинах Кавказской Албании.

Начиная с I в. до н.э. связи Албании с Северным Кавказом еще больше расширились. В это время на Северном Кавказе поселились аорсы и сираки – племена сарматской группы. Присутствие аорсов наблюдается в прибрежных районах Северо–Западного Прикаспия [Виноградов, 1963, с.142; Давудов, 1996, с.128]. Племена аорсов, проживавшие в соседстве с албанами, играли большую роль в международной торговле. Так, Страбон пишет, что «/живущие в северном Прикаспии аорсы/... вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» [Алиев, 1987, с.23]. Большинство исследователей сопоставляет аорскую торговую дорогу с Прикаспием через Дербентский проход [Давудов, 1996, с.131].

В эллинистический период Албания поддерживала связи со Средней Азией и Индией. Многие бусы, обнаруженные на Северном Кавказе и в Закавказье, относятся ко II в. до н.э. и имеют Ирано–Индийское происхождение [Леммлейн, 1950, с.158]. Археологические раскопки выявили большое количество раковин каури, родиной которых являются побережья Индийского и Тихого океанов. Они с древнейших времен использовались не только в качестве украшений, амулетов, но и в качестве денежных знаков [Пахомов, 1959, с.4]. Обнаруженные в памятниках Кавказской Албании бусы из коралла и подвески из перламутра также являются привозными с берегов Индийского и Тихого океанов, так как, ни кораллы, ни морские раковины, из которых добывают перламутр не имеются в водоемах ни Албании, ни Закавказья [Голубкина, Расулова, 1966, с.76].

По всей вероятности, контакты со Средней Азией, Индией поддерживались водным путем, о котором упоминает Страбон. Он писал, что много индийских товаров привозят вниз по течению реки Окс (Амударья) в Гирканское (Каспийское) море; оттуда их переправляют в «Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт» [Алиев, 1987, с.24].

Во II–I вв. до н.э. Римское государство, закрепив свою власть на западе, начало вести активную деятельность на Востоке. Политическая обстановка, возникшая на Ближнем Востоке в связи с захватническими действиями Рима, затрагивала и Южный Кавказ, в том числе и Албанию. Рим стремился захватить Южный Кавказ и торговые пути, проходящие по этому региону, которые связывали запад с востоком.

В 69 г. до н.э. римляне совершили поход на Южный Кавказ. Начиная с этого времени Албания, как и весь Южный Кавказ, входит в сферу влияния Рима.

Таким образом, сложились благоприятные условия для возникновения и расширения экономических и культурных связей Албании с Римским миром, и до начала III в. между этими странами существовали постоянные контакты. Это подтверждается большим количеством привозных изделий римского круга в памятниках Кавказской Албании. Об этих связях свидетельствует и серия римских монет из Габалы [Алиев, Гадиров, 1985, с.28].

Среди привозных украшений римского круга заметное место занимали фибулы. Большинство из них – щитковые фибулы, покрытые разноцветной эмалью. Они обнаружены в Мингячевире, Шемахе

и в Габале в грунтовых, кувшинных, срубных и раннекатакомбных погребенях. Было установлено, что щитковые фибулы-броши являются продукцией галло-римского происхождения и обнаружение их сравнительно в большом количестве на Северном Кавказе показывает, что они попадали в Албанию через Северный Кавказ [Халилов, 1980, с.85].

Из грунтового погребения Шемахи известна шарнирная фибула-брошь с щитком в виде орла, сидящего на ветке и с повернутой назад головой [Халилов, 1985, с.146-147]. Эта брошь отлита из бронзы и покрыта золотой фольгой (Рис. 1.16). Подобные фибулы-броши относятся к искусству римских провинций и довольно в большом количестве обнаружены в античных городах Северного Причерноморья, а также в Центральной Европе [Амброз, 1966, с.36]. Фибулы арбалетной формы, известные из памятников Кавказской Албании также по своему происхождению являются римскими.

Из грунтового погребения Шемахи выявлен очень интересный золотой перстень, шинка которого состоит из трех самостоятельных прутиков, два крайних скручены из двух проволок, а средний имеет на поверхности насечки. К шинку припаяна жуковина, которая имеет форму сердечка. Она изготовлена из тонкой пластины и окаймлена нарезной проволокой. Вставка у этого перстня комбинированная: верхняя часть аметистовая, а нижняя – бирюзовая (Рис. 1.6). Предполагается, что этот перстень относится к римскому импорту [Халилов, 1985, с.142]. На это указывают и другие украшения, обнаруженные в данном погребении: арбалетная фибула, фибула-брошь с разноцветной эмалью, золотой браслет с утолщенными концами, золотые серьги с откидной застежкой в форме калачика [Ахундова, 2020, с.135].

В грунтовых погребениях Ялойлутепе и катакомбных погребениях Мингячевира обнаружены серьги из червонного золота в форме калачика [Асланов, Голубкина, Садыхзаде, 1966, с.18-19]. К ним припаяны четыре зерни, расположенные пирамидкой (Рис. 2.1, 3). Они похожи на идентичные римские серьги. [Литвинский, 1973, с.41]. Серьги такого типа характерны для античного времени. А.А.Карахмедова, исследовав указанный тип серег, пришла к заключению, что они попали на территорию Албании в результате торговли с Римом [Карахмедова, 1974, с.274]. В более поздний период III в. н.э. такого типа серьги в памятниках Албании не встречались. Их широкое распространение падает именно на римский период. Но несомненно, что наряду с привозными образцами существовало и местное производство, о чем свидетельствуют их изготовление из серебра и бронзы и которые выявлены в катакомбных погребениях I–III вв. Мингячевира [Карахмедова, 1975, с.74].

В кувшинном погребении села Галагях Исмаиллинского района обнаружена пара золотых серег в форме ладьи [Пахомов, 1939, с.71, фиг.1]. Поверхность серег украшена мелкой зернью и десятью вставками красных камней разных размеров и форм – круглой, овальной, треугольной, четырехугольной. На верхней стороне серег припаяны два золотых колечка, расположенных друг против друга, в которые вдевалась дужка. К нижней части серег припаяна золотая трубочка с четырьмя небольшими виноградными кистями (Рис. 2.6). Технические приемы их изготовления, а именно – зернь, вставки, изготовление гнезд для камней из узких золотых пластиночек, тонкая изящная работа характерны для римских провинций, что дает основание предполагать, что они являются импортом.

Как отмечалось выше, привозные изделия служили и образцами для подражания. Местные мастера, основываясь на них, производили аналогичные украшения. Так, имеются еще две пары золотых серег такой же формы, но более грубой и небрежной работы [Osmanov, 1982, s.100]. Они также обнаружены в Галагях в разное время, на вспаханной земле. Поверхность этих серег украшена семью камнями, зернь более крупная и во многих местах утрачена, нижняя деталь отсутствует (Рис. 2.7). Возможно, что эти серьги являются продуктом местных ремесленников.

Золотые серьги, выявленные из катакомбного погребения Торпагкалы Кахского района, состоят из четырех треугольных пластинок, в которые вставлены красные камни [Aslanov, 1961, с.40, tabl. IV, 1-2]. Серьги книзу зауживаются, образуя форму пирамиды. В верхней части серег имеются парные петли, в которые вдевалась дужка (Рис. 2.5). При изготовлении этих серег применены те же технологические приемы, как и в предыдущих серьгах. Тонкая, изящная работа дает основание для отнесения их к числу римского импорта. Это предположение становится еще более вероятным, если учесть, что в данном погребении была обнаружена серебряная ваза, на дне которой изображена сцена терзания оленя грифоном, отнесенная Г.О.Гошгарлы к предметам римского импорта [Кошкарлы, 1985, с.48-53].

К числу привозных изделий относятся и две пары серег подковообразной формы, обнаруженные в срубных погребениях Мингячевира [Асланов, Голубкина, Садыхзаде, 1966, табл. II, 5, 6]. Одна пара серег изготовлена из двух спаянных золотых пластинок, наверху которых имеются две пары петелек, в которых сохранились остатки дужки. На серьгах имеются три красных камня разных размеров и форм. Основания жуковины украшены мелкой зернью (Рис. 2.2). Вторая пара серег такой же формы имеет на поверхности две вставки овальной формы из стекла сиреневого цвета. Нижняя часть серег оформлена золотой трубочкой, к которой припаяны четыре зерни, расположенные пирамидкой, к которым, в свою очередь, припаяны две виноградные грозди, каждая из которых состоит из четырех маленьких зерень (Рис. 2.4).

Таким образом, все отмеченные выше серьги, несмотря на различие форм, имеют и много общего. Поверхность этих серег украшена вставками из камней и стекла, применена техника паяния, зерни и филиграни, гнезда для камней изготовлены из узких золотых пластиночек. Все эти технические приемы были характерны для римских провинций, что дает основание для отнесения их к числу римского импорта.

Среди привозных изделий римского круга многочисленны и памятники глиптики, представленные резными камнями и стеклянными литиками с углубленным изображением, которые вставлялись в оправы перстней. Подавляющее большинство их обнаружено при археологических раскопках в Мингячевире, остальная часть – в Хыныслы, Торпагкале, Габале, Гяндже. На античных геммах римской эпохи обычно изображены боги античного пантеона – бог войны Арес, бог солнца Гелиос, царь богов Зевс, богиня судьбы Тиха, богиня любви и красоты Афродита. Боги изображены в статуарных позах со свойственными им атрибутами. На геммах из Албании встречаются и изображения танцующих женщин, мака, колоса, животных. На одной из гемм имеется изображение алтаря с языками пламени [Асланов, Бабаев, 1965, с.98; Халилов, 1985, с.158]. Интересен литик с изображением рукопожатия, выявленный в Гяндже и Мингячевире [Гуммель, 1940, с.156-159; Халилов, 1985, с.158]. В римское время это изображение символизировало брачный союз [Максимова, 1950, с.230]. Из катакомбного погребения Мингячевира выявлен и бронзовый перстень с греческими буквами [Расулова, 2008, с.162]. Считают, что перстни с надписями содержали добрые пожелания. Такие перстни с надписями часто встречаются среди римских памятников глиптики [Халилов, 1985, с.158].

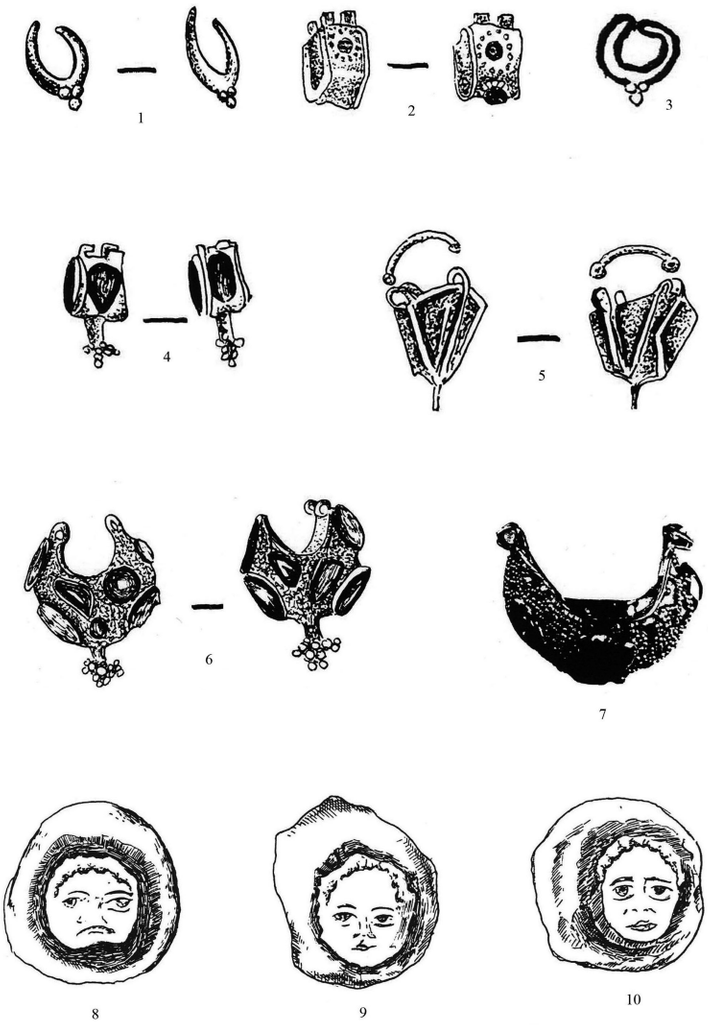

Рис. 2.

По предположению И.А.Бабаева, геммы с античными сюжетами изготовлялись и в Албании [Бабаев, 1965, с.127], как это имело место быть в соседней Грузии [Рамишвили, 1978, с.112], однако отличить их от привозных трудно. Но, тем не менее, есть попытки выделить местные инталии. Так, албанские мастера античного времени изготовляли перстни-печати, на которых чаще всего изображали различных животных [Халилов, 1985, с.159]. Но процент привозных гемм чрезвычайно велик. Произведения римских и других мастеров древней Италии зачастую невозможно отличить от изделий соседних производственных центров, так как провинция по стилю и тематике копировала римский эталон. Но, тем не менее, обнаруженные в памятниках Албании перстни-печати с различными античными сюжетами свидетельствовали о торговых и экономических связях Албании с Римом и его провинциями, а изготовление местными мастерами перстней-печатей, подобных античным, говорило о влиянии античного мира на местную культуру.

В римский период возрастают экономические связи Албании с Сирией, Египтом. Среди привозных предметов своим количеством и широтой хронологических рамок выделяются всевозможные разновидности бус, пронизей, подвесок. В памятниках Албании найдено большое количество стеклянных бус разных цветов, форм и размеров. Стеклянные бусы встре-

чаются внутри золоченные, шарообразной, бочкообразной, ромбической, пирамидальной форм, в виде зерен ячменя, в форме сердечка, состоящего из двух плоско-выпуклых половинок, соединенных при помощи пайки своими плоскими частями, «бородавчатые», «глазчатые». Изготовление бус с внутренней позолотой было достаточно сложным, оно могло существовать только в центрах с развитым стеклоделием и требовало знания не только разнообразных приемов обработки стекла, но и ювелирного дела. Золочение бус началось еще в IV в. до н.э. в Египте. В римский период эта техника получила широкое распространение. «Синие и темных цветов бусы изготавливались в финикийских городах Тире и Сидоне, а многоцветные, в том числе «бородавчатые» и «глазчатые», в Фивах и других городах Египта...», откуда и попадали в Албанию [Голубкина, Расулова, 1966, с.73-74].

В ходе археологических раскопок, на территории Азербайджана выявлены различного рода подвески из египетской пасты, получившие широкое распространение в римский период. В одном кувшинном погребении Мингячевира обнаружены фигурка голубя и пуговица из голубой египетской пасты [Расулова, 1973, с.70]. Обнаружены из этого материала и различные амулеты: округло-ребристые бусы, амфоровидные подвески, украшения в виде раскрытой кисти руки, человеческой ноги, сжатой руки-фиги, виноградной грозди, фигурки богини, прижимающей к груди ребенка [Карахмедова, 1978, с.14-15]. Находки таких египетских изделий известны и на территории Дагестана в материалах Таркинского и Карабудахкентского могильников начала первых веков [Крупнов, 1951, с.217]. Всякого рода подвески и украшения из египетской пасты считаются продукцией крупных мастерских египетских городов Навкратиса и Александрии. Полагают также, что они распространялись в Албании через античные города Причерноморья [Пиотровский, 1958, с.22-23].

Очень интересными амулетами являются пастовые бусины с изображениями лиц, обнаруженные в одном из кувшинных погребений Мингячевира [Ионе, 1955, с.58, рис. 22, 1-3]. Эти бусины из желтоватой, черной и коричневой пасты изготовлены в технике нитяной, стеклянной мозаики, родиной которой является Египет (Рис. 2. 8-10) [Сымanович, 1961 с.273]. Аналогичные бусины известны и в материалах Неаполя Скифского.

Археологические находки показывают, что в римский период Албания поддерживала экономические связи также и с Индией. Так, в Мингячевире, Хыныслы и Торпагкале обнаружены индийские сердоликовые бусы, инкрустированные белой и черной пастой. В ходе археологических раскопок найдены бусы, которые позволяют проследить связи Албании с Индией в период с I в. до н.э. по III в. н.э. [Карахмедова, 1978, с.12].

В римский период в торговых отношениях Албании большую роль сыграла Парфия. Так, в процессе археологических раскопок в Албании выявлен ряд находок парфянского происхождения, среди которых выделяются предметы глиптики [Асланов, Бабаев, 1965, с.99]. На перстнях-печатях парфянского времени имеются изображения фантастических существ, женщин, растений, животных. Фантастические существа представлены крылатым конем – Пегасом. Эти изображения связаны с мифологией древнего Ирана. На парфянских геммах изображены и скорпионы. Изображение скорпиона встречается и на ахеменидских рельефах. Среди растений на перстнях-печатях часто встречаются изображения тюльпанов, мака, лилии, деревьев. Растения изображены в стилизованном виде [Асланов, Бабаев, 1965, с.99]. О торговых связях Албании с Парфией свидетельствует серебряная фибула-брошь, щиток которой представляет собой сидящую беременную женщину. Фигура женщины состоит из трех птиц, которые держат в клюве человеческую голову. У птиц – длинная шея, выпученные глаза, длинный клюв и сложенные крылья. Хвост центральной птицы завершается женской головой. У женщины – миндалевидные глаза, сросшиеся брови, крупный нос, небольшой приоткрытый рот и довольно большие уши (Рис. 1.15). А.А.Карахмедова относит эту брошь к парфянскому времени и видит в ней черты греко–парфянского искусства [Карахмедова, Рагимова, с.98].

О торговых связях Албании с Парфией свидетельствуют две дисковидные и две амфоровидные подвески из катакомбного погребения Мингячевира (Рис. 1.17-18). Дисковидные подвески изготовлены из прозрачного желтого стекла. На одной из них изображено мужское лицо в фас, на другой – изображен идущий влево лев, над головой которого находится семиконечная звезда, а над спиной – полумесяц [Карахмедова, 1975, с.73]. Знаки полумесяц и звезда – известная эмблема династии Митридатов [Максимова, 1957, с.80]. Эти знаки встречаются и на аршакидских монетах [Пахомов, 1951, с.146]. На Босфоре также известны геммы с изображением этих знаков [Максимова, 1957, с.80].

Тесные торгово–экономические связи существовали и между Албанией и городами Северного Причерноморья. Так, в Мингячевире был найден дутый золотой перстень, в жуковине которого помещен овальной формы камень розового цвета [Асланов, Голубкина, Садыхзаде, 1966, с.55, табл. VII, 1]. К основанию жуковины припаяна мелкая зернь. В расширенной части шинки, с двух сторон, имеется стилизованный растительный орнамент (Рис. 1.7). Подобные перстни в большом количестве обнаружены в некрополе Херсонеса [Пятышева, 1956, с.42, табл. VII, 12, 13]. В памятниках Албании обнаружены и перстни с двумя завитками на концах [Халилов,

1985, с.141, табл. XXXI, 14, 15], имевших широкое распространение в первых веках в городах Северного Причерноморья (Рис. 1.12-14) [Кругликова, 1969, с.116]. Среди памятников Албании также известны бронзовые браслеты из круглой проволоки, концы которых привязаны к дужке спиральными оборотами [Халилов, 1985, с.140, табл. XXX, 4, 5]. Такие браслеты получили распространение в памятниках Северного Причерноморья, начиная со II–I вв. до н.э. (Рис. 1.5). Фибулы, бусинный материал Албании также схожи с материалами из памятников Северного Причерноморья.

В римский период тесные торгово–экономические связи существовали и между Албанией и племенами Северного Кавказа. В это время на Северном Кавказе господствовали аланские племена, относящиеся к племенам сарматской группы. Они в I в. н.э. осели в центральной части Северного Кавказа, и смогли быстро наладить связи с соседними народами. Как отмечал В.Кузнецов «наряду со сношениями с северными соседями и Русью кавказские аланы, несомненно, поддерживали отношения с Грузией, Албанией и Ираном» [Кузнецов, 1962, с.40]. Об этих связях свидетельствуют и археологические находки. И.Алиев отмечает, что «среди инвентаря Мингячевирских катакомбных погребений есть немало явно сармато–аланских вещей. К таковых в первую очередь относятся типично сарматские поясные пряжки – круглые, полукруглые, овальные и четырехугольные с подвижным накидным язычком, с пластинчатой обоймой – щитком и без нее. Поясные наборы из мингячевирских катакомб, в особенности бляшки, имеют прямые аналогии с материалами могильников сармато–аланского времени» [Алиев, 1971, с.204]. В памятниках Албании часто встречаются различные колокольчики, использовавшиеся в качестве подвесок. Некоторые исследователи объясняют их распространение в катакомбную пору влиянием алан, ведь украшать платья и конский убор колокольчиками и бубенчиками, издававшими звон – «явление, весьма распространенное в аланской среде и вообще в аланскую эпоху» [Кузнецов, 1962].

В катакомбных погребениях Мингячевира обнаружены бусы с росписью типа бус, найденных в Осетии и называемых «аланскими». В одном катакомбном погребении обнаружена большая круглая халцедоновая бусина, аналогичная тем, которые встречаются в аланских погребениях [Алиев, 1971, с.204].

По всей вероятности, торговые связи Албании с Северным Кавказом, Боспорским государством, поддерживались путями, проходящими через горные перевалы Большого и Малого Кавказа, а также вдоль Западного побережья Каспийского моря через Дербентский проход.

Таким образом, украшения, наряду с другими археологическими материалами из памятников Азербайджана античного периода, указывают на тесные и регулярные связи древних кавказских албанцев с другими племенами и народами Южный Кавказа и Переднеазиатского Востока, с Северным Кавказом, Предкавказьем, Поволжьем, областями Северного Причерноморья и Восточной Европы, с Малой Азией, Сирией, Египтом, со странами Эгейского мира.

Известные нам образцы ювелирного искусства дают основание говорить о том, что искусство Албании, базирующееся на древних местных традициях, развивалось в тесном взаимодействии с окружавшими ее цивилизациями. Оно впитывало передовые художественные вкусы самых различных народов и эпох.

Различные контакты с высокоразвитыми культурными центрами того времени, особенно со странами античного мира, обогатили местную культуру, оказали положительное воздействие на все сферы жизни местного населения. Античное влияние прослеживается и в ювелирном деле, в формах и технике изготовления металлических украшений. Привозные высокохудожественные изделия служили образцами для подражания. Но для ювелирного искусства Албании характерно не столько прямое повторение тождественных произведений искусства античности, сколько переосмысление общих его традиций, и возникновение на его основе новых приемов, элементов, форм, отличающиеся как от традиционных местных, так и от привозных (например, серьги в форме калачика с дужкой). Многочисленные серьги в виде грозди винограда олицетворяют сочетание издревле сложившихся местных традиций с привнесенными извне модифицированными традициями античности, способствующие возникновению новых художественных форм, отличающихся как от традиционных местных, так и привозных.

Влияние привозных украшений на местный комплекс было различным в смысле ассортимента изделий. В разных местностях, в разных городах нередко украшения тоже использовались разные. Иногда они были представлены в единичном экземпляре. Распределялись привозные украшения в среде городского населения также неравномерно. Привозными и, вероятно, дорогими украшениями могли пользоваться лишь представители знати. Не случайно, что они обнаружены, в основном, в богатых захоронениях. Высшие слои общества легче и быстрее попадали под иноземное влияние, тогда как основная масса народа оставалась верна традиционному местному искусству. Но в любом случае привозные украшения, теми или иными путями попав в Албанию, становились частью материальной культуры коренного местного населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aslanov Q.M. Torpaqqalada arxeoloji qazıntılar / Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası, 1961, №8, s.29-43.
2. Osmanov F.L. Qafqaz Albaniyasının maddi mədəniyyəti. Bakı, 1982, 158 c.
3. Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо–западного Кавказа (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Черкасск, 1976, 182 с.
4. Алиев И.Г. Сармато–аланы на пути в Иран / История Иранского государства и культуры. М., 1971, с.204-234.
5. Алиев И., Гадиров Ф. Кабала. Баку, 1985, 86 с.
6. Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1987, 132 с.
7. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Д1-30, М.: Наука, 1966, с.36.
8. Асланов Г.М., Бабаев И.А. Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре // Известия АН Аз.ССР, Серия обществ. наук, 1965, №2, с.94-102.
9. Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыхзаде Ш.Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку: АН АзССР, 1966, с.20-43.
10. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку, 2020, 280 с.
11. Бабаев И.А. О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре/ Сборник статей. Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965, с.123-133.
12. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990, 236 с.
13. Бабаев И.А., Гусейнова Н.С. Влияние иранской культуры ахеменидского времени на материальную культуру древнего Азербайджана / VIII Всесоюзн. конфер. по Древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В.В.Струве. М., 1979, с.12-13.
14. Виноградов В.Б. Савроматы Северо–Восточного Кавказа / Труды Чечено–Ингушской НИИ. Грозный, 1963, т.VI, с.139-142.
15. Геродот. История: в девяти книгах /Перевод и примеч. Г.А.Стратановского. Ленинград, 1972, 600 с.
16. Голубкина Т.И. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура // Известия АН Аз.ССР, 1956, №3, с.82.
17. Голубкина Т.И., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира (По материалам кувшинных погребений Азербайджана) // Ученые записки Азерб. Государ. университета, серия истории и философии, 1966, №6, с.73-78.
18. Гуммель Я.И. Археологические очерки /Сборник статей. АН СССР. Азерб.Филиал Института истории. Баку: АзФан, 1940, 166 с.
19. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996, 428 с.
20. Ионе Г.И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), 1955, вып. 60, с.54.
21. Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА. Баку, 1949, т. I, с. 9-49.
22. Казиев С.М., Голубкина Т.И. Об одном кувшинном погребении // Известия АН Аз.ССР, 1949, №3, с.74-86.
23. Карахмедова А.А. Об одном типе серег из Кавказской Албании // Советская археология, 1974, №4, с.271-274.
24. Карахмедова А.А. О некоторых памятниках митраизма на территории Кавказской Албании // Известия АН Аз.ССР, Серия истории, философии и права, 1975, №1, с.72-80.
25. Карахмедова А.А. Бусы как один из источников изучения истории Кавказской Албании: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ереван, 1978, 24 с.
26. Карахмедова А.А., Рагимова М.Н. Ранние фибулы Кавказской Албании /Материалы научной сессии, посвящ. 100-летию со дня рождения С.М.Казиева. Баку, 1994, с.98.
27. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 140 с.

28. Кругликова И.Т. Некрополь поселения у дер. Семеновка // Советская археология, 1969, №1, с.98-120.
29. Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана: Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 г. // Материалы и исследования по археологии СССР, 1951, №23, с.208-225.
30. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР, №106, М., 1962, 134 с.
31. Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), вып.32, 1950, с.157-172.
32. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973, 211 с., 19 табл.
33. Максимова М.И. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии // Известия института языка и материальной культуры (ИИЯИМК) АН Груз.ССР, вып. X, Тбилиси, 1941, с.91-92.
34. Максимова М.И. Геммы из некрополя Мцхета–Самтавро. Раскопки 1938–1939 г./ ВГМГ, ХУГ-В, 1950, т.XVI, с.230.
35. Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // Советская археология, 1957, №4, с.75-82.
36. Османов Л.Ф. Некоторые образцы художественного металла Азербайджана античной эпохи / Проблемы азербайджанской археологии и этнографии. Баку, 1995, с.34.
37. Пахомов Е.А. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана // Известия Аз.ФАН СССР, 1939, №3, с.70-74.
38. Пахомов Е.А. Монеты Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, Баку: Из-во АН Аз.ССР, 1951, т.II, с.141-166.
39. Пахомов Е.А. Монеты Азербайджана. Вып.I., Баку, 1959, 79 с.
40. Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // Советская археология, 1958, №1, с.20-27.
41. Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса (Конец IV века до н.э. – IV в. н.э.: Коллекция Гос. ист. музея / Науч. ред. канд. ист. наук Е.И.Крупнов. Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры; Вып. 18. М.: Госкультпросветиздат, 1956, 84 с., 8 л. ил. : ил.; 26 см.
42. Рамишвили К.И. О распространении римских и древнеиранских памятников глиптики на территории Грузии / Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с.110-113.
43. Расулова М.М. Торгово–экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 2008, 228 с.
44. Расулова М.М. Археологические наблюдения к изучению торговли Кавказской Албании в I–III веках // Ученые записки Азерб. Госуд. университета, серия истории и философии, 1973, №5, с.70.
45. Сымanович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского // Советская археология, 1961, №1, с.270-273.
46. Халилов Дж.А. Римские фибулы из памятников Кавказской Албании и пути их проникновения // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (ВСПЭКВ). Тезисы докладов. Ереван, 1980, с.85.
47. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 1985, 236 с.

Велиев Эльнур
Старший научный сотрудник отдела «Археологическая служба»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент

СЛЕДЫ ЗОРОАСТРИЗМА В ОБРАЗЦАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ III–V ВЕКОВ (ТОРЕВТИКА, РИТОН, ГРИФОН) НА ТЕРРИТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Учение зороастризма оказало влияние на многие мировые религии и культуры как учение светского и общечеловеческого значения. По мнению многих исследователей, зороастризм возник в I тыс. до н.э. на северо–востоке Ирана и Центральной Азии как новая религия, основанная на религиозных и мифических верованиях древних иранских племён.

Мифические образы, присутствующие в мировоззрении древних ариев, нашли свое отражение в материально-культурных образцах (торевтика, ритон, грифон, гемма, печати): Фараваши, Аша, Даена, Митра, Веретрагна, хварна Рашну, Ваю, Геш Урван, Сраоша, Ардви–Сура Анахита и др., содержащихся в “Авесте”. С точки зрения определения религиозных мировоззрений Азербайджана в раннем средневековье особое значение имеет изучение археологических материалов, найденных на территории Азербайджана, в частности образцов торектики, ритона, грифона.

Конечно, эти материалы, наряду с другими этнографическими материалами, необходимо изучать вместе с историческими и литературными источниками. С этой точки зрения мы попытаемся изучить образцы торевтики, грифона и печати, найденные на территории Азербайджана, в сравнении с образцами материальной культуры других близлежащих стран, относящихся к соответствующему периоду. Образцы азербайджанской торевтики были получены двумя способами. Одни были обнаружены случайно, а другие получены в результате археологических раскопок, проведенных в последние годы. Археологические материалы – наиболее очевидный пример письменных источников.

Особого внимания заслуживает найденный в Баку кувшин. Небольшой серебряный кувшин, украшенный позолотой, по своему декоративному оформлению принадлежит к тому же типу, что и сасанидская посуда. Его высота 19 см, ширина 10 см (Рис. 1). На кувшине выгравированы четыре ромба с полосами в виде растений. Внутри ромбов изображены: петух, фазан, орел, поедающий траву, и птица Симург. В верхнем пространстве между ромбами шестиконечные звезды в круге в форме блюдца, а в нижней части – изображения мелких животных. Изображения цветов помещены на пересечениях полос [Кошкарлы, 1985, с.72].

На кувшине изображены различные птицы. Изображения птиц основаны на доброжелательных мотивах сасанидского искусства. Птица Симург, изображенная в центре кувшина, является в иранской, среднеазиатской и азербайджанской мифологии зооморфным символом доброты и в то же время огромной волшебной птицей, которая преодолевает большие расстояния. Согласно Авесте, птица Симург живет на дереве, растущем посреди моря, а согласно «Шахнаме» – на вершине Эльбруса. Эльбрус в азербайджанском и арабском фольклоре считается «горой Каф». В азербайджанских сказках птица Симург, именуемая «Феникс» («Сказка Симнара», «Сказка Малика Мамеда» и др.), как известно, помогает герою побороть тёмные силы.

Знаменитая сказка «Малик Мамед» заканчивается победой Малика Мамеда над своими коварными братьями с помощью Симурга, то есть с помощью Симурга добро побеждает зло.

Борьба между добром и злом (Ахура-Мазда и Ахриман), главными полюсами философии Авесты – понятие абстрактное. Например, в Авесте (Ясна 30) говорится: «Вначале в мире мысли было два близнеца – хорошее и плохое мышление, поступки и поведение. Из этих двух близнецов хорошие люди выбрали доброту [Авеста, 1998, с.130].

Изображение петуха – символ Сраоши, и оно защищает людей от нечистой силы. В Авесте Сраоша используется в смысле «послушание». Он называется «Сраош» на среднеперсидском языке и «Суруш» на современном персидском языке. «Каталар» также означает «подчинение религии». В Авесте отношение, как к животным, так и к птицам

Рис. 1. Кувшин III–V вв., найденный в Баку [Кошкарлы, 1985, с.121]

неоднозначно. Таким образом, создания Ахримана приносят людям зло, а создания Ормузда выражаются в добрых делах [Авеста, 1998, с.119]. Добро и зло не являются антропологическими понятиями. Добро и зло – это полностью моральные и психологические аспекты, которые существуют в сознании человека. Их положительные и отрицательные стороны отражаются в человеческих добрых мыслях, словах и поступках.

Согласно Авесте, обитель Ахура-Мазды – это священная гора Березант, которая известна и нам, и на современном персидском языке как «Эльбрус», а на древнем пехлевийском языке как «Эльбур». По легенде, эта гора, которая считается матерью всех гор на земле, сливается с небом. Согласно Авесте, там нет ни ночи, ни тьмы, ни холода, ни теплого ветра, ни смертельной болезни. На этой горе есть несколько вершин. Среди них вершина под названием «Тахир» считается центром мира. Солнце, луна и звезды вращаются вокруг этой вершины. У подножия этой горы находится священное море Вурукаша, которое, по мнению многих ученых, является нынешним Каспийским морем [Təhmasib, 1945, с.5].

Особого внимания заслуживает этимология птицы Симург. Те, кто переводил произведение Шахнаме на английский язык, пытались объяснить сложное название этой птицы настоящим описанием. По мнению К.В.Тревера, этимологию слова «Симург» следует пояснять словом «айина» (аденак) – «образ», «собака», в последней части – «мерево» или «мерв» – «птица». Это произношение «саэна мэво», «сен-мурв» также связано с внешностью Симурга [Тревер, 1937, с.25]. Это связано с существованием дуализма в Авесте. Подразумеваются животные, созданные Ахура-Маздой и Ангра Манью (злое божество Ахриман). Хорошие животные также борются со злыми силами. Таким образом, Сраоша, Паридар (петух) изгоняет рано утром Ахримана. Собака своим взглядом пугает Ахримана («Видевдат» 8.16-19) [Авеста, 1998, с.112].

13-я и другие части Видевдата посвящены собаке. В этих разделах обсуждаются правила совершения религиозных обрядов с собакой и ухода за собакой. В Авесте «собака» считается почти равной человеку в святости. В Авесте собаки считаются доброжелательными животными (Видевдат 13-16), но поклонение собакам позже не было принято [Авеста, 1998, с.112-119].

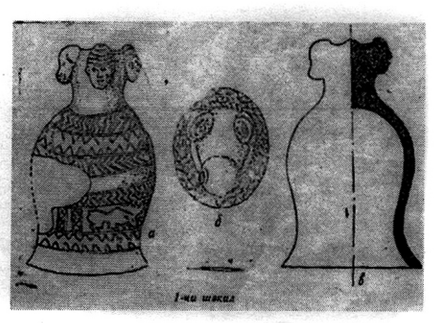
Петух, которого зовут Сраоша, является одним из творений Ормузда (бог добра) и одной из доброжелательных сил, возвещающих начало утра, то есть победу света над силами Ахримана. Поговорка «Если вы не отрубите голову петуху, который преждевременно кукарекает, дома кто-то умрет», вероятно, имеет отношение к Авесте. Согласно зороастрийской традиции, Хушенги, сын Каюмарса, первого человека и правителя мира, убивал демонов, и он считал кукарекание петуха началом успеха и принес его в свою резиденцию, а петух всегда кукарекал на рассвете и возвещал о начале дня. Внезапно Каюмарс заболел (болезнь и смерть вызывал Ахриман). Однажды вечером, когда Каюмарс болел, петух закукарекал. Несвоевременное

кукарекание петуха удивило людей. Потому что вечер еще называют «временем зла». Люди пришли и увидели, что Каюмарс мертв. С тех пор петушиное кукареканье по вечерам дает повод для такого утверждения [Abdulayev, 1989, s.9, 10]. Петух был одним из любимых домашних животных зороастрийцев. Петух был создан для борьбы с демонами Ахримана. Согласно религиозным поверьям, крик петуха на рассвете – проявление его борьбы с Ахриманом. Таким образом, он пробуждает тех, кто спит. Петух не позволяет демону Ахримана сделать людей ленивыми и сонными. Согласно зороастрийским поверьям, ангелу, который ночью защищает мир от зла демонов, помогают петух и собака. В средние века среди людей было поверье, что зло не может приблизиться к дому, в котором есть петух [Dadaşzadə, 1985, s.57]. Вера, связанная с петухом, также встречается в творчестве Низами: «Когда черный демон пришёл, петух запел и призвал к бою».

В разделе «Видевдат» (18) Авесты Сраоша описывается как «барабанщик, приносящий добрую весть» Ахура-Мазды, священная птица (петух). В Ясне (57, 2) сказано: «Сраоша выполняет обязанности по защите верующих от злых мыслей и злых сил, а ночью он расправляется с демонами. Для этого он прогоняет их булавой». Рашну – богиня «Правды», «Истины», а Митра в Авесте – бог «Договора», «Соглашения», бог Мехир на среднеперсидском; Ахемениды поклонялись Митре как богу победы. Скорее всего, согласно более поздней эллинистической легенде, Сраоша и Рашну, как соратники Митры, стояли с ним на мосту Чинват и правили душами умерших. Согласно среднеперсидским источникам, Сраоша отправляет души умерших в загробную жизнь. Согласно Авесте, эту задачу выполняет сам пророк Зороастр [Dadaşzadə, 1985, s.98-119].

Изображение петуха также есть в сасанидской торевтике. Эти изображения также выгравированы на гемме и на скалах. Изображение фазана широко распространено в сасанидском искусстве. Лента в основном изображается на шее или в клюве. Также их можно найти на гемме, печатях и тканях. Сцена орла, разрывающего травоядное животное, более распространена в сасанидском искусстве. Однако это изображение можно найти и в предыдущих периодах. Пример тому – парфянские печати, найденные в Нисе. По мнению Х.Бумера, эта тема перешла к парфянам, а затем к Сасанидам. Сцена, в которой орел убивает травоядного, обычно наблюдается осенью или весной. В торевтике Сасанидов такой сюжет можно найти на чаше из Уфимской сокровищницы, на тарелке в Перимской галерее и на кувшине в Эрмитаже. Кувшин в Эрмитаже похож на кувшин, найденный в Баку [Кошкарлы, 1985, с.74-75].

Среди богатых материальных и культурных образцов, полученных при археологических раскопках в древней Шамахе, обращает на себя внимание объект из мягкого известняка, обнаруженный при раскопках в 1964 г. Этот предмет был найден в одном из хозяйственных колодцев последней четверти I тыс. до н.э. (Рис. 2) [Xəlilov, 1973, s.17]. В верхней части ритона выпукло изображены два человека, голова собаки. Головы людей на изображении отличаются друг от друга. У одного из них длинное лицо, а у другого круглое по сравнению с первым. К тому же у них обоих были тюбетейки на голове. Уши и носы у человеческих фигур выпуклые. Глаза и рот были выгравированы. Изображение головы собаки привлекает наше внимание. У собаки были вырезаны уши и выгравированы глаза. Несомненно, декоративное оформление этого предмета имеет религиозное назначение. Этот объект, условно называемый ритоном, интересен

Ритон, найденный в Шамахе,
I тыс. до н.э.

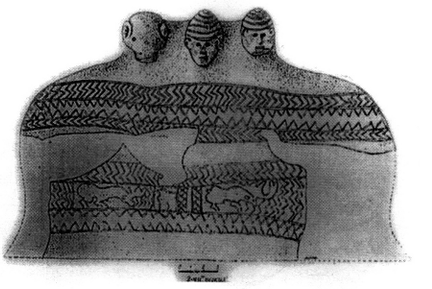

Рис. 2. Кувшин III–V вв., найденный в Баку [Кошкарлы, 1985, с.124]

тем, что при повороте в противоположном направлении он принимает форму чашы. Головы двух людей и собаки превращают предмет в трехногую чашу. Конечно, в домашних условиях его будет сложно использовать в качестве чашы. Потому что ритон – это произведение искусства из камня, содержащее гармонию в своих узорах. Вполне вероятно, что он использовался в качестве посуды для питья в некоторых религиозных церемониях.

По словам О.В.Лещенко, в Иране и его окрестностях чашки и блюдца с изображением животных предназначались для питья хаома. Примером может служить найденная в Ленкоране чаша в форме лошади. По мнению О.В.Лещенко, эта чаша в форме лошади использовалась для совершения зороастрийских религиозных обрядов [Лещенко, 1996, с.241]. Слово хаома произошло от глагола «хам» – «сжимать» в Авесте. Это дурманящий напиток из растений. Культ Хаома и традиции его воплощения восходят к индуистскому периоду (до появления зороастризма). Хаома похож на «Сому» (напиток того же состава, только названия разные) в Ведах [Борисов, Луконин, 1963, с.113]. Зороастрийский пророк отрицал употребление напитка хаома в Гате, считал его признаком зла (Ясна 48.10 Авесты) и запрещал его пить. Со времен правления Дария I (522–486 до н.э.) культ Хаомы начал терять свое значение. Во времена правления Сасанидов этот обряд оставался лишь в ослабленном виде на окраине империи.

Ритон чрезвычайно искусно изготовлен и (при исполнении религиозных обрядов) выполняет функцию чашки. Что касается изображений на ритоне, нет никаких сомнений в наличии индивидуальных различий между человеческими головами, одна из которых мужская, а другая женская. Выпуклая третья голова на ритоне принадлежит собаке. Издавна племена, проживавшие на территории Азербайджана, относились к собаке по-особенному. Поэтому не случайно, что ритуалы, посвященные собаке иногда встречаются и сейчас. В некоторых селах Азербайджана во дворах вешают собачьи черепа. Говорят, что они защищают людей, живущих в этом доме, от сглаза. Собака обычно считается символом верности.

Как письменные источники, так и археологические материалы отмечают, что албанцы, считающиеся древними жителями территории Азербайджана, уделяют собаке особое внимание. Таким образом, собаки имели особое значение как в хозяйстве, так и в армии. Кроме того, Страбон в своем произведение «География» подчеркивает важность албанских собак в охоте. Во время археологических раскопок, наряду с человеческими костями, в некоторых гробницах поздней бронзы и раннего железа в Азербайджане были обнаружены собачьи кости. Находки в древней Шамахе имеют особое значение для периода ритона. Археологические раскопки здесь показали, что в некоторых гробницах последней четверти I тыс. до н.э. и первых веков нашей эры человека в загробную жизнь сопровождала собака. Кроме того, в могилах нередко находят собачьи скелеты. Это, в свою очередь, дает основание полагать, что их хоронили с особыми церемониями [Борисов, Луконин, 1963, с.114]. По словам Юлия Солини, жившего в III в., албанцы натравливали собак на диких животных, и эти собаки убивали диких быков и львов. Далее Юлий Солини отмечает, что албанский царь подарил Александру Македонскому двух таких собак [Xəlilov, 1973, s.16]. Помимо информации, содержащейся во всех этих источниках, археологические находки доказывают, что албанцы придавали собаке особое значение. Две человеческие головы и одна собачья голова, изображенные в этом мастерски созданном ритоне, также являются яркими примерами существующих идей.

Как уже упоминалось, одно из изображений на кувшине, найденном в Баку – это орел. С этой точки зрения особого внимания заслуживает бронзовый грифон с изображением орла, случайно найденный в 1932 г. в селе Зогала Джульфинского района Нахчыванской Автономной Республики и переданный в Нахчыванский государственный музей.

Материальные памятники культуры на территории Нахчыванской Автономной Республики имеют большое научное значение для изучения истории Азербайджана второй половины I тыс. до н.э. и первых веков нашей эры. Известно, что Нахчыван в древние времена был одним из основных экономических и культурных центров Азербайджана [Əliyev, Ağazadə, 1986, s.75].

Село Зогала расположено в 40 км к востоку от Нахчывана на левом берегу Алинджачай. Село со всех сторон окружено крутыми скалистыми горами. Торговый путь проходит через Алинджачайскую долину, Зангезурские горы и перевал Батабат в нагорную часть Карабаха. Эта дорога соединяет Нахчыван с древними торговыми центрами южного Азербайджана.

О бронзовых грифонах, найденных в селе Зогала (Рис. 3), была дана информация в статье И.П.Щебликина «Древние основания колонн, найденные в Орангале и Нахчыване». Ознакомившись с бронзовыми грифонами в Нахчыванском этно-

графическом музее, И.П.Щебликин провел разведочные раскопки у памятника, где они были обнаружены, но никаких археологических материалов, кроме постаментов колонн, не нашел. Он связал постаменты колонн со строительством храма и дал очень мало информации о грифонах. Один из этих грифонов в настоящее время хранится в Музее азербайджанской литературы имени Низами, а другой – в Эрмитаже [Əliyev, Ağazadə, 1986, s.75].

Таким образом, мастер создал произведение искусства с интересным и глубоким символическим содержанием, соединив изображения орла, лошади, мула, шакала, человека и льва – в грифоне. С точки зрения искусства и высокого мастерства этот грифон может считаться самым красивым произведением искусства.

Следует отметить, что гриф, хранящийся в Эрмитаже, отличается от описанного выше грифона только отсутствием трона.

Грифоны и грифы изображаются в мифологии древних народов Востока в основном с телом льва, орлиными крыльями, львиной или орлиной головой, и имеют символический характер.

Грифы имеют форму дракона в виде орла, выгравированного на материальных и культурных образцах, а грифоны имеют форму тела льва или тигра, с головой орла или льва. С этой точки зрения фигуры Нахчывана – грифоны. С.И.Руденко называет этих грифонов (тело льва или тигра, с головой орла) «орлиными грифонами». Следует отметить, что изображение грифона было широко распространено на Древнем Востоке и в античном искусстве. В результате научных исследований грифоны были обнаружены не только в Нахчыване, но и в других археологических памятниках Азербайджана. Обнаруженная в Мингячевире бронзовая печать IV в. до н.э. считается памятником культуры Ахеменидов благодаря своей технике изготовления и мастерству. На печати изображен эпико-мифологический образ искусства Ахеменидов, то есть крылатый гриф. Кроме того, нам известны бронзовые пояса с грифонами, найденные в памятнике Мингячевира. Изображение грифона было обнаружено и на найденной серебряной вазе [Касумова, 1993, с.48].

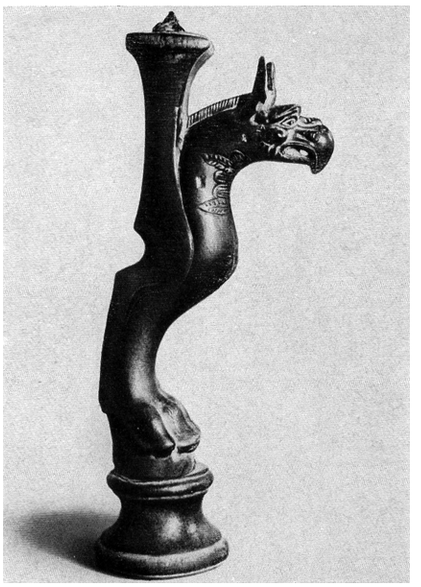

Рис. 3. Бронзовый грифон III–VII вв., найденный в селе Зогала Нахчывана

Точно так же большое кладбище, состоящее из комплекса ямных могил, было обнаружено в южных предгорьях гор Лангибазского хребта Шамахинского района, на древнем кладбище Шаргях, расположенном в 1 км к западу от села Гаджигадирли. Здесь вскрыто 8 могил и найден ряд археологических материалов (бытовая утварь из глины, стекла и другие украшения из металла, стекла и различных камней). Однако среди найденных здесь материальных и культурных образцов есть бронзовая статуя орла, отличающаяся оригинальностью. Фигура орла с шириной крыльев 4,8 см с обеих сторон, длиной от клюва до хвоста 6 см, высотой основания 2 см. Вообще, создавая скульптуру, мастер придерживался закона пропорции в частях фигуры и сумел создать произведение с точной симметрией.

Материально–культурные образцы с изображением птиц нашли отражение в памятниках Азербайджана периода от бронзы до позднего средневековья [Nuriyev, 1972, s.74].

Археологические находки включают образцы в форме орлов в древних памятниках. Например, в античной мифологии и памятниках того периода Зевс мстил Прометею силой орла. С этой точки зрения неслучайно, что Зевс изображался с орлом. Однако следует отметить, что по этому поводу сложно высказать однозначное мнение, так как такое встречается очень редко [Тревер, 1959, с.317; Луконин, 1969, с. 237; Бонгарад, 1983, с.34].

В архаичных (древних) мифах кража огня обычно ассоциируется с птицами, а точнее с орлами. Но здесь мы сталкиваемся со странным моментом. Хотя стихии огня и воды находятся на противоположных полюсах, мы наблюдаем, что кражу и огня и воды выполняют орлы. В гимнах Веды орел приносит с небес напиток Сому (Хаома) для Индры (RV IV 27, 1). Видимо, этим объясняется связь орла с водой. Орел также известен в мифологии как спаситель ребенка. В Эрмитаже есть тарелка, на которой изображены орел и два ребенка. Эта тарелка

была изготовлена во времена империи Сасанидов (VI век). Один из мальчиков изображен как символ Митры, а другой – как символ Кочи [Мифы народов мира, 1992, с.2].

При археологических раскопках в Шамахе (Хыныслы) под руководством Дж.А.Халилова в 1963 г. аналогичная статуя орла была найдена в могиле под номером 32. Такой тип земляной гробницы относится к IV в.

Как и на Ближнем и Среднем Востоке, в Азербайджане памятники с изображением орла стали символом со времен основания империи Сасанидов.

После завершения раскопок и исследований в районе храмов Мингячевира в 1952 г. нет сомнений в том, что найденный в алтаре второго храма камень представлял собой большой постамент для креста (основание под колонной). Однако 62-буквенная албанская надпись на камне этого драгоценного памятника и два обращенных друг к другу павлина на фасаде и яркое изображение «древа жизни» между ними привлекают внимание всех искусствоведов и лингвистов, исследующих раннее средневековье (Рис. 4).

Нам не известны ни высота деревянного креста, ни постамента, на котором был найден этот камень с албанской надписью вверху. Однако, учитывая размеры других камней вокруг надписи, можно сказать, что высота постамента составляла около 1,2–1,3 м. Композиции с изображением птиц или животных были широко распространены на Ближнем и Среднем Востоке во времена раннего средневековья.

Позже эта композиция была нанесена на христианские и даже мусульманские памятники Ближнего Востока. Такие композиции встречаются на различных сосудах из серебра и бронзы, а также на рельефных каменных памятниках, в виде рисунка на майолике и тканях. Эта композиция, являющаяся образцом искусства древнего Востока, представлена в разных странах, и в разное время несколько отличаясь. Например, в государстве Сасанидов, где этот тип композиции наиболее распространен, птицы изображались с постоянно расширяющейся лентой на шее и «деревом жизни» или алтарем между ними. Изображения на христианских памятниках различаются по нескольким параметрам. Первоначально на этих памятниках ленты на шее птиц не изображались. С другой стороны, птиц иногда изображают с крестом вместо «дерева жизни». В некоторых памятниках эта композиция просто состоит из изображений птиц, смотрящих друг на друга. Такое изображение найдено на территории Азербайджана в основание креста в вышеупомянутом II храме Мингячевира и на надгробие, найденном в селе Юхари Финдиган города Сумгайыт. На правой стороне надгробия имя умершего и надпись, указывающая на то, что он умер в 789 г. хиджры (1384 г.). Слева от надписи лицом к лицу стоят две птицы. То, что тела птиц удлиненные, а хвосты открытые, говорит о том, что мастер хотел изобразить павлина. Обнаружение надгробия с изображением птиц показывает, что эта композиция распространилась и на памятники, связанные с исламом. Изображение, найденное в Мингячевире, особенно интересно с точки зрения сложности композиции и древности.

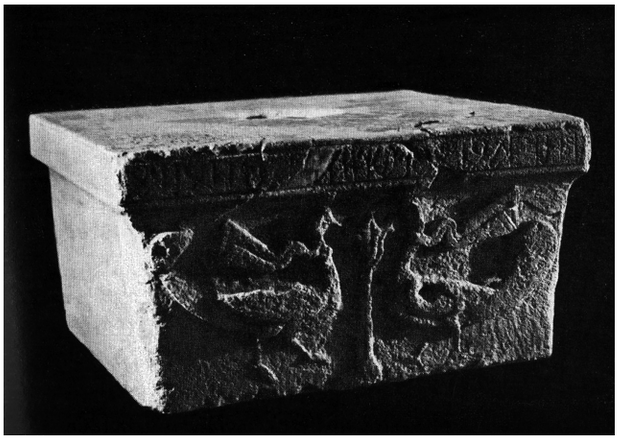

Рис. 4. Каменная колонна, найденная на территории Мингечявирских храмов V–VI вв. [Искусство Азербайджана, 1976, с.33, 40]

В своей статье, посвященной изучению этого ценного памятника, Г.Н.Чубинашвили всесторонне проанализировал два основных вопроса – окружение изображения на памятнике и период существования памятника. Для решения первой задачи автор подробно проанализировал общую композицию изображения, павлинов, лент на шее и «древа жизни» между ними, а также привел обширный список доступной литературы по этой теме.

В результате связи образцов материальной и духовной культуры, существовавших на территории Азербайджана в средние века, с зороастризмом, был сделан вывод о том, что зороастрийская культура является важной частью истории и культуры Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Abdulayev B. Haqqın səsi. Baku: Azərnəşr, 1989, 140 s.
2. Dadaşzadə M. Azərbaycan xalqının orta əsr mənəvi mədəniyyəti (tarix etnoqrafik tədqiqat). Bakı: Elm, 1985, 216 s.
3. Əliyev V.H., Ağazadə T.D. Zağalı kəndindən tapılmış tunc qrifon haqqında // Azərbayjan SSR Elimlər Akademiyasının Xəbərləri, №3, 1986, s.75-80.
4. Xəlilov C.Ə. Memarlıq incəsənət nümunələri / Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. VII hissə. Bakı: EA Azərb. SSR, 1973, s.11-18.
5. Nuriyev A.B. Şamaxı rayonunda tapılmış tunc qartal fiquru // Azərbaycan SSR EA mə'ruzələri, 1972, №11-12, s.73-76.
6. Təhmasib M.H. Əfsanəvi quşlar // Vətənin uğrunda. Bakı, 1945, 40 s.
7. Vahidov R.M. Mingəçevir III–VIII əsrlərdə (Arxeoloji qazıntılar əsasında). Bakı: EA Azərb. SSR, l961, 161 s., 10 s. ill
8. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.: Нева, Летний сад, 1998, 480 с.
9. Бонгарад -Левин Г.М, Грантовский Э.А. От скифи до Индии. М.: Мысль, 1983, 206 с.
10. Борисов Л.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л.: Эрмитаж, 1963, 220 с.
11. Искусство Азербайджана IV–XVIII веков /А.С.Бретаницкий, Б.В.Веймарн. М.: Искусство*, 1976,* 272 с.
12. Касумова С.Ю. Азербайджан в III–VIII веках. Баку: Элм, 1993, 140 с.
13. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 140 с.
14. Лешенко В.Ю., Оборин В.А. Новые находки восточного серебра в Прикамье // Советская археология, 1996, №3, с.241-245.
15. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана III–V. М.: Наука, 1969, 244 с.
16. Мифы Народов Мира. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1992, 719 с.
17. Тревер К.В. Очерки по истории культуре Кавказской Албании. М.-Л., АН СССР, 1959, 392 с.
18. Тревер К.В. Сэнмурв – Паскудж Собака – Птица. Л.: Эрмитаж, 1937, 74 с.

Гошгарлы Гошгар
Заведующий отделом «Археологическая служба»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ КАВКАЗСКО-ПЕРЕДНЕАЗИТСКОГО РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПАРФИИ И РИМА НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭР

Во II в. до н.э. в Средиземноморском, Переднеазиатском и Центрально–азиатском регионах прошли глобальные политические изменения, во многом определившие дальнейший ход исторических процессов в указанных регионах на протяжении нескольких последующих веков. Главным двигателем этих процессов было глобальное военно-политическое и экономическое противостояние двух великих империй древности – Римской и Парфянской. В борьбу этих титанов в той или иной степени были вовлечены и десятки больших и малых государств Средиземноморья, Передней и Центральной Азии, и Южного Кавказа, в том числе и одно из древнейших государств на территории исторического Азербайджана – Кавказская Албания.

В середине II в. до н.э. Рим, окончательно расправившись с Карфагенской державой в ходе третьей пунической войны (149–146 гг. до н.э.) и тогда же подчинив себе Македонию и греческие полисы на юге Балкан и на побережье Малой Азии, стал фактически хозяином всего Средиземноморья [Егоров, 1989, с.449-451]. Завоевательные войны Рима не в последнюю очередь преследовали и торговые цели. Уникальная международная торговая система, веками создававшаяся финикийцами, греками и карфагенянами в бассейне Средиземноморья, перешла под контроль римлян.

В тот же период произошёл окончательный распад огромного Селевкидского царства. В его восточных провинциях ещё в III в. до н.э. сложилась Парфянское царство. Оно во второй половине II в. до н.э. при царе Митридате I (171–138 гг. до н.э.) стало мировой державой, границы которого простирались от Амударьи на востоке до Евфрата на Западе [Зеймаль, 1989, с.452-455]. К востоку от Парфии в начале II в. до н.э. существовало сильное Греко-Бактрийское царство, сохранявшее греческие традиции политического устройства и социальной жизни [Зеймаль, 1989, с.460], а в конце II в. до н.э. его сменило Кушанское царство, ставшее на рубеже двух эр, наряду с Парфией и Римом, одним из гарантов функционирования Великого Шелкового пути [Зеймаль, Ильин, 1989, с.220-222; Всемирная история, 1956, с.669-676].

Не удержали Селевкиды под своей властью и земли к западу от Евфрата. Здесь во II в. до н.э. возникли множество самостоятельных больших и малых государственных образований. Это были Понтийское царство на юго–восточном побережье Чёрного моря [Сапрыкин, 1996], Армянское царство вокруг озера Ван [Тревер, 1953], а также Каппадокия, Пергам, Пальмира, Иудея и другие [Свенцицкая, 1989, с.330-338], а само Селевкидское государство к концу II в. до н.э. сократилось до небольшого Сирийского царства. Оно, как и все перечисленные государства к западу от Евфрата, возникшие в ходе распада Селевкидской империи в I в. до н.э. стали римскими провинциями или же зависимыми от Рима вассальными государствами [Егоров, 1989, с.37-38].

В III–II вв. до н.э. стабилизировалась и ситуация на Южном Кавказе. Здесь в западной причерноморской зоне располагалось Колхидское царство, а к востоку от нее, к югу от Большого Кавказа находилась государство Иберия. В восточной части Южного Кавказа от Главного Кавказского хребта на севере до реки Араз на юге и от Каспия на востоке до озера Геокча на западе и Алазанской долины на северо–западе располагалась Албания. Эти три страны в своё время входили в состав Ахеменидского государства и, по всей видимости, как показывают раскопки грандиозного дворцового комплекса в Шамкирском районе, получившего, среди исследователей название «кавказского Персеполиса», входили в V–IV вв. до н.э. в одну сатрапию [Babayev, Qagoşidze, Knauss и др., 2012, с.379-385]. Ахемениды, как известно, особое внимание уделяли развитию международной торговли. Неслучайно Дария I за его заинтересованность в развитии тор-

говли называли «торгашом» [Рейдер, Черкасова, 1979, с.246]. Ахемениды сохранили сложившуюся до них систему международной торговли такой, какая она есть, и даже пытались стимулировать её развитие. Этому во многом содействовал ввод в торговый оборот новой монеты – «золотой дарик». Высокое содержание чистого золота в этих монетах (97%) позволяло им долгое время играть роль главной золотой монеты в международной торговле [Дандамаев, 1989, с.141]. Наряду с этим было построено много мощеных камнем, так называемых «царских дорог», на которых были созданы разветвленные системы инфраструктур для обслуживания как лиц, выполняющих государственные поручения, например царские гонцы, так и купцов, занимающихся торговлей с дальними странами [Геродот, 2006, V, 52-54, с.347]. Всё это, несомненно, касалось и владений персов на Южном Кавказе, а, следовательно, задолго до римско–парфянской эпохи, между отмеченными государствами Южного Кавказа, сформировались достаточно широкие торгово-экономические связи. По мнению многих исследователей, к которому присоединяемся и мы, именно в ахеменидский период, в начале V в. до н.э., после завоевания персами северо–западной Индии, сформировался особый торговый путь из Индии через Центральную Азию к восточному побережью Каспия и далее через него к устью Куры, а затем по этой реке через всю Албанию в Иберию и, уже оттуда по реке Риони – к черноморскому побережью Колхиды [Брашинский, 1980, с.98-99; Гозалишвили, 1956, с.153-160; Лордкипашидзе, 1957, с.373-389; Гошгарлы, 2009, с.33-40; Гошгарлы, 2020, с.38-56]. Наличие такого активно функционирующего торгового пути, с одной стороны, создавало тесные торговые связи между Колхидой, Иберией и Албанией уже в ахеменидскую эпоху, с другой стороны содействовало их вовлечению в международную торговлю указанным путем.

Не исключено, что именно большое значение этого торгового пути стало причиной подробного и, что очень важно, абсолютно верного описания Каспийского моря у Геродота [Геродот, 2006, I, 202-204, с.99]. По мнению М.М.Расуловой, скорее всего, информаторами Геродота были сами купцы, ведущие торговлю по данному маршруту, с которыми он мог контактировать во время своего пребывания в Фасисе – одной из важнейших греческих эмпорий на восточном побережье Чёрного моря [Расулова, 2008, с.82-83]. Но Геродот о самой этой торговой трассе ничего не сообщает. Пальма первенства здесь принадлежит Страбону, который, ссылаясь на более ранних исследователей, в частности, Эратосфена, Аристобула и Патрокла, подробно описал все этапы этой торговой трассы, которая в научном мире получила условное название «дороги Страбона» [Гошгарлы, 2009, с.33-40].

Наш акцент на данный торговый путь объясняется тем, что он продолжал функционировать и в последующие эллинистический и римско–парфянские периоды переднеазиатской и южнокавказской истории и, в определённой степени, определял внешнеполитический вектор парфянской и римской политики на Южном Кавказе на рубеже двух эр, в том числе и в отношении к Албании.

В начале II в. до н.э началось массовое переселение на восточное Средиземноморское побережье, а оттуда – в Малую Азию, Рим. Но вскоре, в связи со сложными социальными, экономическими и политическими кризисами, охватившими римское общество [Егоров, 1989, с.22-29], активность Рима на Востоке была приостановлена и возобновилась лишь в начале I в. до н.э. В это время произошли очередные политические изменения в Переднеазиатском регионе. Во второй половине II в. до н.э. ослабла и активность Парфии к западу от Евфрата, так как ей самой с востока стали угрожать кочевники тохары. Фактически всю вторую половину II в. до н.э. Парфия отражала натиск тохар и лишь при Митридате II (123–88 гг. до н.э.) ситуация на востоке была стабилизирована и Парфия вновь активизировала свою политику на Южном Кавказе и к западу от Евфрата [Зеймаль, 1989, с.453-455]. Именно Митридат II утвердил на престоле Армении находившегося у него в плену армянского царевича Тиграна, который став царём Армении Тиграном II, сразу же «отблагодарил» Парфию, разорвав союз с ней и заключив союз с царём Понта Митридатом VI Евпатором, женившись на его дочери [История древнего мира, 1989, кн.2, с.390].

В этой ситуации в конце II в. до н.э. начал функционировать Великий Шелковый путь, ставший важнейшим фактором, определившим внешнюю политику всех ведущих стран, через территорию которых он проходил.

С тех пор, как Шелковый путь уже начал функционировать, было сформировано несколько ответвлений, интенсивность которых в то или иное время зависела от политической ситуации в районах вдоль этого пути. В целом, есть 3 основных ответвления Великого шелкового пути, которые активно использовались в античный период [Иерусалимская, 1990, с.58-60].

Все они брали свое начало в столице Китая – Чаньане и вдоль Великой Китайской стены шли к городу Дуньхуа, где начиналась Такла-Макакская пустыня. Здесь дорога раздваивалась, огибая пустыню с юга и севера. Южный путь вдоль озера Иссык-куль и Хотан, выходил к Бактрии, где распадался на два маршрута. Первый шёл на юг в Индию, а второй на запад в район г.Мерва, где, соединившись с северным путём, через земли Парфии, огибая Каспий с юга, через Месопотамию и Сирию выходил к Средиземному и Чёрному морям. Более сложным был третий путь, который из Китая, через горы Тянь-Шаня и Ферганскую долину вёл к Самарканду, Бухаре и Хорезму, а затем в сторону Каспия и, огибая его с севера, через предкавказские степи выходил к греческим колониям на берегу Азовского и Чёрного морей, в частности к Танаису [Гошгарлы, 2020, с.36-37]. Кроме этих трёх основных дорог существовали и другие, берущие начало от основных. Интенсивность функционирования этих дорог во многом зависела от политической ситуации, сложившейся на этих территориях в тот или иной исторический период на протяжении этих маршрутов.

Следует обратить внимание на то, что в Центральной Азии в районе Бактрии, Согдианы и Хорезма дороги Великого Шелкового пути пересекались с так называемой «дорогой Страбона» функционировавшей, как отмечалось выше, со времён Ахеменидского царства (VI–IV вв. до н.э.). Её активное функционирование за более чем три столетие до возникновения Великого Шелкового пути, несомненно, сформировало вдоль неё развитую инфраструктуру, обеспечивающую её жизнедеятельность. И если к этому добавить и то, что это была самая короткая дорога из Центральной Азии в бассейны Чёрного и Средиземного морей, то было бы странно, чтобы купцы, на рубеже двух эр, торговавшие по Шелковому пути, не использовали эту веками «обкатанную» международную торговую дорогу, не превратив её в одну из активно функционировавших ветвей Великого Шелкового пути. Это превращало государства Южного Кавказа не только в активных участников международного торгового обмена на рубеже двух эр, но и в зону политического соперничества великих держав того времени, которые стремились контролировать эту дорогу и страны через, которые она проходила. Основная борьба здесь на рубеже двух эр (II–I вв. до н.э. I–II вв. н.э.) велась между крупнейшими империями – Парфянской и Римской. Парфия делала всё, что в её силах, чтобы лишить Рим возможности напрямую наладить торговые связи с Дальним Востоком, зарабатывая большие средства на посреднической торговле. А Рим, в свою очередь, стремился вопреки усилиям Парфии установить прямые устойчивые торговые связи с Центральноазиатскими странами- Китаем и Индией, без парфянского посредничества. Этот фактор во многом определял внешнеполитические отношения между этими империями. Но в конце второй половины II в. до н.э., когда Рим и Парфия некоторое время, как уже отмечалось, решали внутренние социально-политические и экономические проблемы, в борьбу за контроль над Великим Шелковым путём включились Армения и Понтийское царство. Через их владения в Малой Азии проходил последний участок наиболее активного южного маршрута Великого Шелкового пути. Более того понтийский правитель Митридат VI Евпатор в начале I в. до н.э. подчинил себе Колхидское, а затем и Боспорское царства на черноморском побережье [Немировский, 1980, с.154-160]. Кроме того, что это усиливало позиции Митридата VI Евпатора на Кавказе и в Приазовье, но ещё и давало огромные экономические выгоды. Например, Колхида была богата золотом, корабельным лесом, зерном, льном, пенькой, воском и другими товарами, а ещё колхи были прекрасными воинами [Немировский, 1980, с.157-158]. После захвата Колхиды и Боспора, не только южная ветвь Великого Шелкового пути, но и два других его основных маршрута, а именно, южно-кавказская, то есть «дорога Страбона», выходившая по Куре и Риони к греческой колонии (эмпории) на побережье Колхиды-Фасису, и северная, огибавшая Каспий с севера и ведущая в города Боспора Пантикапей и Танаис, оказались под контролем Митридата VI Евпатора.

Пользуясь поддержкой Понтийского царства, активизировался и царь Армении Тигран II. Он, в верховьях Тигра и Евфрата, в зоне южного маршрута Шелкового пути, к юго–западу от озера Ван основал новую столицу Тигранокерт, куда переселил множество ремесленников и купцов из захваченных им городов Сирии и Малой Азии [История древнего мира, кн.2, 1989, с.392].

Сложившаяся ситуация Парфию особенно не волновала, так как затрагивала тот отрезок южного маршрута Шелкового пути, который располагался к западу от Евфрата и не входил в зону ответственности и контроля Парфии. Но для Рима Армения при Тигране II, и Понт при Митридате VI Евпаторе становились новыми звеньями в посреднической торговле с Центральноазиатским регионом, Китаем и Индией. Это обстоятельство, с одной стороны,

значительно повышало цены на восточные товары, поступавшие по всем трём основным маршрутам Шелкового пути в пределы римских владений, а с другой стороны, мешало продвижению римской товарной продукции на Восток. Совершенно ясно, что такая ситуация не могла устраивать Рим и его политика на Востоке уже в начале I в. до н.э. преследовала цель ликвидировать эти лишние посреднические звенья, что и было реализовано в результате походов Суллы, Лукулла и Помпея, и, в итоге, привело к значительному расширению Римской державы на Востоке.

Повод Риму для массированного наступления на Восток создали сами правители Понта и Армении, вторгнувшись в римские владения в Малой Азии. На сторону Митридата VI перешли Афины. Римский Сенат сразу направил против Митридата VI армию под командованием Суллы. В 86 г. до н.э. в битвах при Херонее и Орхомене Митридат VI был разбит. В 85 г. до н.э. в Дардане был заключён мир. Митридат IV вернул Риму все его владения и выплатил контрибуцию [Егоров, 1989, с.34]. Но вскоре в Риме вновь вспыхнули серьёзные социально-политические проблемы связанные сперва с восстанием в Испании полководца Квинта Сертория, а затем последовало восстание рабов под предводительством Спартака, что вновь отвлекло Рим от проблем на Востоке, где Митридат VI вновь стал угрожать его интересам [Егоров, 1989, с.36-38]. Тогда Рим решил окончательно разрубить этот «гордиевой узел» и взять, наконец, под свой контроль ситуацию в Малой Азии и на Южном Кавказе. В 60-е гг. I в. до н.э. в результате, неоднократно описанных в научной литературе, походов римских полководцев Лукулла и Помпея, Митридат VI был разбит, вытеснен из Понта и сбежал в Колхиду, а оттуда в Боспор, где правил его сын Фарнак. Понт, Вифиния, Сирия и присоединённая к ней Иудея стали провинциями Рима, при определённой автономии для Иудеи [Егоров, 1989, с.38]. Царь Армении Тигран II, лишившийся поддержки Понтийского царства и, испортивший отношения с Парфией, вынужден был признать себя вассалом Рима и отказаться от всех завоеваний.

Таким образом, созданная при содействии сильных союзников путём захвата земель соседних стран обширная территория вышла из-под контроля Армении. Государство, созданное Тиграном II, распалось уже при его жизни. По миру, заключённому с Помпеем в Арташате в 66 г. до н.э. Тигран II признал себя «другом и союзником римского народа» и уплатил огромную денежную контрибуцию. Отныне судьба Армении на протяжении нескольких веков будет в руках Рима, а на её территории постоянно будут стоять римские легионы.

Таким образом: «… находясь на важнейшем пути между Ираном (Парфией) и Римом, имея огромное стратегическое значение для обеих держав, Армения без помощи надёжных союзников едва могла поддерживать лишь собственную независимость в пределах своей коренной территории. Обширные завоевания оказались ей не по силам, и империя Тиграна стала разваливаться ещё при его жизни» [История древнего мира, 1989, кн.2, с.392].

Разгромив Митридата VI в Понте и подчинив власти Рима Армению, Помпей, решил заняться подчинением Риму Южного Кавказа, но прежде чем направиться в Колхиду, где укрылся Митридат VI, решил обезопасить себя с тыла и разобраться с двумя государствами Южного Кавказа – Албанией и Иберией. Оба оказывали Митридату VI и Тиграну II помощь в борьбе с Римом [Тревер, 1959, с.88-90] и, с точки зрения Помпея, должны были быть наказаны.

Согласно римским авторам [Страбон, Тит Ливий, Плиний Старший, Клавдий Птолемей, Дион Кассий и др.], албаны вначале разрешили римлянам пройти через их земли, чтобы преследовать Митридата VI, но впоследствии, когда Помпей решил перезимовать в Албании на берегу Куры, албаны решили напасть на них. Эта битва, произошедшая в декабре 66 г. до н.э. и закончившаяся победой римлян, как и весь поход Помпея на Кавказ неоднократно были подробно описаны в научной литературе [Тревер, 1959, с.91-96; История древнего мира, 1989, кн.2, с.392-394; Алиев, 1992, с.173-176; Расулова, 2008, с.124-126; Гошгарлы, 2019, с.47-49], но, тем не менее, некоторые детали этого похода, как нам представляется, могут иметь несколько иную интерпретацию.

Разбив албан на Куре и заключив с их царём Оройсом мир, Помпей вторгся в Иберию, разбил её царя Артока и, взяв в заложники его сыновей, вторгся в Колхиду, и вскоре оказался на Черноморском побережье в Фасисе, где его уже ждал римский флот. Дальнейший поход Помпея на Южном Кавказе источники, а вслед за ними и исследователи, опирающиеся на них, рассматривают по единой схеме.

Прибывший в Фасис Помпей Митридата VI в Колхиде не застал. Он успел перебраться к сыну в Боспор, и тогда же Помпей получил сведение о том, что Оройс снова готовится к войне с ним. Из двух вариантов – завершить преследование Ми-

тридата VI или же отправиться вновь усмирять албан – Помпей выбрал второй.

Исследователи давно обратили внимание, что Помпей не очень активно преследовал Митридата VI после его бегства из Армении. Видимо, он считал его уже не опасным для основных интересов Рима и по ходу этого преследования больше внимания уделял другим вопросам, а именно – установлению римского контроля над Южным Кавказом и недопущения усиления влияния Парфии к северу от Атропатены.

Но решив, наказать албан за нарушение заключённого с Помпеем договора, он отправился в поход на Албанию некоротким путём, через уже покорённую Иберию, а окружным путём через Армению. Этот странный маршрут из Фасиса в Армению с последующим разворотом в сторону Албании выглядит крайне нелогичным, так как давал албаном дополнительное время для подготовки к войне. А ведь хорошо известно, что скорость и внезапность всегда были основными козырями военной стратегии и тактики Помпея. В научной литературе имеются несколько версий, объясняющих этот странный маршрут, всесторонний анализ, которых дан в работе К.В.Тревер [Тревер, 1959, с.96-108]. Но все они, в том числе и сама К.В.Тревер исходили из сообщений античных авторов, единогласно утверждавших, что цель второго похода Помпея – наказать албан за нарушение договора. Однако, детальный анализ второго похода Помпея показывает, что причину этого второго вторжения следует искать в иной плоскости. Важен тот факт, что решение о новом походе в Албанию Помпей принял в Фасисе, где он имел возможность лично убедиться в её роли в обширной торговле с Востоком. Фасис был крупной эмпорией, куда прибывали торговые люди из Бактрии, Индии, Китая [Юсупов, 1984, с.77-97]. Торговля шла по «дороге Страбона». Фактически Колхидский и Иберийский участки этого торгового пути были уже под контролем Помпея, а если к нему присоединить и албанский участок этого торгового пути, то можно было решить сразу две задачи. Во-первых, не допустить, как уже отмечалось, роста влияния Парфии на Южном Кавказе к северу от Атропатены, во-вторых, выйти на Центральноазиатский участок Шелкового пути, минуя Парфию. Видимо, именно этот фактор обусловил второй поход, и, следовательно, албаны заключенный с Помпеем договор не нарушали и к новой войне не готовились.

Скорее всего, биографы Помпея и, прежде всего, участники его походов в Переднюю Азию, и на Южный Кавказ, в частности Феофан Митиленский, записи и отчёты которого, являлись для римских историков основным источником в данном вопросе, старались снять с Помпея ответственность за нарушение договора с албанами, обвинив в этом самих албан. Анализ второго похода чётко показывает неготовность албан к большой войне с Помпеем. С этой точки зрения выбранный Помпеем окружной путь из Фасиса через Армению в Албанию, становиться абсолютно закономерным. Таким маршрутом он, до последнего момента мог скрыть свои истинные намерения, и резко развернувшись из Армении в сторону Албании, застигнуть Оройса врасплох. Помпей смог полностью реализовать свой план. Развернувшись в Армении в зоне Дилижана в сторону Агстафы, он не встретил сопротивление албан и без особых осложнений переправился через Куру. На длительном пути от Куры до реки Иори, а затем от Иори до Алазани, где начинался албанский участок «дороги Страбона», он также не встретил сопротивление албан. Только перейдя Алазань, когда открылась прямая дорога на столицу Албании Габалу, албаны в 65 г. до н.э. решили дать бой римлянам, в котором Помпей вновь одержал победу. Исследователи, проанализировав сведения римских авторов об этой битве, приходят к выводу, что здесь, Помпею противостояла наспех собранное и слабо вооружённое ополчение из горских племён, в составе которого участвовали и женщины. Ударной силой, призванной усилить пешее ополчение, была конница под командованием брата Оройса Косиса. Именно разгром Помпеем этой конницы решил исход битвы при Алазани. Победа в этой битве открывала Помпею дорогу на столицу Албании-Кабалаку (Габалу), но Помпей став лагерем в предгорьях Большого Кавказа, начал переговоры с Оройсом, итогом которых стало письмо Оройса с признанием своего подчинения Риму, богатые дары Помпею и выдача двух заложников, из числа представителей албанской знати, которые, впоследствии, участвовали в триумфе Помпея в Риме [Тревер, 1959, с.105]. Дальнейшие действия Помпея полностью подтверждают основную цель этого второго похода в Албанию – добраться до Каспия по албанской части «дороги Страбона» и установить полный контроль Рима над этой международной торговой трассой на участке от Чёрного до Каспийского морей. Но этот последний этап походов Помпея в Албанию в римских источниках освещён очень скудно и, главное, противоречиво [Тревер, 1959, с.105-107]. Дальнейший маршрут Помпея можно реконструировать, опираясь на

сообщения Плутарха: «После этой битвы Помпей намеривался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трёх дней пути» [Плутарх: Помпей, 36]. Этот пассаж Плутарха, в сочетании с целью Помпея обследовать албанский отрезок «дороги Страбона», позволяет утверждать, что римляне двигались в сторону Каспия вдоль правого или левого берега Куры, так как действительно в летнее время в Мильской и Муганской степях много ядовитых пресмыкающихся. Но вряд ли это могло остановить легионы Рима, завоевавших половину ойкумены. Источники не сообщают о новых крупных битвах римлян с албанами и высказанное В.И.Левиатовым предположение, что повернуть назад Помпея заставило сопротивление албан, не имеет реального подтверждения [Левиатов, 1950, с.82]. Вероятнее всего, вернуться в Малую Азию, не дойдя до Каспия, Помпея заставило изменение политической ситуации в Переднеазиатском регионе.

Анализируя походы римлян во главе с Лукуллом и Помпеем в Малую Азию и Южный Кавказ, нельзя рассматривать их в отрыве от взаимоотношений Рима с Парфией. Глобальное соперничество между ними не исключало гибкой политики по отношению друг к другу в определённые исторические моменты.

Так, в 95 г. получивший трон Армении из рук царя Парфии Митридата II, Тигран II, вскоре, пользуясь временным ослаблением Парфии, занял Атропатену, дошёл до Экбатаны, где сжёг летнюю резиденцию парфянских царей [История древнего мира, кн.2, 1989, с.390-391], и, как уже отмечалось, заключил союз с царём Понта Митридатом VI Евпатором и породнился с ним.

В ответ на это в 92 г. царь Парфии Митридат II отправил посольство в Рим к Сулле, впервые установив контакт с Римом. Этот шаг можно рассматривать как сигнал Риму, что Парфия не будет вмешиваться в борьбу Рима с Понтийским и Армянским царствами, которые в союзе друг с другом вторглись в римские владения в Малой Азии и на Балканах [История древнего мира, кн.2, 1989, с.391]. Рим в 87–86 гг. до н.э. осуществил карательный поход, нанёс Миттридату VI поражения в Греции и в Малой Азии. В итоге, как уже указывалось, в 85 г. до н.э. Митридат VI заключил с Суллой мир в г.Дардане, освободил все захваченные римские провинции и выплатил большую контрибуцию [Егоров, 1989, с.34], Армения на этот раз разгрома избежала.

В период походов Лукулла и Помпея Парфия также сохраняла нейтралитет [Алиев, 1992, с.34-35], снова рассчитывая избавиться от Тиграна II и Митридата VI Евпатора руками Рима. Но когда цель была достигнута, Парфия явно не собиралась и дальше оставаться нейтральной, позволив Риму установить, в обход неё, торговые связи с Центральной Азией, Китаем и Индией. Пользуясь тем, что Помпей «увяз» в Албании, царь Парфии Фраат III стал разорять подвластные Тиграну II, а фактически Риму, территории, поставив под угрозу достижения Помпея на востоке Малой Азии. Это означало начало нового цикла борьбы Парфии с Римом, что и вынудило Помпея срочно покинуть Албанию, и сосредоточиться на борьбе с Парфией. В целом этот цикл борьбы Рима с Парфией с переменным успехом будет длиться до конца I в. до н.э.

Таким образом, Помпей оказался первым римским полководцем, успешно воевавшим на Южном Кавказе. Но Албания и Иберия, хотя и упоминалась во время триумфа Помпея в Риме, в числе завоеванных стран, их зависимость от Рима, в силу отдалённости и последующих политических событий носили номинальный характер, и они так и не стали римскими провинциями [Алиев, 2003, с.35]. Но с этого времени Рим постоянно держал ситуацию на Южном Кавказе под контролем и при угрозе его интересам в этой зоне, тотчас активно реагировал на негативные для него процессы. С этой целью в Армении, Сирии, Каппадокии и Колхиде постоянно дислоцировались римские легионы. Что касается Иберии и особенно Албании то, по мнению исследователей, после походов Помпея часть торговли Рима с Востоком шла через Южный Кавказ, в обход Армении и Парфии [История древнего мира, кн.2, 1989, с.393].

Следующий этап борьбы Парфии и Рима охватывает 50–30-е гг. I в. до н.э. В середине I в. до н.э., в период так называемого первого триумвирата, когда Гней Помпей, Марк Красс и Юлий Цезарь, заключив союз, стали переформатировать внутриполитическую систему Римской республики под себя, внимание к Востоку вновь ослабло, чем сразу воспользовались Парфия. Восстановить позиции Рима и добиться ещё больших чем у Помпея успехов на Востоке, попытался Марк Красс. Но его поход против Парфии в 53 г. до н.э. обернулся для Рима катастрофой. В битве при Каррах в Месопотамии он был разбит и погиб вместе с сыном. Погибли 20 тыс. римских легионеров, и почти столько же попали в плен [Алиев, 1989, с.89]. Парфия сразу же оккупировала Сирию и стала контролировать

всю территорию до Иерусалима [Зеймаль, 1989, с.454]. Естественно, что позиции Рима ослабли и на Южном Кавказе. Исправить ситуацию планировал Юлий Цезарь. У него были грандиозные планы. В первую очередь он хотел наказать Парфию [Шифман, 1990, с.27], а затем вдоль Каспия через земли албан выйти на Северный Кавказ, покорить здесь алан и сармат, Понтийское царство, а затем и германские племена и, дойдя до покоренной им уже Галии, через неё вернуться в Италию [Дарабади, 2009, с.10]. Но неожиданное убийство Цезаря оставили эти планы нереализованными.

Впоследствии, осуществить эти планы Цезаря попытался один из его полководцев, участник Второго триумвирата Марк Антоний. Он, став правителем всех восточных провинций Рима, сблизился с царицей Египта Клеопатрой и обосновался в Александрии. Отсюда он в 39 и 38 гг. до н.э. совершил успешные походы в Парфию, но большой поход 36 г. до н.э. против союзника Парфии Атропатены закончился неудачной осадой города Фрааспы, в ходе которой Антоний потерял много войск и осадной техники и был вынужден отступить в Армению [Плутарх: Антоний, 37-50; Алиев, 2004, с.107-108].

Здесь он обвинил в своей неудаче царя армян Артовазда, который нарушил договор и не пришёл на помощь римлянам. Артовазд был вывезен в Александрию и там казнён [Тревер, 1959, с.111]. Антоний, покидая Армению, оставил здесь своего полководца Публия Канидия Красса, поручив ему покорить Иберию и Албанию, что и было им сделано. По сообщению Плутарха, Канидий сперва разбил царя Иберии Фарнабаза, а затем заключил с ним союз, и они вместе напали на царя Албании Зобера, заставив его признать над собой власть Рима [Тревер, 1959, с.112].

Таким образом, в 30-е гг. I в. до н.э. Рим пытается восстановить свои позиции в Передней Азии и на Южном Кавказе. По мнению К.В.Тревер, Канидий оставил гарнизоны в Армении, Иберии и Албании, которые были перебиты армянским царём, сыном казнённого Антонием Артовазда, Арташатом II, а так как в этот момент борьба Антония с Октавианом вступила в решающую стадию, Рим снова, временно, потерял контроль над Южным Кавказом [Тревер, 1959, с.113-114]. Однако, анализ источников, и ход дальнейших событий показывает, что ситуация была не столь однозначной, как указывает К.В.Тревер.

В глобальной политической борьбе, которую вели Парфия и Рим, пытаясь контролировать основные евразийские пути, в лице трёх упомянутых выше главных маршрутов Шелкового пути, небольшим странам региона, расположенных на пути этих маршрутов отводилась незавидная роль разменной монеты. Они, используя своё географическое положение, пытались постоянно балансировать между Римом и Парфией и путём союзов, договоров, признанием верховенства и т.д. сохранить, если и не абсолютную независимость, то хотя бы внутреннюю самостоятельность. Ярким примером здесь может служить Атропатена. В период походов Лукулла, Помпея, Красса и Антония она была активной союзницей Парфии, но после неудачи Антония под Фрааспой и его отступления, царь Парфии Фраат IV попытался полностью подчинить себе Атропатену. Тогда её правитель Артавазд Мидийский, пошёл на сближение с Римом в лице Марка Антония. По сообщению Плутарха, Антоний в 34 г. до н.э. посетил Атропатену, заключил союз с Артаваздом, посватав за своего сына от Клеопатры дочь Артавазда [Плутарх: Антоний, 53]. Аналогичные колебания в виде «политики маятника» характерны для всех мелких государств Южного Кавказа и Передней Азии в период глобального противостояния Парфии и Рима.

После победы над Антонием и покорения в 30 г. до н.э. Египта, политику Рима на Востоке продолжил Октавиан Август, ставший единоличным правителем огромной Римской империи. В Парфии в 20-е гг. I в. до н.э. началась борьба царя Фраата IV со своим братом Тиридатом, в итоге, которой Тиридат, сбежал к римлянам, уведя с собой сына Фраата IV. Август выступил в роли посредника в борьбе братьев. Он отказался вернуть Фраату Тиридата, используя его как запасного козыря в борьбе с Парфией, а за возвращение сына потребовал, чтобы Фраат IV вернул Риму всех пленных и знамёна римских легионов, что и было исполнено [Шифман, 1990, с.121].

Далее Октавиан Август восстановил на троне Атропатены свергнутого Фраатом IV Артавазда, а на трон Армении усадил воспитанного в Риме Тиграна III. В этот же период Октавиан Август восстановил позиции Рима и на Южном Кавказе. Как следует из так называемой Анкирской надписи, в которой он сообщает, что дружбу с ним через послов просили также цари албан, иберов и мидян [Тревер, 1959, с.116]. Ситуацию в Армении и Колхиде римляне жёстко контролировали, разместив здесь свои легионы. Попытка Армении, после смерти Тиграна III, при взошедшим на трон Тигране IV и его сестре Эрато, выйти из-под контроля Рима завершилась катастрофой. Тигран IV погиб в борьбе с римляна-

ми, Эрато от трона отрекалась, а управление Арменией было передано Августом царю Атропатены, сыну Артавазда. Артобарзану II [Алиев, 1989, с.101]. В Иберии и Албании римских войск не было, источники о вмешательстве Рима при Августе в их дела ничего не сообщают, и, видимо, такая ситуация вполне устраивала Рим. Положение стабилизировалось и почти весь I в. н.э. крупных военных столкновений между Римом и Парфией не было. Но это вовсе не означало, что Парфия согласилась с ослаблением своих и усилением римских позиций в Передней Азии и на Южном Кавказе.

После смерти Августа в 14 г. н.э. Парфия в 20 г. н.э. возвела на трон Атропатены представителя своей династии Аршакидов. Римская эпоха в истории Атропатены завершилась, и она вернулась в «парфянское лоно» [Алиев, 1989, с.104]. Но, когда Парфия попыталась осуществить «аршакидизацию» и Армении, то преемник Августа Тиберий выступил категорически против. Более того он склонил царей Албании и Иберии пропустить через контролируемые ими горные проходы Большого Кавказа кочевников – алан и сарматов. Кочевники в 35 г. нанесли поражении Парфии и разорили многие её области [Тревер, 1959, с.118-119]. Далее Рим, в соответствии со своим принципом «разделяй и властвуй», в середине I в. н.э. столкнул Иберию с Албанией, открыто поддерживая первую. Видимо, Албания, чтобы как-то уравновесить ситуацию, пошла на сближение с Парфией.

Хотя в письменных источниках прямых сообщений об этом нет, но как показывают данные археологии именно в этот период Албанию наводнили парфянские монеты [Расулова, 2008, с.146] и в Албании в I–II вв. н.э. внезапно появляются могильники с нехарактерными для местного населения типами погребений. Это захоронения в гробницах из сырцовых кирпичей [Розендорф, 1906, с.86-108; Гуммель, 1940, с.145-160; Алиев, 1973, с.233-243; Гошгарлы, 2012, с.60-65], выявленные на территории современного Гейгельского района, недалеко от правобережья Куры, а также захоронения в глиняных саркофагах, выявленных на территориях, примыкающих к левобережью Куры [Халилов, 1985, с.86-89; Бабаев, 1990, с.106-108; Алиев, Османов, 1989, с.56-67; Гошгарлы, 2012, с.76-81]. Аналогичные типы погребений имеют широкое распространение и длительную историческую традицию на территории Парфии [Литвинский, 1983, с.81-122; Литвинский, Седых, 1983, с.100-104]. Все эти могильники зафиксированы ниже Мингячевира недалеко от правого и левого берегов Куры. Не приходится сомневаться, что Парфия, в целях усиления своих позиций в Албании, переселяла в её пределы племена из различных областей своего государства, расселяя их на стратегически важном участке Албании, дающим возможность держать под контролем торговые операции вдоль «дороги Страбона» на её албанском участке. Сколь велико было влияние Парфии на Албанию в I в. н.э. нам не известно, но анализ политических событий второй половины I в. н.э. показывает, что отношения скорее были союзническими, чем вассальными, и Албания могла проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Во второй половине I в. до н.э. северокавказские кочевые племена алан и сармат заметно, активизировались и Риму с Парфией, пришлось остановить борьбу друг с другом и объединить усилия в борьбе с набегами кочевников на Южный Кавказ и в пределы Парфии и римских провинций в Передней Азии.

В 68 г. н.э. император Нерон планирует большой поход в Албанию с целью установить контроль над Дербентским проходом, который контролировала Албания. Иберия в этот период контролировалась Римом, что обеспечивало контроль над Дарьяльским проходом. Албания же, в этот период, была в оппозиции к Риму из-за его проиберийской позиции. Не было ещё и действенного контроля над Албанией и у Парфии. В такой ситуации, Албания, в случае необходимости, могла пропустить кочевые племена через Дербент. Не исключено, что Албания вообще не обладала, в тот период, необходимым военным ресурсом, чтобы в одиночку, самостоятельно, эффективно сдерживать кочевников.

В источниках не сообщается об основной цели этого похода. Тацит отмечает, что: «множество воинских подразделений, которые Нерон вербовал в Германии, Британии и Иллирии, готовясь к войне с албанами, отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги» [цит. по Расулова: 2008, с.148]. Другой римский историк Гай Светоний Транквил сообщает: «Готовил он и поход к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его «Фалангой Александра Великого» [Гай Светоний, 1966; Нерон, 19]. Нет единого мнения об этом походе и в научной литературе. К.В.Тревер не исключает, что помимо взятия под контроль Дербентского прохода, Нерон хотел ещё и наказать Албанию, которая ни от кого не зависела и по своему усмотрению могла пропускать кочевников через свои земли [Тревер, 1959, с.121]. По мнению историка Т.Моммзена, Та-

цит вообще спутал алан с албанами, и Нерон планировал поход в сторону Дарьяльского, а не Дербентского прохода [Моммзеи, 1949, т.5, с.356]. Ряд исследователей считали, что этот планировавшийся поход Нерона продолжал политику, заложенную ещё Помпеем по установлению римского контроля над транскаспийским торговым путём [Кудрявцев, 1948, с.83-96; Расулова, 2008, с.148-149; Бокшанин, 1966, с.209].

В качестве гипотезы можно предположить, что одной из задач Нерона, в этом планируемом походе, было не допустить, чтобы Парфия, вслед за Атропатеной и Арменией, и на албанском троне утвердила представителя своей Аршакидской династии. Рим понимал, что чрезмерная «аршакидизация» Передней Азии и Южного Кавказа усиливает здесь позиции Парфии в ущерб Риму. Как известно, поход из-за гибели Нерона не состоялся, а четыре года спустя в 72–74 гг. н.э. вся Передняя Азия была разорена грандиозным набегом алано–сарматских племён [Тревер, 1959, с.125].

Но в конце I в. н.э. римляне при императоре Домициане всё-таки добрались до берегов Каспия. Об этом свидетельствует ставшая знаменитой латинская надпись в Гобустане о том, что: «При императоре Домициане, Цезаре, Августе, Германике, Луций Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината, сделал эту надпись» [Джафарзаде, 1948, с.304-311; Пахомов, 1949, с.86; Тревер, 1959, с.127].

Римский историк Гай Светоний Транквилл давший подробное описание биографии Домициана [Гай Светоний, 1966, с.210-220], не сообщает о каком-либо его походе на Восток. Нет о таком походе сообщений и в других источниках. К.В.Тревер предполагает, что поход был, возможно, связан с начавшейся экспансией самой Албании в Южном направлении, причём, «не без помощи алан и других северных народов и горских племён» [Тревер, 1959, с.128]. Возможно, Рим, таким образом, напоминал Албании, кто здесь хозяин. Существуют и другие версии причин появления римских войск на западном побережье Каспия в пределах Албании в конце I в. н.э., но все они остаются пока на уровне научных гипотез и версий из-за полного молчания римских и других источников по данному вопросу.

В целом, эта надпись интересна тем, что демонстрирует сохраняющийся у Рима интерес к Албании и, видимо, он старался, по мере возможности, держать ситуацию здесь под контролем. Следует также отметить, что каспийское побережье Албании стало самой восточной областью, куда сумели проникнуть римские легионы за всю историю Древнего Рима.

В целом I в. н.э. в плане борьбы Парфии и Рима за лидерства в Передней Азии и на Южном Кавказе остался за парфянами. Они смогли утвердить на тронах Атропатены и Армении представителей своей династии Аршакидов и установили дружественнее отношения с Албанией. Но уже в самом начале II в. н.э. Рим возобновил борьбу с Парфией. Император Траян не просто разбил парфян, а захватил и разрушил их столицу Ктесифон и дошёл до Персидского залива [Тревер, 1959, с.129]. Он превратил Армению, Боспор, Колхиду и Иберию в римские провинции, а албанам дал царя. Совершенно очевидно, что царём Албании Траян утвердил человека признавшего верховенства Рима. Таким образом, только Албания во всём Южном Кавказе не была объявлена римской провинцией. Чем руководствовался Траян, принимая такое решение, по словам К.В.Тревер: «…сказать трудно, вернее невозможно» [Тревер, 1959, с.129]. Но этот триумф Рима был кратковременным. В 117 г. н.э. Траян умер. После него системная экспансия Рима на востоке в целом, если не считать отдельные кратковременные военные акции в виде походов Септимия Севера (198 г. н.э.) и Каракаллы (215 г. н.э.) с локальными целями, была прекращена. Рим от завоеваний перешёл к обороне своих границ.

Преемник Траяна император Адриан вывел войска из Парфии, установив традиционную границу с ней по Евфрату. Он отозвал войска из Армении, восстановив на её троне династию Аршакидов. Биограф Адриана Элий Спартиан отмечал, что он: «…с албанами и иберами имел самые дружественные отношения, что царей их он щедро одаривал, в то время как они пренебрегали (приглашением) прибыть к нему» [цит. по Тревер: 1959, с.130].

Начиная со II в. н.э. головной болью Рима стали германские племена. Риму пришлось отказаться от активной политики на Востоке, и чтобы сохранить для римских купцов торговлю с Востоком по маршрутам Шелкового пути, приходилось поддерживать стабильные дружественные отношения, как с Парфией, так и практически со всеми другими государствами Передней Азии и Южного Кавказа.

В начале III в. н.э. на смену правившей в Парфии династии Аршакидов, пришла новая династия Сасанидов. Начиналась новая эпоха, которая породила в лице раннефеодальных тюркских империй, а затем и арабского халифата, новых глобальных политических игроков, которые продолжили борьбу за контроль над маршрутами Великого Шелкового пути.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Babayev İ.A., Qaqoşidze Y., Knauss F., Balaxvantsev A., İskenderov E.Ə., Alişov N.Ə., Gutschke F., Gutte M., Wüsten-Leyderwold G., Gentzsch C., Schöweitr J. Beynalxalq Şəmkir-Qaracəmirli arxeoloji ekspedisiyasının çöl-tədqiqat işləri haqqında / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. 2011. Bakı: "Xəzər Universiteti", 2012, s.379-385.
2. Алиев И.Г. Очерки истории Атропатены. Баку, 1989, 160 с.
3. Алиев И.Г., Османов Ф. Ваночные погребения на территории древней Кавказской Албании и вопрос о парфянском элементе в юго–восточном Закавказье// Известия АН Аз.ССР, серия истории, философии и права, 1989, №1, с.56-67.
4. Алиев И.Г. Лжеистория – попытка оправдать агрессию. Баку: Нурлан, 2003, 48 с.
5. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И.Гуммелем / Материальная культура Азербайджана, т.VII. Баку, 1973, с.233-243.
6. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с.
7. Алиев К. Плутарх о Марке Антонии / Труды научной конференции, посвящённой 80-летию академика Играра Алиева. Баку, 2004, с.106-110.
8. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
9. Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. Часть II. М., 1966.
10. Брашинский И.Б. Основные черты греко–варварской торговли в античном Причерноморье и её особенности в Колхиде/ Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с.95-101.
11. Всемирная история. Т.II. М.: Госполитиздат, 1956, 899 с.
12. Гай Светоний, Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
13. Геродот. История/ Перевод и примечания Г.А.Стратановского. М., 2006.
14. Гозалишвили Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье/ Труды Института истории АН Груз. ССР, т.II, Тбилиси, 1956, с.153-160.
15. Гошгарлы Г.О. Из истории изучения «Дороги Страбона» / «Дорога Страбона» как часть Великого шелкового пути Материалы Международной конференции. Баку, 28-29 ноября (2008 г.). Самарканд-Ташкент, 2009, с.33-40.
16. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку, 2012, 248 с.
17. Гошгарлы Г.О. Рим и Кавказская Албания / Этнокультурное наследие Кавказской Албании. Баку, 2019, с.46-52.
18. Гошгарлы Г.О. Азербайджан на Шелковом пути во II в. до н.э. – III в. н.э. / Азербайджан на Шелковом пути. Баку, 2020, с.38-99.
19. Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку, 1940, с.145-160.
20. Дандамаев Н.А. Мидия и Ахеменидская Персия/ История древнего мира: [кн.2]. Расцвет древних обществ. М., 1989, с.129-145.
21. Дарабади П. Геополитические процессы в Кавказско-каспийском регионе в античный период/ Кавказ и глобализация. Т.III, выпуск 2-3, 2009, с.3-12.
22. Джафарзаде И.М. Древнелатинская надпись у подошвы горы Беюк-Даш // Доклады АН Аз.ССР, №7, 1948, с.304-311.
23. Егоров А.Б. Римская республика с середины II в. до 31 г. до н.э. / История древнего мира: [кн.3]. Упадок древних обществ. М., 1989, с.22-48.
24. Егоров А.Б. Римская республика с конца IV в. до середины II в. до н.э. / История древнего мира: [кн.2]. Расцвет древних обществ. М., 1989, с.432-451.
25. Зеймаль Е.В. Парфия и Греко-Бактрийское царство/ История древнего мира: [кн.2]. Расцвет древних обществ. М., 1989, с.452-462.
26. Зеймаль Е.В., Ильин Г.Ф. Кушанское царство. Индия в начале I тыс. н.э. / История древнего мира: [кн.3]. Упадок древнего мира. М., 1989, с.220-230.
27. Иерусалимская А.А. К интерпретации главных трасс Великого Шелкового пути / «Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и в средневековье. Ташкент, 1990, с.58-60.
28. История древнего мира: [кн.2]. Расцвет древних обществ. М.: Изд. 3-е, ипр. и доп., 1989, 576 с.

29. Кудрявцев И.В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона // Вестник древней истории,1948, №2, с.83-96.
30. Левиатов В.И. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // Известия АН Аз.ССР, 1950, №1, с.65-92.
31. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии / Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983, с.81-122.
32. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаш-шах. М., 1983, 240 с.
33. Лордкипанидзе О.Д. О транзитно–торговом пути из Индии к Чёрному морю // Сообщения АН Груз.ССР, т.19, 1957, №3, с.373-389.
34. Моммзен Т. История Рима. T.V. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1949, 631 с.
35. Немировский А.И. Понтийское царство и Колхида/ Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с.154-160.
36. Пахомов Е.А. Римская надпись I в. н.э. и легион XII Фульмината / Известия АН Аз.ССР, 1949, №1, с.79-88.
37. Плутарх. Сравнительные жизнеописания . Т.II. М.: Наука, 1994, 672 с.
38. Расулова М.М. Торгово–экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Мутарджим, 2008, 228 с.
39. Редер Д.Г., Черкасова Е.А. История древнего мира: ч.I. Первобытное общество и Древний Восток. М., 1979.
40. Розендорф Г.О. Раскопки Розендорфа / Отчёт Археологической Комиссии за 1903 г. Спб., 1906, с.86-108.
41. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996, 348 с.
42. Свенцицкая И.С. Эллинизм в Передней Азии / История древнего мира: [кн.2]. Расцвет древних обществ. М., 1989, с.317-338.
43. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.-Л., 1953.
44. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, 391 с.
45. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985, 236 с.
46. Шифман И.Ш. Царь Август. Ленинград, 1990.

Джабиев Гафар
Главный научный сотрудник отдела «Археологии раннего средневековья»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор исторических наук, профессор

МЕХРЕВАН – НОВАЯ СТРАНИЦА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АЛБАНИИ

Согласно античным и раннесредневековым источникам, Албания, одно из древних государств Южного Кавказа, занимала большую территорию, окруженную Сарматией на севере, Иберией на западе, Атропатеной на юго–востоке и Каспийским морем на востоке. По словам Моисея Хоренского, Албания – большая страна, охватывающая весь Восточный Кавказ. Согласно большинству первых источников, река Кура, протекающая через Албанию, делит ее на две части [Страбон, 1964, с.475]. Албания была разделена на отдельные провинции и области, охватывающие правый и левый берег реки Кура. Следует отметить, что такие исследователи, как З.М.Буниятов [Bünyadov, 1989; Буниятов, 1964, с.87-92], Н.М.Велиханлы [Vəlixanlı, 1974], В.Пириев [Piriyev, 2002], М.Х.Шарифли [Şərifli, 1962, s.89-93], Ф.Д.Мамедова [Məmmədova, 1993], Г.А.Гейбуллаев [Гейбуллаев, 1991] и некоторые другие авторы, в той или иной степени занимавшиеся изучением исторической географии Албании, имеют определенные взгляды на локализацию отдельных административно–политических единиц. Однако до сих пор есть пробелы и серьезные разногласия в локализации отдельных административно–политических единиц. К сожалению, во многих случаях дилетанты, на самом деле не имеющие отношения к науке, еще больше усложнили ситуацию, написав все, что пришло им на ум.

На наш взгляд, наиболее серьезным недостатком при написании информации об исторической географии Азербайджана раннего средневековья, является неполное исследование первоисточников информации в связки с современными природно–географическими реалиями, историческими и археологическими памятниками, древними топонимами, поселениями различной этнической и национальной принадлежности и, наконец, богатым фольклорным наследием. Эти факторы необходимо учитывать при написании информации об исторической географии отдельных административно–политических единиц.

Провинция Гирдыман, занимающая важное место в экономической, военной, политической, религиозной и культурной жизни Албании, впервые упоминается в источниках с конца IV по V века. Мы находим сведения о Гирдымане в произведениях Фавстоса Бузанда, а затем Моисея Хоренского, священника Себеоса и Егише. Произведение «История Албании» албанского историка Моисея Каланкатуйского описывает историю Гирдымана более подробно.

Примечательно, что в этом труде албанского историка наряду с провинцией Гирдыман мы находим сведения о городе Гирдыман, княжестве Гирдыман, церкви во имя Бога в Гирдымане и, наконец, епархии Гирдыман. Большая часть этой информации очень важна с точки зрения локализации района Гирдыман. Например, по словам М.Каланкатуйского, чтобы избежать мести сасанидского правителя Хосрова II, Мехран, потомок рода Мехрани, решил бежать с 30 000 семьями и пересечь территорию Албании, чтобы присоединиться к каспийцам. Чтобы предотвратить попытку Мехрана, правитель Сасанидов направил ему письмо следующего содержания: «Брат, если тебе не нравится жить со мной в одном месте, возьми для жизни в Албании столько земли, сколько ты преодолел пути, когда это письмо дошло до тебя» [Kalankatlı, 1993, s.101]. По словам М.Каланкатуйского, это письмо дошло до Мехрана «в долинно–холмистой провинции Гирдыман», и он «увидев мягкую природу этих мест, с большим удовольствием построил там город и назвал его Мехреван» [Kalankatlı, 1993, s.101]. На наш взгляд, эти записи албанского историка важны с точки зрения локализации Гирдымана на территории Ширвана. Только потому, что Мехран, двигаясь на север с целью объединения с хазарами, неизбежно должен был пройти именно

через Ширван. Так как это был ближайший путь из Ирана в Дербент. Видимо, Мехран и его сторонники знали, что вторжения и походы каспийцев на имперские территории осуществлялись в основном по этому маршруту.

Естественно, что эта информация албанского историка дает очень серьезные основания полагать, что область Гирдиман, в том числе и город Мехраван, находилась на территории Ширвана. В этом смысле определение местоположения города Мехреван оставалось очень важной научной проблемой, стоящей перед историками.

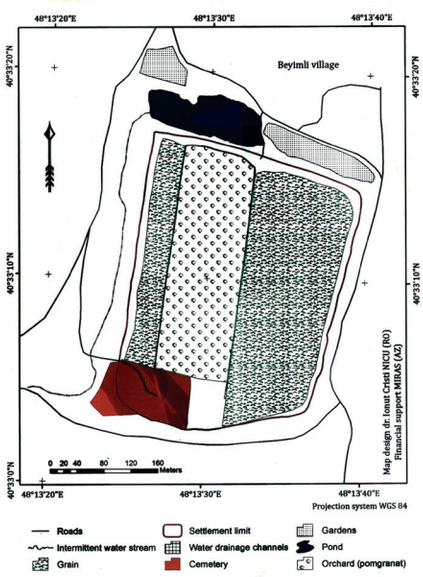
Как известно, начиная с 50-х годов прошлого века, были проведены широкомасштабные исследовательские работы в направлении археологического изучения истории древних и средневековых городов Азербайджана. Но вместе с тем, следует признать, что местоположение нескольких азербайджанских городов, упомянутых в древних и средневековых источниках, некоторые из которых даже имеют географические координаты, до сих пор остается загадкой для науки [Cəbiyev, 2010, s.134-136]. Есть также ряд древних и средневековых городских памятников, чью принадлежность надо определить, а именно к каким городам, упомянутым в исторических источниках, они относятся.

Мехреван – один из раннесредневековых азербайджанских городов, упомянутых в исторических источниках, особенно в произведении «История Албании» М.Каланкатуйский, но его точное местонахождение до сих пор неизвестно. Конечно определенные предположения о местонахождении Мехревана уже высказывались в исторической и археологической литературе [Cəbiyev, 2003 s.113-119]. Интересно, что все памятники, которые до сих пор считаются развалинами города Мехреван, находятся на территории Ширвана. К этому списку следует добавить еще один раннесредневековый памятник, обнаруженный автором этих строк в районе Агсу в 2004 г. и, считающийся развалинами города Мехреван– крепость Бейимли (местные жители называют этот памятник Торпаккала). Следует отметить, что крепость Бейимли является третьим памятником на археологической карте Азербайджана, известным как Торпаккала. Как известно, в Гахском и Товузском районах есть средневековые памятники, известные как Торпаккала. Также говорят, что Торпаккала – это город в Средней Азии, относящийся к III–VI вв.

Территория памятника Торпаккала, расположенного на левом берегу реки Гирдыман, на территории села Бейимли Агсуинского района, южнее села Гарамарьям, составляет около 9 га (Табло 1–2). Он окружен крепостной стеной высотой 10–15 м. Длина северных стен прямоугольного памятника – 323 м, длина южных стен – 295 м, длина восточных стен – 338 м, длина западных стен – 405 м. В углах памятника расположены высокие башни. Интересно, что высота стен крепости снаружи вдвое превышает высоту изнутри Это произошло из-за выемки грунта на внешней стороне стен замка и его скопления на стене замка. Таким образом, по мере роста стен крепости ее внешние границы становились все глубже и глубже, превращаясь в своего рода непроходимый ров. Несомненно, это один из факторов, способствующих защите города [Babayev, Əhmədov, 1981, s.26-28; Cəbiyev, 2015, s.25-26].

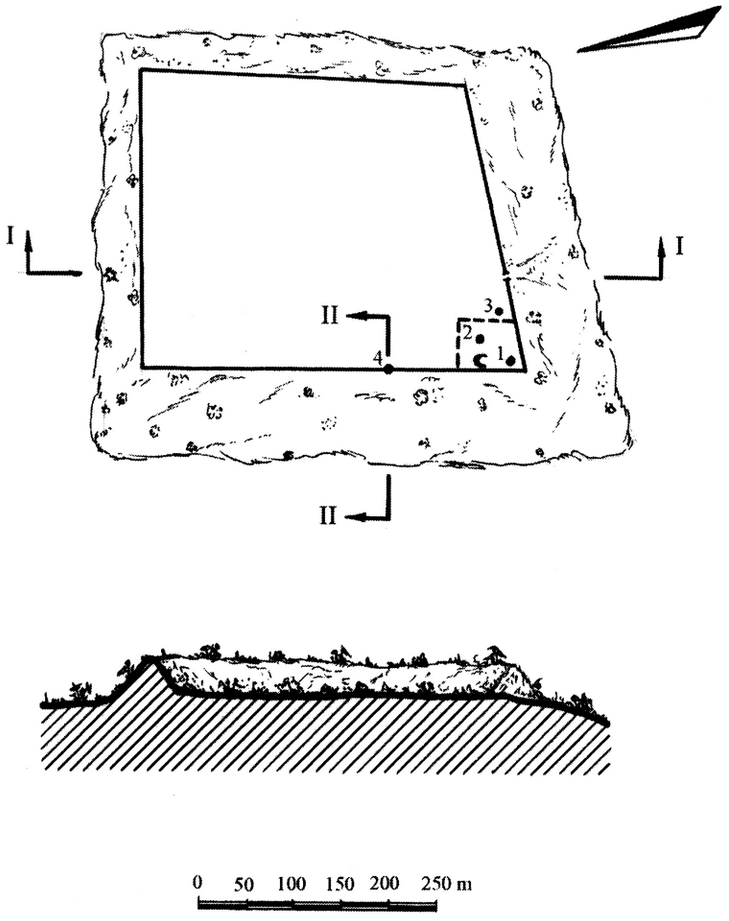
1

2

Табло 1.
Вид с неба и топографический план крепости Бейимли (Мехреван) (Агсуйский район)

Считается, что главные въездные ворота крепости Бейимли находились с южной и западной сторон. Территория крепости долгие годы использовалась под посевы хлопка и зерна. В 60-х гг. XX в. территория крепости была вспахана на глубину около 60–70 см для посадки винограда. В это время было найдено много реликвий материальной культуры. Удивительно, но долгие годы столь величественный памятник разрушался в результате хозяйственной деятельности, и местные власти своевременно не уведомляли об этом соответствующие организации. Таким образом, многие ценные реликвии нашей истории, перейдя из рук в руки, исчезли. Что еще более удивительно, так это то, что такой важный памятник не был замечен научным сообществом в целом. То есть мы не находим название крепости Бейимли в историко–археологических трудах, картах, энциклопедических изданиях и даже в утвержденном Министерством культуры и охраняемом государством списке памятников истории и культуры. Ее название не вошло в сборник «Распределение недвижимых памятников истории и культуры, взятых под государственную охрану на территории Азербайджанской Республики, по степени важности», утвержденный постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики №132 от 2 августа 2001 г..

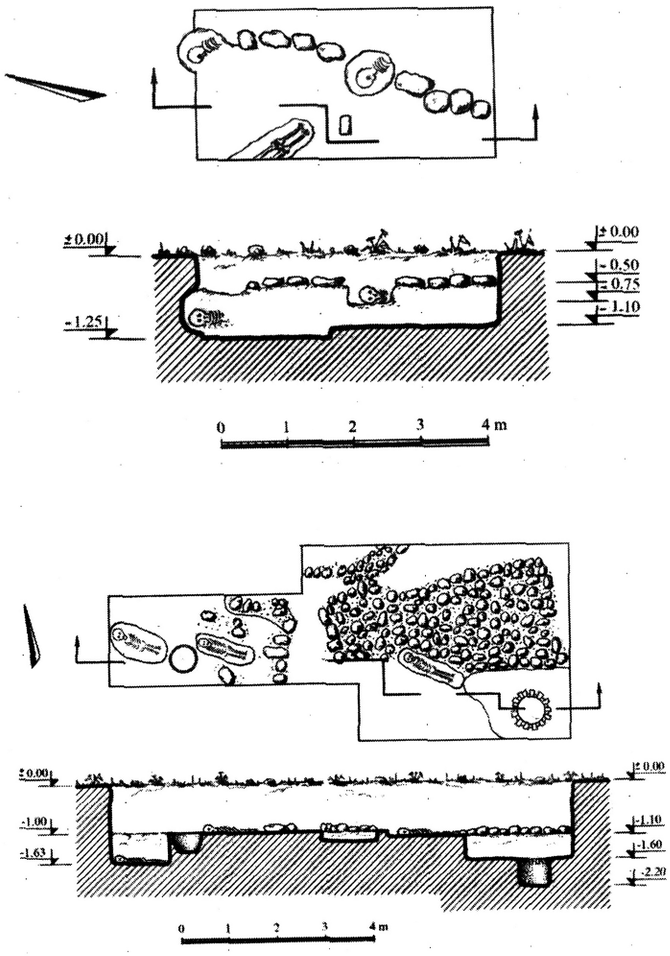
Табло 2.
Эскиз реставрации крепости Бейимли (Мехреван)

По сведениям сотрудника газеты «Халг» Гаджи Гудрата Пириева, впервые информацию о существовании такого памятника дал журналист Тахир Айдыноглу, опубликовав статью в газете «Коммунист» в 1991 г. под названием «Торпаккала – забытое сокровище» [Cəbiyev, 2010, s.136]. В 2003 г., когда на Азербайджанском государственном телевидении снимался историко–документальный фильм «Гирдыман», по инициативе автора этой статьи, в фильм был включен сюжет о крепости Бейимли. Наконец, в мае 2004 г. под руководством автора в крепости Бейимли были проведены предварительные поисковые археологические исследования. Экспедиция, организованная с этой целью, в первую очередь должна была определить характер и период существования памятника. Для выяснения этих вопросов в четырех местах на юго–западной стороне крепости, в зоне, не используемой для посадки зерна, были проведены инспекционные раскопки. Следует также отметить, что территория, на которой находится кладбище села, огорожена муниципалитетом села Бейимли, поэтому в последние годы здесь не проводились хозяйственные работы.

В ходе предварительных археологических исследований выяснилось, что культурный слой памятника был полностью разрушен на глубине 45–50 см от поверхности земли во время продолжающихся хозяйственных работ на территории. Об этом свидетельствуют обнаруженные в этом слое обломки камня и кирпича в хаотичном порядке, многочис-

ленные фрагменты различных типов материальной культуры. Остатки мощеных дорог и тротуаров были обнаружены на глубине 50 см (Табло 3, Рис. 2). При увеличении глубины до 90–100 см были обнаружены остатки очага и несколько мусульманских могил (Табло 3, Рис. 1). Среди находок много образцов неглазурованной керамики. Размеры образцов обожженного кирпича, зафиксированные только в верхнем слое раскопок, составляют: 22 x 21 x 6 см; 25 x 24 x 6 см.

Одной из основных задач исследований 2004 г. было выяснение некоторых вопросов, касающихся крепостных стен памятника. Для этого, конечно, в первую очередь требовалось провести соответствующие обмеры стен крепости. Затем мы вырезали крепостную стену шириной 90 см, начиная с самой высокой точки и продвигаясь внутрь. Результат оказался интереснее, чем ожидалось. Выяснилось, что на первый взгляд система защиты крепости состояла полностью из земляных валов, но на самом деле она состояла из нескольких ярусов стен из сырцового кирпича. Эти стены, расположенные на расстоянии 1,2–1,5 м друг от друга, были построены ступенчато, параллельно друг другу и между ними была засыпана земля. Это, в свою очередь, обеспечило прочность, как стен, так и вала. При строительстве стен крепости использовались в основном образцы сырцового кирпича размером 42x 35x 15 см, содержащие смесь из соломы (Табло 4, Рис. 2). Вероятно, эти кирпичи сделаны из земли, вырытой в рове по внешней стороне стен крепости.

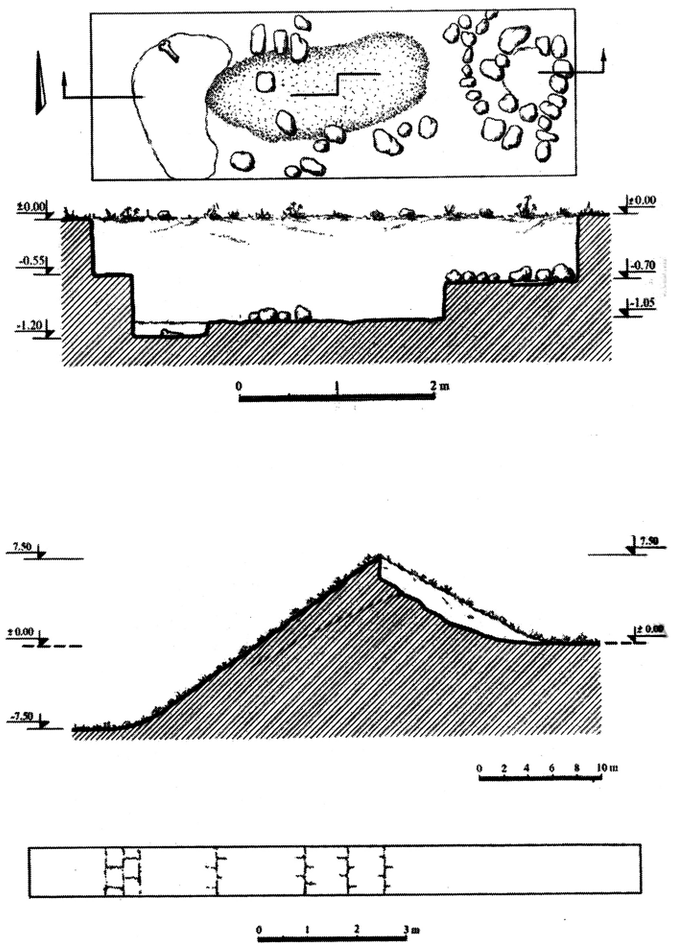

Табло 3.
1 - Крепость Бейимли (Мехреван). План и разрез 1-го участка раскопок
2 - Крепость Бейимли (Мехреван). План и разрез 2-го участка раскопок

Следует отметить, что такие кирпичи-сырцы, содержащие смесь соломы, были более характерны для архитектуры сасанидского периода [Cəbiyev, 2005, s.215-226].

Также стоит поговорить о научном значении нескольких каменных столбчатых оснований, которые привлекли внимание членов экспедиции в ходе исследований 2004 г. Основание колонны, найденное в поле на южной стороне крепости, было обнаружено местными жителями в 1970-х гг. во время пахотных работ, и было выброшено неподалеку, чтобы расчистить территорию. Основание колонны высотой 45 см выполнено из пористого камня с относительно мягкой текстурой. Ширина внизу 75 см, вверху 65 см. Следует отметить, что по форме напоминает основания античных каменных колонн, найденных в Габале. Разница в том, что эта находка несколько грубовата по сравнению с известными образцами из Габалы. Такие великолепные каменные основания колонн обычно использовались как специфический архитектурный элемент больших общественных зданий.

В 2013 г. по инициативе и при финансовой поддержке Общественного объединения «Мирас» в Мехреване были возобновлены архео-

Табло 4.
1 - Крепость Бейимли (Мехреван).
План и разрез 3-го участка раскопок
2 - Крепость Бейимли (Мехреван).
План и разрез 4-го участка раскопок

логические раскопки. Агсуйская археологическая экспедиция Института Археологии и Этнографии НАНА под руководством автора этой статьи первоначально проводила разведывательные поиски на довольно большой территории. В результате раскопок здесь обнаружены развалины строений, производственных центров и другие артефакты V–VIII вв. (Табл. 5, Рис. 2).

Среди находок особое внимание заслуживает большой глиняный горшок (длина 130 см, ширина 76 см, глубина 75 см) (Табл. 7, Рис. 2). Следует отметить, что подобный образец в Азербайджане встречается впервые.

В 2014 г. в Мехреване было начато масштабное исследование. Сначала был удален верхний слой территории площадью 1500 кв.м, который был разрушен в ходе хозяйственной деятельности (Табло 5, Рис. 1). В ходе исследований в неразрушенных частях культурного слоя был обнаружен ряд строительных остатков, производственных площадок, а также многочисленные материальные культурные остатки, в основном керамика, металлы и изделия из камня, которые привлекли внимание рядом местных особенностей. Среди находок есть несколько медных и серебряных монет. В основном это сасанидские и византийские монеты. Это открытие, безусловно, имеет особое значение с точки зрения изучения истории города Мехреван, его торговых и культурных связей (Табло 10).

Несколько игральных костей и нард, обнаруженных во время раскопок в 2014 г., также представляют научный интерес (Табло 9, Рис. 6-7). Считается, что еда и вино хранились во многих больших домашних кувшинах, найденных в этом районе (Табло 6).

Интересными результатами запомнились и исследования, проведенные в крепости Бейимли в 2015 г. Особое любопытство вызывают золотое кольцо с драгоценным камнем и золотое звено от золотой цепочке (Табло 10).

На основании предварительных археологических исследований, проведенных в крепости Бейимли, можно сделать следующие выводы:

1. Тот факт, что территория была укреплена великолепными крепостными стенами, типичными для первых средневековых городов и, что она была заселена в течение как минимум нескольких столетий, и что было обнаружено большое количество промышленных остатков, предметов домашнего обихода и быта, предполагает, что крепость Бейимли была одним из первых средневековых городов Азербайджана.

2. В результате инспекционных раскопок установлено, что крепость Бейимли является однослойным памятником. Городская жизнь здесь зародилась в начале VI в. и прекратилась в начале IX в. Это подтверждают многочисленные образцы обожженного кирпича в верхнем слое, обнаружение отдельных фрагментов глазурованной посуды и, наконец, первые мусульманские гробницы в культурном слое. Другими словами, начало жизни в крепости Бейимли хронологически совпадает с прибытием Мехранидов в Албанию, а конец жизни

здесь совпадает с окончанием вторжения войск Халифата на албанские территории. Итак, крепость Бейимли – один из городов Азербайджана, основанных в период Мехранидов.

3. На наш взгляд, с точки зрения хронологических рамок и географических координат крепость Бейимли соответствует городу Мехреван. Как известно, город Мехреван, упоминаемый в средневековых источниках, был основан во время прибытия Мехранидов в Албанию.

4. Интересно, что названия городов Мехреван и Гирдыман упоминаются только в первых средневековых источниках или непосредственно в исторических источниках раннего средневековья. В более поздних источниках о них вообще не упоминается. Это, конечно, могло быть связано с окончанием проживания там людей. По всей видимости, после смерти Мехрана название Мехреван было постепенно забыто и было заменено названием «Гирдыман» по названию провинции или реки, на которой находился этот город. Академик З.М.Буниятов включил Гирдыман в список «городов второй категории средней величины, то есть закрытых городов». По его словам, «этот город, расположенный вдали от основных торговых путей, был не только центром ремесел и торговли, но и крепостью, где находились воинские части» [Bünyadov, 1989, s.142]. По словам академика Н.М.Велиханлы, наряду с воинскими частями местных правителей, их резиденция находилась в Гирдымане [Azərbaycan tarixi, 1998, s.47]. С.П.Толстов, ссылаясь на аль-Масуди, утверждает, что в Средней Азии есть город под названием Гирдыман [Толстов, 1948, с.232]. Добавим, что существование крепости Бейимли и информация о Мехреване хронологически совпадают. После прекращения жизни в крепости Бейимли информация о Мехреване постепенно исчезла. Это совпадение?

5. Наконец, определение созданного на берегу реки Гирдыман Мехранидами, являвшимися феодалами Гирдымана, еще одного великолепного города того периода, когда они контролировали политическую власть в Албании, по нашему мнению, можно рассматривать как новое убедительное свидетельство того, что высказанные взгляды на локализацию провинции Гирдыман в целом на территории Ширвана, а не на западе или северо–западе Албании, более убедительны.

В конце, следует отметить, что первым армянским ученым, внесшим в научную литературу тезис о локализации провинции Гирдыман к западу от Албании, в конце 30-х годов прошлого века был заведующий отделом кавказоведения Института Востоковедения СССР, академик С.Т.Еремян. Естественно, что в будущем армяне намеревались создать научную основу для территориальных претензий к Азербайджану. Правда, некоторые азербайджанские историки выступают против этого тезиса с 1950-х годов, но на фоне давления и угроз со стороны Москвы им так и не удалось продемонстрировать достаточно последовательную и принципиальную позицию по этому вопросу. Например, в макете трехтомной «Истории Азербайджана», изданной в

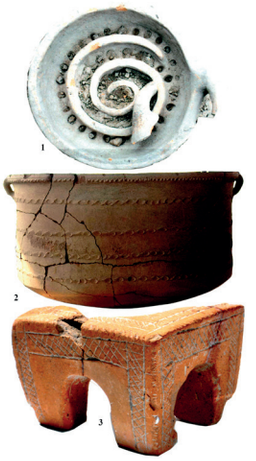
Табло 5. Разведочные раскопки в городе Мехреван (2013 г.)

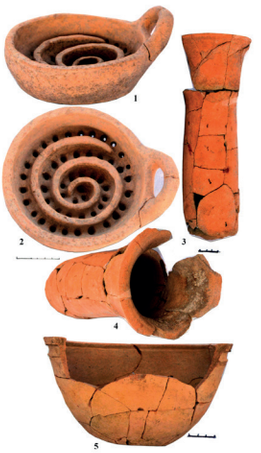
Табло 6. Находки, таким образом были закопаны под землей (Мехреван)

1954 г., Гирдыманские территории были локализованы в районе Ширвана, а точнее в бассейне Гирдыманчай [Макет. История Азербайджана, с.49]. В трехтомной «Истории Азербайджана», изданной в 1958 г., Гирдыманские территории без каких-либо серьезных оснований были локализованы на западе Албании [Azərbaycan tarixi, 1958, s.113].

Все это дает основание говорить о том, что определение места города Мехреван и проведение там фундаментальных научных исследований в целом является серьезным научным результатом и с точки зрения локализации Гирдиманской области на территории Ширвана. Это означает разоблачение на основе очень серьезных научных данных попыток армянских историков фальсифицировать историю Албании на протяжении многих лет. Одним словом, расположение города Мехреван, основанного Мехраном, основателем династии Мехрани, в начале VI в., и его тщательное исследование можно рассматривать как новую страницу в глубоком и всестороннем изучении истории Албании.

Табло 7. Образцы керамики раннего средневековья (Мехреван)

Табло 8. Бытовая керамика раннего средневековья (Мехреван)

Табло 9. Образцы изделий из кости раннего средневековья (Мехреван)

Табло 10. Раннесредневековые золотые украшения, агатовая печать, медные и серебряные монеты (Мехреван)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan tarixi: 3 cilddə. I c., Bakı, Elm, 1958, 447 s.
2. Azərbaycan tarixi: 7 cilddə, II c., Bakı: Elm, 1998, 596 s.
3. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ (tarixi–arxeoloji oçerk). Bakı: Elm, 1981, 93 s.
4. Bünyadov Z.M. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Bakı: Azərnəşr, 1989, 334 s.
5. Cəbiyev Q.C. Bura Vətəndir. Bakı: Nafta-Press, 2003, 308 s.
6. Cəbiyev Q.C. Bəyimli qalasında ilkin arxeoloji tədqiqatların bəzi nəticələri // Tarix və onun problemləri. BDU-nun elmi əsərləri, 2005, №4, s.215-226.
7. Cəbiyev Q.C. Girdiman tarixi. Bakı: "Şərq-Qərb", 2010, 615 s.
8. Cəbiyev Q.C. Girdiman. Tarixi və tarixi coğrafiyası. Bakı: Elm-Təhsil, 2015, 450 c.
9. Kalankatlı Moisey. Albaniya tarixi. Mxitar Qoş Alban salnaməsi / Tərcümə və qeydlər Z.M.Bünyadovundur. Bakı: Elm, 1993, 269 s.
10. Məmmədova F. Azərbaycanın siyasi tarixi və tarixi coğrafiyası. Bakı: Azərnəşr, 1993, 262 s.
11. Piriyev Vaqif. Azərbaycanın tarixi coğrafiyası. Bakı: Araz, 2002, 152 s.
12. Şərifli M.X. Eyni adlı orta əsr Azərbaycan şəhər və qalaları // Azərb.SSR EA Məruzələri. 1962, XVIII c., №3, s.89-93.
13. Vəlixanlı N.M. IX–XII əsr coğrafiyaşünas–səyyahları Azərbaycan haqqında. Bakı: Elm, 1974, 223 s.
14. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
15. Буниятов З.М. Албаника III // Изв. АН Азерб. ССР, сер. общ. наук. 1964, №4, с.87-92.
16. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев: Историко–этнографическое исследование. Баку: Элм, 1991, 552 с.
17. Макет «История Азербайджана» в 2х томах. Баку, 1954, 349 с.
18. Страбон. География в 17 книгах / Перев. с греческого и коммент. Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964, 944 с.
19. Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизаций. М-Л.: Изд. АН СССР, 1958, 323 с.

Искендеров Эмиль
Ведущий научный сотрудник отдела «Античная археология»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории

СЕВЕРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН И АХЕМЕНИДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ

На территории Северного Азербайджана в конце IV–начале III вв. до н.э. образовалось государство Кавказская Албания. Этому свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы, выявленные в памятниках Албании [Бабаев, 1976, с.40-51]. Кавказская Албания охватывала в основном территории современной Азербайджанской Республики, части Восточной Грузии (Алазанская долина), современной Армении и Южный Дагестан.

Письменные источники, освещающие древний период Албанского государства представлены в основном греко–латинскими авторами, чьи сведения не охватывали весь спектр социально–экономической и политической жизни населения, в результате чего создавалась большая лакуна для историков, ибо эти сообщения, в некоторой степени противоречивы и неполноценны, что привело к появлению различных интерпретаций исследователей в области албанистики [Алиев, 1975, с.150-165].

На территории Албании проживали различные племена, о чем нам сообщает Страбон: «Ныне над всеми царствует один царь, а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя; наречий же у них двадцать шесть» [Страбон, XI, IV, 6]. Безусловно, к периоду Страбона уже давно произошла консолидация этих племен под руководством албан. Интересно, что сами албаны впервые появились на исторической арене именно во время битвы при Гавгамелах, в связи с походом Александра Македонского на Восток.

Освещая эти события, Арриан в своем труде сообщает, сообщает о наличие контингента албанских войск во время битвы при Гавгамеле. Наряду с албанами упоминаются и другие племена, также проживающие на территории будущей Албании [Аппиан, 1962, III, 8; 13].

Плиний Старший в своем труде пишет об отношениях Александра Македонского с албанским правителем и о том, что последний подарил Александру собаку [Гай Плиний Секунд, VIII, 149]. Это же свидетельство имеется и у Солина, чей труд в принципе считается компилятивным произведением, и вероятно это сообщение было взято и у самого Плиния Старшего [Гай Юлий Солин, XV, 6].

Важным вопросом в данном контексте является политическая история исторического (Северного) Азербайджана до образования Албанского государства. Какова была роль этих территорий в отношении Ахеменидского государства.

Как известно в середине VI в. до н.э., положив конец Мидийскому царству, представитель рода Ахеменидов, Кир II заложил основу новой империи – империи Ахеменидов. Расширение этого государства, начатое Киром II, было удачно продолжено его потомками. Наивысшего могущества государство Ахеменидов достигла в период правления Дария I, чья деятельность отражена, в частности, в Бехистунской надписи. Достаточно хорошо освещено его правление и в «Истории» Геродота, который, в частности, сообщает о том, что ахеменидский царь разделил территорию государства на 20 сатрапий. В каждую сатрапию входили определенные народы и области, и каждая из этих сатрапий должна была выплачивать подати в заранее определенной сумме. Здесь важным является сообщение Геродота о характере состава этих сатрапий: «Многие соседние народности были объединены в одну сатрапию, а иногда, кроме ближайших соседей, к ней присоединялись и народности другой, более далекой сатрапии» [Геродот, 1999, III, 89]. Границы сатрапий не соответствовали этнополитическим границам народов, проживающих в пределах империи.

Другим важным аспектом является вопрос северных границ империи, а именно входили ли земли Южного Кавказа в состав державы Ахеменидов, и если да, то какими сатрапиями они были представлены. Геродот сообщает следующее: «Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта (до этих пор ведь простирается Персидская держава, обла-

сти же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров. Так вот эти народы еще и поныне посылают царю по 100 мальчиков и 100 девочек» [Геродот, 1999, III, 97].

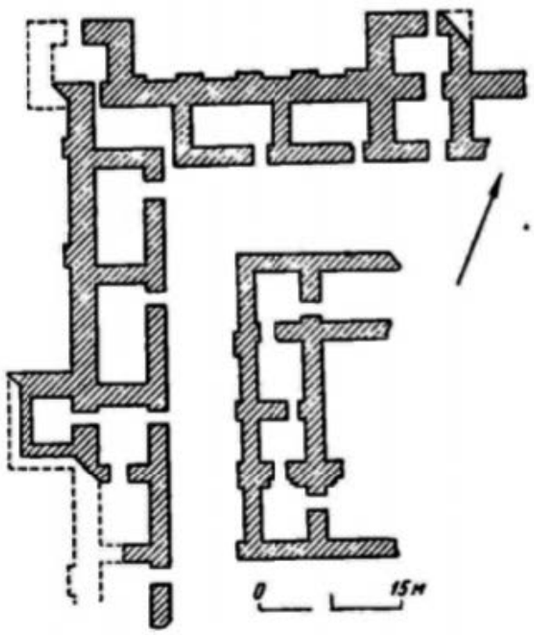
Данное сообщение Геродота интерпретировалось исследователями по-разному. Долгое время отсутствие свидетельств археологического присутствия Ахеменидов на Южном Кавказе служило поводом для сомнения о вхождение этих территорий в состав Ахеменидской империи. Под понятием археологического присутствия, подразумевалось не отдельные находки вещей, и даже не влияние Ахеменидов на культуру проживающих здесь народов. Речь идет здесь непосредственно о наличие остатков административных построений, которые могли бы служить ярким свидетельством присутствия Ахеменидов на Кавказе. Безусловно, те или иные предметы ахеменидского круга могли попасть в качестве подарков или обмена. То же самое можно сказать и о влиянии культуры, так как те или иные народы могут подвергаться ее влиянию, даже не будучи частью какой-либо культуры. Наличие же административных построений служит более аргументированным доводом для утверждения политического господства Ахеменидов.

На территории исторического Азербайджана впервые остатки ахменидского административного построения были выявлены в Газахе. В ходе археологических раскопок здесь была выявлена сохранившаяся часть сооружения, состоящая из двух частей (Табло I:1). Сразу же были замечены схожие черты данного сооружения с элементами ахеменидской архитектуры. Кроме сохранившихся стен, сложенных из сырцового кирпича, здесь были выявлены две каменные колоковидные базы колонн – так называемый персепольский вариант (Табло II:2) [Нариманов, 1960, с.162-164; Исмаилзаде, 2002, с.30-38]. Не вдаваясь в подробности архитектурных деталей данного сооружения, заметим, что выявленные остатки были первым серьезным сигналом в вопросе археологического отслеживания ахеменидского господства на территории исторического Азербайджана.

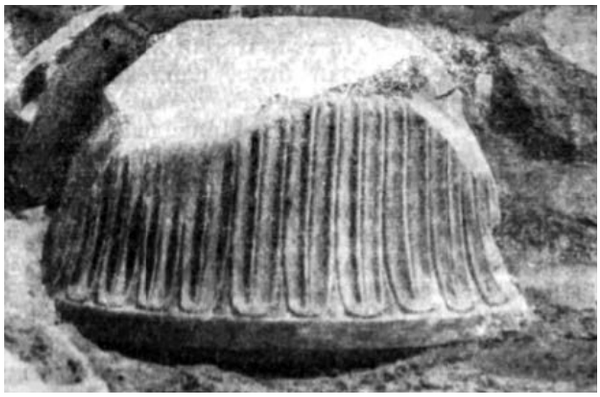
К сожалению, остатки сооружения в Сары Тепе не сохранились полностью. Большая часть этого дворца была разрушена во время работ, проводимых заводом, производящим кирпичи.

Важную роль в поднятом вопросе сыграли результаты раскопок Гараджемирлинского комплекса. Гараджемирлинский комплекс расположен недалеко от с.Гараджемирли Шамкирского района Азербайджанской Республики. Археологические раскопки этого памятника ведутся, начиная с 2006 г. и продолжаются до сих пор [Искендеров, Кнаусс, Каниут, 2019, с.115-128; Babayev, Gagosidse, Knauß, 2006, s.291-330; Knauss, Babayev, s.111-122; Babayev, Knauß, Bär..., 2010, s.237-266; Knauß., Gagosidze, Babayev, 2013, s.1-28].

На данном этапе наших исследований, можно сказать о том, что Гараджемирлинский комплекс состоит из нескольких взаимосвязанных

1

2

Табло I:
1. План сохранившейся части сооружения Сары Тепе;
2. База колонны из Сары Тепе (из статьи Нариманова И.Г. Находка баз колонн V–IV вв. до н.э. в Азербайджане // СА, 1960 № 4, с.162-164)

между собой построений. Основное место этого комплекса занимает дворцовое сооружение, расположенное на холме Гурбан Тепе, а также пропилеи, расположенные на холме Идеал Тепе, где был основной вход во дворец. Дворец имеет достаточно большие размеры.

Кроме основного дворца в комплекс входят такие построения как Ризван Тепе, Идеал Тепе, Северный комплекс и т.д. (Табло II:1)

Следует отметить, что Гараджемирлинский комплекс уникален, и не имеет аналога на территории Южного Кавказа. В результате раскопок основного дворца на Гурбан Тепе, удалось практически полностью реконструировать план этого сооружения (Табло II:2). Интересно, что на территории дворца было найдено относительно небольшое количество артефактов. Кроме того, особое внимание вызвало наличие не завершенных баз колонн. Мастера-каменотесы работали на месте, и изготавливали базы колонн во дворце. Дворец Гурбан Тепе примечателен также тем, что здесь были выявлены различные виды баз колонн: одноступенчатые, двухступенчатые и колоковидные (Табло III:1, 2; Табло IV:1-3). С сожалением можно констатировать, что не все базы колонн сохранились. Большая часть баз колонн, расположенных в зале приема, была разрушена в более позднее время.

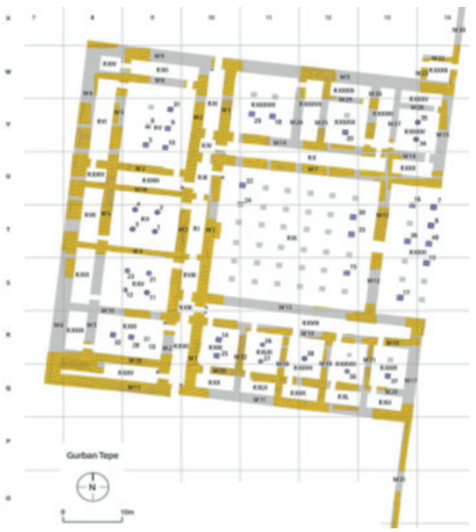
Нам кажется, наличие такого комплекса на территории исторического Азербайджана не должно вызывать сомнений в том, что эти территорий входили в состав Ахеменидского государства. Следует отметить, что Гараджемирлинский комплекс по своему географическому расположению находится относительно недалеко от дворца Сары Тепе. А если еще учесть и другие аналогичные памятники, выявленные на территории Южного Кавказа, а именно остатки ахеменидских построений Гумбати или Бенджамин, то создается достаточно четкая картина ахменидского господства на Южном Кавказе.

Но здесь возникает новые вопросы: 1) датировка памятников, и в первую очередь Гараджемирлинского комплекса, ибо он по своим размерам, сохранности и соответственно значимости более весом, чем остальные памятники; 2) расположение этих дворцов, достаточно близко друг к другу; с чем связано отсутствие аналогичных памятников выше реки Куры; 3) когда эти территории вошли в состав Ахеменидского государства; 4) в какие сатрапии входили эти территории, в первую очередь территории исторического Азербайджана.

Основной дворец Гараджамирлинского комплекса имеет очень близкие черты с дворцом Ксеркса в Персеполисе [Искендеров, Кнаусс, Каниут, 2019, с.118; Knauss, Babayev, 2016, с.70-76]. Это сходство могло бы указать на построение этого сооружения в период Ксеркса. Но, безусловно, этот регион должен был быть завоеван раньше, возможно в период Дария I. Хотя и дворец в Гурбан Тепе, где-то копирующий дворец Ксеркса должен датироваться соответственно годами его правления, но нам кажется, что строительство комплекса должно было начаться раньше, уже в период Дария. При Ксеркссе было продолжено строительство комплекса, и вероятнее всего было начато строительство самого дворца. Имеется в виду то, что основной дворец начали строить позже других сооружений комплекса, каковыми являются построения на Ризван Тепе или Идеал Тепе и т.д. Но это всего лишь гипотеза, требующего дальнейшего исследования. На наш взгляд, строительство этого дворца не состоялось даже во времена Ксеркса, как уже было сказано выше.

1

2

Табло II:
1. Общий план памятников Гараджемирлинского комплекса;
2. План дворца Гурбан Тепе

Кажется, причины этому могли быть разные. С одной стороны, это могло быть связано со строительной деятельность самого Ксеркса в центре империи, с другой стороны, это могло быть обусловлено политическими событиями, происходящими в империи, а именно восстаниями, с которыми приходилось бороться Ксерксу [Дандамаев, Луконин, 1980, с.106-107].

Как было сказано, основные сооружения эпохи Ахеменидов расположены ниже Куры. Безусловно, река Кура имела очень важное значение, в том числе и в транспортировки. Кроме того, она играла и роль природного барьера, в случае нападения с севера. Но нам кажется, что здесь был еще один важный момент. Выбор расположения сатрапских дворцов на территории Азербайджана мог быть связан с компактным проживанием на этих территориях скифских племен. В научной литературе уже давно идут полемики о существование в VII в. до н.э. так называемого Скифского царства, в состав которого, по мнению некоторых исследователей, входили и земли южнее Куры. Впрочем, имеются и противники этой гипотезы [Дьяконов, 2008, с.255-266; Алиев, 1979, с.4-14; Халилов, 1971, с.183-187]. Не вдаваясь в детали этой полемики, отметим, что в независимости от того было здесь это царство или нет, на этой территории могла расселиться часть скифов или же родственных им киммерийцев. Находки скифского обихода были обнаружены и в Газахе, и в Шамкире и в Мингячевире. Страбон упоминает область Сакасену [Страбон, XI, VIII, 4]. Сакасенцы, кроме всего, упоминаются в битве при Гавгамеллах наряду с албанами [Аппиан, III, 8]. Возможно, именно с политическим укреплением на территориях, обжитых скифами или же с родственными им племенами связан выбор мест для построений центральных сооружений сатрапий.

Геродот упоминает сразу несколько сатрапий, которые можно было бы локализовать на территории исторического Азербайджана, или сатрапии, в которые могли входить указанные территории. A priori эти территории Азербайджана могли входить в состав X, XI и XV сатрапий. По Геродоту в X сатрапию входили: «Акбатаны, остальная Мидия, парикании и ортокорибантии», «каспии, павсики, пантимафы и дариты» – входили в XI сатрапию, в XV сатрапию входили же «саки и каспии» [Геродот, III, 92-93].

Следует отметить, что в Геродотовском списке ничего не говорится об албанах. Причины этому могли быть разные. Так, по мнению ряда исследователей албаны могли скрываться под названием каспиев [Тревер, 1959, с.30]. В этой связи интересную гипотезу, выдвинул Г.Гошгарлы, по мнению, которого албаны могли быть не упомянуты вследствие их освобождения от податей, которые обычно платили остальные подвластные народы. По мнению исследователя, это было связано с тем, что албаны были привлечены к защите северных границ империи, в связи с возможными набегами кочевников [Гошгарлы, 2012, с.225-230; Гошгарлы, 2001, с.143-145].

В XI и XV сатрапиях упоминаются каспии. Раннее упоминание каспиев имеется и в арамейских документах с острова Элефантина [Меликов, 2003, с.91-102]. Сведения о них сохранились и у Страбона.

В XI и X сатрапиях упоминаются ортокорибантии и саки. И.М.Дьяконов, отмечая дословный перевод Геродота ортокорибантиев с древнеперсидского слова «tigraxauda», означающий «остроконечные», ука-

Табло III:
1. Колоковидная база из Гурбан Тепе;
2. Двухступенчатые базы из Гурбан Тепе

Табло IV:
1, 2, 3 – Сырцовые стены и базы колонн Гурбан Тепе

зывает на скифское население в Мидийской сатрапии [Дьяконов, 2008, с.260]. Этих «остроконечных» автор идентифицировал с сакасенцами античных источников [Дьяконов, 2008, с.437], и располагал территорию обитания этих племен, т.е. Сакасену «к югу от среднего течения Куры, приблизительно в районе нынешнего Кировабада (Гянджи)» [Дьяконов, 2008, с.262].

С теорией о локализации остроконечных саков на территории Азербайджана согласны и другие исследователи [Алиев, 1989, с.51; Меликов, 2003, с.49]. В научной литературе остроконечных саков чаще всего локализуют на территории Средней Азии, и вообще считают сообщение Геродота ошибочным. И.М.Дьяконов, касаясь вопроса, указывает, что локализация остроконечных саков на территории Мидии или же Малой Азии возможно связано с простой причиной их оседания в разных местах во время своих походов [Дандамев, 2013, с.193]. Однако, некоторые приверженцы среднеазиатской локализации остроконечных скифов, соглашаясь с идеей их проживания и на территории Мидии, связывали это с возможным их переселением в Мидию именно из Средней Азии [Балахванцев, 2019, с.260-261].

По мнению Рауфа Меликова «закавказские саки», создавшие в свое время Скифское царство – это, саки упомянутые Геродотом в X сатрапии. По мнению автора, саки, упомянутые с каспиями, как и последние были связаны с корабельным делом, чему свидетельствует, в частности, вавилонский текст периода Камбиза. Упомянутые в этом документе саки и есть «закавказские саки» [Меликов, 2003, с.103]. М.А.Дандамаев, однако, считает, что саки, наряду с персами и мидийцами должны были на кораблях заниматься «охраной кораблей» в случае возможного бунта [Дандамев, 2013, с.203].

Еще одной сатрапией, куда могли входить территории исторического Азербайджана, является XIV сатрапия, в которую по Геродоту входили «Сагартии, саранги, фаманеи, утии, мики и жители островов Красного» [Геродот, III, 93]. Геродотовские утии справедливо отождествляются с утиями, которых упоминают поздние греко-латинские источники на территории Албании. Название же мюков этой сатрапии сохранилось, по мнению исследователей, в частности в названии области Мугани. Исходя из этого, предполагается вхождение в состав XIV сатрапии также и территории Азербайджана к югу от р.Кура [Меликов, 2003, с.117, 122]. Возможно, выявленные в свое время остатки построения в Кара Тепе, являлись остатками административного сооружения этой сатрапии [Исмизаде, 1965, с.72-86].

Таким образом, как видно из вышеприведенного текста, на территории исторического Азербайджана можно локализовать сразу несколько геродотовских сатрапий. Безусловно, этот вопрос требует своего дальнейшего изучения. При этом наличие нескольких административных сооружений Ахеменидов, выявленных на территории Северного Азербайджана, которые, безусловно, были центрами сатрапий, могут помочь в дальнейшем в решение данной проблемы.

Территории Северного Азербайджана, входившие в состав Ахеменидского государства после ее распада, составили основную часть Албанского государства. Ахеменидская культура, пустившая здесь свои корни, прослеживается и в дальнейшем. Безусловно, племена, жившие на территории как Северного, так и Южного Азербайджана сыграли важную роль в формировании этой культуры. При этом следует отметить, архитектурная традиция Ахеменидов в Азербайджане не продолжается. Сооружения Албании, созданные в последующий период после распада империи Ахеменидов, кардинально отличаются. В пример можно привести овальные сооружения Габалы [Babayev, 2010, s.183-186; Babayev və diq., 2012, s.213-219; Бабаев, 1990, с.62-101].

Нам кажется, что вопрос вхождения территорий Северного, да и Южного Азербайджана в состав Ахеменидской империи не должен вызывать сомнения. В результате распада этой империи на территории исторического Азербайджана образовались такие государства как Албания и Атропатена. К сожалению, письменные источники не освещают все интересующие нас вопросы. Вследствие этого, археологические исследования здесь играют ведущую роль. Последующие археологические раскопки позволят расширить наши знания в этой области.

ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Аппиан. Поход Александра. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962, 384 с.
2. Гай Плиний Секунд. Естественная история // ВДИ, 1949, №2, с.273-317.
3. Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Перевод В.В.Латышева. Том II. Латинские писатели. Выпуск 2. Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1906, 454 с.
4. География Страбона в семнадцати книгах / Перевод Р.Г.Мищенка. М., 1879, 1177 с.
5. Геродот. История в девяти томах / Пер. и примеч. Г.А.Стратановского М.: Аст, 1999, 752 с.
6. Страбон. География // ВДИ 1947, №4, с. 177-266.

Литература:

7. Babayev İ. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının antik Qəbələ dəstəsinin 2009-cu ildə apardığı çöl-tədqiqatlat işləri haqqında// Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2009. Bakı: «Xəzər Uniiversiteti», 2010, s.183-186.
8. Babayev İ.A., İskəndərov E.Ə., Alışov N.Ə., Mustafaev L.X., İsmayılov R. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin çöl-tədqiqat işləri haqqında // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2011. Bakı: «Xəzər Uniiversiteti», 2012, s.213-219.
9. Алиев И.Г. К интерпретации параграфов 1, 3, 4, и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона // ВДИ, 1975 №3, с.150-165.
10. Алиев И. О скифах и скифском царстве в Азербайджане // Переднеазиатский сборник III. М.: «Наука», 1979, с.4-14.
11. Алиев И.Г. Очерк истории Атропатены. Баку: Азернешр, 1989, 160 с.
12. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
13. Бабаев И.А. К вопросу о возникновении государства Албании (Кавказской) // Изв. АН Аз.ССР. Серия истории, философии и права,1976, №4, с.40-51.
14. Балахванцев А. Массагеты Геродота и саки тиграхауда ахеменидских надписей: соотношение и локализация / Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г. Том I. Санкт-Петербург, 2019, с.260-262.
15. Гошгарлы Г. Албаны и Ахеменидский Иран / Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа. Труды Международной конференции посвященной 75-летию член-корр. НАНА Ф.Дж.Мамедовой. Баку, 2012, с.225-230.
16. Гошгарлы Г. Античная Кавказская Албания в системе международных отношений в V–I вв. до н.э. / History of the Caucasus, 2001, №1, с.143-148.
17. Дандамев М.А. Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурное достижения. СПб, 2013, 392 с.
18. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М.: «Наука», 1980, 419 с.
19. Дьяконов И.М. История Мидии. СПб, 2008, 572 с.
20. Искендеров Э., Кнаусс Ф., Каниут К. Археологические раскопки Гараджемирлинского комплекса // Исследования по археологии Азербайджана / Сборник статей, посвященный 70-летию Гошгара Гошгарлы. Баку: «Elm və Təhsil», 2019, с.115-128.
21. Исмаилзаде Г. Дворцовый комплекс на территории Азербайджана // Археология Азербайджана, 2002, №1-2, с.30-38.
22. Исмизаде О.Ш. Итоги археологического исследования поселения на холме Каратепе / Археологические исследования в Азербайджане. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, с.72-86.
23. Меликов Р.С. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (IV–IV вв. до н.э.). Баку: Нурлан, 2003, 198 с.
24. Нариманов И.Г. Находка баз колонн V–IV вв. до н.э. в Азербайджане // Советская археология, 1960 №4, с.162-164.

25. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
26. Халилов Дж.А. Археологические находки «скифского облика» и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана / Проблемы скифской археологии. М.: «Наука», 1971, с.183-187.
27. Babayev İ., Gagosidse I. und Florian S. Knauß. Ein Perserbau in Azerbajdzan. Ausgrabung auf dem Ideal Tepe bei Karacamirli 2006 // AMIT 2006, Band 38, s.291-330; Florian Knauss; Iulon Gagoshidze, Ilyas Babayev. A Rersian Propyleion in Azerbaijan Excavation at Karacamirli // Achaemenid impact in the Black sea, s.111-122.
28. Babayev I., Florian Knauß, Jürgen Bär, Gundula Mehnert, Florian Klauser, Emil Isgändärov, Andreas Mehnert, Jezhun Eminli und Frauke Gutschke. Die achaimenidische Residenz bei Karacamirli. Ausgrabungen auf dem Gurban Tepe und auf dem Rizvan Tepe // AMIT 2010, Band 42, s.237-266.
29. Florian S. Knauß. I.Gagosidze, Ilyas Babayev. Karacamirli: Ein persisches Paradies // ARTA 2013.004, s.1-28.
30. Florian S. Knauss und İlyas Babayev. Xerxes in Aserbaidschan // Antike Welt, 2016, №6, s.70-76.

Кириченко Дмитрий
Ведущий научный сотрудник «Центра антропологии» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

О ЧЕРЕПЕ ИЗ СРУБНО–КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ МИНГЯЧЕВИРА

В статье будет рассмотрен череп, который был выявлен в срубно–катакомбном погребении в 1949 г. во время археологических работ в зоне строительства Мингячевирской ГЭС (Рис. 1).

Прежде чем перейти к описанию краниологического материала, следует остановиться на археологической характеристике самих срубно–катакомбных погребений Мингячевира.

Срубно-катакомбные погребения (Рис. 2–3) представляли собой новый тип погребальных памятников античной Кавказской Албании, в которых были объединены поминальные традиции местного албанского и пришлого сармато-аланского населения и представляли собой мультикультурный симбиоз той далекой от нас эпохи.

К местным албанским погребальным традициям следует отнести сооружение из бревен арчи (можжевельника) прикрепленных кольями по углам каркаса деревянного гроба – сруба, а к поминальным обычаям «пришельцев» – катакомбу.

Катакомбный обряд погребения в зоне Мингячевира археологами связывается с появлением нового этнического элемента в лице сармато-аланских племен [Гошгарлы, 2012, с.117].

В срубно-катакомбных погребениях, усопший находился в срубе, который был сооружен в камере катакомбы. Скелеты в этих погребениях лежат в скорченном положении на боку, в сопровождении инвентаря, состоящего из глиняных и стеклянных сосудов, разных бус, железного оружия, золотых сережек, серебряных чаш, аршакидских монет [Тревер, 1959, с.170].

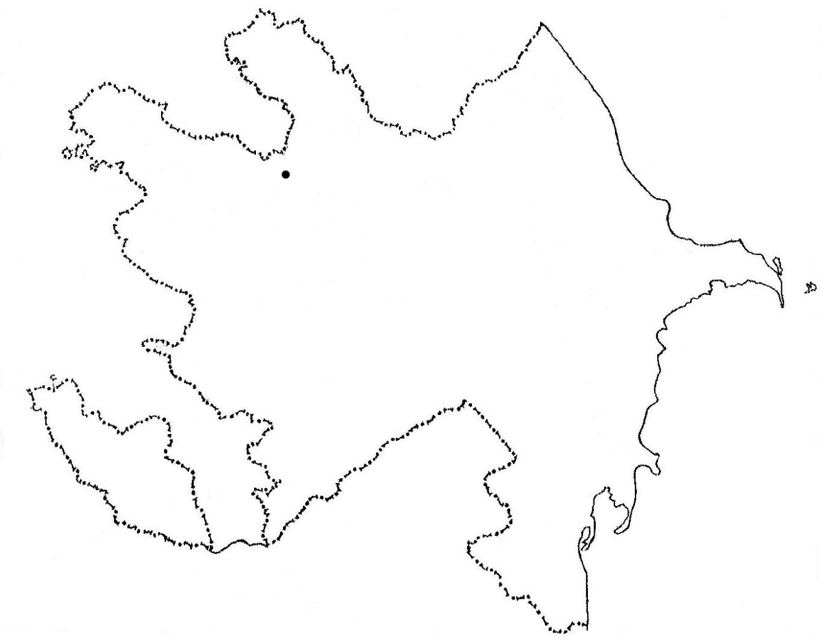

Рис. 1. Месторасположение срубно-катакомбного погребения (Мингячевир)

В срубных погребениях Азербайджана, по мнению ряда исследователей, хоронили представителей социально значимых групп албанского общества [Гошгарлы, 2012, с.75]. Археологами срубно-катакомбные погребения Мингячевира датируются в пределах I/II–III вв. н.э. [Гошгарлы, 2012, с.69].

Возможно, в срубно-катакомбных погребениях были погребены воины, об этом свидетельствуют находки различного оружия.

Помимо срубно-катакомбных погребений в зоне Мингячевира были выявлены также и катакомбно-кувшинные погребения, которые

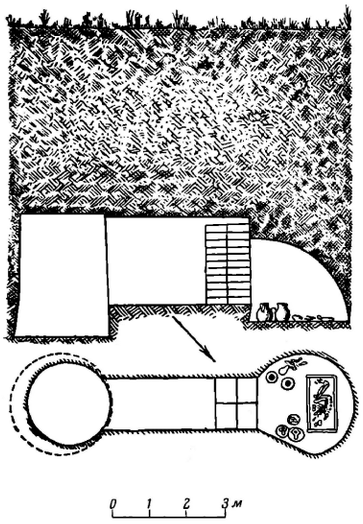

Рис. 2. Срубно-катакомбное погребение [Асланов, 1955, рис. 25.1, с.65]

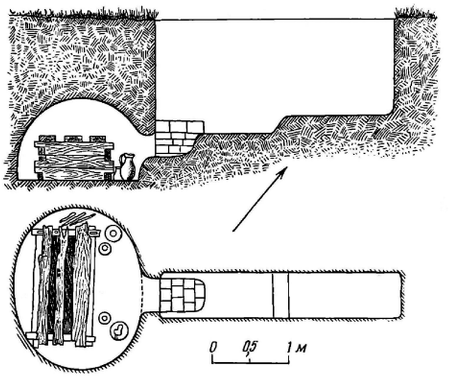

Рис. 3. Срубно-катакомбное погребение [Асланов, 1955, рис. 25.3, с.65]

также представляли собой пример взаимодействия автохтонных албан с пришлыми сармато-аланскими племенами, где сочетаются уже местные традиции погребения в кувшине и традиции «пришельцев».

Инвентарь катакомбных погребений со срубами похож на материалы из кувшинных погребений Мингячевира. Катакомбные погребения со срубами отличаются от катакомбных погребений с кувшинами малочисленностью предметов, положенных с покойником [Aslanov, 1962, s.66].

Однако, вернемся к нашему основному объекту изучения. Вероятно, исследованный череп (Рис. 4) происходит из катакомбы № 97, из раскопок археолога Г.М.Асланова. Катакомба № 97 была выявлена на III мингячевирском поселении.

III поселение («городище») располагалось на левом берегу реки Кура, при входе реки в ущелье Боз-даг, в местности Кала-гет [Ваидов, 1952, с.88]. Здесь было исследовано также и могильное поле, расположенное в 400–500 м к востоку от поселения и содержащее в основном катакомбные, срубные и срубно-катакомбные погребения [Ваидов, 1952, с.95].

Катакомба № 97 была обнаружена на 22 раскопочном участке на глубине 2,75 м [Aslanov, 1962, s.61].

Скелет находился в деревянном срубе в скорченном положении на левом боку, головой на юго–запад. Вокруг сруба находилось пять керамических сосудов красного цвета. В голове и ногах усопшего выявлены кости мелко рогатого скота и птицы. Напротив, скелета был обнаружен железный меч, а возле черепа – нож и кинжал. Возле пальцев руки было выявлено железное кольцо с двумя вставками из пасты, на правом запястье – бронзовый браслет, возле локтя – небольшой керамический сосуд и обломки стеклянного бокала. В могиле помимо вышеуказанных предметов были обнаружены также железный кинжал, стекло с блесками, разнообразные бусины, железные скобы ремня и подвески, железная булавка, бронзовый ободок, железное изделие в виде рога, два железных наконечника стрел, еще один железный кинжал, костяные накладки ножа и железный нож, а также серебряная драхма парфянского царя Готарза II (40/41–51 гг. н.э.) [Aslanov, 1962, s.61].

Судя по инвентарю, в погребении был захоронен, предположительно, человек воинского сословия и весьма небедный по тогдашним меркам. Краниологический материал был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р.Мартина (по сокращенной программе) [Martin, Saler, 1957; Алексеев, Дебец, 1964]. Патологические наблюдения были осуществлены на основе методики, разработанной А.П.Бужиловой [Бужилова, 1995; 1998], также применялись и другие методические пособия, рекомендации и справочники [Aufderheide, Conrado, 1988; Ortner et al., 1981; Ubelaker, 1978; Waldron, 2009].

Исследованный череп (принадлежал пожилому человеку) мезокранный (Таблица 1), пентагоноидной формы, характеризуется средним продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий. Лицо ортогнатное, среднеширокое, очень низкое, по указателю – эуриен. Лицо, хорошо профилированное на верхнем и нижнем уровне. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные. Нос узкий, высокий, лепторинный.

Сильно выступает над линией профиля. На нижней челюсти индивидуума отмечена прижизненная потеря всех зубов.

Антропологический тип – европеоидный, относится, предположительно, к ее южной ветви (средиземноморская раса).

Из патологий на черепе фиксируется метопический шов (sutura metopica).

Проведенный сравнительный анализ краниологических серий и черепов античного периода на территории Азербайджана показывает, что мужской череп из срубно-катакомбного погребения сходен с мужскими черепами из кувшинных погребений, срубных погребений, с недеформированными мужскими черепами из катакомбных погребений Мингячевира, а также по отдельным признакам с черепами сармато-алан с территории Северного Кавказа и Нижнего Дона.

По нашему мнению, захороненный в срубно-катакомбном погребении мужчина был представителем албанского племени, хотя полностью, исключить возможность, того, что в его жилах текла сармато-аланская кровь также нельзя.

Палеоантропологические исследования населения Азербайджана показали, что, несмотря на различия в типах погребальных памятников античной Кавказской Албании, все они по большей части, демонстрируют, в основном, преобладание долихо-мезокранного каспийского антропологического типа [Кириченко, 2020, с.72].

Каспийский антропологический тип был распространен на территории нашей страны с эпохи мезолита и фиксируется во все исторические периоды вплоть до настоящего времени.

Рис. 4. Мужской череп из срубно-катакомбного погребения

Таблица. 1. Индивидуальные краниометрические измерения черепа

Признак № по Мартину	Срубно-катакомбное погребение, Мингечаур ♂
1	179
8	136
5	100
9	98
17	134
40	91
45	134
48	64
51	44
52	35
54	24
55	56
77	135
< Zm	126
75 (1)	-
8:1	76
40:5	91
48:45	47,8
51:52	79,5
54:55	42,9

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aslanov Q.M. I–IV əsrlərdə Qafqaz Albaniyasının maddi–mədəniyyət tarixindən / Вопросы истории Кавказской Албании. Баку: АН АзССР, 1962, с.52-67.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропометрических исследований. М.: Наука, 1964, 128 с.
3. Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИМК) АН СССР, Вып. 60, 1955, с.63-72.
4. Бужилова А.П. Древнее население: (Палеопатологические исследования). М., 1995, 189 с.
5. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998, с.87-147.
6. Ваидов Р.М. Археологические работы в Мингечауре в 1950 году // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. XLVI, 1952, с.86-100.
7. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
8. Кириченко Д.А. Палеоантропология Азербайджана (VII в. до н.э. –V в. н.э.). Баку: «Apostrof-A», 2020, 208 с.
9. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: АН СССР, 1959, 391 с.
10. Aufderheide A.C., Conrado R.M. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 478 p.
11. Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Stuttgart: Fischer, 1957. Bd. I. 518 p.
12. Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identifcation of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981, 479 p.
13. Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analesis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978, 116 p.
14. Waldron, T. Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press. The Edinburgh Building, 2009, 279 p.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Асадов Фарда
Заведующий отдела «История и экономика арабских стран» Института Востоковедения имени З.М.Буниятова НАНА, доктор философии по истории, доцент

АРАБЫ, ИСЛАМ И АЛБАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В VII–X ВВ.

Со времени официального принятия христианства албанским царём Урнайром в IV в. значительная часть политической элиты Кавказской Албании исповедовала христианство, но распространение имели и различные языческие верования, маздаизм и зороастризм [Мамедова, 1986, с.186-187]. После сокрушительной для Сасанидского Ирана битвы при Нехавенде в 642 г. победоносное войско арабов-мусульман получает возможность продвигаться далее на север сцелью продолжения завоевательных походов на территории современного Азербайджана. Какова была социально–культурная среда, устои и формы выживания общества в Кавказской Албании? Какие новые культурные ценности предлагали арабы-мусульмане населению завоеванных стран и областей, и сохранились ли возможности для религиозного и этнокультурного разнообразия в стране после окончательного закрепления территории Азербайджана в пределах новых границ мусульманского мира?

Кочевики и земледельцы в Кавказской Албании. Конфликт кочевников и оседлых земледельцев явился одним из важнейших факторов, формировавших исторические условия существования и развития средневековых сообществ. Этот конфликт имел самые разнообразные проявления и измерения. Военно–политический и экономический аспекты взаимодействия кочевников и оседлых, конечно, имели основополагающее значение. Они антагонистически определяли характер отношений, так как хозяйство кочевников евразийских степей строилось на основе сезонного кочевого или экстенсивного скотоводства. В обоих случаях возникал потенциальный конфликт между земледельческими и кочевыми скотоводческими общинами [Гомбожапов, 2010, с.31-32]. В случае с отгонным скотоводством, у кочевников частично была необходимость освоения пригодных для земледелия территорий. А жизнь кочевников, занимавшихся экстенсивным скотоводством, была обусловлена изменчивостью природно-климатических условий. При неблагоприятных природно-климатических условиях у кочевников не было иного выбора, кроме как изымать продукты у земледельцев, т.е. грабительские походы становились для них жизненной необходимостью [Крадин, 2000, с.324-325].

Вместе с тем существовал и мощный внешнеэкономический фактор, регулировавший отношения между кочевыми и оседлыми племенами. Необходимость контроля над торговыми путями с целью обеспечения перемещения товаров через обширные территории, заселенные различными народами и племенами, создает спрос и выступает в качестве движущей силы для создания огромных кочевых империй для подчинения и, одновременно интеграции с оседлыми земледельческими общинами [Крадин, 2000, с.329]. Империи кочевников были важным условием функционирования торговых путей, поскольку гарантировали сохранность товаров и безопасность купцов, отправлявшихся в многомесячные торговые предприятия через степные просторы, населенные воинственными кочевниками.

Великие империи Древнего мира и Средневековья стремились установить политический контроль над важными участками международных торговых путей, не претендуя, однако, на захват кавказских и волжских степей, остававшихся миром евразийских кочевников. Укрепление границ с этим миром было не только военной необходимостью, но и служило культурной границей между двумя мирами. По обе стороны этих границ существовали два противостоящих друг другу культурных пространства.

В сравнении с иными областями Южного Кавказа Албания была зоной более интенсивных контактов оседлого населения с кочевниками севера. Торговые пути древности и средневековья шли от евразийских кочевников на севере, от Большого Кавказского хребта вдоль западного побережья Каспийского моря на юг к торговым центрам Среднего Востока.

Достоверные сведения, подтверждающие существование этого торгового пути в ранние времена, оставил нам Страбон.Он сообщает, что кочевой народ аорсов вел караванную торговлю с Ближним Востоком и Индией в партнерстве с мидийскими и армянскими купцами, по всей видимости, не позднее II в. н.э. Аорсы держали под своим контролем большую часть (видимо, северо–западную и северную части) побережья Каспийского моря и получали от этой торговли большие доходы [Страбон, 1964, с.480]. В ходе освоения этих торговых путей происходило и постепенное проникновение групп кочевников на территории вдоль торговых маршрутов.

Оседанию кочевников в Албании способствовала и переселенческая политика Сасанидского Ирана, преследовавшая целью охрану крайних северных границ своего государства, выдвинувшихся к Кавказским горам в результате завоевательных походов сасанидских царей начиная со времени Йездигерда II до укрепления этих пределов Сасанидской державы Хосровом Ануширваном. В итоге складывались формы хозяйственного и культурного сосуществования с кочевниками. Об этом можно судить, по словам Страбона: «Албанцы больше привержены скотоводству и стоят ближе к кочевникам; однако они не дики и поэтому не очень воинственны» [Страбон, 1964, с.475].

Армянские источники оставили достаточно свидетельств тому, что земли на север от Куры ко времени появления здесь арабов были страной кочевников-хонов [Sebeos, 1999, p.32]. То же самое подтверждают и арабские авторы, сохранившие для нас свидетельства предшествующих сасанидских информаторов. Арабский историк ал-Балазури сообщает, что до воцарения Хосрова Ануширвана (530–578) Арран (Кавказская Албания) и Джурзан (Грузия) были подвластны хазарам, а Армения – Византии. Более того, хазары периодически совершали набеги далее на юг и доходили до сасанидской крепости Динавар, развалины которой находятся севернее современного города Керманшах в Западном Иране. А город Кабала, столица античной Кавказской Албании был административным центром хазар [Imamo Ahmed ibn Yahja ibn Djabir al-Beladsori, 1866, p.194-195].

Именно хазары смогли оказать победоносным арабским завоевателям достойное сопротивление в их устремлениях выдвинуться к рубежам бывшей Сасанидской державы. Государство хазар было преемником Западно-тюркского каганата, который прекратил свое существование в результате династической междоусобицы 640–657 гг., иначе говоря, Хазарский каганат был практически ровесником Арабского халифата.

Отношение арабов-мусульман к кочевникам. Мусульманская держава не начиналась с белого листа, но повторила путь, испытанный предшественниками. Заняв пространство Сасанидского Ирана, арабы сначала должны были определить свои модели взаимодействия с местным населением и политическими силами в регионе. С Византией столкновение политических и идеологических интересов привело к постоянному противостоянию. Война с тюрками Центральной Азии была упорной, и на границе с ними арабы впервые перешли от наступления к обороне [Бартольд, 1963, с.244]. Что изменилось после падения государства Сасанидов и появления арабов на Южном Кавказе? Смогли ли арабо-мусульманские завоеватели воспроизвести modus vivendi, сложившийся с миром кочевников ко времени продвижения арабов к сасанидской границе на Кавказе?

Новая империя наряду с подходами к международной торговле, политике искала стратегии взаимоотношений с непокорными и воинственными кочевниками. Примерно до конца VIII в. продолжалась линия конфронтации с тюрками в Центральной Азии и на Кавказе, и арабы приводили в порядок, обветшавшие было заградительные стены [Асадов, 2012, с.163]. В последующую эпоху складываются общие интересы и возобновляются торговые маршруты. Арабы, пожалуй, больше, чем персы были подготовлены к культурному взаимодействию на рубежах с тюркским миром, несмотря на первые враждебные восприятия, явившиеся результатом ожесточенных военных столкновений. Хадисы, благочестивые рассказы о жизни и деятельности пророка Мухаммада и его сподвижников, отразили первые впечатления о воинственных тюрках, которые, как и в преданиях других оседлых народов, представляли кочевников как врагов цивилизованного мира. «Не трогайте тюрков, пока они не трогают вас» – сказано в предании как о завете пророка Мухаммада. «Тюрки будут первыми, кто сможет отобрать у моего народа его владение», будто бы предсказывал пророк [ал-Хамадани, л.168а]. Но это было первым впечатлением. В дальнейшем удавалось создать условия для мирного сосуществования. И, как нам известно, практически все тюркские народы стали частью мусульманского мира. Используя термин Л.Гумилева,

необходимый уровень позитивной комплиментарности был подготовлен предшествующей историей арабов и ислама. Определяющим для отношения арабов к инородным кочевникам следует признать состояние исторического конфликта между оседлым и кочевым населением в арабо-мусульманской системе морально-этических ценностей. Прежде всего, обратим внимание на то, что до появления ислама арабские племена отличали друг друга по племенным названиям и генеалогиям. Существовала определенная языковая общность, но не было этнополитического единства и определяющего его названия. Вместе с тем, аравийское общество было разделено на противостоящих в культурно-хозяйственном отношении горожан – торговцев и ремесленников, и бедуинов-кочевников. Ислам был религией скорее оседлых «жителей селений», к которым и обращались Коранические стихи, чем бедуинов. Тем не менее, общность, провозглашенная новой религией, объединила и тех, и других, а самонозванием она приняла слово араб, что означало «степняк», «пустынник», «кочевник» [Грязневич, 1982, с.75, 95-96].

Такое единство стало возможным благодаря тому, что кочевники и горожане на Аравийском полуострове со времен древности составляли среду, в которой у каждой из двух групп населения была своя роль в обеспечении мировой торговли благовониями. Эта общность интересов была политически и идеологически реализована с появлением ислама, выдвинувшего религиозное единство как надплеменное объединение, в котором все племенные генеалогии были включены в систему происхождения от единых прародителей – племенных эпонимов. Общие обозначение народа «арабы» практически не встречается в доисламской письменной и устной традиции. Иногда указывают на существовавшее соперничество между арабскими племенами и на антагонизм горожан и бедуинов. Однако на это соперничество и противостояние следует смотреть как на систему ценностей, в которой существовало и знание об особенностях друг друга и взаимное признание. На протяжении столетий перешедшие к оседлости представители этой этнокультурной среды высоко чтили благородный образ кочевника [Грюнебаум, 1981, с.13, 18].

Таким образом, для арабов-горожан мир кочевников был не враждебной средой, а скорее системой культурно-этических ценностей, достаточно дорогих для их восприятия и к тому же освящённых историей пророка и ислама. Через несколько столетий выдающийся арабский ученый-социолог Ибн Халдун (XIV в.) теоретически осмыслил и сформулировал единство оседлого и кочевого населения в своей знаменитой «Мукаддиме»: «... Бедуины – это те, кто ограничен в своих [жизненных] условиях только необходимым и не имеет ничего сверх этого; городские же жители – это те, кто заботится в своей жизни о менее необходимых вещах и о предметах роскоши. Но несомненно, что насущное требуется раньше, чем роскошь, и предшествует ей. Ибо необходимое есть корень, а роскошь – выросшая из него ветвь. Таким образом, бедуинская жизнь является основой для городов и городской жизни и предшествует им, ибо первое, чего пожелает человек, – необходимое, и он думает о роскоши только тогда, когда это [необходимое] уже достигнуто» [Бациева, 1982, с.327].

Ислам и неарабские народы. Преодолевший племенные границы, объединивший бедуинов и горожан, и, оформивший культурно-языковую общность Аравийского полуострова в политическую систему, ислам создавался как национальная система ценностей, но конструировался как мировая религия. Язык Священного Писания, ритуала, религиозной литературы был и остается до сих пор арабским. Прецеденты мусульманского права происходили из опыта и жизни пророка Мухаммада и его взаимодействия с населением Аравийского полуострова, главным образом представителями арабских племен. Традиционные формы политической аргументации, отношение к науке, техника юриспруденции – все имело корни и происходило из арабского опыта. Более того, для вхождения в мусульманскую общность следовало преодолеть временные и географические границы, к которым был привязан собственный доисламский исторический опыт нерабских народов. Арабизация была средством этого преодоления. И для самих неофитов исламизация и арабизация практически не различались [Грюнебаум, 1978, с.38].

Важным социальным институтом, способствовавшим вхождению местного населения в систему общественно-политических отношений и культурных ценностей ислама, был «вала», институт клиентелы. Принятие ислама могло происходить при покровительстве знатного араба-мусульманина, в результате чего новообращенец становился клиентом (мауля) племени своего покровителя, то есть формально приравнивался к статусу своих арабских соплеменников.

Безусловно, на практике мавали не пользовались всеми привилегиями своих официальных арабских «сородичей». Мавали не допускались на государственную службу, и часто продолжали платить налоги, взимавшиеся с иноверцев. Так было в первые два века ислама, в десятилетия правления арабской династиии Омеййадов. Аббасидская революция была не просто сменой правящей династии в халифате (750 г.), а социальным движением, поддержанным неарабским мусульманским населением. В результате, произошло уравнивание социально-экономических прав арабского и неарабского населения мусульманских стран. Национальные традиции завоеванных народов инкорпорировались в исламскую систему в процессе ее арабизации и исламизации.

Вселенское значение ислама, проявлялось также и в воздействии на другие догматически оформленные мировые религии, христианство, прежде всего. Христианский экуменизм – тенденции в современном христианском мире к преодолению догматических противоречий различных учений, по мнению ряда исследователей, начали вызревать первоначально в условиях и под влиянием мусульманского универсализма. Восточно-христианские богословы, творившие в едином интеллектуальном пространстве, и в контакте с мусульманскими правоведами и богословами, обосновывали идейно-догматическую неразобщенность христианского вероучения, а также сформировали у последователей христианства целостное восприятие собственной религии [Селезнев, 2012, с.84-85].

Можно, конечно, заметить, что и в самом исламе по прошествию этапа его догматического становления обнаруживались внутренние доктринальные расхождения по поводу тех же самых воззрений на управление государством, формирование его правящей элиты, теорию знания и божественного познания. И эти расхождения также приводили к глубокому расколу и враждебности между мусульманскими общинами. Но важно отметить, что эти расхождения получали свое радикальное развитие как этноконфессиональные и социальные конфликты. Кроме того, в исламе всегда присутствовала универсалистская традиция как мощная альтернатива разобщенности. Здесь же мы рассматриваем новые тенденции в регионе, проявившиеся с приходом ислама, т.е. объектом рассмотрения является период существования халифатского сообщества, или докризисный период мусульманского мира.

Арабизм был несомненной характеристикой новой религии, но он не стал непреодолимым препятствием для приобщения иных народов к ценностно-культурной системе ислама, поскольку он не постулировался как принцип, но был естественным и своевременно предложенным инструментом универсализма. Главным было вероучение, его идейно-смысловая нагрузка и упор на отсутствие национально-этнических границ в исламе. Это утверждалось ясными мировоззренческими установками Корана и последующей религиозной литературой.

Арабы в Азербайджане: исламизация населения. У некоторых недостаточно осведомленных авторов можно встретить утверждения о жестком ультиматуме, будто бы выставлявшемся арабами жителям покоренных областей. Им будто бы предлагалось либо принять ислам, либо сражаться, а в случае поражения они лишались имущества и свободы. На самом деле Коран и основы исламской догматики и права не принуждали к принятию ислама, но поощряли это экономическими и идеологическими методами. Народы и правители, оказывавшиеся на пути арабских завоеваний, могли выбирать, оставаться ли в своей вере и традициях, но при это, брать на себя определенные экономические обязательства по выплате дани и подушного налога, или принимать ислам. Был и третий выбор – сражаться. Мусульманское право четко регулировало эти различные статусы покоренных земель, и соответственно складывалась практика отношений с местным населением. Выработалось два принципиальных юридических статуса для завоеванных земель и населения: земли, подчиненные силой (ʿанватан) и мирно (сулхан). Последнее оформлялось посредством мирного договора между сторонами [Колесников, 1982, с.148].

Сохранились тексты таких договоров с Азербайджаном, Муганом и некоторыми другими областями Кавказа. Перевод некоторых договоров на русский язык можно найти в книге З.М.Буниятова [Буниятов, 1965, с.80-81]. В качестве подвластной Сасанидам страны Кавказская Албания отправила свое войско для участия в сражениях против арабов. Правитель Албании Вараз-Григор поставил во главе этого войска своего второго сына бесстрашного князя Джаваншира. Он сражался храбро и был удостоен почестей от своего сюзерена [Vəlixanlı, 1993, с.18]. Однако, стало очевидно, что Сасанидское государство неминуемо идет к своей гибели. И Джаваншир вполне благоразумно принял ре-

шение более не пускать военные силы агонизирующей империи на албанские земли. Он сражался с персами и вызволил из плена своего отца, оказавшегося у них в заложниках [Каланкатуаци, 1984, с.96-97]. Албанские правители Вараз-Григор и его сын Джаваншир умело координировали свои действия – маневрировали между арабами на юге, византийцами на западе и хазарами на севере. На некоторое время это сохранило независимость государства и относительную стабильность [Буниятов, 1965, с.100-102]. Однако любопытно, что свои стратегические связи князь Джаваншир выстраивает именно с хазарами через матримониальный договор с дочерью «гуннского» правителя (вассала хазарского кагана) [Каланкатуаци, 1984, с.102-103]. Это вполне согласуется с прежней стратегии поиска партнерства с кочевниками для достижения политической независимости от крупных держав. Албанский правитель оставался верен союзу с хазарами, и, возможно, это ограждало его от экспансии Арабского халифата, в котором в это время начались внутренние смуты [Новосельцев, 1990, с.175].

Проникновение и оседание кочевников, а в последние годы перед арабским завоеванием тюрков-хазар на территории Азербайджана происходило в возрастающем порядке. В описания событий арабо-хазарских войн вплетаются отдельные истории, из которых следует, что среди населения многих городов находились люди, хорошо говорившие по-хазарски. Среди горожан были и хазары, которые принимали ислам. Некоторые из них содействовали арабам. Благодаря предательству хазарского воина, будто бы пожелавшего перейти в ислам, арабам удалось взять Дербент. Однако ал-Куфи сообщает, что сразу же после ухода Марвана, хазары вернулись и «расположились в городе ал-Бабе, как и раньше» [ал-Куфи, 1981, с.14-15]. Сведения арабских источников о завоевании Аррана, или центральной части Албании, позволяют судить, что больших столкновений здесь не происходило. Можно было бы предположить, что для арабских авторов, освещавших в этот период события на всех направлениях масштабных завоеваний, действия арабских войск в Албании могли показаться второстепенными, и потому остались не упомянуты. Однако нет упоминаний о больших сражениях также и у автора «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. Это можно было бы объяснить тем, что для мелких албанских владений войско завоевателя Азербайджана Салмана ибн Раби^{c}а численнностью в 4–6 тысяч было большой и непреодолимой силой, чтобы вступать в сражение с ними [Большаков, 1993, с.174]. Аналогичная ситуация была и в Армении, где разрозненные усилия армянских князей оказались недостаточны для сопротивления немногочисленным войскам арабского военачальника Хабиба ибн Масламы. И здесь сведения арабских источников немногословны и противоречивы. Более подробные известия имеются в армянских источниках, которые, однако, содержат много неточного и легендарного, их сравнение с арабскими свидетельствами также не помогает уточнению хода событий [Большаков, 1993, 168, 170].

Вместе с тем есть основание для предположения, что сопротивление арабам в Албании было организовано согласованными действиями хазар и албанских правителей. Князь Джаваншир, как можно было видеть выше, видел в союзе с хазарами возможность для сохранения своей власти и независимости своей страны. Союз с кочевниками был традиционной политикой албанских владетелей, сталкивавшихся с угрозой великих держав. Силы Салмана ибн Раби^{c}а заманивались к границам Хазарского каганата, где хазары могли действовать с большим знанием местных условий и куда они подошли с большими силами. Там у хазарского города Баланджар арабы потерпели жестокое поражение и Салман ибн Раби^{c}а был убит [Abu Muhammad Ahmad ibn A^{c}tham Al-Kufi, 1991, p.343-345]. На подобный ход событий указывают и результаты неудачного похода арабов: хазары вновь выдвинулись к Дербенту, а Албания на определенное время сохранила свою независимость [Большаков, 1993, с.175].

После гибели Салмана ибн Раби^{c}а, халиф Усман назначил правителем Азербайджана и Аррана Хузайфу ибн ал-Йамана, сподвижника Мухаммада, более известного в качестве авторитетного передатчика хадисов. Тактика арабов в ведении войны с основным противником переменилась. Они старались привлечь на свою сторону местное население. В договора с местными городами и областями включались пункты, освобождавшие местных жителей от уплаты подушного налога при условии служения в арабском войске. Из числа зиммиев, т.е. населения, находившегося под покровительством (зимма) арабов, создавалась пехота, все более активно участвовавшая в военных предприятиях мусульманского войска [Буниятов, 1965, с.83-84].

Арабы, вопреки распространенному мнению, не оказывали прямого принуждения для приня-

тия ислама населением покоренных областей. Налоговые преимущества, покровительство арабов ремеслам и торговле способствовали довольно быстрому принятию ислама в городах Азербайджана. Землевладельцы видели в принятии ислама способ политических гарантий для сохранения собственности на свои владения. Даже население христианизированных сельских районов поворачивается к новой вере в относительное короткое время. Это могло объясняться двумя факторами. Конечно же, христианство, как и всякая новая вера, основной массой населения принималось формально, и крепких убеждений у сельского населения, видимо, не было. Кроме того, арабы, понимая стратегическое значение Южного Кавказа как плацдарма борьбы с Византией, довольно мягко обращались с людьми разных конфессий в Албании [Буниятов, 1965, с.89-90]. Для распространения ислама предпринимались эффективные созидательные действия. Строились мечети, в них организовывалась просветительная работа. Сообщается, например, что в 733, или 734 г. Маслама б. Абд ал-Малик построил мечеть для хазар-мусульман, проживавших в Дербенте [Brook Kevin Alan, 2006, p.180]. Если в начале мечети строились только там, где располагались военные поселения арабов, то вскоре это строительство стало осуществляться повсеместно. К X в. практически во всех городах были построены мечети. Наличие соборной мечети стало отличительным признаком города от деревни [Vəlixanlı, 1993, с.72]. Вместе с тем, в горных областях население еще долго сохраняло свои прежние верования. Арабский путешественник ал-Гарнати более чем через четыре столетия после арабского завоевания имел возможность видеть горцев, исповедовавших свои языческие культы [Vəlixanlı, 1993, с.68-70].

На религиозную ситуацию и на процесс исламизации населения Кавказской Албании большое влияние оказала борьба Албанской и Армянской церквей. Армянская церковь, претендовавшая на роль старшей на Южном Кавказе, добивалась организационного подчинения Грузинской и Албанской церквей. Это единство было на некоторое время формализовано после решений Двинского собора южнокавказских Церквей в 506 и 527 гг., когда южнокавказские Церкви согласились в осуждении IV Вселенского Халкидонского собора (451 г.), в решениях которого они усматривали признание несторианских диафизитских положений. Двинские решения на некоторое время служили догматическому единению с Византией, и практически содействовали вселенскому единству христиан. Однако возврат к Халкидонским соглашениям в правление императора Юстина I (518–527) и последовавшая затем византийская экспансия на Южном Кавказе развели интересы Армянской церкви и византийской имперской политики на Кавказе и, одновременно, содействовали тенденции Албанской церкви к отделению от союза с Армянской церковью. Албанские первосвященники, начиная с католикоса Абаса (551–695), становятся независимы и получают рукоположение от совета своих епископов. Догматическое согласие с Византийской церковью было важным для противоборства с Армянской церковью. И начиная с католикоса Виро (595–630), Албанская церковь склоняется к халкидонитству. Приход арабов склонил чашу весов в этом противостоянии на сторону Армянской церкви. Армянская церковь получает поддержку халифа. И по доносу армянского католикоса Илии халифу Абд ал-Малику, албанский первосвященник Нерсес Бакур (688/9–704/5) был схвачен и замучен до смерти. По всей видимости, за действиями Нерсеса стояла также и политическая партия албанской знати, стремившаяся к сохранению независимости страны. Албанская знать, видимо, делала ставку на Спраму, супругу албанского князя Вараз-Трдата [Буниятов, 1965, с.49, 94-97].

Эти события, безусловно, повлияли на отношение арабов к Албанской церкви. Давление на албанских христиан было политически мотивировано. Видимо, по этой причине арабы осуществляли здесь меры по распространению ислама гораздо более решительно и с большими затратами. Преемник князя Джаваншира, Вараз-Трдат, возможно, видел шанс на сохранение государства в отходе от политической линии Джаваншира и в противодействии партии своей супруги Спрамы. Вскоре, однако, князя и многих представители албанской знати увели в Сирию [Каланкатуаци, 1984, с.160]. Эти события можно считать веховыми в истории распространения ислама на территории Азербайджана. Нелояльная к арабам Албанская церковь была переподчинена Армянской церкви, и судьба принуждала албанских христиан к григорианизации, т.е. подчинению Армянской церкви, или же переходу в ислам.

Тем не менее, небольшая община потомков албанских христиан, удины, и Албанская церковь сохранились до установления Российского господства на Южном Кавказе, оформленному российско-иранским Туркманчайским договором 1828 г.

Этническая община удин и до сих пор проживает в Габалинском и Огузском районах Азербайджана. Печально сложилась судьба Албанской церкви, она была формально упразднена, а ее организационные структуры и паства согласно Положению Царского правительства 1836 г. были подчинены Армяно-григорианской церкви [Мамедова, 2005, с.556].

Сложение картины многокультурного мира у ранних мусульманских авторов

Создание единой интеллектуальной среды арабских и неарабских народов, в которой использовался единый арабский язык, открыло дорогу к книжности представителям различных народов. Интеллектуалы иранского, тюркского, греческого происхождения, представители многих других народов получили возможность обогащаться из опыта других, и привносить в мусульманскую интеллектуальность ценности и достижения своей культуры. И в результате происходило осмысление и формулирование многокультурности мусульманского мира интеллектуалами, имевшими различное этническое происхождение. Особая заслуга в этом процессе принадлежит известному арабо-мусульманскому прозаику Абу Усману Амру ибн Бахру ал-Джахизу (776–868). Его называли основателем новой арабской прозы и отцом арабской этнографии [Мец Адам, 1966, с.198].

Известный писатель происходил из очень бедной семьи. В начале своей взрослой жизни он вынужден был торговать рыбой для обеспечения своей семьи. По преданию его дедом был чернокожий африканец. Ал-Джахиз известен как автор нескольких крупных произведений энциклопедического характера, однако его авторский вкус, видимо, тяготел к компактным, логически завершенным произведениям, посвященным конкретному вопросу, часто вынесенному в название трактата. Для получения представления о его творчестве будет полезно привести некоторые названия этих произведений: «Книга об арабах и мавали», «Книга о кахтанитах и аднанитах», «Книга о противоречиях между родом Хашима и Абд Шамса», «Книга о рудниках и слово о драгоценных камнях и различных минералах», «Книга о том, чем черные гордятся перед белыми» [Асадов, 1993, с.34-35].

Особого внимания заслуживает его трактат «Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска». Трактат был написан во времена халифа ал-Му'тасима (833–842) и, видимо, в ответ на его пожелание, или даже по его заказу. Этот халиф известен тем, что стал широко привлекать тюрков к военной службе в столице и халифской гвардии. Создавались тем самым условия для соперничества и неприязни со стороны прежней военной и чиновничьей элиты. Ал-Джахиз в своем произведении ставит задачу представить заслуги тюрков перед государством и исламом и убедить читателя в том, что и тюрки, и арабы, и другие народы одинаково важны для мусульманского мира и государства. Задачи трактата дали ему возможность, в общем, поразмышлять о различиях между народами, об их заслугах перед культурой и не только мусульманского мира, но и всего человечества.

С произведением ал-Джахиза тематически и духовно связано произведение Абу ал-ʿАла Мухаммада б. Али б. ал-Хассуля (ум. 450/1058 г.) «Книга о преимуществах тюрков перед другими воинами». По происхождению автор трактата был из Хамадана и, по-видимому, из персов. Он служил при султане Махмуде Газневиде в должности заведующего диваном переписки, был свидетелем сельджукского завоевания и, как можно предположить из его сочинения, привлекался Тогрул-беком и его вазиром Амид ал-Мулком ал-Кундури к государственным делам [Асадов, 1993, с.38]. Произведение Ибн ал-Хассуля отличает отношение к источникам законной политической власти в мусульманском государстве. Автор считает знатное тюркское происхождение настолько же большой заслугой и основанием для претензий на политическую власть, как и знатное арабское происхождение. Вместе с тем, в своих рассуждениях Ибн ал-Хассуль более привержен конкретным политическим целям по утверждению преимущественных прав Сельджукидов на власть, чем осмыслению многокультурного принципа формирования политической системы и социальной среды в мусульманском государстве. Сравнивая эти два произведения можно прийти к мнению, что после завершения золотого века Халифата общественно-политическая мысль начинает утрачивать универсализм и гуманизм своей логики и аргументации. В ней, по всей видимости, обозначается тенденция к политической дезинтеграции мусульманского мира.

У населения бывшей Албании эти процессы начальной универсализации, безусловно, вызывали позитивную реакцию, встречное культурное движение, способствовавшее консолидации куль-

турных ценностей, идущей в русле исламизации. У нас нет известий о разрушениях прежних храмов и святых мест в ходе распространения ислама в Албании. Как и в процессе принятия христианства при албанских царях, духовно-религиозная жизнь и соблюдение предписаний принятой религии, были сосредоточены в городах – торговых и культурных центрах. Население вдали от городов продолжало совершать свои религиозные отправления и посещать места паломничества. Простая догматическая конструкция ислама, свободная от сложных споров, подобных столкновениям христологических концепций в восточном христианстве, легко вбирала в себя местные верования и ритуалы, происходящие от верований и суеверий населения. Происходило вживление этих верований и связанных с ними ритуалов в новую религиозную среду. Поэтому сохранялись прежние религиозные объекты, паломнические маршруты. Эти объекты обретали устойчивый статус в местном мусульманском сознании, обрастали легендами из мусульманских преданий, легитимизировавших их сакральность для мусульманской веры. Так не зарастали тропы к доисламским святым местам. И в Азербайджане, как и во многих других окраинах многоэтничного и многокультурного мусульманского мира, происходило доктринальное синтезирование объектов и источников религиозности людей – доисламские святые места обретали новые исламские легенды о своей святости. Начиналось осмысление этой комплексной религиозности интеллектуалами богоискателями. Центробежные тенденции в Арабском халифате, усилившиеся в X в., еще более способствовали местным интеллектуальным исканиям на почве локальных форм ислама. В этом, наверное, и состояла основная причина развития суфийского сектантства на окраинах мусульманского мира, и у нас в Азербайджане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Vəlixanlı N. Ərəb Xilafəti və Azərbaycan. Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, 1993, 157c.
2. ал-Куфи Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Перев. З.М.Буниятов. Баку: Элм, 1981, 84 с.
3. ал-Хамадани, Ибн ал-Факих. «Ахбар ал-Булдан, Мешхедская рукопись (Фотокопия)». 1б-182б: Библиотека С-Петербургского Института Восточных рукописей.
4. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье [Arab Sources about Turks in Early Middle Ages]. Баку: Элм, 1993, 204 с.
5. Асадов Ф. М. Хазария, Византия и Арабский Халифат в борьбе за контроль над торговыми путями Евразии в IX–X вв. / Кавказ и глобализация 6, no. 4. 2012, с.159-172.
6. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана / В.В.Бартольд. Сочинения, т.2, ч.1. Ред. Б.Г.Гафуров. М.: Восточная Литература, 1963, с. 239-256.
7. Бациева С.М. Бедуины и горожане в Мукаддиме ибн Халдуна / Очерки истории арабской культуры V–XV вв. Ред. О.Г.Большаков. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1982, с.311-356.
8. Большаков О.Г. История Халифата. Эпоха великих завоеваний (633–656). 4 тт., т.2. М.: «Наука». Издательская фирма «Восточная литература», 1993, 294 с.
9. Буниятов З. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 381 с.
10. Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н.Гумилева. Улан-Уде: Издательство БНЦ СО РАН, 2010, 148 с.
11. Грюнебаум Г.Э.Фон. Литература в контексте исламской цивилизации / Арабская средневековая культура и литература. Ред. И.М.Фильштинский и Д.В.Фролов. М.: «Наука», 1978, с.31-45.
12. Грюнебаум Г.Э.Фон. Природа арабского единства в доисламский период / Перев. Н.Чалисова. Грюнебаум Г.Э. Фон. Основные черты Арабо-мусульманской культуры. Ред. М.Б.Пиотровский, А.Б.Куделин. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981, с.11-29.
13. Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) / Очерки истории Арабской культуры. Ред. О.Г.Большаков. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1982, с.75-155.
14. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: «Мысль», 1989, 764 с.
15. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / Перев. Ш.В.Смбатян. Ереван: Матенадаран, 1984, 258 с.
16. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах). М.: «Наука». Главная Редакция восточной литературы, 1982, 269 с.
17. Коран / Перевод академик И.Ю.Крачковский. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986, 727 с.
18. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Альтернативные пути к цивилизации. Ред. А.В.Коротаев, Н.Н.Крадин, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынша. М.: Логос, 2000, с.314-335. http://abuss.narod.ru/ Biblio/Alter-Civ/kradin.htm.
19. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
20. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
21. Мец Адам. Мусульманский Ренессанс / Перевод с немецкого и предисловие Д.Е.Бертельса. М.: Наука, 1966, 474 с.
22. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, 266 с.
23. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: «Наука», 1990, 263 с.
24. Пигулевская, Н.В. Византия и Иран на рубеже V–VI вв. М.-Л., 1946, 287 с.
25. Селезнев Н.Н. Средневековый восточно-христианский экуменизм как следствие Исламского универсализма // Философский журнал, №1 (8), 2012, с.77-86.
26. Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А.Стратановского. М.: «Наука», 1964, 944 с.

27. al-Beladsori Imamo Ahmed ibn Yahja ibn Djabir. Liber Expugnationis Regionum [in Arabic]. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1866, 536/128 p.
28. al-Kufi Abu Muhammad Ahmad ibn Aᶜtham. Kitab Al-Futuh. 1 ed. Vol.1-2: Dar al-adwaᶜ li at-tabaᶜa wa an-nashr va at-tauziᶜ, 1991, 580 p.
29. Brook Kevin Alan. The Jews of Khazaria. 2nd ed. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2006, XII, 317 p.
30. Sebeos. The Armenian history attributed to Sebeos [Translated from the Armenian.] / Translated by Robert W.Thomson and historical commentary by Tim Greenwood with the assistance by James Howard-Johnston. Liverpool: Liverpool University Press, 1999, LXXIX, 363 p.

Игумен Алексий (Никоноров)
Настоятель Николаевского православного прихода г.Мерано (Италия)
Кандидат Богословия (Московская Духовная Академия),
Доктор Церковной Истории (Pontificio Istituto Orientale /
Папский Институт Восточных исследований)

ЕПАРХИИ АЛБАНСКОЙ ЦЕРКВИ К VI ВЕКУ

Вселенская Церковь состоит из отдельных Поместных Церквей, одной из таковых являлась и Церковь Кавказской Албании. Поместные Церкви, в свою очередь, включают в себя епископии – епархии, которые объединяют в себе приходские храмы и монастыри. Такая структура Церкви сложилась уже в течение первых столетий её истории, и с тех пор в основе своей она остаётся неизменной.

Важно отметить, что административное деление Церкви строится на территориальном, а не национальном принципе [Цыпин, 2004, с.276]. В нормальных условиях христиане любой национальности, проживающие на одной территории, составляют один приход и окормляются одним епископом, ибо по слову апостола Павла, во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного» [Колосянам 3, 11]. Эти нормы фиксируют также постановления Агуэнского собора [Каланкатуаци, 1984, кн.I, гл.26].

Как сказано, правда, в 34 Апостольском правиле, «епископам всякого народа подобает знать первого из них...» – однако исторический контекст совершенно однозначно говорит о том, что под «народом» в каноне подразумевается территория, занятая тем или иным народом. Провинции Римской империи составили земли, населённые племенами, подвергшимися впоследствии эллинизации или латинизации. В названиях провинций сохранилась память о населявших их некогда народах: Дакия, Галатия, Фракия, Нумидия. Попытки поставить в качестве принципа церковной организации, в частности, в определении сферы юрисдикции Поместной Церкви не территориальный, а этнический или языковой фактор, неоднократно предпринимавшийся в истории, канонически неправомерны и всегда вызывали серьёзные осложнения и нестроения. Понимание этих принципов помогает нам в определении канонических границ Албанской Церкви в различные периоды её истории, а также в определении епархиальных границ в привязке к границам административным.

Общеизвестно, что в своём территориальном размежевании Поместные Церкви сообразуются с политико-административным делением, с государственными и административными границами. Помимо очевидных удобств, этот принцип находит косвенное обоснование в самих канонах. Так, 38 правило Трулльского собора гласит: «Если царской властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то гражданским распределениям да следует и распределение церковных дел». Таким образом, следуя каноническим нормам Церкви, границы албанских епархий должны совпадать с политико-административным делением самой Кавказской Албании.

Согласно «Географии», составленной Ананией Ширакским в VII в., внутренняя или левобережная Албания имеет шесть областей (гаваров). Отметим, что существуют как разные списки, так и различные редакции «Географии», которые содержат разное количество левобережных албанских областей, от шести до одиннадцати. Сличение всех списков и редакций этого географического произведения приводит к выводу о том, что левобережную Албанию следует делить на шесть или даже на пять областей. Этот вывод подтверждают и сведения М.Каланкатуйского, который в совокупности называет пять церковно-административных единиц – епархий Албанской Церкви на левом берегу Куры. Области, перечисляемые А.Ширакским: 1.Ехни, 2.Бех, 3.Камбисена, 4.Шаки, 5.Востан Имарцпан, 6.Баласакан. В двух новейших списках «Географии» первые две области Ехни и Бех объединены в одну – Ехнибех. Албанский историк позволяет предположить наличие одной епархии и одного епископа на этой территории, чья юрисдикция должна была охватывать и Камбисену [Hewsen, 2001, map.62, 64, p.73, 75]. В названии пятой области некоторые предпочитают читать оба слова раздельно, считая их наименованиями разных областей, но, по мнению К.Патканова, слитное прочтение на персидском (v)ostan-i-marzpan даёт перевод «Область Марзпана», т.е. в

таком случае логично допустить, что речь идёт об области Чола как резиденции Сасанидских наместников [Армянская география, 1877, с.41].

На правом берегу Куры располагались следующие (с северо-запада на юго-восток) провинции: Орхистена (Арцах), Отена (Утик) и Пайтакаран.

По всей вероятности, Орхистена охватывала территорию Карабаха (нагорного), географически включая восточную часть Малого Кавказа, Карабахский хребет и Карабахское нагорье. Согласно А.Ширакскому провинция имела в своём составе 14 областей. Р.Хьюсен помещает в северной части этой провинции (современный Кельбаджарский район) епархию Мец Иранка, на юго-востоке (современный Ходжавендский район) – епархию Амараса и Габанда. Однако мы должны поместить в этой провинции ещё епархию Мец Куэнка (Мец Когманка), которая занимала территорию нынешнего Агдамского района с возможным центром в монастыре Ванкасар.

Провинция Отена занимала часть Малого Кавказа, территорию равнинного Карабаха и простиралась вдоль течения Куры на её правобережье от границы с Иверией (Грузией) на северо-западе до реки Аракс на юго-востоке. Согласно «Географии» Анании Ширакского в провинции насчитывалось 8 областей. Здесь находились архиепархия Партава (до ее учреждения – епархия Ути) и епархия Гардмана (современный Кедабекский район). Р.Хьюсен на самом северо-западе провинции помещает епархию Хоши (Гашуа, Гош) с центром в Шамкире, чьей естественной границей с епархией Партава была река Кюрокчай.

Подробные сведения о структурных подразделениях Албанской Церкви мы находим в соборных документах и официальных письмах, которые сохранил для нас албанский хронист. В VII главе Второй книги «Истории албан» Моисей Каланкатуйский приводит Послание армянского католикоса Иованнеса II (557–574) албанскому католикосу Тер-Абасу (552–596). Послание это нас интересует по причине перечисления в нём имён албанских епископов, а соответственно и епископских кафедр, наличествовавших в Албании на момент написания данного документа, т.е. к середине VI в. В тексте упомянуты восемь албанских епископов: Партава, Бахалата, Кабалы, Амараса, Баласакана, Шаки, Гардмана и Мец Куэнка.

Отметим, что порядок перечисления епископов, скорее всего, связан не со старшинством кафедр (за исключением архиепископа Партава), а со старшинством самих епископов, что подтверждается практикой и более поздних эпистолярных церковных документов.

Исходя из приводимых источниками данных, возможно утверждать, что в состав Албанской Церкви входили также епархии автономных областей Лпинии и Чолы, находящиеся в управлении архиепископа Партавского, католикоса Албанского [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.15].

В дополнение к этим церковно-административным единицам следует добавить Гуннскую епархию, находившуюся также в ведении главы Албанской Церкви [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.41, 45]. И уточняют список сведения о епископах, участвовавших а Агуэнском соборе 488 г.: епископ Гашуа (Хоша, Иуши), епископы Еута, епископ Ути и епископ Цри [Каланкатуаци, 1984, кн.I, гл.26].

Албанский историк также указывает на то, что католикос Абас до избрания на первосвятительский престол был епископом Мец Иранка [Каланкатуаци, 1984, кн.III, гл.24] и приводит документ (письмо армянских епископов, составленное Вартанесом Кертолом в ответ на послание епископа Амарасского Мхитара), упоминающий епископа на данной кафедре: «Вам, слушающим и рассказывающим в наши дни среди жителей Северного края, особенно [среди] всех колеблющихся насчёт твёрдости таинства, владыке Мхитару – епископу Амараса, Симеону – епископу Мец Иранка и другим епископам Святой Церкви – единомышленникам вашим, азатам и другим [представителям] народа Алуанка» [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.49].

Таким образом, церковно-административное деление Албанской Церкви представляется в следующем виде:

Архиепархия Партава,
Епархия Чолы/Чоры (область Маскутов),
Епархия Лпинии,
Епархия Кабалы,
Епархия Бахалата и Беха/Ехни-Беха,
Епархия Шаки,
Епархия Пайтакарана и Баласакана,
Епархия Амараса и Габанда
Епархия Гардмана,
Епархия Ути,
Епархия Мец Куэнка,
Епархия Мец Иранка,
Епархия Гашуа (Хоша/Иуши),
Епархия Цри (Чилбка),
Гуннская епархия,
Епархия Еута.

К этому списку можно было бы добавить и Сюникскую митрополию, которая во второй половине

VI в. до начала правления армянского католикоса Авраама I (607–615) фактически находилась в юрисдикции Албанской Церкви, получая рукоположение и св.миро от албанского первосвятителя: «[В то время] Армения была разделена между персами и греками. Владыка Мовсес восседал на престоле св. Григория в Двине, а на греческой стороне, недалеко от него и в противоположность ему посадили на престол некоего Иоанна. И когда патриарший престол раздвоился, то владыки Сюника отделились и не стали повиноваться ни одному из них по завещанию епископа своего, добродетельного Петра, доживающего свои последние дни, завещавшего своей епархии принимать рукоположение в Алуанке и там же брать благословенное миро до тех пор, пока не воссоединится престол св.Григория. Потому-то Вартанес рукоположение в епископы Сюника принял от Захарии, епископа Алуанка. Вместе с тем и елей священный сюнийцы из года в год получали из Алуанка» [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.48].

Итак, рассмотрим сведения о епархиях Албанской Церкви подробней.

Архиепархия Партава

Партав (Барда), изначально Перозапат – город, основанный в V в. албанским царём Вече II по повелению сасанидского шахиншаха Пероза, и названный в честь последнего [Каланкатуаци, 1984, кн.I, гл.15]. Средневековый город локализуется в нескольких километрах от современной Барды. По сведениям М.Каланкатуйского, с момента основания Партав становится столичным городом Кавказской Албании, резиденцией последних албанских царей – Аршакидов, затем великих князей – Михранидов, персидских наместников – марзпанов, и с VI по IX вв. – албанских католикосов. Албанский хронист сообщает: «на втором году [царствования] Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летосчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав» [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.4]. Исследователи предлагают исправить в сообщении «второй год Хосрова» на двадцатый, поскольку первый год армянского летоисчисления (551 г.) соответствует двадцатому году правления шахиншаха Хосрова I Ануширвана (531–579).

Автор Третьей книги «Истории албан» указывает на то, что кафедральный собор Албанских архиепископов в Партаве был освящен в честь св. Григория Просветителя [Каланкатуаци, 1984, кн.III, гл.17]. В храме этом покоились мощи св.мученика Манука, пострадавшего в 712 г. при правителе Гянджи и Ширвана Абдул-Азизе Бахли.

В самом Партаве собиралось несколько соборов Албанской Церкви: Собор мая 704 г. – был созван по настоянию армянского католикоса Егии Арчишеци с санкции халифа Абд ал-Малика для суда над албанским католикосом Нерсесом Бакуром. На соборе присутствовало 4 албанских епископа. Собором был избран новый католикос Симеон. Итогом собора стала Договорная грамота между Албанией, Арменией и Халифатом [Каланкатуаци, 1984, кн.III, гл.7-10]; Собор 768 г. – созван албанским католикосом Давидом II (767–776). Упоминается в рукописи Матендарана №6409 [Буниятов, 1965, с.223-226].

В каноническую территорию, собственно, Партавской епархии входили следующие исторические области правобережной провинции Отена: Ути Арандзнак, Аранрот (возможно, Агуэ, Три и Ротпарсеан) – что соответствует нынешним Бардинскому, Агдамскому, частью Тертерскому (возможно, частью Агджабединскому и Бейлаганскому) районам Азербайджана.

М.Каланкатуйский указывает на наличие в архиепархии Партава в 680 г. хорепископа [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.32].

Составитель III книги «Истории албан» в гл.24 приводит подробный список архиепископов, занимавших кафедру Партава начиная с 552 г. до конца X в. (988 г.). В этом списке за данный период перечисляются 32 святителя.

На территории Партавской епархии когда-то находился монастырь Гис, основанный мужем апостольским Елисеем, и именно здесь располагалось известное поселение Каланкатуйк, из которого происходил албанский историк Моисей Каланкатуйский. На территории бывшей Партавской епархии сохранились остатки базилики с.Гяуркала (VI в.).

Архиепархия Чолы/Чоры (область Маскутов)

Чола/Чора – одноименные город и область на северо-востоке Кавказской Албании, отождествляемые с Дербентом и областью (царством) Маскутов. Как отмечают историки, Дербент всегда являлся значительным и значимым городом, стратегическим оплотом албанов и Сасанидов на Кавказе. М.Каланкатуйский рассказывает о том, что проповедниками Евангелия в Чоле были святитель Григорис Албанский и М.Маштоц [Каланкатуаци, 1984, кн.I, гл.14, 27]. С момента включения Албанского царства в состав империи Сасанидов и учреждения

в Чоле политического центра Албанского марзпанства в 428 г. до 552 г. в этот город перемещается резиденция главы Албанской Церкви. После перенесения столицы и места пребывания патриаршего престола в Партав предстоятелю Албанской Церкви присваивается новый титул «католикос Албании, Лпинии и Чора» [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.15], который даёт понять, что город и область, бывшие прежде в церковном отношении архиепархией албанского католикоса, остаются в его юрисдикции и под его архипастырским управлением.

По мнению исследователей, кафедральным собором албанского предстоятеля в Чоле (Дербенте) мог быть либо храм крепости Нарын-кала V в. [Кудрявцев, 1980, с.48-51], превращённый в цистерну для хранения воды, либо храм VI в., в котором в настоящее время располагается Дербентская Джума-мечеть [Ханбабаев, 2004, 227-246; Артамонов, 1946, с.143].

Епархия Лпинии

Каноническая власть предстоятеля Албанской Церкви вне его собственной епархии, в которую входил Партав (Барда) и его ближайшие окрестности, а также бывшая столица марзпанства Чола/Чора, простиралась также на Лпинию – полунезависимую область, вошедшую в состав Кавказской Албании [Каланкатуаци, 1984, кн.III, гл.15, 24].

Вопрос локализации Лпинии в исторической географии до конца не решён. Мы же, исходя из анализа различных источников и мнений исследователей, Лпинию помещаем между внутренней Албанией и Каспианой в районе Шемахи. Источники указывают на то обстоятельство, что Лпиния прежде была царством [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.2; Егише, 1971, гл.III], что определило её особое политическое положение. По свидетельству М.Каланкатуйского область эту проповедью Евангелия просветил М.Маштоц [Каланкатуаци, 1984, кн.I, гл.27].

Как следует из контекста Албанской хроники Партавский архиепископ подобно восточным патриархам обладал правом ставропигии[1], фактически удерживая за собой право канонического управления различными церковными областями (Партав, Чола, Лпиния, Баласакан), имевшими особый статус в составе Албанского государства.

Епархия Кабалы

Кабала (Габала, Кабалака) – древняя столица Кавказской Албании, первые упоминания о которой находятся у римского автора Плиния Старшего [Pliny, 1947, кн.VI, §29]. С 510 г. город на некоторое время становится резиденцией персидских марзпанов [Мамедова, 2005, с.253, 316]. С начала IV в., т.е. со времени христианизации Кавказской Албании, Кабала становится местом пребывания предстоятеля Албанской Церкви. После перенесения архиепископского престола вслед за резиденцией марзпана в Чолу в 462 г. Кабала становится обычной епархией во главе со своим епископом [Акопян, 1987, с.274].

Епархия Кабалы распространяла свою юрисдикцию над областями (по пространной редакции «Географии» Анании Ширакского): Кабалак, Хамбаси, Гелаву и Эджери.

М.Каланкатуйский упоминает несколько Кабалакских епископов: Манассию (487–488), Григория (2 пол. VI в.) и Иоанна (704 г.). Также автор Третьей книги «Истории Албании» отмечает, что три предстоятеля Албанской Церкви – архиепископа Партавских были избраны на первосвятительский престол из Кабалакских епископов: Матфей II (776–777), Давид IV (821–849) и Давид V (923–930).

Епархия Бахалата и Ехни-Беха

Епископ Бахалата Моисей упоминается лишь однажды в письме католикоса Иованнеса 568 г.

С.Еремян идентифицирует Бахалат с селением Бахтало (Бахматлы) в Загатальском районе Азербайджана [Еремян, 1958, с.324]. С этим мнением, похоже, согласен Р.Хьюсен, который на своих картах Кавказской Албании обозначает Бахалат в исторической области Ехни-Бех (современные Загатальский, Балакенский и Гахский районы, а также восточная часть Кахетии) [Hewsen, 2001, map.62, 64, p.73, 75], упоминаемой в «Географии» А.Ширакского среди шести албанских провинций, располагавшихся на левобережье Куры.

Епархия Бахалата охватывала также территорию Камбисены, расположенную на юге от Ехнибеха за рекой Алазани, и таким образом занимала территорию между Большим Кавказом на севере и Курой на юге, реками Кабала и Алазани на западе

[1] *Ставропи́гия – статус, присваиваемый церковным подразделениям, монастырям, лаврам и братствам, а также соборам и духовным школам, делающий их независимыми от местной епархиальной власти и подчинёнными непосредственно патриарху или синоду.*

и рекой Курмухчай на востоке. Ради объективности отметим, что имеются попытки локализовать Бахалат в Арцахе, на месте селения Бата в Евлахском районе [Геюшев, 1984, с.36-37] или в области Чола (Дербент) [Акопян, 1987, с.131].

На территории исторической области Ехни-Бех сохранились остатки около двух десятков храмов и монументов: с.Буховлу (VII–VIII вв.), с.Пипан (VII–VIII вв.), с.Кум (V–VI вв.), с.Лекит (V–VI вв.), Едти Килсе в том же с.Лекит (VI в.), Мамрухский храм на горе Арматай (IV–V вв.), с.Катех (V в., упоминается с 1020 г.), с.Ханифа церковь Айритала (V–IX–XIV вв.), с.Мазымгарай (V–VI вв.), с.Мухах (IV–V вв.), с.Пашан (IV–V вв.), с.Тюлю (V–VII вв.), с.Халатала (V–IX вв.), церковь св.Георгия в с.Курмух (XII в.), храмовый комплекс Арылыгбина в с.Гуллар (XIII в.), с.Мацех (Мазых), с.Гебиздере, с.Юхары Тала и с.Юхары Чардахлар.

Епархия Шаки

Шаки – историческая область Кавказской Албании (Сакасена–Саке–Шакашен), четвертая из шести провинций левобережья Куры, перечисляемых Ананией Ширакским. Историки, характеризуя эту территорию, порой смешивают или путают область Шаки левобережья Куры с областью расположенной на юге от Шаки за Курой – Шакашен (провинция Отена), где прежде, по свидетельству источников, проживали ираноязычные скифы, вошедшие в союз албанских племен. Область охватывала территорию современных Шекинского и Огузского районов Азербайджана, будучи ограниченной на западе реками Курмухчай и Алазани, на востоке – рекой Турианчай (Тюрян), на юге область доходила до Куры.

«История албан» вслед за «Книгой Посланий» упоминает на кафедре Шаки: епископа Аввакума (середина VI в.), епископа Елиазара, избранного на патриарший престол (680–686), а также святителя Михаила (705–742), бывшего перед своим посвящением в Албанские католикосы диаконом Шаки.

На территории Шакинской епархии сохранились несколько монументов албанской храмовой архитектуры: церковь св.Елисея в Кише (вероятно, прежде в честь Пресвятой Богородицы) (I–IV–X–XII вв.), храм с.Джалут (V–VI вв.), церковь Ягыш Аракела, храм в Огузе, церковь Орта-Зейзид (X в.), храм с.Бидеиз (XII в.), церковь с.Эмили (IV–V в.).

Епархия Пайтакарана и Баласакана

Провинция Баласакан, отождествляемая историками с античной Каспианой, располагалась на юго-востоке от внутренней Албании. По поводу локализации этой провинции в науке существуют два мнения. Одни историки полагают, что земли Базгуна – Баласакана располагались на побережье Каспийского моря от Апшеронского полуострова на севере до устья Куры на юге [Hewsen, 2001, map.77; Улубабян, 1977, с.117; Улубабян, 1971, с.178-182]. Другие отождествляют Баласакан с провинцией Пайтакаран, занимавшей территорию Муганской равнины, обрамлённой с севера Курой от места слияния Куры с Араксом до устья, и ограниченной на западе Талышскими горами, до Каспийского моря на востоке [Мамедова, 2005, с.255]. Высказывалось мнение, что Баласакан мог включать в себя как Пайтакаран, так и нынешний Апшеронский полуостров [Ашурбейли, 1983, с.26]. По крайней мере, составитель географического описания Азии и Кавказа в начале VII в. Анания Ширакский не отождествляет Баласакан с Пайтакараном, называя первый в числе древних албанских областей, а второй в числе присоединённых [Армянская География, 1877, с.41].

«Хроника» Захарии Митиленского (555 г.) называет эту область христианской и указывает на наличие здесь своего царя и собственного языка [Zachariae Rhetori, 1924, XII, 7, с.327]. Эти сведения подтверждает и М.Каланкатуйский [Каланкатуаци, 1984, кн.II, гл.2]. Со времени правления албанского царя Вачагана III (488–510) провинция Пайтакаран входит в состав Кавказской Албании. Столичный город провинции – одноименный Пайтакаран (Байлакан) локализуется вблизи городища Орен-Кала (Örənqala) в Азербайджане [Мамед-заде, 1983, с.25]. Однако, некоторые историки полагают, что г.Пайтакаран следует искать на берегу высохшего рукава Аракса, западнее современного г.Сальяны [Арутюнян, 1981, с.61-76; Акопян, 1987, с.103-104].

От рук правителя Пайтакарана маскутского царя Санатрука около 330 г. принял мученическую смерть святитель Григорис Албанский [Бузанд. 1953, кн.III, гл.5; Хоренский. 1893, кн.III, гл.3; Каланкатуаци, кн.I, гл.14]. По сведениям Корюна, при содействии Баласаканского епископа Мушела М.Маштоц проповедовал в Баласакане, после чего «простился с царем, епископами и со всей церковью Албании» и отбыл в Иверию [Корюн, 1962, гл.XVII]. О проповеди Маштоца в Баласакане упоминают как М.Хоренский [Хоренский. 1893, кн.III, гл.60], так и М.Каланкатуйский [Каланкатуаци, кн.I, гл.27].

Известна гемма-печать «Великого Католикоса Албании и Баласакана», которую М.Гаджиев склонен датировать VI в. [Гаджиев, 2004, с.465-479]. Этот артефакт может свидетельствовать об особом положении провинции не только для Албанского государства, но и для Албанской Церкви. Анализируя предоставляемые письменными источниками сведения, приходим к выводу, что Баласакан представлял собой весьма значительное и важное государственно–политическое и административно–территориальное образование Восточного Кавказа.

В указанном выше письме VI в. к албанскому католикосу Абасу упомянут епископ Баласакана Тимофей. Помимо епархии Албанской Церкви в Баласакане в то же время (540–554) существовала несторианская епархия Персидской Церкви Востока. По документам несторианских соборов известны имена двух епископов – Иоанна и Иакова [Касумова, 2005, с.44]. Уместно допустить, что юрисдикция албанского епископа распространялась на собственно албанский Баласакан – Базгун, в то время как несторианская епархия находилась в Пайтакаране, пребывавшем временами в административном подчинении Атрпатакана.

Епархия Амараса и Габанда

Габанд с селением Амарас – одна из 12 областей провинции Орхистена, располагавшаяся на правобережье Куры и занимавшая территорию нынешнего Ходжавендского и Джебраильского районов Азербайджана.

По свидетельству Ф.Бузанда и М.Каланкатуйского, в Габанде проповедовал евангельское учение св.Григорий Просветитель, который в Амарасе основал храм [Бузанд, 1953, кн.III, гл.6; Каланкатуаци, кн.I, гл.14]. Около 338 г. в Амарасе был захоронен убитый язычниками-маскутами внук Григория Просветителя Григорис, епископ Албании и Иверии. Мощи св.Григориса были обретены в 489 г. при албанском царе Вачагане III, который возвёл над ними часовню и восстановил разрушенную к тому времени церковь [Каланкатуаци, кн.I, гл.21-22]. В начале V в. М.Маштоц основал в Амарасе первую школу. Епархия Амараса, по всей видимости, была учреждена в период правления царя Вачагана III. Прежде, описывая приезд царя в Амарас, М.Каланкатуйский подчёркивает: «В то время в Амарасе не было епископа» [Каланкатуаци, кн.I, гл.21]. Епископу Амараса «царем ромеев» была подарена десница св.Григория Просветителя, находившаяся в Константинополе. В Средние века Амарас был известен как монастырь, который являлся крупным скрипторием. Амарас подвергался частым разрушениям (в 1387 г. разрушен Тамерланом) и неоднократно восстанавливался. Под алтарём построенной в 1858 г. церкви сохранилась сводчатая усыпальница из чисто отёсанных блоков с орнаментацией, характерной для V в. [Казарян, 2001, с.98].

Епархия Амараса включала в свою юрисдикцию исторические области: Мьюс-Габанд, Сисакан-востан, Муханк и Харчланк.

Известны епископы Амараса и Габанда: Гарник (рубеж V–VI вв.), Ромик/Хоромак (сер. VI в.), Мхитар (нач. VII в.), Исаак (рубеж VII–VIII вв.), Сероб (2-я четверть IX в.).

Трое предстоятелей Албанской Церкви до избрания на первосвятительский престол занимали кафедру Амараса: Иоанн II (644–668/671), Иосиф I (746/748–763/765) и Давид II (763/765–767/769).

На исторической территории епархии Амараса помимо одноименного монастыря Амарас (IV–V вв.) сохранились до наших дней: монастырь Катарованк (V–XVII вв.) – комплекс на вершине горы Зиарат (Дизапайт), место мученичества сыновей маскутского царя Санатрука – Моисея, Даниила, Илии и с ними прочих христиан – учеников св.Григориса Албанского в 30-х гг. IV в.; церковь Охты Дрни или «Семи Дверей» (VI–VII вв.) – из-за своего сложного центрического плана считается уникальной и принадлежит к типу весьма редких круглых многоапсидных зданий; монастырь Бри Ехци в с.Чораклы (VII–XII–XIII вв.); церковь монастыря Гтчаванк или «Семи братьев» близ с.Туг (IV–XIII вв.) – находилась под особым покровительством князей Араншахов; монастырь Спитак Хач (Спитаг Таг) в с.Чинарлы (XIV–XVIII вв.); монастырь Гтич Таглар (XIII в.); монастырь св.Иакова Кавак.

Епархия Гардмана

Гардман – одна из восьми областей провинции Отена, занимавшая территорию современных Кедабекского и Дашкесанского районов. Гардманское княжество имело стратегически и политически важное положение на западных границах Кавказской Албании. С VI по IX вв. область была родовым наделом албанских князей – Араншахов из династии Михранидов [Каланкатуаци, кн.II, гл.17]. Представители этой династии носили титул «господина Гардмана и князя страны Албанской» [Каланкатуаци, кн.II, гл.21].

По свидетельству Корюна в Гардмане проповедовал М.Маштоц, радушно принятый князем Хурсом Гардманским [Корюн, гл.XVII, XVIII].

Епархия Гардмана имела юрисдикцию помимо самого Гардмана над соседними областями Колт и Куста–Парнес.

Албанский хронист рассказывает о строительстве в Гардмане великим князем Джеванширом великолепного храма «для всей страны Албанской» [Каланкатуаци, кн.II, гл.25].

Епархия Гардмана обозначена с V в. в «Списке епископств» [Ухтанес, кн.I, гл.70, с.100], а также у М.Каланкатуйского и в документах Партавского собора 706/707 г.

В источнике М.Каланкатуйского упоминаются епископы Гардмана Иоанн (сер. VI в.) и Елиазар (с 686 г.), а также Албанские католикосы, прежде занимавшие кафедру Гардмана: Нерсес Бакур (688/9–705), Феодор (781–785), Гагик (948–958) и Петр (964–982). Епископ Гардмана Стефан упомянут в документах вместе с епископом Сюника Мафусаилом, как примкнувший к диофизитской партии после Феодосиопольского собора 632 г. [Garitte, 1952, p.44]. В X в., в период предшествующий образованию в регионе царства Парисос, трое настоятелей монастыря Парисос, по свидетельству автора Третьей книги «Истории албан», избираются на престол Албанских католикосов: Давид V (923–929), Давид VII (965–971) и Моисей IV (987–993).

На исторической территории епархии Гардмана сохранились: церковь Айриванк (VII–X вв.), развалины монастыря Хамшиванк в с.Беюк Кара-Мурад (IX–X–XIII вв.), Чарекский скит на левом берегу реки Шамхорчай (XIII в.).

Епархия Ути

Епископ Ути в известных нам документах упоминается лишь однажды – в перечне архиереев, участвовавших в работе Агуэнского собора 488 г. [Каланкатуаци, кн.I, гл.26]. Это время, когда резиденция предстоятеля Албанской Церкви находилась в Чола/Чора, тем не менее, М.Каланкатуйский архиепископа Шупхалишо называет «архиепископом Партава», возможно, допуская таким образом анахронизм. Если общепринятая датировка Собора верна, то в этом случае Шупхалишо к Партаву отношения иметь не должен, а присутствие на соборе епископа Ути указывает на архиерея, которому в действительности канонически подчинялась обширная правобережная область Кавказской Албании, где уже располагалась летняя резиденция албанских царей.

Ко всему прочему мы должны помнить, что албанский хронист, переписавший акты Агуэнского собора из архивных документов, находившихся в царской или патриаршей библиотеке, упустил или не нашёл титулов двух святителей, принимавших участие в соборных заседаниях – епископов Ананнии и Исаака. Возможно, наименования их епархий были затёрты или выпали из текста, которым пользовался автор «Истории албан» или его переписчики. Это обстоятельство предполагает наличие ещё двух епископских кафедр к V в. и в более ранний период.

Кстати, албанский хронист упоминает ещё одну епархию, которая должна бы располагаться в области Ути, связанную с местечком Гис в период правления католикоса Елиазара (683–689): «Тогда видение явилось св. архиепископу Елиазару, чтобы он, немедля отправился на помазание Креста Христова. Поднялся он рано утром и, взяв с собой необходимое, поспешно прибыл в указанную церковь в епархии Гисаван» [Каланкатуаци, кн.II, гл.33]. Центром этой епархии должен был являться Гис – место, освящённое многими важными событиями для Албании и её Церкви.

Епархия Мец Иранка

Мец Иранк (Большой Аран, Месиран у ал-Балазури [Баладзори, 1927, с.13]) – одна из двенадцати исторических областей правобережной провинции Орхистена. Область занимала земли нынешнего Кельбаджарского района Азербайджана. В свою юрисдикцию епархия Мец Иранка включала три исторических области: Мец Аранк, Парсаканк и Пианк.

Албанский историк из епископов Мец Иранка упоминает святителей Симеона (нач. VII в.), Иовела (посл. треть VII в.) и Абаса (551/2–595/6), ставшего предстоятелем Албанской Церкви.

Позже, с XIV в., епархия Мец Иранка станет местом пребывания Албанских католикосов и передаст нам в наследство их кафедральный монастырь в честь св.Иоанна Крестителя – Гандзасар (X–XIII вв.), шедевр албанского храмового зодчества.

На исторической территории епархии Мец Иранка помимо Гандзасарского монастыря находится монастырь Худавенг (Дадиванк), возведенный в VI в. над местом погребения св.Дади (Фаддея), ученика апостола Фаддея, упоминающийся с IX в., хотя нынешние постройки относятся к XIII в. Ещё один значимый духовный центр епархии – базилика-монастырь Агоглан, сооружённый в V–VI вв. Не менее важный монумент – монастырь Ерек Манкунк, построенный конкурентами Гасана

Джалала князьями Джраберда Мелик-Исраелянами также в XIII в., в нем в XVII– XVIII вв. располагался антикатоликосат Албанского Гандзасара.

Епархия Мец Куэнка

Мец Куэнк (Большой Куанк/Колманк, Мескван у ал-Балазури [Баладзори, 1927, с.13]) – одна из двенадцати исторических областей правобережной провинции Орхистена. Область располагалась на территории нынешних Агдамаского и Тертерского районов Азербайджана, включая в себя, помимо Мец Куэнка, исторические области Вакуник и Бердадзор.

Область эта упоминается М.Каланкатуйским в связи с сокрытием на её земле серебряного реликвария с частицей Креста, который привёз М.Маштоц из Иерусалима, здесь же его ученики, вероятно организовавшие братство или монашескую обитель, вместе с пришедшими из Иерусалима священниками приняли мученическую смерть от гуннов в день Пасхи в горном ущелье Астлаблур и в лесной долине Члах [Каланкатуаци, кн.I, гл.28-29].

Албанский хронист упоминает следующих епископов Мец Куэнка: Давида (последняя треть VII в.), Исраеля (рубеж VII–VIII вв.), просветителя Гуннской страны, Самуила (до 877 г.) и Михаила (с 877 г.).

Четверо предстоятелей Албанской Церкви до своего избрания на первосвятительский престол занимали кафедру Мец Куэнка: Давид III (769–778), Иосиф II (852–877), Самуил (877–894) и Исаак II (929–947).

На исторической территории епархии Мец Куэнка сохранились: монастырь Аваптук (XII в.), монастырь Акобаванк (853 г.), церковь Харва (XIII в.), монастырь Анапат (XII в.), церкви св.Георгия, Кармирванк и Мехракер в с.Казанчи (XIII в.) и др.

Кафедральным храмом епархии Мец Куэнка возможно служила соборная церковь монастыря апостола Елисея (Егише Аракял), построенная в V в. (нынешняя постройка датируется XII–XIII вв.) на склоне горы Муровдаг – место захоронения св.мощей ап.Елисея и албанского царя Вачагана III Благочестивого. Либо главным храмом епархии могла быть церковь монастыря Ванкасар (V–VII в.), сооружённая по преданию царём Вачаганом III на холме у берега реки Гаргарчай в Аскеране. Самое первое письменное упоминание о монастыре Ванкасар оставил глава Грузинской епархии Армянской церкви архиепископ Саргис Джалалянц (1819–1879), известный писатель и палеонтолог: «На вершине горы – развалины обители, которая по преданию была епархиальным центром сей области» [Джалалянц, 1842, 1856].

Епархия Гашуа (Хоша)

Свою каноническую юрисдикцию епархия Гашуа распространяла на области Отены – Шакашен и Тучкатак, что соответствует нынешним Шамкирскому, Товузскому и Гянджинскому районам Азербайджана. На территории древнего Скифского царства – исторической Сакасены, давшей наименование области Шакашен, историк Р.Хьюсен локализует местонахождение древнего албанского храмового центра Яшу Хош (от утийского «хаш» – Луна) [Hewsen, 1992, p.145-146].

М.Каланкатуйский упоминает епископа Хоша Иону (Иунана) в качестве участника Агуэнского собора 488 г., затем епископа Симеона, как участника Партавского собора 704 г. Тот же епископ Симеон числится в перечне епископов Партавского собора 706/707 г.

Центром епархии по всей видимости был г.Шамхор, который ал-Балазури упоминает в числе наиважнейших политических центров Кавказской Албании наравне с Бардой, Дербентом и Байлаканом [Баладзори, 1927, с.203]. О нахождении в этой области епархиального центра свидетельствовал в XIX в. еп. Макар Бархударян [Бархударян, 1895, с.44-45].

Одним из важных религиозных центров епархии Хош был монастырь Богородицы Хоранашат (1211–1222) в с.Чинари, в котором до 1225 г. проживали историк Киракос Гандзакский и вардапет Ванакан. В настоящее время монастырь находится буквально в ста метрах от азербайджано-армянской границы на армянской стороне.

Ещё одним из важных духовных центров епархии, безусловно, считался столичный монастырь Бердованк – «Монастырь-крепость» в Шамхоре, в котором проходил собор, созванный албанским католикосом Михаилом в промежутке между 720–730 гг. против павликиан и для разбирательства вопроса о кровосмешении [Каланкатуаци, кн.III, гл.13]. В работе собора участвовало 7 албанских епископов [Бартикян, 1961, с.32-33].

Среди прочих храмов, остатки которых сохранились на территории епархии Хоша, можно упомянуть церковь с.Чапарлы (IV–V вв.).

Епархия Цри и Чилбка

Епархия Цри в «Истории албан» упоминается лишь однажды, в перечне участников Агуэнского собора 488 г. представлял епархию хорепископ Симеон.

Из албанской хроники нам известно только то, что Цри был важным или столичным городом Страны чилбов. До сих пор исследователям не удалось точно установить, где именно находилась эта «Страна чилбов». Из источников ясно лишь то, что лпины и чилбы занимали территорию, примыкавшую к Кавказской Албании с северо–востока, ближе к горной части Южного Дагестана, и обитали по соседству с племенами, перечисленными в списке Елише [Егише, 1971, раздел IV, с.255].

Высказывалось мнение о том, что чилбы могли обитать в высокогорной области к северу от Алазанской долины [Еремян, 1939, с.137]. М.Гаджиев локализует их в верховьях Самура и на прилегающих склонах Главного Кавказского хребта – на территории традиционного расселения современных цахуров. При этом исследователь возводит самоназвание цахур – йыхъбы (мн.ч.) – к этнониму «чилб» [Гаджиев, 1998, с.15-16].

И.Семенов, исследовав рассказ албанской хроники о миссии епископа Израеля к гуннам с привлечением сведений, предоставляемых арабскими историками, приходит к заключению, что Страной чилбов следует считать Лайзану (со времен шахиншаха Хосрова I Ануширвана – Лайзанское шахство) [Семенов, 2006, с.3-8], которой по определению В.Минорского соответствует Лахиджская долина с центром в Лахидже [Минорский, 1963, с.33]. Исследователь заключает, что Страна чилбов соответствует Лайзану, гористой области, лежащей по обе стороны от Конахкендского перевала Большого Кавказа.

Однако, в своё время исследователь Ю.Джафаров [Джафаров, 1985, с.65-80] заметил, что город-крепость под названием Цри встречается только у албанского историка М.Каланкатуйского, и что, судя по его сообщениям, этот город имел какой-то особый статус и играл заметную роль в политических и религиозных событиях в Кавказской Албании в IV–V вв. Впервые город Цри упоминается в рассказе о св.Григорисе, который построил там церковь и поместил в ней части мученических мощей. После этого, оставив там служителем священника Даниила, Григорис вместе со своими учениками отправился в «страну маскутов», где был схвачен и замучен [Каланкатуаци, кн.I, гл.14].

В связи с городом Цри страна маскутов повторно упоминается автором «Истории Албании». По его сообщению, некий перс-зороастриец попытался осквернить церковь в городе Цри, но умер в страшных мучениях. Этот случай был засвидетельствован очевидцем – «гуннским епископом Иунаном, бывшим в стране маскутов» [Каланкатуаци, кн.I, гл.19]. Как известно, страна маскутов располагалась на прикаспийской равнине к югу от Дербента. Между тем город Цри Моисей Каланкатуйский упоминает ещё и в связи со страной чилбов. Чилбы же, как полагают, обитали на севере от Куры, в предгорьях Большого Кавказа. Более того, исследователь обращает внимание на то обстоятельство, что городом Цри правит албанский наместник царской крови Хочкорик (бастард царя Есвалена), единственный албанский наместник в Албании, которого упоминает албанский хронист. Затем, город назван по преимуществу языческим, имеющим персидский элемент, но при этом там есть епархия, которую, однако, представляет хорепископ. Город Цри, по уточнению М.Каланкатуйского, имеет стратегическое значение и является крепостью. И ко всему прочему в этом городе оказался гуннский епископ Иона (Иунан). Также и автор «Географии VII в.» Анания Ширакский упоминает чилбов среди племен «Азиатской Сарматии». Все эти данные, а также сведения, приводимые Елише, Ф.Бузандом и М.Каланкатуйским, приводят к выводу, что под Цри автор албанской истории подразумевает Чор/Чол (Дербент), а чилбами называет чолинцев или племя, обитавшее недалеко от Чолы и составлявшее часть его населения.

Гуннская епархия

Ещё один территориально–канонический субъект, который мы условно включаем в юрисдикцию Албанской Церкви – Гуннская миссионерская епархия. Территория расселения гуннов-сабир, соприкасающаяся на северо–востоке с Кавказской Албанией, хорошо известна. Столичный гуннский город Варачан локализуется на месте городища Шах-Сенгер в Каякентском районе Дагестана [Гаджиев, 1998, с.15-16].

Гуннские земли, доставлявшие Кавказской Албании немало политических проблем, становились в то же время объектом особой миссионерской заботы Албанской Церкви.

Издревле в жизни Церкви соблюдалась следующая норма: Церковь, обратившая в христианство нехристианский народ на территории, не входящей

в состав ни одной из Поместных Церквей, становится для новосозданной общины, епархии, Церкви – Церковью Матерью, кириархальной Церковью. Норма эта выражена в 131 (117) правиле Карфагенского собора 411 г., где сказано: «Собором определено, чтобы Церкви, находящиеся в каком-либо месте… принадлежали к тем престолам, епископами которых убеждены были приобщиться к кафолическому единению…».

Нам известно, что именно епископы Албанской Церкви насаждали христианство среди гуннов. Упоминание о первом албанском епископе в среде гуннов содержится в рассказе М.Каланкатуйского о событиях в городе Цри и в списке предстоятелей Албанской Церкви, где автор помещает его перед святителем Иеремией, стоявшем у истоков создания албанской письменности в конце IV в. Епископ этот – Иона (Иунан), именуется «епископом гуннов», а время его миссионерской деятельности мы должны отнести ко второй половине IV в. [Каланкатуаци, кн.I, гл.19; кн.III, гл.24].

Захарий Митиленский предоставляет сведения о «епископе земли Аран Кардосте», который не только занимался миссионерской деятельностью и духовным окормлением гуннов в период с 537 по 551 гг., но и озаботился о переводе текстов Священного Писания на гуннский язык. Перевод этот, по сообщению сирийского автора, был завершён к 544 г. [Zachariae Rhetori. 1924, XII, 7]. Затем, тот же автор сообщает о нахождении среди гуннов в 551–555 гг. и далее епископа Макария.

В 80-е гг. VII в. с миссией в страну гуннов отправился албанский епископ Исраель. Подробному рассказу об этой миссии М.Каланкатуйский посвящает восемь глав Второй книги своей Хроники, с XXXVIII по XLV. Там же албанский историк сообщает о желании гуннов устроить в своей стране епархию. Обращаясь к епископу Исраелю, они говорят: «Молим твою святость, чтобы ты согласился быть нам епископом и учителем, утвердив престол епископский в нашем городе Варачане» [Каланкатуаци, кн.II, гл.42]. В итоге, с благословения албанского католикоса Елиазара «Блаженный епископ Исраель по приветливому нраву своему добровольно согласился поехать к гуннам, устраивал обе страны и попечительствовал над новообращённой паствой Христовой, чтобы твёрдо сохранить обет и условия союза с ними» [Каланкатуаци, кн.II, гл.45]. Позже Гуннская епархия, основанная епископами Кавказской Албании, в числе других семи миссионерских епархиальных областей входит в состав Доросской митрополии [Артамонов, 1962, с.93-94; Науменко, 2002, с.544-568]. Точное время основания этой митрополии неизвестно, но самой ранней возможной датой считают 787 г., самой поздней – конец IX в. Три епархии этой митрополии располагались по берегам Каспийского моря: Гуннская, Хвалская и Астильская. По-видимому, митрополия существовала непродолжительное время, не дальше X в.

Епархия Еута

Епископ Еута упоминается лишь однажды среди участников Агуэнского собора в том списке «Истории албан», с которым работал в XIX в. К.Патканов [Каланкатуаци, 1861, кн.I, гл.26]. Как известно, перевод К.Патканова был сделан с копии, снятой с оригинала в 1841 г. священником О.Шахатуни, и затем переданной в Санкт-Петербургский Азиатский музей. Ш.Смбатян, издавший «Историю албан» в 1984 г., наименование этой епархии из своего перевода исключает. При работе над последним переводом были использованы все известные рукописи данного сочинения (одиннадцать рукописей, находящихся в Матендаране, и три рукописи по микрофильмам и фотокопиям). Исходя из этого мы должны исключить возможность существования епархии Еута, тем более, что наименование её не совпадает ни с одним известным топонимом Кавказской Албании.

Как мы можем заключить, распространение христианства в Кавказской Албании не было равномерным, а позиции Албанской Церкви из-за сложной политической ситуации не во всех регионах были стабильными. В то же время, наблюдаемое с IV в. проникновение христианства из городов в деревни и умножение числа верующих привело к умножению церковно–административных единиц – епархий, коих к VI в. насчитывалось как минимум 15. Однако, точное разъяснение вопроса о территориях средневековых епархий Албанской Церкви и о количестве жившего на них христианского населения – задача пока неразрешимая, которая требует дополнительных исследований с привлечением более поздних источников для необходимого анализа. Тем не менее, проанализировав все сообщения албанского историка М.Каланкатуйского об иерархах и структурных подразделениях Албанской Церкви, нами впервые предложен столь полный список епархий, находящихся в юрисдикции Албанского первосвятителя к VI в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеримских источниках. Ереван, 1987, 302 с.
2. Армянская География VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Перевод и комментарии К.П.Патканова. Санкт-Петербург, 1877, 84, 26 с.
3. Артамонов М.И. Древний Дербент // Советская Археология, том VIII, 1946, с.121-144.
4. Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Изд-во Гос.Эрмитажа, 1962, 523 с.
5. Арутюнян Б.А. Город Пайтакаран и его локализация // Вестник Общественных наук АН Арм. ССР, №12, 1981, с.301-302 (на арм. яз.)
6. Ашурбейли С.А. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, 294 с.
7. Баладзори. Книга завоевания стран / Текст и перевод с араб. с извлечениями П.К.Жузе. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927, 38 с.
8. Бартикян Р.М. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, 215 с.
9. Бархударян Макар, епископ. Арцах. Исторический экскурс. Баку, 1895, 408 с. (на арм.яз.).
10. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965, 384 с.
11. Егише. О Вардане и войне армянской / Перевод с древнеармянского И.А.Орбели, издание К.Н.Юзбашяна, Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1971, 192 с.
12. Гаджиев М.С. Атрибуция геммы-печати великого католикоса Албании и Валасакана и вопрос очерёдности патриаршества владык Албанской церкви // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2004, с.465-479.
13. Гаджиев М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1998, с.7-42.
14. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984, 192 с.
15. Джалалянц Саргис, архиепископ. Путешествие в Великую Армению. В 2х томах. Тифлис, 1842, 1856.
16. Джафаров Ю. Город Цри и страна чилбов в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского // Древний и средневековый Восток. Часть 1. М., 1985, с.65-80.
17. Егише. О Вардане и войне армянской/ Перевод И.А.Орбели. Ереван, 1971, 192 с.
18. Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Том VII. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939, с.129-155.
19. Еремян С.Т. Политическая история Албании III–VII вв. // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958, гл. II, §12, с.310-322.
20. Казарян А.Ю. Амарас // Православная Энциклопедия, том II. Москва, 2001, с.98.
21. Каганкатваци Моисей. История агван / Перевод с древнеарм. К.Патканова. СПб., 1861, 376 с.
22. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / Перевод с древнеарм. Ш.В.Смбатяна. Ереван, 1984, 258 с.
23. Касумова С.Ю. Христианство в Азербайджане в раннем средневековье. Баку, 2005, 146 с.
24. Корюн. Житие Маштоца / Перевод с древнеарм. Ш.В.Смбатяна и К.А.Мелик-Огаджаняна. М., 1962, 76 с.
25. Кудрявцев А.А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 48-51.
26. Мамед-заде К.М. Строительное искусство Азербайджана (с древнейших времён до XIX). Баку: Элм, 1983, 234 с.
27. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
28. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963, 266 с.
29. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры, №12. Магнитогорск, 2002, Вып. 12, с.551-554.
30. Семенов И.Г. О локализации лпинов и чилбов // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, №3. Махачкала, 2006, с.3-8.
31. Улубабян Б.А. О границах древнего Алуанка // Вестник Ереванского Универсетета, №1, 1977, с.109-124.

32. Улубабян Б.А. О локализации Баласакана // Вестник Ереванского Университета, №1, 1971, с.178-182.
33. Фавстос Бузанд. История Армении / Перевод с древнеарм. и коммент. М.А.Геворгяна. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1953, 256 с.
34. Ханбабаев К.М. Христианство в Дагестане в IV–XII вв. // Сборник трудов ИСПИ РАН. Южно-Российское обозрение, №20, 2004, с.227-246.
35. Хоренский Моисей. Армянская география VII в. по Р.Х. / Перевод К.П.Патканова. Санкт-Петербург, 1877, XXVIII, 84, 26 с., 2 л. карт.
36. Цыпин Владислав, протоиерей. Курс церковного права. Клин, 2004, 700 с.
37. Garitte G. La Narratio de Rebus Armeniae // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. №132, subsidia 4. Louvain, 1952, p. 482.
38. Hewsen Robert H. Armenia: A Historical Atlas. Chicago, 2001, 11 x 17, 336 p., 232 color maps, 3 line drawings.
39. Hewsen Robert H. The Geography of Ananias of Sirak. The Long and the Short Recension. Wiesbaden, 1992, 467 p., 26 maps.
40. Pliny. Natural History. In 10 vol. / English translation by H.Rackham. Cambridge-London, 1947, vol,II, p.664.
41. Zachariae Rhetori. Historia Ecclesiastica / Edited by E.W.Brooks // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores syri. Series III, vol. VI, 2. Louvain, 1924, p.327.

Д-р Имранлы-Лоу Кямаля
Независимая исследовательница
(Соединённое Королевство)

МЕСТО КАВКАЗСКИХ АЛБАН В СТРАТЕГИИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Около 300 лет назад, в начале 1720-х гг., территории государства Сефевидов на Южном Кавказе снова были превращены в арену боевых действий. В отличие от предыдущих столетий, когда за эти территории боролись Сефевиды и Османы, на сей раз новое государство вступило в борьбу за контроль над регионом, имеющим важное стратегическое и военное значение. Территория, которая *де-юре* в то время принадлежала Сефевидам, оспаривалась Османской империей, давним соперником Сефевидов, и Россией, набиравшей в тот период мощь державой. Основным результатом продвижения России на Южный Кавказ стал Стамбульский (Константинопольский) мирный договор 1724 г. между Россией и Османской империей, который разделил регион на российскую и османскую сферы влияния с локализацией российской зоны оккупации в прикаспийских областях. Однако новое разделение просуществовало недолго ввиду того, что Сефевидам между 1732 и 1736 гг. удалось вернуть территории, захваченные русскими и османами.

Возобновление интереса России к региону датируется последними десятилетиями XVIII в., когда в 1780 г. генерал-лейтенант Александр Суворов прибыл в Астрахань (Аштархан) и для подготовки новой военной кампании начал сбор информации, в частности о провинциях Южного Кавказа [Бутков, 1869, II, с.71, III, с.152; Эзов, 1901, с.28; Иоаннисян, 1989, с.255]. Попытки русских убедить царя Картли-Кахети Ираклия официально обратиться за протекторатом России увенчались успехом осенью 1782 г., по результатам чего 24 июля 1783 г. был подписан соответствующий трактат [Бутков, 1869, III, с.164, II, с.118-119, 122-127].

В начале 1784 г. Алимурад-хан, который стремился укрепить свою власть, провозгласив себя шахом Персии после того, как овладел Исфаханом и покорил большинство её провинций, кроме приграничных, отправил своего посланника на Кавказскую линию в Моздок для встречи с генерал-лейтенантом Павлом Потёмкиным, главнокомандующим российскими войсками на Кавказе. Он намеревался заручиться поддержкой России против Ага Мухаммед-хана из Астрабада, своего соперника в борьбе за власть. В письме, посланном им Потёмкину, Алимурад-хан просил признать себя шахом и помочь в борьбе против османов. Взамен он предложил заключить выгодное для русских торговое соглашение и отказаться от прав на прежде завоёванные Россией в 1722–1723 гг. провинции на Каспийском море, а именно: Дербент (Дарбанд), Баку, Гилян, Мазандаран и Астрабад с его окрестностями; а также уступить ханства Карабахское (Карабаг), Карадагское (Гарадаг), Нахчыванское (Нахичевань) и Иреванское (Эривань) [Бутков, 1869, II, с.147-148; Дубровин, 1886, II, с.169].

Князь Григорий Потёмкин-Таврический, получив повеление от императрицы Екатерины (правила в 1762–1796 гг.) воспользоваться расположением Алимурад-хана Исфаханского, отложил русскую военную кампанию, которую он предложил

[1] *Примечание: Автор была удостоена учёной степени доктора философии (PhD) Центром российских, европейских и евразийских исследований Бирмингемского университета, Соединённое Королевство. Ею опубликовано три книги и шесть статей, преимущественно освещающих вопросы политической истории Кавказа средневекового, нового и новейшего периодов. Среди публикаций автора можно отметить следующие: монография "Создание армянского государства на Кавказе: Истоки и последствия" (Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», **2006**) и ряд статей как 'The Provisional Government and the Armenian Homeland Project', Revolutionary Russia, Vol.27, No.2 (**2014**): 132-56; 'Reconstruction of the 'Armenian Homeland' Notion', Middle Eastern Studies, Vol.51, No.4 (**2015**): 540-62; 'The Paris Peace Conference and the Armenian Arguments on Garabagh', Central Asian Survey, Vol.34, No.2 (**2015**): 219-36; и 'The polities of the Caucasus and the regional powers in the medieval and early modern period', Caucasus Survey, Vol.8, No.3 (**2020**): 258-277.*

для занятия Дербента и других прибрежных территорий вдоль Каспийского моря. Вместо этого он отправил от своего имени полковника Василия Тамару вместе с посланником Алимурад-хана для встречи с последним в Исфахане [Бутков, 1868, II, с.150; Дубровин, 1886, II, с.34].

Меморандум, вручённый полковнику Тамаре 30 сентября 1784 г., содержит видение князем Потёмкиным политики России в отношении Персии и положения, на основании которых Россия может признать Алимурад-хана шахом, в том числе следующие:

> **Первое.** Чтоб он признал принадлежность нам Дербента и прочих мест, кои нам нужны и на коих присоединение мы решилися. **Второе**. Чтоб он сделал с нами ясный и подробный трактат, определяющий точные границы персидской империи. **Третье**. Чтоб земли царя Ираклия сходно нашему предположению границами точно означены были. **Четвертое**. Чтоб край армянской в его независимости восстановлен был. **Пятое.** Чтоб и о тех землях, кои назначаются к составлению области или царства Албанскаго зделано было ясное постановление... [Иоаннисян, 1947, с.282-283]

В этом меморандуме князь Потёмкин также предположил, что «в одно же время полезно было бы основать правительство армянское и албанское и с ними сделать нужные постановления» [Иоаннисян, 1947, с.283].

Установление албанского политического образования было также затронуто в письме князя Потёмкина Екатерине II, где князь отмечал, что «теперь настало время произвести в действо давно предположенный Вашим Императорским Величеством план о основании Албанского царства» [АВПРИ, ф.5, оп.5/1 (1779-1783), д.591, ч.I, л.224]. Дневник Александра Храповицкого, являвшегося статс-секретарем при Екатерине II около десяти лет, также проливает свет на планы России относительно создания Албанского государства. 17 августа 1787 г. Храповицкий [1862, II, с.37] записал в своём дневнике, что «[в] сундуке отыскал для себя и читал секретный проект кн. Потёмкина-Таврического чтоб, воспользуясь персидскими неустройствами, занять Баку и Дербент и присоединя Гилян, назвать Албаниею для будущего наследия великого князя Константина Павловича».

Дальнейшее понимание этой темы даёт дневник архиепископа Иосифа Аргутинского, главы Астраханской епархии армянского Эчмиадзинского католикосата. Из записей архиепископа [Эзов, 1901, с.28; Дубровин, 1886, III, с.58] следует, что граф Суворов и князь Потёмкин в 1780 г. задавали ему много вопросов в свете их запланированной военной кампании по захвату прибрежных провинций на побережье Каспийского моря. В их числе были вопросы о состоянии армянского Эчмиадзинского католикосата, его католикоса и армянского народа, а также о карабахских *меликах* [графах], о которых он предоставил Суворову специальный меморандум. Генерал-лейтенант Потёмкин также задал архиепископу различные вопросы на эту тему 21 декабря 1782 г. (1783 г. по Николаю Дубровину [1886, II, с.27]), на которые тот ответил [Иоаннисян, 1947, с.204-212]. В 1784 г. князь Потёмкин также потребовал, чтобы Аргутинский прислал ему человека, который мог бы сообщить необходимую информацию об армянах, а также о карабахских *меликах*. Архиепископ, в свою очередь, поручил эту задачу Степану Давыдову. Князь Потёмкин дважды писал Давыдову, чтобы тайно вдохновить их обратиться к императрице Екатерине с официальными обращениями о протекторате России [Бутков, 1869, III, с.181, 284].

Согласно Дубровину [1886, II, с.168], уступка упомянутых провинций, предложенная Алимурад-ханом, могла осуществить мечты князя Потёмкина о создании на Южном Кавказе обширного христианского государства под протекторатом России, правление в котором, как надеялся царь Картли-Кахети Ираклий, будет в его руках под верховной властью России. Абгар Иоаннисян [1947, с.129], располагавший большим количеством официальных документов на эту тему, считал, что в возможные планы российской дипломатии в то время входило расширение границ Картли-Кахетинского царства путём аннексии Гянджинского ханства и, вероятно, ряда других азербайджанских провинций, а также организация вассальных армянского и албанского государств за счёт прочих ханств. Иоаннисян [1947, с.47-48, 1951, с.267] на основе проекта плана архиепископа Аргутинского, составленного в 1783 г. в прямой связи с переговорами с князем Потёмкиным, писал, что армянское государство должно было быть создано в Араратской области со столицей в Вагаршапате или Ани. Можно предположить, что

это армянское государство предполагалось создать за счёт Иреванского ханства, а также Карского пашалыка Османской империи, частью которого был Ани, в то время как остальные земли восточной части Южного Кавказа – за пределами территорий, предназначенных для Картли-Кахети, должны были быть переданы в состав Албании.

Интересна также историческая справка о карабахских ханах и *меликах*, подготовленная полковником Степаном Бурнашевым, уполномоченным князя Потёмкина при царе Картли-Кахети Ираклии, от 3 апреля 1783 г. В материале приводятся исторические данные об «Албании» под властью шаха Аббаса из династии Сефевидов, Надир-шаха, а также карабахских ханах Панаха и Ибрагима. Согласно этому документу, пять *меликств* [графств] Карабаха были основаны шахом Аббасом, и ситуация сохранялась до времён шаха Гусейна из династии Сефевидов, когда османы оккупировали «Азербайджан со всеми прилежащими областями, в том числе и Сигнагом [меликства]». Затем в повествовании говорится, что после вывода османов из Азербайджана Надир-шах восстановил меликства как «дворцовые вотчины» с пятью меликами из тех же династий, как то было при шахе Аббасе [Иоаннисян, 1947, с.258]. Несмотря на некоторые фактические неточности в этом отчёте, он демонстрирует, что Карабах был одной из основных частей концепции «Албании». Это также очевидно из переписки с албанскими католикосами в 1720-е гг. [Иоаннисян, 1967, II (2), с.27, 31], католикосом «всея Албании» Ованнесом (или «албанским» католикосом Гянджасара Ованнесом) в 1780-х гг. [Иоаннисян, 1947, с.244-245, 259] и из других имеющихся свидетельств.

После подписания трактата с царём Ираклием в 1783 г. российские замыслы 1780-х гг. далее не реализовывались. С началом новой русско-османской войны в сентябре 1787 г. полковник Бурнашев, получив приказ князя Потёмкина, был вынужден отозвать русские войска из Картли-Кахети и вернуться в Россию [Бутков, 1869, II, с.154-155, 195-196]. Такой внезапный поворот событий нанёс удар по планам карабахских *меликов*, надеявшихся при поддержке России восстановить Албанское царство. В реализации указанных планов самыми активными были албанский католикос Ованнес, *мелик* Абов и *мелик* Меджлум (в некоторых источниках Меджнун). Вскоре после ухода русских с Южного Кавказа в 1788 г. албанское население Карабаха, а именно пятьсот семей из Гюлистанского меликства мелика Абова, одного из пяти меликств Карабахского ханства, покинули свою родину и перебрались в Шамкир Гянджинского ханства. Ещё тысяча семей из Чилабердского меликства мелика Меджлума, также находящегося в Карабахском ханстве, была поселена в Шамшаддиле Джавад-ханом Гянджинским. Через несколько лет *мелик* Абов покинул Гянджу и вместе со своими людьми перебрался в Болниси в царство Картли-Кахети. Однако из-за разногласий с царём Ираклием *мелик* Абов больше не мог там оставаться и в 1795 г., помирившись с Ибрагим-ханом Карабахским, вернулся на родину, чтобы снова покинуть её в 1799 г. [Раффи, 1882, с.153, 159-160, 233, 1991, с.88, 91, 125; Потто, 1901, XII, с.29; Бутков, 1869, II, с.195].

Тем временем Ага Мухаммед-хан Астрабадский из тюркского племени каджаров, победив своих соперников в борьбе за обладание Персией, решил установить свою власть над ханствами, которые были *де-факто* независимыми. Перейдя на левый берег реки Араз, он послал своего брата Алигулу-хана с войском в Иреван. Покорив это ханство, Ага Мухаммед-хан двинулся в Карабахское ханство. Он тридцать три дня держал в осаде его столицу, крепость Шуша. Столкнувшись с яростной обороной, хан решил не терять времени и напал на Тифлис, который взял 12 сентября 1795 г. Затем он предпринял вторую попытку захватить Шушу. В очередной раз потерпев неудачу, Ага Мухаммед-хан отправился в Муганские степи и обосновался вдоль реки Араз [Бутков, 1869, II, с.336-341; Mirzə Camal Cavanşir Qarabağı, 1989, s.123-124; Mirzə Yusif Qarabağı, 1991, s.29-31; Mir Mehdi Xəzani, 1991, s.130-132].

Когда Ага Мухаммед-хан стоял в Мугане, а часть его войск заняла Ширван в ноябре 1795 г., Россия уже составляла планы новой военной кампании. Военные действия под руководством графа Валериана Зубова должны были начаться с трёх сторон: 1) Каспийской флотилией на побережье Баку и Талыша; 2) войсками из Картли-Кахети на Гянджу и Карабах, но не на Иреван и другие районы, прилегающие к Османской Порте, чтобы не спровоцировать турок приближением к османским границам; 3) главными силами от Кизляра через Дербент и Баку до слияния рек Араза и Куры [Бутков, 1869, II, с.360-361]. Русское видение войны против Ага Мухаммед-хана заключалось

в основном в реализации вышеупомянутых положений, сформулированных в 1784 г. при Алимурад-хане [Бутков, 1869, II, с.365]. Как и в 1780-х гг., во время этой кампании представляющий Эчмиадзин архиепископ Иосиф Аргутинский был основным источником информации о Южном Кавказе, а также о прилегающих регионах Персии и Османской империи. Он также принимал активное участие в практической реализации российских целей [Дубровин, 1886, III, с.57, 84].

Царь Ираклий, воодушевлённый прибытием русских войск, объединился с Ибрагим-ханом Карабахским, чтобы наказать Джавад-хана из Гянджи и *мелика* Меджлума из Чилаберда, которых он считал проводниками Ага Мухаммед-хана в его походе на Тифлис. Атакующие Гянджу союзники долгое время держали её в осаде. В конце концов, Джавад-хан сдался, мир был заключён, а *мелик* Меджлум – убит [Mirzə Camal Cavanşir Qarabağı, 1989, s.124; Mir Mehdi Xəzani, 1991, s.132; Rzaqulu bəy Mirzə Camal oğlu, 1991, s.222].

По словам Раффи [1882, с.202, 1991, с.111], который посетил Карабах в 1881 г., чтобы собрать данные для своей истории *меликств*, «он (*мелик* Меджлум) унёс с собой в могилу широкую и основательную программу восстановления *меликств* Карабаха, которая значительно отличалась от программ других *меликов* и архиепископа Овсепа [Иосифа Аргутинского]». В одной из рукописей, находящихся в его распоряжении, Раффи [1882, прим. с.203, 1991, прим. с.111-112] прочёл, что Ага Мухаммед-хан обещал *мелику* Меджлуму не только уничтожить Ибрагим-хана и восстановить *меликства* Карабаха, но и передать ему контроль над Картли-Кахетией. По этой причине, когда *мелика* Меджлума обвинили в причастности к разгрому Тифлиса, он с горечью ответил: «Достаточно нас обманывали... до каких пор мы будем соблазняться иллюзиями... наши доброжелатели сталкивают нас со своими врагами, а сами извлекают выгоду... У нас более причин доверять персидскому шаху, чем другим. Шах Аббас утвердил права меликств Карабаха, Надир подтвердил их, а Ага-Мамет-хан обещал мне больше, чем его предшественники... » [Раффи, 1882, с.202-203, 1991, с.111].

После смерти Екатерины II 17 ноября 1796 г. граф Зубов, в руках которого была сосредоточена вся власть и контроль после князя Потёмкина, получил 4 декабря 1796 г. приказ от графа Николая Салтыкова, президента Военной коллегии, о приостановлении боевых действий и возвращении к российской границе [Бутков, 1869, II, с.422]. Ага Мухаммед-хан, воспользовавшись внезапным отступлением русских войск, весной 1797 г. начал новый поход. Его намерением было по истреблении Ибрагим-хана Карабахского нанести главный удар по Картли-Кахети и загнать жителей Шамахы (Шемаха), Шеки, Сальяна, Талыша, Картли-Кахети и других мест в его наследные провинции Мазандаран и Астрабад. Но убийство Ага Мухаммед-хана в Шуше помешало осуществлению данных планов [Бутков, 1869, II, с.427, 430-431].

Эти события ускорили аннексию Картли-Кахети Россией манифестом Александра I от 12 сентября 1801 г., который был составлен на основе манифеста, подписанного его предшественником Павлом 22 декабря 1800 г. и не реализованного из-за смерти последнего 12 марта 1801 г. За аннексией Картли-Кахети последовала аннексия Россией Гянджи и других азербайджанских ханств и султанатов в период с 1801 по 1828 г. Фактическая ситуация была закреплена Гюлистанским договором от 12 октября 1813 г. и Туркманчайским договором от 10 февраля 1828 г., подписанными Россией и Каджарским государством после войн 1804–1813 и 1826–1828 гг. соответственно.

Административно-территориальная реорганизация Южного Кавказа после пошагово осуществлённой аннексии его политических образований показывает намерения России в отношении этого региона. Так, после аннексии Картли-Кахети Россией 12 сентября 1801 г. на основе прежнего царства была образована Грузинская губерния, территория которой со временем расширилась за счёт вновь присоединённых владений. Помимо земель бывшего царства, в состав губернии вошли ранее входивший в Иреванское ханство Памбакский округ, оккупированный Россией в 1801 г. и преобразованный в Лорийский уезд, и Шурагельский султанат, вассал Иреванского ханства, оккупированный Россией в 1805 г. Эти две территории были слиты в Памбак-Шурагельскую дистанцию. Губерния также включила в свои пределы Газахский и Шамшаддильский султанаты, преобразованные в дистанции, и Гянджинское ханство, сразу после аннексии которого в 1804 г. город Гянджа был переименован в Елизаветполь, а ханство стало Елизаветпольским уездом [Семёнов, 1885, V, с.857; Кавказский календарь на 1861, 1860, отдел 3, с.12-14; Мильман, 1966, с.52, 56-57, 62-63].

21 марта 1828 г. за счёт земель упразднённых Иреванского и Нахчыванского ханств Россия создала Армянскую область, которая была расформирована в 1840 г. Тогда Эриванский и Нахчыванский уезды, будучи учреждены вне области, вошли в состав вновь образованной Грузино-Имеретинской губернии с центром в Тифлисе. Последняя, в числе прочих единиц, включила также Елизаветпольский уезд, объединяющий территорию бывшего одноимённого уезда и бывших Газахской и Шамшадильской дистанций, а также Александропольский уезд, объединяющий пространство бывшей Памбак-Шурагельской дистанции и части Борчалинской дистанции. В 1846 г. все эти территории были переведены во вновь образованную Тифлисскую губернию [АКАК, 1878, VII, док.437, с.487; Потто, 1901, с.242-243, 302-303; Семенов, 1885, V, с.857].

Как явствует из реформ, территория бывшего Картли-Кахетинского царства действительно была расширена за счёт соседнего Гянджинского ханства и некоторых более мелких образований, как то и планировалось в 1780-х гг. Учреждение Армянской области на основе Иреванского и Нахчыванского ханств также частично соответствовало российским проектам. Кроме того, в модель воззрений России в 1783 г. был вовлечён вопрос: включить ли Эриванскую область в новое государство, составленное из Карабахского и Карадагского ханств, или сделать её частью Картли-Кахетинского царства [Бутков, 1869, III, с.176; Иоаннисян, 1947, с.250]. Они также, как описано в инструкции графа Зубова генералу Римскому-Корсакову от 1796 г., которую последний должен был хранить в строжайшей тайне, предлагали укрепить Грузию путём присоединения Иреванского и Гянджинского ханств [Дубровин, 1886, III, с.182]. Эти идеи нашли отражение в административных изменениях, имевших место в 1828 и 1840 гг. Однако тогда речь шла уже не о политических образованиях, а об административных единицах, которые управлялись подобно внутренним губерниям России, а их губернаторы назначались Санкт-Петербургом. Лишённая даже формального статуса царства Картли-Кахети и оставшаяся без обещанной «независимости» Армянская область к 1846 г. утратили даже намёк на «армянское» и «грузинское» в своих названиях.

Что же касается проекта провинции или царства «Албания», предложенного в 1780-х гг., то в отличие от «Грузинской губернии» и «Армянской области», административные реформы не привели к созданию ни одной единицы со словом «Албания» в названии. Прибрежные ханства вдоль Каспийского моря, а именно: Дербент, Губа и Баку, были сразу же превращены в провинции, как и Шекинское, Ширванское и Карабахское ханства, также в конечном итоге преобразованные в провинции. В 1824 г. была образована административная единица под названием «Мусульманский округ» с центром в Шуше, состоящая из Карабахской, Шекинской, Ширванской и Талышской провинций, в то время как провинции Бакинская, Губинская и Дербентская были объединены в Дагестанский округ с центром в Дербенте [Мильман, 1966, с.67]. Постановлением Сената России от 10 апреля 1840 г. «Мусульманский» округ становился «Каспийской» областью с центром в Шемахе и состоял из уездов с центрами в городах Шуша (бывшая Карабахская провинция), Нуха (бывшая Шекинская провинция), Ленкорань (бывшая Талышская провинция), Баку и Шемаха (бывшая Ширванская провинция и Сальян). Дербентский уезд (бывшие Дербентская, Табасаранская и Каракайтагская области) и Губинский уезд (бывшая Губинская область с Самурским округом) были объединены в военный округ [Мильман, 1966, с.113].

Другими словами, ни прибрежные районы Каспийского моря, ни Карабахское ханство не были оформлены в проектируемую «Албанию», а последнее в 1822 г. было превращено в одноимённую провинцию. При очевидном изменении тактики российские власти также начали лишать Албанский католикосат его епархий и паствы на территориях, которые одна за другой были аннексированы Россией и подчинялись в церковном отношении армянскому католикосату Эчмиадзина. К моменту российской аннексии Картли-Кахети в 1801 г. юрисдикция Албанского католикосата охватывала пространство от Дербента на севере с другими ханствами и султанатами на левом берегу реки Куры до Карабахского и Гянджинского ханств и Газахского и Шамшадильского султанатов на правом берегу, а также некоторые части Картли-Кахети с двумя средневековыми албанскими монастырями, такими как Ахпат и Санаин [Бархударянц, 1907, II, с.169; Раффи, 1882, прим. с.151, 1991, прим. с.87; Каганкатваци, 1861, с.363].

В письме от 9 августа 1806 г. графу Ивану Гудовичу, главнокомандующему русскими войсками на Кавказе (1806–1809 гг.), Албанский

католикос Израель жаловался на то, что покойный граф Павел Цицианов, предшественник Гудовича в 1803–1806 гг., подчинил его Елизаветпольскую паству Иоаннесу (Ованесу), эчмиадзинскому архиепископу Тифлиса. Представляя Елизаветполь, Карабах, Шеки и Ширван как албанские провинции, которые никогда прежде не зависели от Араратских (Эчмиадзинских) католикосов, Израель спрашивал графа Гудовича, по какому праву и по каким причинам Елизаветпольская епархия была подчинена Эчмиадзину. Если это произошло из-за взятия Елизаветполя российскими войсками, то, упрекал Израель, Карабах добровольно присоединился к России, так зачем же «обижать сказаннаго Амараскаго монастыря [резиденцию католикоса Израеля], который никогда и никаким самодержавным владельцом так обиженным не был, и тогда когда уже Карабаг, Елисаветополь, Шеки и Ширван состояли под управлением властью разных ханов особенно». «А тем ещё более, - продолжал он, - что светское правление до духовнаго распоряжения ни по какому закону вовсе касаться не должно» [АКАК, 1869, III, док.149, с.79-80]. Подобно Албанскому католикосу Израелю, албанская паства в Елизаветполе также не хотела подчиняться новому порядку: около пятисот человек собрались в Елизаветпольском монастыре и забросали камнями епископа Эчмиадзинского Минаса, который приехал конфисковать церковный налог, собранный Албанским католикосом Израелем [АКАК, 1869, III, док.151, с.80; Imranli-Lowe, 2015, p.553].

В своём ответе от 16 ноября 1806 г. на это письмо католикоса Израеля граф Гудович попытался обосновать подчинение Елизаветпольской паствы Армянскому католикосату Эчмиадзина покорением Гянджинского ханства в 1804 г., до присоединения Карабахского ханства Российской империей в 1805 г. По объяснению графа, этот факт лишил Албанского католикоса Израеля права управлять Елизаветпольской епархией, так как он ещё не был подданным российского императора. Гудович отметил, что это подчинение со стороны российского императора было также связано с «усердием и преданностью им [армянским архиепископом Иоаннесом] оказанных к высочайшему престолу е.и.в.», считая, таким образом, невозможным для Израеля восстановить его прежнее право управлять этой епархией [Агаян, 1972, I, док.323, с.388].

Аналогичный ответ дал Гудович 11 марта 1807 г. на письмо архиепископа Сергия (Саргиса) от 12 февраля 1807 г. о неправильном вмешательстве в дела монастыря Ахпат со стороны архиепископа Иоаннеса. Сергий был пастырем албан, проживавших в Картли-Кахети, включая беженцев из Карабаха в 1790-х гг., одним из которых был он сам [Агаян, 1972, I, док.204, с.284, док.343, с.401-402; Раффи, 1882, с.233-238, 1991, с.126-128]. Царями Картли-Кахети Ираклием и Георгием новопоселенцам были выделены обширные земельные участки в Лори, Болниси и Борчалы. Эти районы ранее входили в состав Албанского царства и были местом, где располагался монастырь Ахпат, одна из резиденций Албанского католикосата в средневековье. В своём письме от января 1805 г. графу Цицианову, тогдашнему главнокомандующему русскими войсками на Кавказе, Сергий просил графа утвердить его в правах архиепископа Ахпатского монастыря, которым его назначил царь Георгий. Юрисдикция этой епархии, по словам Сергия, распространялась на всех монофизитов, проживающих в царстве, за исключением небольшой части, принадлежащей Эчмиадзинскому монастырю [АКАК, 1866, I, док.575, с.463, док.877, с.637; Потто, 1901, XII, с.29-30; Каганкатваци, 1861, с.363; Бархударянц, 1895, с.6, 2009, с.19; Агаян, 1972, I, док.204, с.284].

В своём вышеупомянутом ответе от 11 марта 1807 г. Гудович упрекнул Сергия в том, что «архиепископ Иоанез был удостоен [Эчмиадзинским] патриархом[1] Даниилом первенствующим в Грузии над армянским духовенством [25 сентября 1804 и 1805 гг.] утверждён по оному и е.и.в. [29 августа 1805 г.], следственно и должны вы уже во всём отдавать как подчиненный ему отчёт и я силою//сего высочайшаго повеления не могу удовлетворить прозьбы вашей, чтобы вы не состояли под его ведением» [Агаян, 1972, I, док.198, с.257, док.263 и док.264, с.327, док.284, с.342, док.343, с.401-402]. Однако, как видно из другого письма Гудовича от 9 ноября 1807 г. на имя архиепископа Сергия, последний собирал церковные налоги с жителей Кахети, принадлежащих монастырю Ахпат, не сообщая

[1] *Примечание: в русских источниках XVIII - начала XX вв., в том числе использованных в данном исследовании, албанских и армянских католикосов в основном называют патриархами, а католикосаты - патриархиями.*

об этом архиепископу Эчмиадзина Иоанну. В этом письме Гудович просил Сергия немедленно приехать в Тифлис и передать требуемые отчёты Иоанну, так как последний должен был отправить их в Эчмиадзин. В случае невыполнения приказа Гудович примет против него иные меры [Агаян, 1972, I, док.375, с.425-426].

Письма Гудовича католикосу Исраелю и архиепископу Сергию демонстрируют явное предпочтение Эчмиадзинского католикосата Албанскому. Его обоснование насильственного подчинения паствы независимого Албанского католикосата Эчмиадзину раскрывает как противоречие в его ответе, так и настоящую причину, стоящую за этим деянием. Тот факт, что Эчмиадзин находился на территории Иреванского ханства, которое тогда ещё не было завоевано Россией, свидетельствует о ничтожности доводов Гудовича и означает, что оккупация Гянджинского ханства до того, как Карабах перешёл под власть России, не могла быть реальной причиной этого подчинения. Граф был более искренним во второй части своего ответа, который объяснил это подчинение усилиями и лояльностью армянского архиепископа Иоанна России, и подразумевал, что это предпочтение было связано с ролью, отведённой Эчмиадзину и армянам в реализации имперской программы России. Российские взгляды на этот счёт были подтверждены в рескрипте от 12 сентября 1801 г., адресованном императором Александром генерал-лейтенанту Карлу Кнорингу, главнокомандующему русскими войсками на Кавказе в 1801–1803 гг., в рамках аннексии Картли-Кахети Российской империей. В этом рескрипте император писал, в частности, о пользе привлечения армян к российским границам, что он считал одним из самых надёжных средств установления численного превосходства христиан, и с этой целью «покровительствовать Араратскому Патриаршему монастырю Эчмиадзину, содержать с главою церкви онаго приязненныя сношения» [АКАК, 1866, I, док.548, пункт 11, с.436].

В отличие от армянских католикосов Эчмиадзина, которые в XVIII в. осторожно общались с Россией, чтобы не вызывать подозрений у своих мусульманских повелителей, албанские католикосы и *мелики* стремились привести русское правление в регион со времён Петра Великого. По этой причине постепенное упразднение Албанского католикосата не могло быть только результатом лояльности и усилий упомянутого Гудовичем армянского духовенства. В соответствии со своей кавказской стратегией и тактикой её реализации, Россия стремилась установить и удержать Эчмиадзинский католикосат под своим контролем и использовать его влияние среди армян Османской империи и Персии для продвижения экспансионистской политики по отношению к этим странам. Аннексия территорий, населённых христианскими албанами на Южном Кавказе, считалась в глазах российских властей завершённой к 1806 г., и, следовательно, албаны утратили для них своё прежнее значение. Было сочтено разумным завоевать симпатию Эчмиадзина, оправдав его ожидания, среди которых важное место занимало подчинение епархий независимого Албанского католикосата Эчмиадзину.

В 1808 г. умер Албанский католикос Исраель. Это дало армянскому архиепископу Иоанну вескую причину реализовать давно запланированное упразднение Албанского католикосата, попросив графа Гудовича выполнить его обещание оказать влияние на российского императора «по желанию покойнаго [Эчмиадзинского] патриарха нашего Даниила» и подчинить паству Албанского католикосата на недавно оккупированных Россией территориях Тифлисской епархии Эчмиадзина, которую возглавил он сам [АКАК, 1869, III, док.152, с.81]. Согласно докладу от 22 апреля 1903 г. исполняющего обязанности прокурора Армяно-григорианского синода Эчмиадзина Леонида Френкеля, к 1806 г. католикос Эчмиадзина Даниил фактически отошёл от управления Армянской церковью. Бразды правления перешли в руки архиепископа Нерсеса [Аштаракеци]. Последний очень хорошо понимал, что недостаточно создать некое подобие Эчмиадзинского синода – Высший Совет, который был образован в 1808 г. Также необходимо было заручиться сильной внешней поддержкой этого учреждения, без которой он мог оказаться в опасности не только из-за мусульманского персидского правительства, но также и с точки зрения признания его указов необязательными для грузинской (тифлисской) и астраханской армянских консисторий [РГИА, ф.821, оп.7, д.96, ч.III, л.211]. С этими намерениями 11 августа 1808 г. архиепископ Нерсес дал подписать умирающему католикосу Даниилу прощение на имя российского императора. Не дождавшись ответа на

этот запрос, католикос скончался 8 октября 1808 г., и Ефрем, сменивший в 1799 г. Иосифа Аргутинского на посту главы Астраханской епархии Эчмиадзина, был избран Эчмиадзинским католикосом. Епископ Ретеос, который был послан в Россию за Ефремом, имел предписание просить императора, среди прочего, о том, чтобы духовенство «Албании и Ганзасара» зависело от Верховного Совета Святого Престола Эчмиадзина и Арарата, а что касается управления церквями, то они должны подчиняться приказам Верховного Совета и араратского «Патриарха». Как пишет Френкель, петиция была удовлетворена и окончательно реализована к 1810 г. Это положило начало истории создания будущего Армяно-григорианского синода Эчмиадзина [РГИА, ф.821, оп.7, д.96, ч.III, л.211-213об.].

Всё более и более разочаровываясь отношением российских властей в Грузинской губернии, албанские беженцы, поселившиеся в этой местности в 1790-х гг. при царях Картли-Кахети Ираклии и Георгии, начали постепенно возвращаться в Карабах, и первыми из них в 1805 г. это сделали *мелик* Джумшуд из Варанды и его люди, за ними последовали представители Гюлистанского *меликства* и архиепископ Сергий в 1809 и 1812 гг. Хотя архиепископ Сергий вернулся в Карабах в 1809 г. после смерти Албанского католикоса Исраеля в качестве карабахского архиепископа, «назначенного» Россией, вскоре при поддержке карабахского хана Мехдигулу он объявил себя католикосом. Против этого акта выступили как Католикосат Эчмиадзина, так и российские власти [АКАК, 1873, V, док.518, с.437, док.522, с.443; Раффи, 1882, с.251-263, 293-295, 1991, с.135-139, 154-155; Агаян, 1978, II, док.89, с.124].

Как видно из письма Эчмиадзинского «Патриарха» Ефрема (1809–1830) русскому генералу Николаю Ртищеву от 18 февраля 1814 г., Эчмиадзин не добился успеха в подчинении христиан в Елизаветполе, Карабахе, Шеки, Шемахе и окрестностях. [АКАК, 1873, V, док.519, с.439]. Одной из причин сему явилось то, что Сергий продолжал действовать как Албанский католикос и отказывался подчиняться Эчмиадзину. Генерал Ртищев в своём письме князю Дмитрию Орбелиани от 19 октября 1813 г. поручил последнему вызвать Сергия и «строжайшим образом запретить даже и помышлять о самовластном названии себя Карабагским патриархом», и что российский император признал только «Эчмиадзинского Патриарха» Ефрема [АКАК, 1873, V, док.518, с.437]. Поручение было выполнено, как видно из рапорта Орбелиани от 1 ноября 1813 г. [СЦИА, ф.2, оп.1, д.386, л.2-2об.]. Однако, согласно письму Ефрема от 18 декабря 1815 г., Сергий продолжал действовать как «Патриарх» [АКАК, 1873, V, док.522, с.443; [СЦИА, ф.2, оп.1, д.386, л.11-12об.]. Тем не менее, в 1815 г. Эчмиадзин с помощью российских властей вынудил Сергия отказаться от титула католикоса и принять титул митрополита с правами архиепископа [Кавказский календарь на 1852, 1851, с.269; Раффи, 1882, с.295-296, 1991, с.155; Бархударянц, 1907, II, с.168-169; Агаян, 1972, I, прим.144, с.659].

Согласно Макару Бархударянцу, упразднение древнего Албанского католикосата началось сразу после назначения Нерсеса Аштаракеци главой грузинской епархии Эчмиадзина. Переговоры, которые вели Эчмиадзинский католикос Ефрем и архиепископ Нерсес с российскими властями по этому поводу, принесли плоды, и в 1815 г. Албанский католикос Сергий был официально назначен митрополитом Гянджасарским или Карабахским [Бархударянц, 1907, II, с.169-170]. Сергий умер в 1828 г., и за ним последовал Багдасар в титуле митрополита. Хотя Албанский католикосат был уничтожен в 1815 г., митрополия также означала определённую автономию, что предполагает нежелание России сразу же ликвидировать албанские церковные институции. Это можно объяснить как расположением Эчмиадзина на территории Иреванского ханства, которое ещё не было оккупировано Россией, так и российской тактикой, заставляющей Эчмиадзин продолжать демонстрировать достаточное рвение для успешного продвижения российских интересов по отношению к Османским и Персидским провинциям.

Архиепископ Нерсес, ставший главой грузинской епархии Эчмиадзина в 1813 г. [АКАК, 1873, V, док.519, с.438-439], во время новой войны с Персией в 1826–1828 гг., призвал армянский народ обязаться извещать о противнике и послал епископа Стефана и архимандрита Николая помочь с переселением армян в новые аннексированные Россией Иреванское и Нахчыванское ханства, а также в Карабах [АКАК, 1878, VII, док.436, с.486, док.597, с.628]. В рескрипте от 25 января 1828 г. архиепископу Нерсесу российский император Николай наградил его орденом святого Александра Невского в память за заслуги, оказанные им

«во всё продолжение военных действий», и «в знак особеннаго Моего благоволения ко всему Армянскому народу». «С давняго времени, – говорится в вышеупомянутом рескрипте, – и при многих случаях Вы оказали отличную приверженность вашу к России, в особенности-же в нынешнюю войну с Персиянами» [АКАК, 1878, VII, док.205, с.252].

Однако сразу после заключения Туркманчайского мирного договора от 10 февраля 1828 г. по окончании войны между Россией и Персией граф Иван Паскевич, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе в 1827–1831 гг., отстранил архиепископа Нерсеса от управления духовными делами армян под верховным руководством католикоса Ефрема во временном управлении, созданном для вновь оккупированных Иреванского и Нахчыванского ханств 6 октября 1827 г. Граф счёл его деятельность предвзятой в пользу армян [Потто, 1901, XII, с.241, 243]. Вскоре после подписания означенного договора указом Николая I от 21 марта 1828 г. на территории этих двух вновь присоединённых ханств была образована вышеупомянутая Армянская область. На основании статьи 15 Туркманчайского договора около 36000 армян переселились из Персии в Армянскую область [АКАК, 1878, VII, док.437, с.487; Шопен, 1852, с.639-642]. Согласно Адрианопольскому договору, заключённому по окончании войны с Османской империей в 1829 г., в Россию было переселено «более 14-ти т. сем., заключающих до 90-ти т. душ», большинство из которых составляли армяне, в том числе «два Армянских архиепископа, имеющих большое влияние на народ» [АКАК, 1878, VII, док.829, с.845-846].

Примерно через год после того, как Иреванское ханство, в котором находился Эчмиадзинский католикосат, перешло под власть России, российский министр внутренних дел Дмитрий Блудов в письме от 15 марта 1829 г. графу Паскевичу по приказу императора выступил с предложением разработки программы будущего регулирования управления Католикосатом Эчмиадзина. 31 декабря 1829 г. граф Паскевич сообщил барону Блудову о создании Секретного комитета для разработки основ будущего регулирования. 8 января 1830 г. Комитет начал свою деятельность, и 11 марта 1836 г. был принят документ, озаглавленный «Положение об управлении делами Армяно-Грегорианской Церкви в России» [РГИА, ф.821, оп.7, д.96, ч.III, л.214об.; Полное собрание законов Российской Империи, 1837, XI (1), док.8970, с.194-209].

Перед принятием текст проекта неоднократно обсуждался. Как следует из письма барона Григория Розена, преемника графа Паскевича в 1831–1838 гг., графу Блудову от 17 сентября 1835 г., после получения проекта постановления с поправками на четвёртом заседании Комитета, учреждённого для рассмотрения этого документа, барон Розен связался с католикосом Иоанном 2 июля 1835 г. по поводу раздела южнокавказских епархий, как то было предложено в статье 56 проекта. Католикос Эчмиадзина, как отметил барон Розен, признал разделение «армяно-григорианской» церкви в регионе на четыре епархии справедливым и во всём с ним согласился; но при этом посоветовал исключить Татевский монастырь из Карабахской епархии, якобы «для избежания могущих произойти неудобств и неудовольствий между духовенством и народом», и пожелал «причислить оный со всею его паствою, к Эриванской епархии, начальником которой есть сам патриарх». Замечание католикоса Эчмиадзина было учтено [АКАК, 1881, VIII, док.211, с.293-294, док.208, с.291-292].

На основании совета католикоса Иоанна барон Розен предложил новый проект статьи 56. Согласно ему, из шести «армяно-григорианских» епархий России в четыре входили бывшие приходы Албанского католикосата. Так, в Грузинскую епархию входили албанские церкви в Елизаветпольском «округе», в дистанциях Борчалы, Газаха и Шамшаддиля, а также в части Памбака; в состав Эриванской епархии входила Татевская митрополия; Карабахская епархия включала приходы в провинциях Карабаха (исключая Татевскую митрополию с её паствой), Шеки и Талыша; а Ширванская епархия состояла из приходов в Ширванской, Губинской, Бакинской и Дербентской провинциях. Предложенная Розеном версия также включала следующее примечание: «Ганцасарская митрополия остаётся в Карабагской провинции, потому что нынешний архиепископ Карабахский есть вместе с тем и митрополит сей области» [АКАК, 1881, VIII, док.211, с.293-294]. Статья 56 была принята почти в том виде, в котором предлагал барон Розен, но с одним изменением: из принятой версии было исключено последнее примечание о Гянджасарской митрополии [Полное собрание законов Российской Империи, 1837, XI (1), док.8970, с.200-201; АВПРИ, ф.343, оп.461, д.8].

Согласно вышеупомянутому отчёту Френкеля от 22 апреля 1903 г., семьдесят лет назад, когда возникла идея о грядущем разделении «больнаго человека» [Османской империи], выраженная императором Николаем I, армяне оказались в центре внимания России. Российские посланники в Османской Порте и Министерство иностранных дел, писал Френкель, внушали имперскому правительству мысли об исключительной важности османских армян для интересов российской восточной политики, которая могла быть реализована, если: 1) в сан «католикоса всех армян» будет возведён человек, верный интересам правительства России; и 2) этот кандидат мог бы подчинить себе османских армян в духовном смысле. Такая идея, продолжал он, «породила целый ряд уступок и снисхождений со стороны нашего Правительства, которыя и послужили прецедентом для будущих домогательств армянских католикосов к созданию для них лично и для их паствы того исключительнаго положения, которое регламентировано законом 1836 года» [РГИА, ф.821, оп.7, д.96, ч.III, л.203об.-204].

После принятия этого закона права Гянджасарского митрополита Багдасара были существенно ограничены. Хотя, как и раньше, как писал Раффи [1882, с.304, 1991, с.159], он считался «Албанским» митрополитом и был независим в его духовной власти над своей паствой, после учреждения консистории Шушинского уезда религиозное управление находилось в прямом подчинении Эчмиадзина, который «нередко препятствовал свободной деятельности митрополита...» Со смертью Багдасара 27 июня 1854 г. в Шуше закончилась и история «Албанской» митрополии [Раффи, 1882, с.309-310, 1991, с.162].

Таким образом, не только были заброшены выдвинутые в начале и конце XVIII в. российские проекты построения албанского политического образования в регионе, но и Албанский католикосат и его паства превратились в разменную монету для реализации российской политики по отношению к Османской империи и Персии. Как отмечает Бархударянц [1907, II, с.168], 1500-летний Албанский католикосат, сохранившийся при «персах, арабах, хазарах, чёрных гуннах, коварных греках, татарах, Чингиз-хане, Тамерлане, Османах и снова персах» был уничтожен российским правительством. Постепенное лишение независимого Албанского католикосата его епархий и паствы, а также окончательный роспуск этого древнего церковного института, который начался с аннексии Южного Кавказа Россией в начале XIX в., привели к возрастанию процессов идеологической, культурной и этнической трансформации христианских албан и переписывания албанской и армянской историй в соответствии с новыми реалиями. Церковные школы, перешедшие в ведение Эчмиадзина, особенно после принятия закона 1836 г., начали внушать армянскую идентичность бывшей пастве Албанского католикосата. Этому процессу также способствовала передача его документов в Эчмиадзин [Imranli-Lowe, 2015, pp.554-556].

Помимо многочисленных противоречий и / или отсутствия достаточных либо точных знаний о прошлой и современной истории албан и армян, сравнительный анализ имеющихся опубликованных и неопубликованных (архивных) документов и вторичных источников по этому вопросу показывает, что сведения об Албании и албанам подверглись редакционной правке по политическим мотивам. Данные содержат ретроспективную эссенциализацию этнической принадлежности и интерпретацию в свете интересов армян и России, где «Албания» превратилась в «Армению», и вся соответствующая информация была представлена и интерпретирована как относящаяся к Армении и армянам, без упоминания Албании [например; сравните сведения по теме: Храповицкий, 1862, II, с.37; Бутков, 1869, II, с.151; Дубровин, 1886, II, с.171; Иоаннисян, 1947, с.282-283]. В 1881 г. Раффи имел в своём распоряжении неопубликованный манускрипт Албанского католикоса (митрополита с 1815 по 1828 гг.) Сергия об истории карабахских *меликов*. Он не понимал, почему Сергий назвал этот труд «*Историей страны албан*». Раффи также не скрывал своего удивления по поводу того, что Сергий не назвал вышеупомянутого *мелика* Меджлума или *мелика* Абова Айком или Арамом, как называли себя сами армяне в честь легендарных предков [Раффи, 1882, с.389-393, 1991, с.198-199; Imranli-Lowe, 2015, p.555].

Как уже говорилось выше, основным источником информации об армянах и албанах для российского правительства в конце XVIII в. был архиепископ Аргутинский, глава Астраханской епархии Эчмиадзина, которого на эту должность в 1773 г. назначил Эчмиадзинский католикос Симеон Ереванци (1763-1780). Ереванци занимал

особое место среди армянских католикосов с точки зрения того, что он приложил много усилий для подчинения и, в конечном итоге, упразднения Албанского католикосата. Однако в достижении этой цели ему не удалось добиться успеха, кроме вывода Астраханской епархии из-под юрисдикции Албанского католикосата в 1768 г. [Эзов, 1901, с.5-10; Imranli-Lowe, 2015, pp.553, 555; Имранлы, [2005]2006, с.15-17]. Архиепископ Аргутинский скончался 9 марта 1801 г., и его последними словами была просьба похоронить его рядом с Ереванци в Эчмиадзине [Дубровин, 1886, IV, с.224]. Его миссию в качестве главного информатора российского правительства в отношении армян и албанов взяли на себя другие архиепископы Эчмиадзина, а именно Иоанн и Нерсес, оба из которых были главами Грузинской епархии Эчмиадзина, последний – Эчмиадзинским католикосом в 1843–1857 гг.

Таким образом, реализация политической повестки России в отношении Южного Кавказа, Персии и Османской империи привела к упразднению Албанского католикосата, к чему долгое время стремился Армянский католикосат Эчмиадзина, и результировалась в почти полном уничтожении всей идентичности. Албаны-христиане стали называться и в конечном итоге идентифицировали себя как армяне за исключением небольшого числа удин, которые продолжают жить в Габалинском и Огузском районах Азербайджана – области, которая в XVIII – начале XIX вв. входила в состав Шекинского ханства; а также в деревне Зенобиани в Кахети, Грузия.

ИСТОЧНИКИ:

1. Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), фонд 5, опись 5/1 (1779-1783), дело 591; фонд 343, опись 461, дело 8.
2. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), фонд 821, опись 7, дело 96.
3. Сакартвелос Централури Историули Арциви (СЦИА) [Центральный Исторический Архив Грузии], фонд 2, опись 1, дело 386.
4. Mir Mehdi Xəzani. “Kitabi-tarixi Qarabağ”/ Qarabağnamələr. II kitab. Bakı: Yazıçı, 1991, s.93-202.
5. Mirzə Camal Cavanşir Qarabağı. “Qarabağ tarixi”/ Qarabağnamələr. I kitab. Bakı: Yazıçı, 1989, s.103-148.
6. Mirzə Yusif Qarabağı. “Tarixi-safi”/Qarabağnamələr. II kitab. Bakı: Yazıçı, 1991, s.5-92.
7. Rzaqulu bəy Mirzə Camal oğlu. “Pənah xan və İbrahim xanın Qarabağda hakimiyyətləri və o zamanın hadisələri”/Qarabağnamələr. II kitab. Bakı: Yazıçı, 1991, s.203-246.
8. Imranli-Lowe, K. Reconstruction of the ‘Armenian Homeland’ Notion //Middle Eastern Studies, 2015, №4, pp.540-562.
9. Агаян Ц.П. (ред.). Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Том I (1801-1813). Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1972, 715 с.
10. Агаян Ц.П. (ред.). Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Том II (1814-1830). Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1978, 657 с.
11. Акты собранные Кавказскою Археографическою Коммиссиею (АКАК). Том I. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1866, 816 с.
12. Акты собранные Кавказскою Археографическою Коммиссиею (АКАК). Том III. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1869, 760 с.
13. Акты собранные Кавказскою Археографическою Коммиссиею (АКАК). Том V. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1873, 1170 с.
14. Акты собранные Кавказскою Археографическою Коммиссиею (АКАК). Том VII. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1878, 994 с.
15. Акты собранные Кавказскою Археографическою Коммиссиею (АКАК). Том VIII. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1881, 1009 с.
16. Бархударянц М. Арцах. Перевод с армянского на русский Нельсона Алексаняна. Санкт-Петербург: Наука, 2009, 384 с.
17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Том II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1869, 592 с.
18. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Том III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1869, 620 с.
19. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Том II. Санкт-Петербург: Типография И.Н.Скороходова, 1886, 318 с.
20. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Том III. Санкт-Петербург: Типография И.Н.Скороходова, 1886, 550 с.
21. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV. Санкт-Петербург: Типография И.Н.Скороходова, 1886, 536 с.
22. Имранлы К. Чёрная судьба Чёрного Сада. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», [2005] 2006, 64 с.
23. Иоаннисян А.Р. Армяно-русские отношения в 80-90-х годах XVIII столетия/ История армянского народа, Часть 1. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1951, с.265-273.
24. Иоаннисян А.Г. (ред.). Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Том II (2). Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1967, 420 с.
25. Иоаннисян А.Р. Иосиф Эмин. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1989, 291 с.
26. Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван: Издательство Государственного Университета, 1947, 287 с.

27. Кавказский календарь на 1852. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1851, 718 с.
28. Кавказский календарь на 1861. Тифлис: Типография Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1860, 581 с.
29. Каганкатваци М. История агван. Перевод с древнеармянского К.Патканова. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1861, 374 с.
30. Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX-начале XX вв. Баку: Азербайджанское Государственное Издательство, 1966, 318 с.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том.XI (1). Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837, 896 с.
32. Потто В. (ред.). Утверждение русскаго владычества на Кавказе. Том XII. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказе, 1901, 523 с.
33. Раффи. Меликства Хамсы: 1600-1827. Материалы для новой армянской истории. Перевод с армянского Л.Казаряна. Ереван: Издательство «Наири», 1991, 240 с.
34. Семёнов П.П. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Том V. Санкт-Петербург, 1885, 1000 с.
35. Храповицкий А.В. Памятныя записки. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга 3. Москва: Университетская типография, 1862, 294 с.
36. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской Области в эпоху ея присоединения к Российской Империи. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1852, 1232 с.
37. Эзов Г. Начало сношений Эчмиадзинскаго патриаршаго престола с русским правительством. Тифлис: Скоропечатня М.Мартиросянца, 1901, 85 с.
38. Бархударянц М. Арцах (на арм. яз.). Баку: Тпаран “Арор”, 1895, 461 с.
39. Бархударянц М. Патмутивн Агуаниц (на арм. яз.). Том II. Тифлис: Электрашарж Тпаран Ор.Н.Аганеанци, 1907, 192 с.
40. Раффи. Хамсайи меликутивннере (1600-1827): нивтер хайоц нор патмутеан хамар (на арм. яз.). Тифлис: Ковкаси караварч, 1882, 414 с.

Лолуа Роман
Профессор, доктор филологии, научный сотрудник
Института языкознания им. Арн.Чикобава ТГУ (Грузия)

СООБЩЕНИЯ ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕНЕЗИСЕ КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Основными источниками, повествующими о якобы создании Маштоцем кавказско-албанской письменностей, являются:

«Житие Маштоца» Корюна (автор V в. Основные рукописи относятся к XVII–XIX вв.; есть две рукописи, датируемые XIV и XIV–XV вв. [Корюн, 1962, с.155-156]). При этом, в этих двух ранних рукописях Корюна, входящих в многоглавы, сведений о «создании» Мащтоцем кавказско-албанского (как и грузинского) письма нет [Гаприндашвили, 2019]. Помимо пространной редакции Корюна, существует и краткая (самая ранняя рукопись относиться к XII в.), основное отличие которой в интересующем нас контексте заключается в том, что согласно этой редакции Маштоц не создал, а лишь «возобновил», «обновил» алфавит кавказских албанцев:

«... а затем он отправился в Алуанк, обновил их алфавит, возродил традиции ученья» [Gorioun, 1869];

«История Армении» Мовсеса Хоренаци (в арменологии распространено мнение, согласно которому Мовсес Хоренаци является автором V в., но ряд учёных относит годы его жизни к периоду VII–IX вв. Наиболее ранние рукописи относятся к XIV в.[1]) [История Армении, 1893; Мовсес Хоренаци, 1990];

«История страны Алуанк», приписываемая Моисею Каланкатуйскому (видимо, компилятивный труд VII–X вв. Основные рукописи относятся к XVII–XIX вв. и лишь одна рукопись к XIII в. (1289 г.) [Мовсэс Каланкатуаци, 1984].

Эти же сведения встречаются и у более поздних биографов Маштоца – анонима IX в., написавшего «Историю святого патриарха Саака и вардапета Маштоца», и Карапета Саспеци (XII–XIII вв.), автора «О жизни и смерти св. вардапета Месропа», а также в ряде раннесредневековых и позднесредневековых источников, среди которых историк IX–X вв. Ованес Драсханакертци, авторы XII–XIII столетий Киракос Гандзакеци, Вардан Аравелци, Степанос Орбелян и некоторые другие.

Исходя из сведений Корюна, Хоренаци и других более поздних авторов, большинство армянских специалистов, а также многие зарубежные арменоведы в своих исследованиях неоднократно указывали, что кавказско–албанский (и грузинский) алфавит создан в начале V в. армянским просветителем Месропом Маштоцем.

В то же время были высказаны и сомнения в подлинности этих сведений.

И.Джавахишвили провел текстологический анализ армянских письменных источников и пришел к выводу, что сведений о создании Маштоцем грузинского и албанского алфавитов в «Житии Маштоца» Корюна не было, и они вставлены позже. В частности, И.Джавахишвили заметил, что армянский летописец V в., ученик Маштоца Лазар Парпеци использует указанное произведение Корюна, но ничего не знает о деятельности Маштоца в Иверии или Кавказской Албании. Обе редакции Корюна, по мнению ученого, не дошли до нас в первоначальном виде, а, следовательно, малопригодны для выяснения обстоятельств создания алфавитов у народов Закавказья. Многие сообщения Корюна, даже относительно переводческой деятельности Маштоца, ученому представляются как следствие поздних интерполяций и дело рук редактора, сочиненные или внесенные по определенным соображением [Джавахишвили, 1998, с.387-421].

К.А.Мелик-Огаджанян полемизируя с этой точкой зрения, отмечает, что Парпеци «вообще мало что говорит и о Маштоце и о его творческой деятельности по созданию письмен. Л.Парпеци

[1] *Если ни считать небольшого фрагмента, относящегося к X–XI вв., который не содержит повествования о создании албанской (и грузинской) азбуки [Коланджян, 1958, с.182].*

своего читателя отсылает к труду Корюна: «Если кто желает все это достоверно знать, пусть он осведомится из Истории желанного мужа Корюна, ученика блаженного Маштоца, прочитав историю жизни его... письмен..., что и мы, многократно читая, достоверно познали» [Мелик-Огаджанян, 1962, с.5].

Это объяснение не представляется нам адекватным. Во-первых, уважаемому исследователю следовало бы привести указанную цитату Парпеци полностью – Лазарь как раз перечисляет то, что познал он, «многократно читая» Корюна. Парпеци вычитал у Корюна «об истории жизни его (Маштоца) и его армянских письмен, когда, где и кем были найдены».[1] Во-вторых, как показано в научной литературе, Парпеци заимствует у Корюна целые отрывки из его произведения. Так, например, Н.Г.Адонц отмечает, что «Лазарь Парпский широко пользовался трудом Корюна и, видно, в иной редакции; невероятно, чтобы историк, заимствуя из Корюна целые страницы, так сильно переделал его стиль» [Адонц, 1908, с.341]. Соответственно, никак нельзя назвать кратким рассказ Парпеци о жизни и деятельности Маштоца. Ему посвящено три главы сочинения Парпеци и, в том числе, в двух обширных главах Парпеци подробно излагает историю возникновения армянской письменности, повествует о «Данииловых письменах», об исканиях Маштоца, об окончательном становлении армянской письменности, участии Католикоса Саака, царя Врамшапуха и других лиц в этом процессе и при этом ни слова не упоминает о таком важном «эпизоде» деятельности Маштоца как создание кавказско-албанского и грузинского алфавитов!

Н.Г.Адонц еще до И.Джавахишвили отмечает, что сохранившаяся версия труда Корюна не может быть признана первоначальной, так как в позднейшие века этот труд подвергся редакционной переработке. Новую редакцию Корюна Н.Г.Адонц датирует началом VII в., а авторство приписывает иерею Езнаку, которого некоторые исследователи считают настоящим автором труда Агафангела [Адонц, 1908, с.341-342].

Я.А.Манандян, соглашается с Н.Г.Адонцем в той части его предположения, что до нас не дошла первоначальная редакция труда Корюна, и добавляет, что «В этом, действительно, можно убедиться, если обратить внимание на те отрывки, которые были заимствованы Лазарем Парпским из Корюна. Лазарь, по-видимому, знал труд Корюна в его древней редакции» [Манандян, 1941, с.10].

Многочисленные неясности, недомолвки, нарушения последовательности повествования и даже явные противоречия в тексте Корюна отмечают и другие исследователи.

Возникают сомнения и по поводу второго основного источника, повествующего о «создании» Маштоцем грузинского и албанского алфавитов – «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. В частности, это вызвано сравнением сообщений Корюна и Мовсеса Хоренаци о создании кавказско-албанского письма, которое выявляет существенные расхождения:

По Корюну, встреча Маштоца с Бениамином состоялась в Византии, а по Хоренаци встреча Месропа с Вениамином имела место в Албании;

следуя сообщению Корюна, инициатором создания албанской азбуки, по всей видимости, являлся Бениамин, а по Хоренскому – Месроп;

по Корюну создание албанского письма произошло в Византии, а по Хоренаци – в Албании. Более того, согласно Хоренаци, Месроп впервые посетил Византийскую Армению во времена безвластия после создания грузинской и албанской письменности, смерти Врамшапуха, повторного царствования Хосрова и отъезда Шапура;

по Корюну, Бениамин сам явился к Маштоцу, а по Мовсесу – Месроп призывает Бениамина, а присылает его владетель Сюника Васак, при посредничестве епископа области Анании;

по Корюну, Бениамин был жителем Албании-Алуанка, а по Хоренаци – жителем гавара Сюник, который армянские авторы в то время однозначно включают в состав Армении;

по Корюну, Бениамин был иереем, а по Хоренаци – переводчиком;

[1] *"Should someone wish to confirm this, he may read the history of that desirable man Koriwn, a student of the venerable Mashtoc' which provides information about [Mashtoc's] life,* ***his Armenian letters****, about when, where and by whom [the Armenian letters] were found, and about the enthusiastic entreaties of Armenia's king Vrhamshapuh. Koriwn, the aforementioned spiritual man, wrote all of this down accurately. We have read [Koriwn] numerous times, and so confirmed our information" [Ghazar P'arpec'i, 1985, c.12].*

по Корюну, Маштоц единолично создает албанские письмена, лишь расспросив Бениамина, а по Хоренскому – с помощью Бениамина, царя Арсвалена и патриарха Еремии;

по Корюну, Маштоц создал письмо для албанского языка, а по Мовсесу – для гаргарского;

по Корюну, Маштоц оставляет Иовнатана надзирателем над жителями Баласакана, а по Хоренскому – над жителями Алуанка. По Корюну, он назван придворным священником, проявившим усердие в деле учительствования; по Хоренаци же, Йовнатан – ученик Месропа;

по Хоренаци, Месроп назначает в Алуанке придворных священников, а из сообщения Корюна следует, что Иовнатан был священником при дворе албанских царей и до приезда Маштоца;

согласно Корюну, Маштоц приезжает в Алуанк из Армении (Вагаршапата), а по Хоренаци – из Иверии;

по Корюну, Маштоц во время поездки в Албанию (единственной – согласно Корюну) посещает Баласакан и Гардман, а по Мовсесу, Месроп там же побывал во время своего второго посещения Албании;

по Корюну, Маштоц после Албании уезжает в Иверию, а по Мовсесу – в Армению.

И главное: по Корюну, создание албанской письменности произошло во время правления сына Врамшапуха – армянского царя Арташэса (Маштоц отбывает в Албанию после встречи с царем Арташэсом и католикосом Сааком), а согласно Хоренаци – во время царствования самого Врамшапуха.

Таким образом, сравнение двух основных и самых ранних источников, повествующих о создании Маштоцем албанской письменности, показывает наличие серьезных противоречий между ними. Это несогласие тем более удивительно, если учитывать то, что оба автора большинством арменологов признаются учениками Маштоца, писавшими в V в. Даже если считать Мовсеса Хоренаци более поздним автором, то трудно предположить, что он пользовался сведениями Корюна.

Объясняя существенные различия между трудами Корюна, Лазара Парпеци и Мовсеса Хоренаци П.М.Мурадян предполагает, что Парпеци и Хоренаци пользовались не известным сочинением Корюна, а недошедшей до нас «Совершенной историей св. Саака и Месропа», о которой упоминает автор X в. Аарон Ванандеци. К тому же в древнегрузинском переводе с армянского сохранилось сочинение (рукопись конца X или начала XI в.), сочетавшее эксцерпты из Истории Хоренаци и Парпеци (издано И.Абуладзе), носившее название «Кончина сына Нерсэса Великого св.Саака Партева, который был шестым поколением рода св.Григория». По мнению исследователя, именно армянский оригинал этого грузинского перевода служил общим источником для Хоренаци и Парпеци [Мурадян, 2005, с.164-165].

Это предположение вызывает сомнения (достаточно вспомнить, что сам Парпеци своим источником при описании жизни и деятельности Маштоца называет труд Корюна, а не какой-либо иной), хотя и оно не объясняет, а наоборот, подтверждает факт существенной переработки первоначальной редакции труда Корюна.

Не является аутентичным, по нашему мнению, и повествование о создании албанской азбуки в «Истории страны Алуанк».

Как известно, в специальной литературе были высказаны различные предположения о времени написания, личности и количестве авторов или составителей этого сочинения. Несмотря на это, мы знаем о происхождении автора (компилятора) всех трех книг или соавтора, написавшего I и II книгу данного труда (жившего и описавшего события до VII в.), то, что он был из с.Каланкатуйк гавара (провинции) Утик и был патриотом своей страны, о чем свидетельствуют многочисленные хвалебные эпитеты, употребляемые им по отношению к своей стране, народу, ее царям и выдающимся деятелям, например:

Благолепна и желанна страна Алуанк с высочайшими гребнями Кавказских гор, [полная] всяких благ. Великая река Кура плавно и величаво несет [свои воды]... Столица [страны] – великий [город] Партав (кн.I, гл.V).

На этом фоне неожиданной выглядит данная во время повествования о создании Месропом алфавита для гаргар (кн.II, гл.3) пейоративная характеристика гаргарского языка, при том, что сам автор считает гаргар одним из албанских племен:[1] «Гортанный, глухой, неблагозвучный, грубый».

[1] *«От его [Арана – эпоним албанцев] сына, произошли племена Утийского, Гардманского, Цавдейского,*

Сообщение о создании гаргарского алфавита в «Истории страны Алуанк» больше не повторяется, а в двух местах повествуется о создании Маштоцем алфавита «алуанских письмен». Таким образом, гаргарский и албанский (алуанский) в данном контексте выступают синонимами.

По нашему мнению, это сообщение интерполировано из «Истории Армении» у Мовсэса Хоренаци: «Месроп ... создал письмена языка гаргарского, языка богатого горловыми звуками, бессвязного, варварского, в высшей степени нескладного» [История Армении, 1893, с.193]:

Повествование о создании алфавита для гаргар в тексте «Истории страны Алуанк» (кн.II, гл.3) помещено после описания событий, связанных с восстанием под руководством Вардана Мамиконяна (кн.II, гл.2 – заимствовано у Елише); Показательно, что в этой главе владетель Сюника Васак назван «доблестным», тогда как в предыдущей главе (кн.II, гл.2) за измену восставшим автор дает ему следующие эпитеты: «проклятый», «отступник», «нечестивый».

Помимо этого, в заглавии III главы второй книги («Прибытие вардапета Месропа к царю алуанскому Есвалену, создание письмен, вторичное учреждение школ, укрепление веры в Алуанке и искоренение других верований») обращает на себя внимание фраза «вторичное учреждение школ». По нашему мнению, за «первичное» открытие школ в Алуанке интерполятор принял описанное в первой книге «Истории» открытие Вачаганом Благочестивым школ для «детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей», хотя по сообщению самой «Истории агван» Вачаган Благочестивый правил после царей Есвалена и Вache. Думается, что интерполятор упустил эту деталь, что привело его к этому ляпсусу.

Необходимо отметить, что сторонники «армянской» версии происхождения албанского и грузинского алфавитов главным аргументом аутентичности сведений древнеармянских источников считали то, что в этих сведениях упоминаются реальные исторические личности того времени. Так, например, К.А.Мелик-Огаджанян отмечает, что «годы, отображающие осуществление того или иного этапа в истории создания письменности трех дружественных закавказских народов возможно передвинуть на несколько лет назад, в сторону IV в. или продвинуть вперед, к V в., **однако ясно одно, что эти письмена и письменность созданы на рубеже IV и V столетий, во времена армянского царя Врамшапуха, католикоса Саака, иверских царей — Бакура, а затем воцарившегося Ардзюха и епископа страны Мовсеса, князя Таширского Ашуши, агванского царя Арсваха и епископа страны Еремии** ...Здесь не может быть никакого сомнения» [Мелик-Огаджанян, 1962, с.5].

Насколько, верно, это? Следует отметить, что сведения о царе Арсвале (Арсвалене, Есвалене) и епископе Еремии (Иеремии) крайне скупы, и представлены лишь в армяноязычных источниках, а имена остальных лиц, упоминаемых в контексте создания албанской письменности (Бениамин/Вениамин и др.), и вовсе не встречаются за пределами этого контекста. Имеющиеся скудные сведения о царе Арсвале не дают основания поставить под сомнение время его правления (хотя и не подтверждают), однако в случае с епископом Иеремией мы имеем, по нашему глубокому убеждению, анахронизм.

В списке албанских католикосов «Истории страны Алуанк» Иеремия занимает место между Иовhаном (Иоанном) и Абасом. То же самое место он занимает в списках у Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци (упоминается как Иованес) и Мхитара Айриванеци (как Тер-Оган) [Мхитар Гош, 1960; Киракос Гандзакеци, 1976; Хронографическая история, 1869].

Более или менее точно известны годы служения католикоса Абаса. «История Агван» определяет их 44 годами, а началом его служения первый год армянского летоисчисления (552 г.) (кн.I, гл.4, кн.III, гл.24). В «Книге писем» в посланиях армянского католикоса Ованеса II (557–574 гг.), время пребывания Абаса католикосом определяется 552-596 гг., т. е. тоже 44 годами [Книга писем, 1901, с.81]. Мхитар Гош начало патриаршества Абаса также датирует первым годом армянской эры, хотя снижает года его служения до 23 [Мхитар Гош, 1960, с.9].

Годы служения предшественника Иеремии – Иоанна, который, по сообщению Мовсеса Каланкатуаци (кн.III, гл.24) и Киракоса Гандзакеци [Киракос Гандзакеци, 1976, с.134], стал еще и епископом

Гаргарского княжеств» (Мовсэс Каланкатуаци. I, 4).

гуннов, не установлены. Несмотря на это, мы можем утверждать, что его деятельность в качестве католикоса Алуанка имела место в I половине VI столетия. Сообщения армянских источников об Иоанне удивительным образом перекликаются с сообщением анонимной сирийской хроники VI в., именуемой Псевдо-Захарией Митиленским, о Кардосте, «епископе земли Аран», обратившем гуннов в Христианство, «выпустившем там писание на гуннском языке» и ставшим епископом для гуннов в течение 14 или, как сказано в источнике, «две недели лет» [Пигулевская, 1939, с.115]. Н.В.Пигулевская отправление Кардоста к гуннам датирует 537 г. [Пигулевская, 1939, с.113], по мнению же М.И.Артамонова, «Кардост прибыл в страну гуннов не раньше 515 г., а покинул ее в 529 г.» [Артамонов, 1962, с.93].

У нас не возникает сомнений в том, что армянские источники и сирийская хроника говорят об одном и том же лице. Различие имен Иоанн и Кардост, по нашему мнению, не существенно, ибо из слов Псевдо-Захарии Мителенского – «этот Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски «призванный богом» [Пигулевская, 1939, с.115] – следует, что Кардост – это скорее прозвище, полученное епископом Иоанном от гуннов, чем имя собственное.

Таким образом, исходя из сообщений Мовсеса Каланкатуаци, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци и Мхитара Айриванеци после Иеремии престол католикоса Алуанка в 552 г. занял Абас. Предшественником Иеремии же был св.Иоанн, деятельность которого протекала в I половине VI столетия. Он отправился к гуннам, как представляется, будучи уже патриархом Алуанка,[1] и, по-видимому, время восшествия на патриарший престол Иеремии совпало с уходом Иоанна (Кардоста) к гуннам, так как трудно представить, чтобы высшая церковная кафедра Алуанка оставалась без местоблюстителя 14 лет.

Таким образом, из сообщений армянских же источников следует, что после окончания правления царя Есвалена (Арсвала/Арсвалена) и до начала служения патриарха Иеремии (Еремии) прошло около одного столетия, т.е., они не могли быть современниками.

Более того, по всей видимости, Киракос Гандзакеци при составлении списка глав Албанской церкви пользовался источником, составленным во время патриаршества Абаса. Гандзакеци приводит даты правления церковных владык, причем каждый последующий в его списке правит на один год более предыдущего, причем срок правления соответствует порядковому номеру ...Очевидно, что Гандзакеци заимствовал эти даты из какого-то неизвестного источника, возможно албанского, и принял порядковые (буквенные) номера за время патриаршества церковных глав. Эта порядковая система прерывается на католикосе Абасе, что наводит на мысль о пользовании Гандзакеци списком, составленным при владыке Абасе. Невозможно предположить, чтобы составитель списка албанских патриархов во времена католикоса Абаса не знал имя предыдущего владыки.

Каким периодом можно датировать появление сведений о создании албанского письма Маштоцем? Как предполагает Ив.Джавахишвили, сообщение о создании албанского и грузинского письма в текст Корюна было добавлено в конце VI в. [Джавахишвили, 1926, с.403-411].

З.Алексидзе, после критического рассмотрения сведений «Книги писем» перенес время появлений сведений о «создании» грузинского и албанского письма на начало VIII в., а затем на основании сравнения III эпистолы армянского католикоса Авраама, приведенной у Ухтанеса, с соответствующим текстом «Книги писем», показал, что сообщение о якобы создании Маштоцем грузинской письменности было интерполировано в «Книгу писем» не ранее X в. [Книга эпистол, 1968, с.035, 042; Ухтанес, 1975, с.293-303].

По мнению Б.Хурцилава, сведения о «создании» грузинской азбуки Маштоцем появились в XIII в. и связаны с «деятельностью» Ованеса Ванакана и его учеников, представителей т.н. хоранашатской школы: Вардана Аравелци, Киракоса Гандзакеци, Мхитара Айриванеци и др. После погрома монастыря Хоранашат в 1225 г. представители этой школы перебрались в различные образовательные центры, как в Армении, так и за ее пределами, а некоторые ученики Ванакана основали и новые школы. Это, по мнению исследователя,

[1] *Об этом свидетельствуют слова Псевдо-Захарии Мителенского: «Явился ангел к человеку по имени Кардост, епископу земли Аран» [Пигулевская, 1939, с.115].*

привело к распространению легенды о создании Маштоцем грузинского письма (исследователь допускает создание албанского алфавита Маштоцем) [Хурцилава, 2003, с.109-110].

Последнее предположение опровергается фактом существования рукописи краткой редакции Корюна (т.н. Псевдо-Корюн) XII в., в которой уже имеется сообщение о «создании» грузинского и «обновлении» албанского письма Маштоцем.

Критическое изучение армянских источников, повествующих о якобы создании Маштоцем кавказско-албанского (и грузинского) письма, привели нас к следующим выводам:

автором сведения о «создании» Маштоцем кавказско-албанского и грузинского алфавитов является либо Моисей Хоренский, либо то лицо, которое переработало «Историю Армении» и внесло в труд пассажи, о которых не мог знать автор V в.[1]

Terminus post quem появления подобных сведений – начало VII в., время грузино-армянского церковного разрыва, а Terminus ante quem – конец IX в. Наиболее вероятным временем представляется IX в.

Из «Истории Армении» Моисея Хоренского это сообщение перемещается в сочинения других авторов: «Историю святого патриарха Саака и вардапета Маштоца» (IX в.), Ованеса Драсханакертци (IX–X вв.), «Историю страны Алуанк» (X в.),[2] Киракоса Гандзакеци, Вардана Аравелци, Степанос Орбеляна (XII–XIII вв.) и некоторых других. В этот же ряд можно поставить и сведения краткой редакции Корюна.

Все названые авторы в качестве одного из источников называют Корюна, хотя повествование о «создании» Маштоцем кавказско-албанского и грузинского алфавитов определено заимствованно из сочинения Моисея Хоренского, в чем легко убедиться, если сравнить маршруты путешествий Маштоца во время якобы создания указанных алфавитов у Корюна, Мовсеса и упомянутых авторов.

---

[1] Как отмечает Р.Ованнисян, «История Армении» является самым полным и в то же время самым противоречивым трудом в ранней армянской историографии. Исследователь указывает на следующие противоречия в труде Хоренаци:

Мовсес пишет, что падение монархии Аршакидов последовало за смертью Месропа (умер в 440 г.) и патриарха Саака (умер в 439 г.), хотя падение произошло раньше, в 428 г.

Хоренаци пишет о людях и местах, известных только в VI–VII вв. и ссылается на источники, которые были недоступны в V в. Он искажает источники с целью восхваления своих покровителей – Багратуни, которые возвысились в VIII в.

На Хоренаци нет ссылок в источниках ранее X в. [Hovannisian, 1997].

Р.Томсон, являющийся автором английского перевода «Истории» Хоренаци, указывает на следующие анахронизмы в работе Хоренаци, которые не позволяют датировать эту работу V в.: Мовсес был первым армянским писателем, идентифицировавшим Сюник с Сисаканом. Последний термин впервые встречается в сирийском источнике VI в., в Армянской Географии VII в. он обозначает округ, а не всю провинцию.

Хоренаци упоминает четыре Армении. Эти византийские провинции были созданы в 536 г. византийским императором Юстинианом I (527–565 гг.).

Он называет Васпураканом территорию к востоку от озера Ван. Этот термин стал использоваться после раздела Армении в 591 г.

Мовсес упоминает хазар. В других армянских источниках о хазарах впервые сообщается в «Армянской Географии» VII в.

Ему известно о продвижении иранцев в Вифинию. Иранцы продвинулись так далеко на запад только во время войны 604–629 гг.

Хоренаци упоминает должности в византийской Армении, которые были учреждены только после победы императора Ираклия I над персами в 629 г.

Более того, Роберт Томсон называет Мовсеса Хоренаци политически ангажированным и обслуживающим своего покровителя мистификатором, манипулирующим источниками и фальсифицирующим историю Армении [Thomson, 1978].

К перечисленным аргументам можно прибавить то, что Хоренаци использует в своем произведении вторую форму имени Маштоца – Месроп, что нехарактерно для армянских источников раннего периода. Указанная форма начинает использоваться авторами только с VII в. Как отмечает Я.А.Манандян, «спорное и сомнительное имя Месроп впервые встречается в трудах более позднего времени, в Житии св.Нерсеса (Венеция, 1853, с.83 и 110) и Истории Моисея Хоренского» [Манандян, 1941, с.10].

[2] Во второй книге сочинения. Повествование о Маштоце в первой книге «Истории страны Алуанк» имеет ранее происхождение за исключением интерполированного отрезка в первую фразу этого повествования.

Все сообщения краткие, составленные по одному лекалу, следующему повествованию Моисея Хоренского, а сообщение второй книги «Истории страны Алуанк» и вовсе практически слово в слово повторяет сказанное Мовсесом.

По нашему мнению, использование средневековыми армянскими авторами в качестве источника для описания перипетий «создания» албанского и грузинского алфавитов сочинение Хоренского может свидетельствовать только о том, что в «Житие Маштоца» Корюна этого сообщения еще не было. Это подтверждается и тем, что в древнейших рукописях пространной редакции Корюна (XIV–XV вв.), которая в арменологии традиционно рассматривается как аутентичное сочинение Корюна, нет сведений о создании Маштоцем кавказско-албанского и грузинского алфавитов.

Из сочинения Моисея Хоренского эти сведения сперва попадают в краткую редакцию Корюна, а затем, довольно поздно (по всей видимости – в XVII в.) – в пространную редакцию. Причем заимствованные из сочинения Хоренского сведения краткой редакции Корюна противоречат сведениям пространной редакции. Эти противоречия, по нашему мнению, вызваны желанием интерполятора еще более возвеличить Маштоца в пространной редакции Корюна и приукрасить его деяния. Сравнивая сообщения пространной редакции Корюна и Хоренаци, можно увидеть, что сведения Корюна носят еще более невероятный характер. Так, согласно сообщениям Хоренского, в якобы создании кавказско-албанского и грузинского алфавитов участвовали правители, первосвященники и переводчики соответствующих стран, т.е. по Хоренскому «создание» алфавитов является результатом деятельности некоего совета лиц, тогда как согласно пространной редакции Корюна – Маштоц единолично «создает» указанные алфавиты, находясь за пределами данных стран, причем, не зная ни албанского, ни грузинского языков. По Корюну, Маштоц единолично «создает» албанские письмена, лишь расспросив Бениамина, а грузинский алфавит – и вовсе без помощи кого-либо (во всяком случае, об этом не сказано ни слова).

В армянской исторической литературе прослеживается тенденция умножения заслуг Маштоца. Вырисовывается следующая линия: Маштоц – миссионер, проповедник Христианства; Маштоц – реформатор армянского алфавита и Маштоц – создатель всех трех кавказских алфавитов. В Книге писем (V–XIII вв.) Маштоц многократно упоминается как распространитель Христианской веры, но, ни разу – как создатель армянского алфавита [Книга писем, 1901]. В таком же свете предстает он и в первой книге «Истории страны Алуанк» (гл. 27), где рассказ повествует лишь о религиозной деятельности Маштоца и его учеников в Албании. Нет никакого намека на какую-либо просветительскую деятельность: распространение письменности, открытие школ, обучение детей, переводы и т.д. Из поздних авторов к этой группе можно отнести Фома Арцруни (IX–X вв.).

Во вторую группу можно отнести авторов, считавших Маштоца лишь реформатором армянского алфавита, добавившим к нему определенные буквы, а также, вместе с Патриархом Сааком, распространителем армянского письма и переводчиком. К ним относятся Филон Тиракский и Давид Харкаци (оба VII в.). Ряд более поздних авторов, помимо создания определенных букв армянского алфавита, уже приписывают Маштоцу и создание албанской и грузинской азбук (Асогик (X– XI в.), Вардан Аравелци (XIII в.) и некоторые другие).

Лазарь Парпский (V в.) в деле создания армянского алфавита более подчеркивает заслуги Католикоса Саака (гл.10). Учитывая, что основным источником Лазаря является Корюн, то это сообщение должно было быть и в первоначальном тексте Корюна. Если проследить во времени, то можно заметить, как увеличивалась роль Маштоца и уменьшались заслуги лиц (Епископ Даниел, Саак, Ропанос и др.), участвовавших в создании армянской письменности.

Если в древнейших лекционариях и гимнографических сборниках Маштоц вместе с Патриархом Сааком упоминается в основном как переводчик Священного Писания, то в литургических сборниках последующего периода (напр., «Часы») Маштоц считается реформатором армянского письма, добавившим буквы для гласных в армянский алфавит. В дальнейшем, для создателей синаксариев Маштоц, помимо переводчика Священного Писания и проповедника, уже создатель трех алфавитов кавказских народов.

Таким образом, можно заключить, что единственно достоверное в сведениях армянских источников – то, что кавказско-албанская письменность действительно существовала (это сыграло осново-

полагающую роль для начала поисков пропавших памятников албанской письменности), а сведения о «создании» Маштоцем кавказско-албанского алфавита появились позже, по всей видимости, между началом VII и концом IX веков в сочинении Моисея Хоренского, а затем попали и на страницы других рукописей.

В пользу этого предположения свидетельствует и то, что сведений о создании албанского и грузинского письма нет и в иноязычных, неармянских источниках. Езник Кахбеци, Егише (Елише), Себеос, Анания Ширакаци, Давид Грамматик и другие авторы V–VII вв. не упоминают об «изобретении» грузинского и албанского алфавитов Маштоцем. Как было отмечено, в сведениях основных источников, повествующих о «создании» Маштоцем албанского алфавита (Корюн, Хоренаци, «История страны Алуанк»), имеются противоречия, анахронизмы и другие неточности. Именно случаи Varietas lectioni основных источников, а в особенности при сравнении сведений Корюна и Лазаря Парпеци, или же «Книги писем» и Ухтанеса, а также противоречивые сообщения Мхитара Айриванеци дают основания предположить грубую редакционную переработку источников, в ходе которой и появились «сведения» о создании Маштоцем албанского и грузинского письма.

Достоверны ли другие детали сведений армянских авторов касательно возникновения албанского письма? Ответить на такие вопросы, как: возникла ли албанская письменность в начале V в., был ли Бениамин (Вениамин) реальным лицом и являлся ли он создателем албанского письма, означает ли сообщение Моисея Хоренского то, что письменность возникла среди гаргар, произошло ли создание албанской письменности во времена царя Есвагена (Арсвала, Арсвалена) – довольно трудно. Возможно, в сведениях армянских источников действительно отражены какие-то реальные перипетии создания албанской азбуки, которые впоследствии дополнились легендарным или тенденциозным содержанием, хотя любые предположения по этому вопросу могут навсегда остаться гипотезами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. Второе издание: Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1971, 527 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, 523 с.
3. Гаприндашвили Х. Житие Корюна (перевод текста, исследование и комментарии) // Диссертация, представленная на соискание академической степени доктора филологии (Ph.D.). Тбилиси, 2019, 386 с. (на груз. яз.).
4. Джавахишвили И. Грузинская палеография. Тбилиси, 1926, 420 с. (на груз. яз.).
5. Джавахишвили И. Древнеармянская историческая литература. Тбилиси, 1935, 170 с.; второе издание: И.А.Джавахишвили. Сочинения в 12-ти томах, т.XI, Тбилиси, 1998, с. 267-436 (на груз. яз.).
6. История Армении Моисея Хоренского / Пер. с др.-арм. Н.Эмина. М.: Тип. В.А.Гатцук, 1893, 363 с.
7. Киракос Гандзакеци. История Армении. / Пер. Л.А.Ханларяна. М.: Наука, 1976, 359 с.
8. Книга писем. Тифлис, 1901, XVIII+584 с. (на др.-арм. яз.).
9. Книга эпистол / Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями выпустил З.Алексидзе. Тбилиси: Мэцниэрэба, 1968, 298 с. (на груз. яз.).
10. Коланджян С. Новооткрытый фрагмент рукописи Мовсеса Хоренаци на еркатагире и вопрос времени Данииловых письмен / Вестник Матенадарана. Ереван, 1958, с.163-172 (на арм. яз.).
11. Корюн. Житие Маштоца / Пер. Ш.В.Смбатяна и К.А.Мелик-Огаджаняна. Ереван: Айпетрат, 1962, 164 с.
12. Лазар Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну / Под ред. Г.Тер-Мкртчяна и Ст.Малхасянца. Тифлис, 1904, 292 с. (на арм. яз.).
13. Манандян Я.А. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван: Арфан, 1941, 53 с.
14. Мелик-Огаджанян К.А. Корюн и его «История Маштоца» / Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962, с. 5-71.
15. Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. / Пер. с др.-арм. Ш.В.Смбатяна. Ереван: издательство АН Арм. ССР, 1984, 258 с.
16. Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с др.-арм. яз., примеч. Г.Саркисяна. Ереван; Айастан, 1990, 291 с.
17. Мурадян П.М. Проблема «Совершенной истории» Свв. Саһака и Месропа // Историко-филологический журнал, Ереван, 2005, №2, с. 154-165 (на арм. яз.)
18. Мхитар Айриванеци. Хронографическая история / Пер. с др.-арм., предисл., примеч. и указ. Л.Давлианидзе-Татишвили. Тбилиси: Мэцниэрэба, 1990, 142 с. (на груз. яз.).
19. Мхитар Гош. Албанская хроника / Пер. З.М.Буниятова. Баку: Элм, 1960, 34 с.
20. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории, М., 1939, №1, с.107-115.
21. Ухтанес. История отделения армян от грузин / Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями выпустил З.Алексидзе. Тбилиси: Мэцниэрэба, 1975, 443 с. (на груз. яз.).
22. Хурцилава Б. Бакур Великий основоположник древнегрузинской письменности «асомтаврули». Тбилиси: Издание Национальной библиотеки Парламента Грузии, 2003, 175 с. (на груз. яз.).
23. Мхитар Айриванкский Айриванеци. Хронографическая история. М.: Директ-Медиа, 2010, Текст приводится по изданию: Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским: Пер. К.Патканова. СПб., 1869. 164 с.
24. Ghazar P'arpec'i's History of the Armenians / Translated from Classical Armenian by Robert Bedrosian. N.Y., 1985, 356 p.
25. Gorioun. Biographie du bienheureux et saint docteur Mesrob // Collection des historiens anciens et modernes de l`Armenie par V. Langlois. T. II. P., 1869, 155 p.
26. Hovannisian Richard G. The Armenian People from Ancient to Modern Times: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century. St.Martin's Press, 1997, 372 + XII pp.
27. Thomson Robert W. History of the Armenians. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1978, 420 + XXI pp.

Меликов Рауф
Заведующий редакцией «Всеобщая история, история Азербайджана и археология» Научного Центра «Азербайджанская Национальная Энциклопедия», доктор философии по истории

АЛБАНСКИЙ ХРАМ БОГИНИ ЛУНЫ

К вопросу об античном храме и храмовой области богини Луны на территории Албании обращались многие историки. Однако их исследования, опубликованные ещё в советское время в монографиях и разрозненных статьях, зачастую являются труднодоступными для многих современных историков. Учитывая эти аспекты, автор данной статьи постарался обобщить результаты исследований предшествующих историков об албанском храме и храмовой области богини Луны.

Согласно И.Шопену, который одним из первых пытался локализовать храм Луны, святилище «находилось в соседстве с Иверией, у слияния р.Иори с Алазанью» [Шопен, 1866, с.363].

Т.Момзен, описывая поход римлян в Албанию, постарался локализовать область богини Луны (Анахиты–Селены), которая, по его мнению, находилась в верховьях Евфрата [Момзен, 1887, с.106].

По мнению А.Е.Крымского, святилище Селены было расположено на территории нынешнего Шеки [Крымский, 1938, с.371].

Я.А.Манандян полагал, что храм Анаиты размещался в районе Ахалциха и Ахалкалаки [Манандян, 1939, с.73-74; Манандян, 1943, с.187-210]. Он также старался выяснить социальный статус иеродулов [Манандян, 1945, с.7, сл.].

Одним из ценных трудов по культуре Албании по праву можно считать книгу К.В.Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.)» [Тревер, 1959]. В монографии освещается культурная жизнь страны в указанный период. Значительное место в своей работе она уделила исследованию албанского храма Селены (Луны). Однако дефицит сведений письменных источников, а также недостаточная изученность памятников материальной культуры этого периода не дали автору возможности в полной мере исследовать вопросы культа богини Луны и храмового хозяйства. Тем не менее, в монографии К.В.Тревер содержатся ценные выводы и предположения о храме Селены и храмовой области.

По мнению И.Ш.Джавадова, К.В.Тревер ошибочно локализует зимнюю стоянку Помпея на Куре, у г.Казаха. Соглашаясь с точкой зрения Я.А.Манандяна, И.Ш.Джавадов располагает её около г.Ахалцихе, на правом берегу Куры [Джавадов, 1960, с.707-709].

В разделе «Храмовое хозяйство» монографии З.И.Ямпольского «Древняя Албания в III–I вв. до н.э.» на основе широкого привлечения этнографических материалов делается попытка раскрыть вопрос о применении рабского труда в храмовом хозяйстве [Ямпольский, 1962]. Автор постарался пролить свет на один из сложнейших и противоречивых вопросов Албании того периода – на её общественный строй.

В книге «Кавказская Албания» К.Г.Алиев сообщает о храмовых землях, останавливается на отдельных аспектах религиозных представлений древних албан. Он полагает, что в Албании существовали две храмовые области – одна недалеко от Иберии, а другая на берегу Куры, где Помпей с римскими легионами остановился на зимние квартиры [Алиев, 1974, с.310-311]. Терракотовые статуэтки, обнаруживаемые во время археологических раскопок, К.Г.Алиев связывает с парфянскими божками, упоминаемыми Тацитом. Автор подчёркивает триединство пантеонов персов и албан, ибо Зевс, Гелиос и Селена «почитаются как персами, так и албанами» [Алиев, 1974, с.334]. Сравнивая религию персов и албан, К.Г.Алиев приходит к выводу о том, что мидийцы, персы и албаны пользовались одним и тем же пантеоном. По его мнению, если главные божества персов, мидийцев и албан не отличались друг от друга, то, вероятно, и «в других особенностях религий этих народов не было существенной разницы». Продолжая аналогию, автор приходит к выводу, что албанские божества «Гелиос, Зевс и Селена, названные Страбоном по-гречески, полностью или частично могут соответствовать Митре, Ахурамазде и Анахите» [Алиев, 1974, с.337, 352, 353].

Следует отметить основательную статью Ю.Р.Джафарова, посвящённую локализации храмовой области богини Селены. Автор считает, что область Анаиты, упоминаемая Дионом Кассием, должна быть отождествлена со святилищем Луны и эта область находилась на правом берегу Куры в районе Халхала около Казаха [Джафаров, 1985, с.97-108].

Интересны высказывания Дж.А.Халилова о пережитках культа предков, воплощённых в каменных статуях и о том, что «до принятия христианства эти изваяния были одним из основных объектов религиозного почитания у албан». Автор касается проблемы храмов и больших храмовых хозяйств, в которых трудились храмовые рабы или иеродулы [Халилов, 1985, с.188, 192-193].

По мнению Г.А.Кошеленко, образования, «возникшие в Закавказье, представляли собой общества «периферийного типа», т.е. они находились на границе, отделяющей старые цивилизации Переднего Востока от обширного мира, где господствовали ещё первобытнообщинные отношения». В эллинистическое время усилились контакты с Западом, а позднее возросло влияние Парфии. Оно сказывается в типах одежды, конского убранства, оружия, наконец, в религии. В синкретических религиозных верованиях «сливались культы древних местных божеств с культами функционально им близких иранских божеств, из которых особую большую роль играли Митра и Анахита». Поэтому синкретические формы культуры широко распространились среди местного населения [Кошеленко, 1985, с.114].

В книге К.Г.Алиева «Античная Кавказская Албания» отражены также вопросы духовной культуры античного Азербайджана Один из главных выводов автора о религиозных воззрениях албан заключается в том, что имеется аналогия между «божествами персов, мидийцев-атропатенов и албанов», которые достаточно убедительны [Алиев, 1992, с.157, 161]. К.Г.Алиев утверждает, что «одни и те же божества, названные греческими теонимами, свидетельствуют о том, что персы, мидийцы и албаны имели аналогичный пантеон, хотя в каждом отдельном случае предпочтение отдавалось какому-нибудь одному божеству. Албанские божества Гелиос, Зевс и Селена полностью или частично могут соответствовать божествам Митре, Ахурамазде и Анахите» [Алиев, 1992, с.164].

В книге “Азербайджан в античное время” К.Г.Алиевым и Ф.К.Алиевой рассматриваются сведения о различных религиозных воззрениях местного населения и албанских храмах [Əliyev, Əliyeva, 1997, с.50-54].

В монографии Ф.К.Алиевой «Культура Античного Азербайджана – Мидийской Атропатены и Кавказской Албании» также приводятся сведения о храме богини Селены и её храмовой области. Она возражает против мнения Ю.Р.Джафарова об отождествлении храма Луны у границ Иберии с храмом Анаит на берегу Куры [Алиева, 2007, с.76].

В качестве преамбулы к анализу сведений об албанском храме Луны следует отметить, что во время археологических исследований в Дашкесане, Шамкире, Нахчыване и Шеки были выявлены датируемые III тыс. до н.э. надгробия в форме полумесяца и Солнца, кольца с изображениями богини Луны и звёзд, а также другие материалы, связанные с астральными культами [Гёюшев, 1984, с.29; Ахундов, 2001, с.89-99]. Они свидетельствуют о существовании на территории Азербайджана культа Луны ещё в III тыс. до н.э. Эти культы, в основном, были связаны с олицетворением «умирающей и воскрешающей» природы (восход и заход Солнца и Луны, изменение фаз Луны от новолуния до полнолуния и т.д.).

Первые в письменных источниках сведения о религиозных воззрениях населения Албании мы встречаем в «Географии» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.). Античный географ пишет: «Из богов они почитают Гелия, Зевса и Селену, в особенности же Селену…» (Strabo XI, IV, 7). Таким образом, по Страбону, албаны поклоняются трём основным божествам, отдавая предпочтение Селене (Strabo XI, IV, 7). Одно из них – Гелиос, бог Солнца, второе Страбон называет верховного бога Зевса, третье божество, как уже было отмечено, именуется Селеной [Алиев, 1992, с.152]. Интересно, что часть керамических изделий и других предметов, сопровождающих покойников, орнаментирована изображениями луны в виде полумесяца, что подтверждает существование культа богини Луны [Алиев, 1974, с.330; Алиев, 1992, с.153].

К.В.Тревер проводит параллель между албанскими Гелиосом, Зевсом и Селеной и армянскими Михром, Армаздом и Анахитой [Тревер, 1959, с.151]. Касаясь религиозных особенностей соседних с албанами армян, она подчёркивает, что каждое из трёх армянских божеств в отдельности имело своего прототипа в пантеоне Ирана [Тревер, 1959, с.151]. Страбон пишет, что «в особом почёте культ Анаитиды у армян, которые в честь этой бо-

гини поставили святилища в разных местах, в том числе и в Акилисене. Они посвящают здесь на служение богине рабов и рабынь» (Strabo XI, XIV, 16).

Греческий географ называет албанские божества именами греческих богов, т.е. говорит о божестве Солнца, о верховном боге Неба и о богине Луны. И в армянском пантеоне эти же три божества являлись наиболее почитаемыми. Анахита, как известно, почиталась у всех народов Передней и Средней Азии как божество земли, воды, растительности, животного мира и женского плодородия. В Малой Азии, в Каппадокии и Понте имелись описанные Страбоном храмовые области, посвящённые божеству Луны (Селена, Мэн) (Strabo XII, II, 3; XII, III, 32). Следует отметить, что строительство храмов в честь богини Анахиты широко практиковалось населением Ирана и соседних стран [Алиев, 1974, с.335]. Иранское влияние прослеживается и на территории античной Грузии [Гагошидзе, 1980, с.20-21]. В архитектуре и строительном деле Армении и Албании соседствовали формы, привнесённые из иранской, в частности парфянской архитектуры и местной народной традиции. Об одном из храмов, посвящённом Анахите, рассказывает Страбон. Так персы «придали скале форму холма, затем построили стену и воздвигли святилище Анаите и богам, имеющим с ней общий алтарь, – персидским божествам Оману и Анадату, установив ежегодное священное празднество сакеи...» (Strabo XI, VIII, 4). Страбон пишет, что «всюду, где есть святилище этой богини, там по обычаю справляется праздник сакеев – нечто вроде вакхического праздника, на котором одетые в скифскую одежду мужчины пьют и непристойно заигрывают друг с другом и с пирующими вместе с ними женщинами» (Strabo XI, VIII, 5).

Античный автор называет одни и те же божества, представленные в разных странах, божества персов [Дандамаев, Луконин, 1980, с.312, сл.], мидийцев [Дьяконов, 1956, с.373, сл.; Алиев, 1960, с.306, сл. (а впоследствии – атропатенцев), армян [Тревер, 1959, с.151; Периханян, 1959, с.79, сл.] и албан [Алиев, 1974, с.331, 334, сл.; Алиев, 1992, с.157] именами греческих богов не только согласно первичным понятиям и представлениям античного мира, но и потому, что «персидские обычаи одинаковы у этих народностей, у мидян и у многих других племён...» (Strabo XV, III, 13).

Большинство специалистов-античников считают, что для описания Албании и Иберии Страбон пользовался записками участников похода Помпея, особенно, несохранившимся трудом Феофана Митиленского, сопровождавшего Помпея в закавказском походе и составившего его подробное описание [Neumann, 1883; Fabricius, 1888; Aly, 1957, с.87-101; Ельницкий, 1961, с.150]. Страбон ссылается также и на Деллия, участвовавшего в парфянском походе Антония (Strabo XI, XIII, 3).

Одни и те же божества, названные греческими теонимами, свидетельствуют о том, что персы и мидийцы, армяне и албаны имели аналогичный пантеон, хотя в каждом отдельном случае предпочтение отдавалось какому-нибудь одному божеству, например, Селене-Анахите, как это было в античной Албании. Албанские божества Гелиос, Зевс и Селена полностью или частично могут соответствовать зороастрийским божествам Митре, Ахурамадзе и Анахите [Алиев, 1974, с.353; Алиев, 1992, с.164]. Аналогии между религиозными особенностями Ирана парфянского времени и древней Албании приводят к заключению, что и тут и там существовал культ Зевса, олицетворявшего собой небо, солнечного божества Гелиоса, носившего в Иране имя Митры, и Селены, отождествляемой с Анахитой – богиней плодородия, связанной с водой и другими явлениями природы [Алиев, 1974, с.352, 356].

Страбон указывает, что святилище Селены «находится вблизи Иберии» (Strabo XI, IV, 7). По сообщению Плутарха (I–II вв. н.э.), Помпей «шёл против Митридата по необходимости через (земли) племён, живущих (вокруг) Кавказа. Величайшие среди них – албаны и иберы... (Албаны) сначала согласились предоставить проход (через свою страну) просящему (об этом) Помпею. Но когда зима застигла войско (Помпея) в (их) стране, – продолжает Плутарх, – и у римлян наступал праздник Кроний, (албаны) (числом) не менее 40 тысяч напали на них, переправившись через реку Кирн [*Куру*. – Р.М.]» (Plut., Pomp., 34). Помпей, перебив многих албан, обратил их в бегство. Затем Помпей, заключив мир по просьбе албанского царя, двинулся против иберов.

Эти события в той же последовательности, но более подробно излагает Дион Кассий (II–III вв. н.э.), Он уточняет место зимовки римлян: «И он [*Помпей*. – Р.М.] провёл зиму в области Анаитиды и около реки Кирна (Куры), разделив на три (части) (своё) войско» (Cass. Dio, XXXVI, 53, 5). Однако римлянам не удалось перезимовать спокойно, продолжает Дион Кассий, «ибо Оройс, царь албан, живущих выше Кирна (Куры), с одной стороны, желая

угодить другу своему Тиграну-младшему, а с другой – больше всего боясь, чтобы римляне не вторглись в Албанию», напал на них под самый праздник Сатурналий, надеясь застать римлян врасплох. Однако албаны потерпели поражение от более многочисленных и дисциплинированных римских легионов. Римляне перебили много албан при переправе через Куру. После этого Помпей по настоятельной просьбе албан заключил перемирие» (Cass. Dio, XXXVI, 54, 1-5). В другом месте своего труда, рассказывая о возвращении Помпея в Понт после похода в Иберию и Албанию в 65 г. до н.э., Дион Кассий отмечает, что в этом году римское войско зимовало в той же области: «Помпей и тогда тоже провёл зиму в Аспиде» (Cass. Dio, XXXVII, 7, 5).

Согласно Т.Момзену, область Анаиты находилась на верхнем Евфрате [Момзен, 1887, с.106]. А.Е.Крымский считал, что это святилище было расположено на территории нынешнего Шеки [Крымский, 1938, с.371].

Я.А.Манандян полагает, что путь Помпея в направлении Куры, отражённый в Tabula Peutingeriana, должен был пролегать в сторону северо–западных границ древней Армении, из Арташата через нынешний Аштарак и Ганлиджу в совр. Хоспию (= Caspiae Таблиц), находящуюся к югу от г.Ахалкалаки. Именно здесь, по мнению Я.А.Манандяна, к северо–западу от Хоспии-Caspiae, на правом берегу Куры, между совр. городами Ахалцихе и Ахалкалаки, в древней Гогарене, следует предположить зимние стоянки римских легионов в 66/65 и 65/64 гг. до н.э. [Манандян, 1939, с.74-75; Манандян, 1943, с.199, сл.].

Албанский храм Луны локализуется А.И.Болтуновой в наиболее экономически развитой области Албании, по соседству с Иберией (на востоке Кахетии) [Болтунова, 1956, с.441].

С точкой зрения Я.А.Манандяна не согласился Г.А.Меликишвили, которому не представляется убедительным утверждение о том, что упоминаемая у Диона Кассия Анаитида – другая, отличная от Акилисены область. Кроме того, по мнению Г.А.Меликишвили, нет достаточных оснований для отождествления Aspis Диона с Caspiae Таблиц Певтингера. Как он полагает, из сообщения Диона Кассия следует, что в данном случае под «Аспис» подразумевается та же Акилисена. В итоге Г.А.Меликишвили присоединяется к мнению Т.Моммзена, который местом зимовки римлян считал территорию между верхним течением Евфрата и истоками Куры [Меликишвили, 1959, с.325-326].

Анализируя те же сообщения источников, К.В.Тревер считает неубедительной как точку зрения Т.Моммзена и Г.А.Меликишвили, так и Я.А.Манандяна. По её мнению, Помпей намеревался нагнать Митридата в Колхиде, но, учитывая то обстоятельство, что по пути в Колхиду римское войско рисковало подвергнуться нападению со стороны иберов (пропустивших через свои земли дружественного им понтийского царя), решил напасть на Иберию со стороны Албании, откуда его меньше всего ожидали. Круговым путём в Колхиду, но кратчайшим до Албании являлся известный торговый путь из Арташата на север, через совр. Дилижанское ущелье к берегам Куры. Видимо, этим путём, полагает К.В.Тревер, и шёл Помпей. В этой связи, по её мнению, отпадает отождествление Я.А.Манандяном области Анаит (Анаитиды) у берегов Куры с храмовой землёй в области Ἀσπις (Caspiae – Хоспия) в районе между Ахалцихе и Ахалкалаки, поскольку Помпей, несомненно, шёл из Арташата на север, а не на запад, выйдя к Куре в районе совр. г.Казах [Тревер, 1959, с.92-93]. В другом месте своей работы К.В.Тревер локализует храм Анаиты в «сопредельной с Иберией и Албании Гогарене» [Тревер, 1959, с.93, 150-151].

Н.Ю.Ломоури предполагал, что указанное святилище находилось на месте христианского храма у Телави [Ломоури, 1960, с.190-191].

По мнению И.Ш.Джавадова, К.В.Тревер ошибочно локализует зимнюю стоянку Помпея в 66/65 г. до н.э. на Куре, у г.Казах. Соглашаясь с точкой зрения Я.А.Манандяна и пытаясь уточнить место римских лагерей, И.Ш.Джавадов располагает их около г.Ахалцихе, на правом берегу Куры, у станционного пункта Таблиц Певтингера [Джавадов, 1960, с.707-709].

С одной стороны, точка зрения Т.Моммзена, которую поддерживает Г.А.Меликишвили, не учитывает прямых противоречий, возникающих между ясными указаниями источников на причину и следствие событий зимы 66/65 г. до н.э. и расстоянием до предполагаемого места их развития. Во-первых, как справедливо заметил Я.А.Манандян, совершенно невероятно, чтобы Помпей, который намеревался возобновить весной преследование Митридата и имел возможность повести своё войско в Колхиду, вернулся бы обратно на зимовку из Арташата на Араксе в район Верхнего Евфрата. К тому же крайне спорно предположение о зимовке одновременно и в Анаитиде–Акилисене, и около Куры – в местах, расположенных друг от друга на

расстоянии более 400 км. [Манандян, 1939, с.73]. Во-вторых, как убедительно показала К.В.Тревер, Помпей шёл из столицы Армении на север, в сторону Куры, а не на запад, в сторону Евфрата [Тревер, 1959, с.93]. В-третьих, совершенно невозможно представить ситуацию, при которой сорокатысячное албанское войско во главе с царём Оройсом могло скрытно и в столь короткий срок (притом зимой) оказаться одновременно в области Анаит в Акилисене и около Куры и напасть на римские лагеря с целью упредить возможное вторжение римлян в Албанию, расположенную на расстоянии не менее 300 км от истоков Куры и в три раза дальше от Акилисены на Евфрате. Эти аргументы отвергают предположение о локализации римских лагерей зимой 66/65 г. до н.э. в районе между Курой и Евфратом [Джафаров, 1985, с.101].

С другой стороны, точка зрения Я.А.Манандяна и И.Ш.Джавадова также вызывает возражения. Во-первых, как было отмечено Г.А.Меликишвили, вряд ли было безопасно устраивать зимовку в 66/65 г. до н.э. в столь северной горной области, граничащей с непокорёнными территориями Колхиды и Иберии [Меликишвили, 1959, с.326].

Во-вторых, как указала К.В.Тревер, в задачу Помпея входило обеспечение своего тыла сначала от албан, а затем уже от иберов. Поэтому локализация «Области Анаит» у Хоспии (Caspiae Таблиц) должна отпасть, так как эта область нигде с Албанией не соприкасается [Тревер, 1959, с.93].

В-третьих, в случае зимовки римлян в районе между Ахалцихе и Ахалкалаки столкновение римлян на Куре должно было бы произойти не с албанами, а с иберами, что противоречит данным Плутарха и Диона Кассия [Джафаров, 1985, с.101].

В-четвёртых, зимой 66 г. до н.э. албанскому войску во главе с Оройсом незачем было преодолевать огромный трудный путь вверх по течению Куры для того, чтобы в дни Сатурналий, оказаться на чужой земле, в Гогарене, прямо перед лагерями Помпея, разбросанными от Ахалцихе до Ахалкалаки, и атаковать римлян. Из Албании в этот район вёл более короткий путь, к тому же прямо в тыл римлянам и без опасной переправы через Куру, а именно через совр. Болниси, Триалети, Богдановку или Боржоми, Бакуриани по правому берегу Куры в район Ахалкалаки–Ахалцихе. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы албаны со своим сорокатысячным войском на расстоянии около 300 км от границ Албании рискнули бы напасть на ведомые Помпеем римские легионы, численность которых Т.Моммзен и Я.А.Манандян определяют в более чем 50 тысяч человек [Момзен, 1887, с.104; Манандян, 1943, с.174].

В-пятых, непонятно, почему исследователи не учитывают весьма важное для локализации храма Луны замечания Плутарха. Сразу же после сообщения о том, что албаны сначала согласились предоставить проход Помпею через свою страну, Плутарх отмечает, что, когда «зима застигла войско (Помпея) в (их) стране, албаны числом не менее 40 тысяч напали на римлян, переправившись через Куру» (Plut., Pomp., 34). Это указание Плутарха во многом обусловливает дальнейшее развитие событий и разъясняет основную причину противоречий, возникающих при интерпретации источников. Из этого указания ясно следует, что, с одной стороны, зима застигла войско Помпея в албанской земле (Плутарх), а не за тридевять земель от неё. Вот почему албаны сначала будто бы согласились пропустить Помпея через свою страну, а затем во главе со своим царём Оройсом внезапно напали на римские лагеря, боясь вторжения римлян в Албанию (Плутарх, Дион Кассий). С другой стороны, «область Анаитиды» около Куры, где расположились зимние римские лагеря (Дион Кассий), также находилась в «их стране» (Плутарх) [Джафаров, 1985, с.103].

Если исходить из предложенной К.В.Тревер локализации зимней стоянки римских легионов в 66/65 г. до н.э. на правом берегу Куры, в районе г.Казах, то тогда все сообщения Плутарха и Диона Кассия о маршруте кавказского похода Помпея в 66–65 гг. до н.э. выстроятся в чёткую последовательную цепь событий [Тревер, 1959, с.96-107].

Здесь следует отметить, что, согласно Диону Кассию, римское войско дважды зимовало в одном и том же месте, т.е., как следует из вышеизложенного, в районе Казаха. В первом случае это место связывается с «областью Анаит» – Анаитидой, а во втором – с Аспидой (Аспис) [Джафаров, 1985, с.104]. Как известно, Анаит – богиня земли, воды, огня и плодородия – почиталась почти всеми народами Передней и Средней Азии [Wikander*, 1946,* с.67; Тревер, 1959, с.151; Дандамаев, Луконин, 1980, с.313, сл.]. В Армении имелась храмовая область, посвящённая Анаит и расположенная в Акилисене, на Верхнем Евфрате [Периханян, 1959, с.8]. Выше уже указывалось, что Я.А.Манандян, опираясь на сообщение Диона Кассия об Aspis, локализует ещё одну область Анаит в Гогарене, у пункта Caspiae (Хоспия), между Ахалцихе и Ахалкалаки,

что противоречит данным Плутарха и Диона Кассия [Джафаров, 1985, с.104]. К.В.Тревер со своей стороны считает, что в данном случае речь может идти о некоей храмовой земле или в районе древнего гор. Халхала, или в восточной части сопредельной с Албанией и Иберией Гогарены [Тревер, 1959, с.93]. Однако, с одной стороны, если войско Помпея зимовало в «области Анаитиды и около Куры» (Дион Кассий), т.е., согласно предположению К.В.Тревер, в районе Казаха, то, следовательно, область Анаит – Анаитида (а также и Аспида) должна была находиться в том же районе. Это тем более вероятно, что, кроме Диона, область Анаит около Куры больше не упоминается ни одним источником [Тревер, 1959, с.93, 151]. С другой стороны, древний город Халхал, в районе которого, как полагает К.В.Тревер, имелась некая храмовая земля, был расположен именно вблизи Казаха [Hübschmann, 1904, с.272; Тревер, 1959, с.264, сл.], согласно предположению С.Т.Еремяна, в низовьях реки Акстафы [Еремян, 1939, с.85]. Этот город именовался в источниках зимним местопребыванием албанских царей [Егише, 1971, с.77]. Итак, если исходить из локализации «Области Анаит» – Ἀναΐτις (а, следовательно, и Ἄσπις) Диона Кассия на правом берегу Куры, в районе древнего Халхала (около г.Казах), то возникает вопрос, что именно следует понимать под названием Ἄσπις.

Опираясь на сообщение Страбона, исследователи помещают албанскую храмовую область Луны то у слияния рек Иори и Алазани [Шопен, 1866, с. 363], то на месте совр. г.Шеки [Крымский, 1938, с.371], или исторической области Шаки (охватывавшей современные территории Шекинского, Кахского, Закатальского и Балакенского районов Азербайджанской Республики), но главным образом на среднем течении р.Алазани, в Восточной Кахетии [Джафаров, 1985, с.105].

По мнению же К.Г.Алиева, в Албании было два святилища: одно – святилище Анаит на правом берегу Куры между реками Акстафачай и Таузчай, другое – святилище Луны (Селены) недалеко от Иберии [Алиев, 1974, с.311, 313]. Однако божество Луны в условиях Албании, по-видимому, соответствовало культу богини Анаит, как считают исследователи [Тревер, 1959, с.151, сл.; Алиев, 1974, с.353, 356], которые не сделали должного вывода из своего важного наблюдения. Следовательно, можно предположить, что «область Анаитиды» (а также Аспида) около Куры Диона Кассия и храмовая область со святилищем Луны вблизи Иберии Страбона – одно и то же место [Джафаров, 1985, с.106]. Это тем более вероятно, что Страбон, который, как и Дион Кассий, черпал сведения у Феофана Митиленского, говорит лишь об одной храмовой области в Албании, а не о двух. В противном случае Страбон непременно упомянул бы ещё одну священную область (как, например, в Понте), так как пользовался не только сочинением Феофана, но и другими источниками. «Область Анаит» – Анаитида (она же Аспис) Диона Кассия, по-видимому, находилась на правом берегу Куры, в районе древнего Халхала (около Казаха) [Джафаров, 1985, с.106]. Халхал же был расположен в области Гардман, провинции Ути (арм. Утик, греч. Отене), вблизи границ Иберии [Егише, 1971, с.77].

Таким образом, по мнению Ю.Р.Джафарова, в 66/65 и 65/64 п. до н.э. римские легионы Помпея дважды зимовали на территории албанской храмовой области, посвящённой главному божеству Албании – Луне (Анаит), на правом берегу Куры, в районе г.Казах [Джафаров, 1985, с.107]. Он также пытается отождествить этот храм с остатками большого культового помещения и базы колонн, датирующихся V–VI вв. до н.э., которые были обнаружены над пиром (святилищем) эпохи бронзы в результате раскопок на холме Сарытепе, расположенном на западной окраине Казаха [Халилов, 1960, с. 68-75; Нариманов, 1960, с.207-210].

Храмовые области, посвящённые божеству Луны (именуемые Страбоном Σελήνη – Селена или Μήν – Мэн), имелись в Каппадокии (Комана), Понте (Комана, Зела, Америя), во Фригии (Strabo XII, II, 3; XII, III, 31-32.). По сообщению Страбона, этому же божеству Луны была посвящена и храмовая область (ἱερὰ χώρα – иера хора) в Албании с храмом (τό ἱερόν – иерон) Луны, находившимся вблизи границ Иберии. Античный храм являлся не только культовым центром, но и административным, и юридическим, и военным. Во главе такой области стоял жрец (ἱερεύς – иеревс), пользовавшийся полнотой власти. Среди целого ряда таких храмовых областей в Малой Азии наиболее известным был храм в Комане Каппадокийской. Храмовые области существовали также в Армении, особо выделялся среди них Анаитакан (область богини Анахиты) в Акилисене, на верхнем Евфрате. Страбон ограничивается указанием на то, что в Албании храмовая область находилась неподалёку от Иберии (Strabo XI, IV, 7.), очевидно, в одной из плодородных, хорошо орошаемых и замкнутых горами долин на территории Кахетии.

Далее Страбон сообщает: «...жречествует [в храме] муж (иеревс), наиболее уважаемый после царя (басилевса): [он] стоит во главе храмовой области (иера хора), обширной и хорошо населённой, и [во главе] иеродулов, из которых многие одержимы богом и вещают» (Strabo XI, IV, 7).

Из описания Страбоном храмовых областей в Малой Азии мы узнаём, что в городе Комане Каппадокийской, где имелось святилище Луны, большинство населения состоит из «богоносителей» и иеродулов (Strabo XII, II, 3), т.е. различаются две группы населения, как и в Албании, где жрец возглавляет и храмовую область, обширную и густонаселённую, и иеродулов. О населении города Команы сказано, что оно «иным образом» подчинено царю: большинство повинуется жрецу, что господин святилища является таковым и для иеродулов (мужчин и женщин, общим числом 6000), что храму принадлежит богатая земля, которая обрабатывается и что доход с неё идёт жрецу, который занимает второе место после царя (Strabo XII, II, 3). Говоря о Фарнакии, Страбон упоминает храм Луны (Мэн), затем торговый городок Америю, «обладающую большим количеством иеродулов в храмовой землей», и добавляет, что тут имеется «святилище Селены, как у албанов и во Фригии» (Strabo XII, III, 3).

Таким образом, если предположить, что в Албании святилище Селены – Анахиты и принадлежащая ему жреческая область были организованы по примеру малоазийских, то мы вправе были бы воссоздать следующую картину. В плодородной части западной Албании, может быть в районе Халхала (Лала), имелась священная или жреческая область с храмом богини, особо в Албании почитаемой. Земли, принадлежащие храму, обрабатывали мужчины и женщины, причём все доходы с земли и, возможно, ремёсел шли в пользу храма; доходами распоряжался жрец, которому были подчинены иеродулы и который занимал в стране второе место после царя. Информация античного автора раскрывает социальную принадлежность верховного священнослужителя храма Селены: самый уважаемый после царя иеревс являлся главой храмовой аристократии. Что касается населения храмовой территории, то из приведённой цитаты видно, что иеревс был хозяином не только в албанском иероне, посвящённом Селене, но и всей храмовой территории [Алиев, 1992, с.194].

Кроме иеродулов, на жреческой земле проживали и «богоносители», о которых Страбон, описывая албанскую храмовую область, говорит, что они «одержимы богом» и «вещают» [Тревер, 1959, с.136]. В связи с последним словом К.В.Тревер высказывает предположение, что при храме Селены в Албании имелось прорицалище, в котором ответы вопрошающим давали эти «богоносители». Дело в том, что в Малой Азии при храмах в жреческих областях имелись оракулы, то же самое известно и относительно соответственных храмов в Армении [Тревер, 1953, с.105-112].

Вопросу о иеродулах посвящена большая литература, причём один исследователи усматривают в них храмовых служителей, другие – «священных рабов», третьи – закрепощённых крестьян и т.д.

Я.А.Манандян считает, что храмовые поместья были разделены на отдельные участки, которые на определённых условиях предоставлялись в пользование иеродулам. Иеродулы, по его мнению, не храмовые рабы, а «храмовые люди», которых нельзя было продавать и которые при конфискации храмовых земель становились «царскими людьми» [Манандян, 1945, с.7, сл.]. Допуская, что у храмов могли быть и рабы, Я.А.Манандян, тем не менее, в храмовых землях не усматривает рабовладельческие храмовые хозяйства, но при этом он исходит из положения, с которым трудно согласиться, а именно, что храмовые люди являлись «зависимыми сервами», что крестьянин-общинник уже во II–I вв. до н.э. был закрепощён в результате усиления землевладельческой знати [Манандян, 1945, с.22].

Следует добавить, что А.И.Болтунова считает иеродулов «не рабами в прямом смысле слова, а людьми, жившими на храмовой территории и повинными вносить оброк жрецу» [Болтунова, 1947, с.157].

Исследователи этого вопроса при решении его опирались только (или главным образом) на данные Страбона, поэтому чёткого ответа на этот вопрос получено быть не могло. Нужны были ещё другие, дополнительные данные и в первую очередь эпиграфические, т.е. тексты надписей, которые были бы обнаружены на храмовых землях и имели связь с социальной и экономической жизнью на этих территориях, а также другие данные документального порядка. А.Г.Периханян, привлекла эпиграфические данные и расширила круг первоисточников, что позволило ей, рассматривая иеродулов в Малой Азии, прийти к заключению, что иеродулы, храмовые рабы, являлись общинной собственностью храмовых общин и как таковые не могли быть отчуждаемы, что непосредственными производителями в значительной мере являлись

общинники зависимых деревень (храмовые крестьяне), и что население храмовых объединений отличалось социальной неоднородностью [Периханян, 1959]. Однако при рассмотрении вопроса о храмовых землях и иеродулах Закавказья следует учитывать конкретную обстановку, время и место применения труда иеродулов, так как маловероятно, чтобы формы хозяйственной жизни на храмовых землях на протяжении веков не менялись. Храмовая община IV–III вв. до н.э. должна была носить несколько иной характер, чем такая же община в той же Малой Азии в конце I в. до н.э., когда её мог наблюдать Страбон в Комане. Организация экономики жреческой области в Албании могла иметь специфические черты [Тревер, 1959, с.138].

К.В.Тревер, исходя из того представления об общественном строе Албании, полагает, что если речь у Страбона идёт о прошлом, может быть о III в. до н.э., то храмовая область являлась территориальной общиной, объединённой культом определённого божества и возглавляемой жрецом. Нам неизвестен местный, албанский термин, обозначавшего членов этой общины, этих храмовых рабов или общинников. Не знаем мы также, была ли эта албанская храмовая община у границ Иберии единственной в Албании, или она являлась одной из многих других храмовых земель, объединённых вокруг храмов других божеств. Не знаем мы также, следует ли вторую часть рассказа Страбона о культовом убиении в очистительных целях относить ко времени Страбона, т.е. к началу нашей эры, или же видеть в нём рассказ о древнем обычае, пережитки которого могли сохраниться в быту албанской храмовой общины. Страбон пишет, что «того, кто наиболее одержим божеством и один блуждает по лесам, того жрец схватывает, связывает священной цепью и в течение года в изобилии кормит» (Strabo XI. IV, 7). Трудно ответить на вопрос, кто были эти «богоодержимые» или «богоносители»; они имелись и среди населения Команы Каппадокийской, в котором Страбон различает – это, очевидно, та группа населения, которую в главе об Албании Страбон называет и, о которой говорится, что все три слова обозначают пребывание в состоянии богоодержимости, религиозного экстаза [Тревер, 1959, с.138-139].

А.Крымский предлагает видеть в этих «одержимых» юродивых и полоумных, которых местное население передавало в храм [Крымский, 1938, с.370]. По мнению К.В.Тревер, весьма вероятно, что это были своего рода «божьи люди», кликуши, которые проживали на территории храма за счёт общины [Тревер, 1959, с.139].

Страбон продолжает свой рассказ: «Затем его (иеродула) приводят для принесения в жертву божеству и умащённого закалывают вместе с другими жертвами». Слово означает «жертвенные животные» (главным образом овцы), так что переводить следует «с другими жертвенными животными» [Тревер, 1959, с.139]. Страбон пишет далее: «Ритуал жертвоприношения таков: некто со священным копьём, которым по обычаю закалывают людей, выходит из толпы и ударяет его сбоку в сердце, будучи опытным в этом деле. По тому, как труп упадёт, отмечают некоторые приметы и объявляют их во всеуслышание» (Strabo XI, IV, 7).

Вызывает удивление скрупулёзность, с которой описываются подробности готовящегося более года подобия театрализованного представления, где главную роль исполнял приносимый в жертву иеродул. Материальными аксессуарами культа являлись главным образом священные цепь-алюсис и копьё-лонхе. Всё начиналось с того, что на блуждающего по иера хора боговдохновенного иеродула надевалась священная цепь. Кульминацией действа было редкое даже для того времени приношение в жертву человека, рассчитанное на зрителей. Судя по описанию, специально выделенным для человеческих жертвоприношений священным копьём наносился удар в сердце. Зрелище заканчивалось тем, что по падению смертельно раненного иеродула совершались гадания, объявляемые присутствующим [Алиев, 1992, с.153].

О древнем, освящённом временем обычае свидетельствует копьё, названное священным и по «обычаю» или по «закону» служащее для ритуального умерщвления. Указание же, что лицо, производящее убиение, «имеет опыт» в этом деле, могло бы говорить о том, что убиение выполнял специальный член жреческой общины. Последние слова Страбона объясняют смысл этого жертвоприношения: «Когда же тело перенесут в определённое место, то все, нуждающиеся в очищении, через него переступают» (Strabo XI, IV, 7). Таким образом, труп переносят в какое-то определённое, находящееся при храме помещение и тут происходит процесс перешагивания через труп со стороны тех, кто «нуждается» в очищении [Тревер, 1959, с.140]. Согласно поверью, существующему в Азербайджане и поныне, нельзя переступать через лежащего человека, ибо тем самым передаются ему недомогания, болезни.

Видимо, обитатели иера хора перешагивали через труп иеродула, чтобы очиститься, т.е. освободить себя от недомоганий и болезней.

Как уже отмечалось, по Страбону, некоторые иеродулы занимались вещанием. К.В.Тревер полагает, что при албанском храме имелось прорицалище, куда от населения поступали вопросы к божеству; ответы на них давались «богоодержимыми», которые являлись также толкователями разных примет, связанных с вещанием. Такие оракулы имелись при многих храмах в Малой Азии; такое прорицалище имелось при армянском храме в Армавире [Тревер, 1953, с.104, сл.] и на территории албанской области Ути, в г.Анариака [Тревер, 1959, с.140], где, по словам Страбона прорицание, производилось в состоянии сна (Strabo XI, VII. 1).

Возвращаясь к вопросу о социальной сущности иеродулов, следует отметить, что раб не мог являться толкователем оракула, вещателем при храме, и если ими были слабоумные, кликуши и юродивые из состава общины, которые содержались за счёт доходов с храмовой земли, то и они едва ли являлись рабами.

Таким образом, текст Страбона об албанской храмовой земле и об иеродулах может подтвердить точку зрения тех, кто в этих храмовых или «божьих» рабах усматривает членов общины, а не рабов как социальную категорию [Тревер, 1959, с.140-141].

Храмовая земля в Албании могла отличаться от аналогичных жреческих областей в Малой Азии какими-то специфическими особенностями, быть может, ритуальными убиениями в целях очищения членов общины, на чём и остановил своё внимание Страбон. К сожалению, нет данных, которые позволили бы сопоставить албанскую храмовую общину с таковыми в Армении и Иберии. Не знаем мы также, выполнял ли албанский верховный жрец и юридические, и военные функции, как это имело место в Иберии [Адонц, 1908, с.409].

Различные формы культа Луны (Селены) продолжали существовать и в последующее время. В результате этнографических исследований в Губинском и Габалинском районах были выявлены древние надгробия с изображением Луны, Солнца и древа жизни, свойственные для доисламской идеологии азербайджанцев.

Элементы характерных для албан астральных культов и по сей день сохранились в верованиях населения Азербайджана и Восточной Грузии. До сих пор существуют традиции ритуального изготовления оберегов в форме полумесяца для детей. Бытует традиция ношения амулетов и бус от сглаза также среди взрослых. Издавна люди с каждым появлением новой Луны, протягивая руки к небесам, обращались к Луне с мольбами о долголетии. Эта традиция, сохранившаяся во многих регионах Азербайджана, слилась с исламской идеологией и при виде новой луны, пожилые люди произносят салават по канонам ислама.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Əliyev K.H., Əliyeva F.K. Azərbaycan antik dövrdə. Bakı, 1997, 119 s.
2. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарарского строя: СПб.: типография Императорской АН, 1908, 526 с.
3. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1960, 491 с., илл.
4. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с., илл.
5. Алиев К.Г. Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку: Элм, 1974, 363 с.
6. Алиева Ф.К. Культура Античного Азербайджана – Мидийской Атропатены и Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 2007, 180 с.
7. Ахундов Т. Северо–западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку, 2001, 332 с., илл.
8. Болтунова А.И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // Вестник древней истории, 1947, №4, с.142-159.
9. Болтунова А.И. Рабовладельческие государства Закавказья в последние века до нашей эры и их борьба с экспансией Рима / Очерки истории СССР, т.1. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, с.420-455.
10. Гагошидзе Ю.М. О грузинском язычестве в III–I вв. до н.э. // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980, с.20-21.
11. Гёюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку: Элм, 1984, 192 с.
12. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980, 416 с.
13. Джавадов И.Ш. О стоянке римских войск зимой 66/65 г. до н.э. в Закавказье // Доклады АН Аз.ССР, 1960, №7, с.707-709.
14. Джафаров Ю.Р. О локализации храмовой области в Кавказской Албании // Вестник древней истории, 1985, №2, с.97-108.
15. Дьяконов И.М. История Мидии (от древнейших времён до конца IV в. до н.э.). М.-Л., 1956, 486 с.
16. Егишэ. О Вардане и войне армянской / Пер. И.А.Орбели. Ереван, 1971, 197 с.
17. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1961, 224 с.
18. Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов // Вестник древней истории, 1939, №1 (6), с.79-97.
19. Кошеленко Г.А. Заключение (к главе четвёртой «Закавказье в античную эпоху») / Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985, с.107-176.
20. Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки // Сборник, посвящённый памяти академика М.Я.Марра. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с.369-384.
21. Ломоури Н.Ю. Рец. на книгу: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в.н.э.). М.-Л., 1959 // Вестник древней истории, 1960, №3, с.187-191.
22. Манандян Я.А. Проблема общественного строя доаршакидской Армении // Исторические записки, Т.15, М., 1945, с.3-28.
23. Манандян Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье // Вестник древней истории, 1939, №4, с.70-82.
24. Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим. Ереван: Армфан, 1943, 243 с.
25. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН Груз.ССР, 1959, 507 с.
26. Момзен Т. Римская история. Т.III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. М.: типография В.Т.Рихтер, 1887, 593 с.
27. Нариманов И. Древнее «святилище» (пир) в Казахском районе позднебронзового периода // Доклады АН Аз.ССР, т.16, 1960, №2, с.207-210.
28. Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. – III в. н.э.) / Ответ. ред. В.И.Авдеев. М.: Изд-во восточной литературы, 1959, 186 с.
29. Тревер К.В. Очерки истории и культуры Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). М.-Л.: АН СССР, 1959, 392 с.
30. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.)

/ Ответ. ред. И.А.Орбели. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953, 402 с.
31. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 1985, 236 с.
32. Халилов Дж.А. Поселение на холме Сары-тепе // Советская археология, 1960, №4, с.68-75.
33. Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб.: типография Н.Тиблена и комп., 1866, 503 с.
34. Ямпольский З.И. Древняя Албания III–I вв. до н.э. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 389 с.
35. Aly W. Strabon von Amaseia. Bonn, 1957, 518 s.
36. Fabricius. Theophanes von Mytilene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon. Strassburg, 1888, 255 s.
37. Hübschmann H. Die altarmenischen Ortsnamen / Indogermanische Forschungen. Bd. 16, Strassburg, 1904, s.197-490.
38. Neumann K.J. Strabons Landeskunde von Kaukasien. Eine Quellenuntersuchung / Jahrbücher für classische Philologie, Supplementband 13, Leipzig, 1883, s.322-354.
39. Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran (Acta Regia Societatis humaniorum litterarum Lundensis, 40), Lund, 1946, 244 s,

Мобили Роберт
Председатель Албано–удинской христианской общины Азербайджана,
старший научный сотрудник кафедры минералогии, кристаллографии и геохимии
Бакинского Государственного Университета

УДИНЫ И АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ СРЕДЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

С восстановлением Азербайджаном своей независимости были созданы благоприятные условия для дальнейшего укрепления межконфессиональных отношений, утверждения национально-духовных ценностей, дальнейшего упрочнения исторически сложившихся условий терпимости, межнационального и межрелигиозного диалога. Поэтому сегодня Азербайджан стал центром межкультурного пространства, конфессионального дискурса и межрелигиозного диалога.

Среди единого многонационального азербайджанского народа, где наряду с титульным этносом есть еще 20 местных национальных меньшинств, проживают удины (самоназвание – уди) – Албано-удийская христианская община, происхождение и история которой привлекает внимание научного мира уже более двух столетий [Мамедова, 2005; Джавадов, Гусейнов, 1999; Алексеев, Майсак, Ганенков, Ландер, 2008; Гусейнов, 2008; Данакари, 2013].

Удины – автохтонный народ Азербайджана, один из древнейших коренных этносов Кавказа, и принадлежат к числу предков современного азербайджанского народа. История удинского этноса, неоднократно становившегося жертвой политических и религиозно-конфессиональных интриг, противоборства великих держав или более сильных соседей, достойна большого уважения и симпатии.

Удины – уникальный этнос, и в отличие от всех этносов мира – это феномен, сумевший сохраниться, невзирая на превратности судьбы, на все катаклизмы и исторические перипетии даже будучи лишенный своей Церкви. Они зафиксированы в древних источниках как участники битвы Александра Македонского с персами при Гавгамелах (331 г. до н.э.), в трудах Геродота, Страбона, Птолемея, Плиния Старшего, арабских источниках, европейских путешественников. Наиболее подробные свидетельства об удинах содержатся в «Истории албан» местного автора Моисея Каланкатуйского (из с.Каланкайтук Утийской области Албании) [Мамедова, 2005; Мобили, 2008a, с.26-29; Mobili, 2008b; Мобили 2013, с.234-236].

Александр Дюма, познакомившийся с удином Г.Бежановым во время своего путешествия на Кавказ в 1859 г., написал в путевых заметках: «Происхождение удийцев неизвестно; язык их, которого никто не понимает, не имеет сходства ни с каким иным языком. Сами они теряются во мраке, который их окружает» [Дюма, 1985, с.122-123].

Архивные материалы и последние исследования содержат сведения об удинах французского ученого Эдварда Дюралье и английских путешественников, материалы антропологии Арутинова, описание древней Кавказской Албании А.Яновского, находку палимпсеста на Синае в 1996 г.

Сведения о численности удин, относящиеся к последней четверти XIX в., указывают, что в Российской империи их было 10-12 тыс. [Раффи, 2009; Бежанов, 1892, с.213-262; РГИА: ф.796 (1836), ф.821 (1810, 1897–1910, 1914–1915), ф.735 (1859); Флоренский, 1992]. Вплоть до начала XX в. удины проживали компактной массой в нескольких селах Азербайджана.

В настоящее время общая численность удин – более 10 тыс. человек, из них основная часть удин около 5 тыс. человек проживает в Азербайджане (компактно в поселке Нидже и рассеянно в Огузе и Баку). Удины также проживают в южных регионах России, Казахстане, Грузии, на Украине и в Республике Беларусь. Несколько семей зафиксированы на юге Франции, в Англии, Италии, Латвии и США. В Азербайджане удины компактно прожи-

Ифтар во дворе удинской церкви

На празднике урожая
конец октября 2019 г.
Во дворе Церкви Св.Елисея

Село Нидж. Церковь Св.Елисея
(Джотари)

Албанский крест

вают только в Нидже: из 7500 жителей поселка их половина. Удины жили во времена нескольких великих империй: Сасанидской державы, Арабского халифата, Османской империи, Российской империи, СССР, хотя и входили в состав этих государств, но сохранили свой язык, религию и культуру.

Несмотря на все катаклизмы исторических изменений, удины, как прямые преемники Кавказской Албании, сохранились, благодаря мультикультурной среде, в которой они живут и сегодня, а также сохранили свой язык, культуру и традиции, а также веру в христианство[Гусейнов, 2008, с.22-25; Джавадов, Гусейнов, 1999; Мобили, 2008а, с.26-29; Мобили, №2, 2009, с.214-219].

Удинский язык, а точнее удийский (самоназвание: уди, udi muz) входит в большую группу нахско-дагестанских (кавказско-иберийских) языков и делиться на два диалекта, степень расхождения которых не препятствует их взаимопониманию. В настоящее время на удинском языке говорят чуть более 10 тыс. человек, хотя в прошлом он был одним из распространенных языков Кавказской Албании, на основе которого в IV в. сложился литературный язык, и появилась албанская письменность. С исторической точки зрения общепринятый кавказско-албанский язык ближе всего к удинскому, вернее протоудинскому. Созданный в IV в. албанский алфавит представлял собой несемиотическое ответвление арамейской графической основы, состоящий из 52 букв. В дальнейшем этот алфавит получил широкое применение: на албанский язык были переведены важнейшие библейские тексты, литургия, песнопение и, самое главное, на нем велась церковная служба. Однако впоследствии, в силу исторических причин албанская письменность перестала использоваться и постепенно исчезла. Долгое время учёным не удавалось прочесть надписи на артефактах, найденных при археологических раскопках. Пролил свет на истину найденный текст (палимпсест) в Синае в 1996 г. в монастыре Св.Катарины, представляющий собой богослужебный сборник, включающий литургические основы и отрывки из Нового Завета. Именно после этой находки отпали все сомнения в существовании албанского алфавита и развитого литературного языка. В настоящее время эти тексты полностью расшифрованы, прочитаны и опубликованы в двух томах [Gippert, Schulze, Aleksidze, Mahe, 2008] , а также были переведены на девять языков, в том числе, и на удинский. В этой кропотливой работе участвовали кавказоведы-лингвисты мирового уровня З.Н.Алексидзе, Й.Гипперт, В.Шульц и Ж-П.Махе. Ключом к дешифровке этих текстов был удинский язык, которым свободно владеют авторы перевода. Палимпсест, как христианское наследие Кавказской Албании, представляет собой фрагменты Евангелия от Иоанна, литургию и лекционарий – сборник богослужебных чтений. Именно после изучения этих текстов на основе научных исследований, можно предположить, что албанский алфавит был создан в IV в. [Алексеев, Майсак, Ганенков, Ландер, 2008; Ворошил Гукасян, 1974; Мобили, 2009, с.214-219; Мобили, 2010; Мобили, 2011].

Сегодня удины являются приверженцами восточного христианства и четко ориентированы в современных условиях на возрождение албано-удинского христианского этнокультурного наследия и своей Церкви. Албано-удская церковь была упразднена царизмом в 1836 г. при содействии Армяно-григорианской церкви.

В результате были уничтожены древние летописи и старинные книги, утеряны огромные ценности, прерван культурный и религиозный опыт рукоположения двух тысячелетий. Одним словом, навсегда утрачен важный пласт духовной культуры Азербайджана, в том числе древние и средневековые исторические и литературные памятники, традиции богослужения и литургии, память веков и система ценностей удин. Лишенные церковной обители, удины, несмотря на все свои официальные возражения, были вынуждены терпеть все невзгоды и лишения, и оставаться ее членами до тех пор, пока их церковь не была упразднена. Однако удинам удалось сохранить до наших дней родной язык и религиозные корни. Сегодня более 100 памятников албанского религиозного наследия находятся на территориях, освобожденных от оккупации армянских вооруженных сил. Их судьба не имеет аналогов в истории христианства.

Удины, как прямые потомки древних кавказских албан, среди прочего, являются предками азербайджанского народа, а также носителями элементов и символов христианского наследия Албании. Они гордятся своей древней культурой, своими вековыми традициями, духовным богатством, языком, этнографией и обогащают их на своей исторической родине – в Азербайджане [Гусейнов, 2008, с.22-25; Джавадов, Гусейнов, 1999; Мобили, 2008а, с.26-29].

Сложившиеся веками в истории Азербайджана межрелигиозные духовные отношения указывают на пути развития этнического разнообразия этого региона. Азербайджанский народ со сложными религиями выступает в истории народов разных вероисповеданий как пример и символ религиозной гармонии. Здесь мусульмане, иудеи, православные, католики и представители нетрадиционных конфессий жили вместе в гармонии, без какой-либо конфронтации, дополняя друг друга. Совместное существование таких мест поклонения, как древние храмы, синагоги, церкви и мечети, предназначенные для различных богослужений, само по себе воплощает общее прошлое нашей страны.

Ярким примером могут служить места компактного проживания удин в Ниджe. На таком небольшом пространстве расположены древние религиозные места поклонения, три церкви и две мечети. Здесь функционируют две христианские общины и один Удинский культурно–просветительный центр. Феномен религиозной терпимости всегда присутствовал в нашей исторической среде, а маленький оазис толерантности в рамках Удинской общины, прежде всего, подтверждает существование разнообразия.

Торжественное открытие и освящение Церкви Св.Елисея (Джотари). 2006 г.

Вид на этнографический музей под открытым небом. Нидж, 2021

На празднике Дня Удинской Культуры (молодежный национальный танец) 20 июля 2019 г.

15 мая 2021 г. Президент Азербайджана Ильхам Алиев,
Первый Вице-президент Мехрибан Алиева и их дочь Лейла Алиева
посетили Церковь Пресвятой Богоматери Марии

При явном доминировании мусульманской религии в Нашей Стране и сегодня, идеалы уважения к религиозным обрядам, праздникам и взаимным посещениям утвердились. Удины-христиане и сегодня отмечают ритуальный праздник жертвоприношения. Так, что распространение ислама создало для удин в той или иной форме благоприятные предпосылки, укрепив существование религиозной терпимости, особенно в контексте Удинской общины [Мобили, 2008; Мобили, 2012, с.165-172].

Одной из сохранившихся традиций населения поселка Нидж является его гостеприимство. Издревле, удины с радостью встречали как людей своей религии, так и представителей других религий. Наряду с христианством общине удалось сохранить и свои национальные обычаи, обряды, верования и праздники. Организация и проведение празднования Новруз-байрама являются очень важным фактором религиозной толерантности в нашей общине. Этот древний весенний праздник, сохранившийся на протяжении веков, служит фактором сотрудничества и интеграции между мусульманами и христианами.

С этой точки зрения можно отметить, что нет никаких документов, подтверждающих наличие какого-либо межрелигиозного конфликта. Религиозная терпимость, уважение между общинами исторически сложились и укоренились.

Траектория истории показывает, что азербайджанцы являются терпимыми к другим религиям. И, возможно, Азербайджан — это единственная страна на Европейском пространстве, где не было религиозных войн. Такое сосуществование отражается в образовании, в быту, в языке и веровании. Примером может служить совместное поклонение общим святым местам, характеризующие коренные связи, заложенные в наших генах. Все эти ценности подталкивают нас к мысли о том, что в модели толерантности тонкая линия добра и зла проходит между народами, этносами, религиями, а также через диалог и сердца каждого из нас.

Мы чувствуем большую поддержку государственных структур, в частности Господина Президента Азербайджана Ильхама Алиева (посетившего Нидж в 2005 и 2011 гг.), Государственного Комитета по религиозным делам, различных министерств, НПО и простых граждан Азербайджана.

Во имя воссоздания исторической справедливости и реалий в 2006 г. была отреставрирована Албанская удинская церковь Св.Елисея «Чотари» [Мобили, 2013, с.234-236].

В середине августа 2018 г. в Нидже был основан Историко-этнографический парк-музей «Удинский оджаг». Создать его помогли местные и польские специалисты, среди которых был азербайджанский художник-архитектор Шахвелед Мамедов. «Оджаг» по-азербайджански – «костер», «очаг», а еще «священное место», изначально связанное с огнем. Такие места почитают и удины, и азербайджанцы: украшают их лентами, и везут к ним жертвенных баранов. Несмотря на то, что эта языческая традиция расходится с церковными канонами и мусульманскими обычаями, таких святилищ очень много, и этот богатейший пласт истории заложен в генах каждого удина. В экспозицию парка входит дом семьи Гангаловых, построенный в конце XVII в., и приусадебный участок с прудом, садом, хозяйственными постройками и оджагом. Дома в этом регионе часто имели мансардный этаж. Летом в проветриваемом полумраке чердака выращивали коконы шелкопряда и сушили листья табака, а осенью проводили праздники. Особенностью, которая роднит дома удин с домами азербайджанцев или лезгин, является молельная комната. Основная плодовая культура в саду – орешник. Экономика поселка и сегодня главным образом держится на возделывании фундука: у каждого жителя Ниджа своя плантация. Среди выставленных предметов много гончарных изделий, потому что удины-христиане, в отличие от соседей-мусульман, занимались виноделием и выдерживали вино в глиняных сосудах. Во дворе усадьбы стоит аппарат, на котором удины гнали водку из кизила или алычи. Сейчас на чердаке табак никто не сушит, а процесс самогоноварения показывают только туристам. Гости могут остановиться в домиках прямо на территории парка-музея. В них же проводятся форумы, конференции и круглые столы.

Нидж называют образцом мультикультурализма – курса, проводимого в Азербайджане на государственном уровне. Его цель – обеспечить условия для совместного существования и развития различных культур внутри Страны. Когда удины празднуют Пасху или Рождество, за столом сидят и протестанты, и иудеи, и православные, и

мусульмане. В поселке действуют две мечети и восстановлены две из трех церквей. Из пяти школ – три русские и две азербайджанские.

В 2012 г. «Фонд Гейдара Алиева» отреставрировал в Нидже полную среднюю школу №2: удины учатся в ней на русском языке, но родной язык им преподают до пятого класса.

Главная миссия Албано-удинской христианской общины – изучать и пропагандировать свою историю. В век глобализации и интеграции сохранение своей культуры – проблема не только малых групп. Удины являются примером её решения этой проблемы. Удины никогда не жили изолированно, и все-таки не смешались с другими более крупными этносами. Удины на сегодняшний день сохранили традиции, веру и язык, посредством которых смогли передавать из поколения в поколение знания и духовные ценности своего этноса.

Вид на Церковь Пресвятой Богоматери Марии после реставрации

«Фонд Гейдара Алиева» в рамках программы «Адрес толерантности – Азербайджан» в феврале 2020 г. в Нидже начал восстановление и реставрацию Церкви Пресвятой Богоматери Марии и двора вокруг нее и, несмотря на пандемию COVID-19, завершил работы к ноябрю. В советское время церковь использовалась как склад и медленно разрушалась: купол обвалился, на крыше выросли трава и деревья, стены начали осыпаться. Теперь над новым конической формы куполом установили албанский крест, который отличается от крестов других церквей. На каждом из четырех его концов по три острых лепестка: центральный – язык факела, крайние – рога (серпа) месяца. Эти узоры – реликты языческих культов народов Кавказской Албании, поклонявшихся Луне и огню. В стенах и сводах рабочие отыскали голосники – пустые глиняные горшки, которые служили резонаторами, улучшая акустику зала. При реставрации первого из трех ниджских храмов в 2006 г. их убрали, но здесь оставили на прежних местах. Также в церковный двор вернули купели: в этом месте из-под земли бьют сразу три ключа. Раньше там, где они сливались, совершали таинство крещения. Восстановленный храм передан Албано-удинской христианской общине Азербайджана.

Сегодня Азербайджан является одним из образцов толерантности и сотрудничества различных конфессий и культур. Удины представлены в лице Председателя общины в Высшем религиозном консультативном совете, принимают участие на сессии ЮНЕСКО, на различных международных конференциях, форумах и встречах.

В заключении следует отметить, что, несмотря на различие между религиями и конфессиями, неоспорима роль удин в создании государства Кавказская Албания, а также в сохранении на сегодняшний день мощного восточного христианского наследия, этнического языка, культуры, обычаев и традиций.

Удинская Церковь сегодня является составной и неотъемлемой частью Албанской Апостольской Автокефальной Церкви. В консолидации этногенеза азербайджанцев удины сыграли немаловажную роль, поэтому удины и азербайджанцы имеют вековые генетические связи. В последнее десятилетие удинский этнос переживает очередной пик ренессанса, характеризующийся всплеском национального самосознания и консолидацией этноса. Конгломерат ассоциаций гармоничных отношений разных народностей и различных конфессий, места компактного проживания удин как модель толерантности в мультикультуральной среде Азербайджана является ярким примером и оазисом этого явления. Несомненно, это и результат исторических импульсов великого албанского наследия, прошедшего сквозь века и сохранившегося в генах этого древнего народа, и повеление времени, дающее удинам возможность определить и сохранить свою нишу в модели этнокультурного пространства Азербайджана, являющегося его исторической родиной.

Албанский монастырский комплекс Дадиванк/Худаванк (Кяльбаджар). Посещение удинами после освобождения из оккупации

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев М.Е., Майсак Т.А., Ганенков Д.С., Ландер Ю.А. Удинский сборник /грамматика, лексика, история языка/. М.: Изд-во «Академия» РАН (Институт языкознания и Институт востоковедения России), 2008, 446 с.
2. Бежанов М. Краткие сведения о Варташене и его жителях / СМОМПК, вып.XIV, 1892, с.213-262.
3. Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь Баку: Элм, 1974, 260 с.
4. Гусейнов Р.А. Удины // ИРС («Наследие»). Международный журнал, №3 (33). М., 2008, с.22-25 www.udi.az
5. Данакари Р.А. Этническое бытие удин: опыт политико-философского и феноменологического исследования // Научный журнал. «Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведения». Волгоград, 2013, с.60-66 www.udi.az
6. Джавадов Г.Дж., Гусейнов Р.А. Удины. Историко-этнографическое исследование. Баку: Элм, 1999, 256 с. (на азерб. языке).
7. Дюма А. Путешествие на Кавказ /Перевод с фр. Г.Пашаева и Г.Аббасова на азерб. язык / Глава «Удины…». Баку: Элм, 1985, с.122-123.
8. Кечаари Г.А. Танец вокруг костра /Образцы удинского фольклора/. Гянджа: Изд-во «Агах», 2001, 78 с. (на азерб. языке).
9. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны Баку, 2005, 800 с.
10. Мобили Р.Б. Научная и общественная деятельность. Баку: Изд-во «Адильогды», 2008, 216 с.
11. Мобили Р.Б. Этнография удин // ИРС («Наследие»). Международный Азербайджанский журнал, №3 (33), М., 2008a, с.26-29 www.udi.az
12. Мобили Р.Б. Удины: язык, религия, фольклор и традиции// Культурологический журнал «Азербайджан и азербайджанцы в мире», №2, 2009, с.214-219.
13. Мобили Р.Б. Место и роль удин в Албанской (Кавказской) Церкви» / «European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches» (Европейские прикладные науки: современные подходы в научных исследованиях). 18-19 февраля 2013 г., Штутгарт (Германия), с.234-236 www.udi.az
14. Раффи. «Меликство Хамсы. 1600–1827 гг. М.: Изд-во «ЮниПресс СК», 2009, 223с.
15. Мобили Р. Албано-удинская христианская община – основа возрождения Албанской (Кавказской) церкви в Азербайджане» / Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012, с.165-172 www.udi.az
16. Мобили Р. Удинско–азербайджанско–русский словарь. Баку: Изд-во «Леман», 2010, 368 с.
17. Мобили Р. Удины: язык, религия и этнография». Баку: Изд-во «Леман», 2011, 80 с.
18. Флоренский П. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: 1992, 376 с.
19. РГИА (Росс. Государ. Истор. Архив): ф.796, оп.17, ед.хр.1821, лл.1-18 (1836 г.).
20. РГИА: ф.821, оп.150, ед. хр. 284, лл.33-42 (1914–1915 гг.).
21. РГИА: ф.821, оп.7, ед. хр. 232, лл.43 (1897–1910 гг.)
22. РГИА: ф.821, оп.138, ед. хр. 87, лл.1-19 и 106-110 (1810 г.)
23. РГИА: ф.735, оп.5, ед. хр. 269, лл.1-9 (1859 г.)
24. Mobili R. Geological interpretation of building materials of the historical Gabala–Sheki region in the ancient Caucasus Albania». DVD. 6–14 august 2008b. Oslo www.33igc.org
25. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahe J.P. The Caucasus Albanian Palimpsests of Mt.Sinai. Brepols, 2008, 2 vols., XXIV+530 p.

АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО

Вагабова Диляра
Ведущий научный сотрудник отдела «Теоретические и методологические проблемы истории науки» Института истории науки НАНА, доктор философии по искусствоведению

«АЛБАНСКАЯ ОРАТОРИЯ». СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА НАМИКА МАМЕДОВА

Имя Намика Мамедова, Заслуженного художника Азербайджанской Республики, Лауреата премии «Humay», заведующего кафедрой академической живописи и композиции Азербайджанской Государственной Академии художеств хорошо известно в Азербайджане, как в художественных кругах, так и широкому зрителю. О нем снимают телепередачи, пишут в популярных журналах. Выставочная деятельность художника уже насчитывает без малого 35 лет. Сегодня плотный график выставок Н.Мамедова, персональных и групповых, включает в себя такие страны, как Россия, Грузия, Турция, Германия, Франция, Норвегия, Дания. В этом смысле не будет преувеличением сказать, что на сегодняшний день Намик Мамедов – один из наиболее «открытых» азербайджанских художников, ведь на его счету уже двенадцать персональных выставок. К слову сказать, не всякий художник склонен к столь частому диалогу с широким зрителем. Персональные выставки Н.Мамедова проходят с завидной регулярностью, начиная с 1996 г., и это – симптоматично, ибо существенно характеризует самого художника, его позицию, его отношение к своему творчеству как неотъемлемой составляющей художественной жизни Азербайджана.

В чем же особенности творческого почерка этого мастера? Что делает его работы столь притягательными для зрителя?

Если окинуть взглядом произведения художника разных лет, то сталкиваешься с тем, что на протяжении всей своей активной творческой деятельности он периодически меняет свою манеру письма, так что весь творческий багаж Намика Мамедова сегодня представляет собой некую совокупность больших циклов, соответствующих тому или иному десятилетию. При этом циклы, создававшиеся на разных этапах творческого пути этого художника, совершенно равнозначны с точки зрения мастерства живописного исполнения, независимо от того, принадлежат ли работы раннему или более позднему периоду его творчества.

Картины 1990-х гг. составляют блестящий художественный ансамбль, состоящий из произведений разных жанров, но отличающийся целостностью в самом подходе художника к холсту. Это сложная, многослойная живопись, когда множество красок приведено к единому тональному знаменателю, и окончательный результат непременно отмечен ощущением таинства, происходящего на холсте. Натюрморты, пейзажи, фигурные композиции в одинаковой степени отличались гармоничным соотношением цветов, как правило, основанным на принципе контраста.

К концу 1990-х гг. происходит определенный отбор как в цветовых предпочтениях, характере наложения красок, так и в тематике, все более концентрирующейся на теме семьи и женских образах.

«Весна»

«Синий натюрморт»

Женщины и девочки, показанные в свободной живописной манере, в красно-желтой «пылающей» тональности прочно поселяются в мастерской художника, на многие годы став основной сферой притяжения его внимания.

Для азербайджанского искусства то был сложный, переходный период, когда живопись в азербайджанской художественной школе все еще оставалась ведущим видом изобразительного искусства, но произведения концептуального искусства все активней внедрялись в выставочное пространство. Традиции и новаторство мирно уживались на одних и тех же экспозиционных площадках, причем и то, и другое в одинаковой степени интересовало разные поколения художников: зрелые мастера все чаще пробовали свои силы в «новейших технологиях», в то время как молодые все глубже «вживались» в живописное ремесло, создавая многочисленные произведения высочайшего художественного качества.

На протяжении почти десяти лет с момента проведения первой в Азербайджане выставки концептуального искусства Намик Мамедов все так же предавался медитациям в красках, подобно дервишам следуя однажды избранному пути. В вечном споре «ratio versus sensus» – «разум против чувств» - художник предпочитал чувства, и живопись – «живое письмо» - представлялась как нельзя более органичной свойствам его характера: лирическое восприятие жизни, красота предметного мира, любовь и семья, наконец, вера и желание раскрыть сокрытое, сокровенное...

Но, как оказалось, не только человек манипулирует вещами. Сами вещи, несущие в себе определенную семантику, способны воздействовать на нас, гипнотизируя, внушая нам конкретные идеи и пробуждая в нас конкретные эмоции.

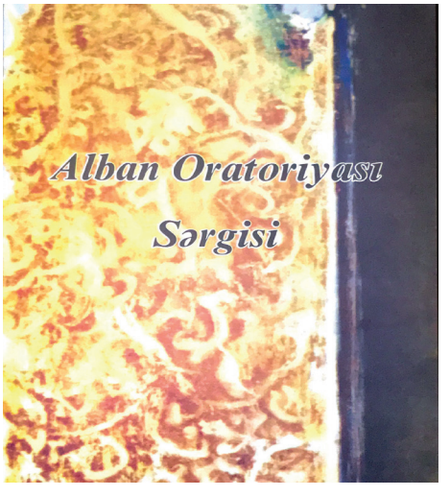
Манера изображения меняется. Вместо объемных, спонтанно рожденных энергичными мазками обнаженных – плоскостные, бестелесные фигуры-тени. На смену чувственности пришла эфемерность, «малиновая» страсть уступила место «голубой» медитации. Многочисленная серия таких «голубых» (или — «бирюзовых») композиций написана в одном ключе, суть которого можно определить как визуализация духовности. Удивительно, как при этом простейшая, элементарная, геометризированная манера письма рождает, в конечном счете, образы индивидуальные и острохарактерные. Еще более поразительно то, что посредством всех этих точек и черточек в элементарно нарисованных персонажах вдруг проявляется определенное психологическое состояние.

В результате, в картинах текущего десятилетия художник предстает в иной, новой ипостаси. Какие-то образы и темы, подобно «нитям памяти», тянутся из прошлого, из далеких 1990-х гг. Это, конечно же, темы семьи, любви, красоты (женской и окружающего мира) и тайны, живущей в них. Но появляются и новые, на первый взгляд, неожиданные персонажи, которые достаточно прочно внедрились в сознание художника, определяя тематику многих его картин последнего времени. Это образ солдата (в виде военного музыканта или охраны), это образ обывателей, наконец, это влюбленные - танцующие и поющие. Однако, сквозь все эти повседневные сцены просачивается легкий оттенок горечи, очевидной отчужденности автора от этого суетливого мира.

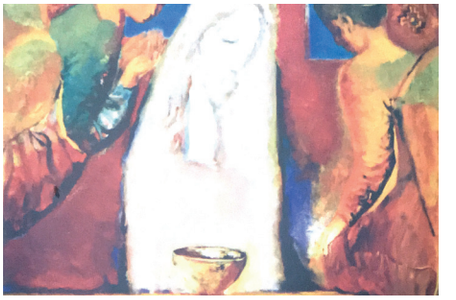

Тур Хейердал со своей супругой в мастерской Намика Мамедова. Баку, сентябрь 2000.

«Каманча»

«Грааль»

В инструментарии появился новый материал — емкий, фактурный, обладающий особым колоритом, который можно было бы обозначить как «отсутствие колорита». Это – газеты, клочками которых плотным слоем буквально «вымощен» фон на картинах Н.Мамедова.

Наиболее зримо такой аспект газетной субстанции художник выразил в своих холстах «Агрессия». В композициях люди сдавливаются, как будто на глазах у зрителя, «информационными полями», которые, подобно домкрату, неодолимо сжимают общество, превращая его в однородную массу.

В картине «Военный музыкант» фигура трубача в золотисто-малиновой гамме контрастно выступает на сером, «ординарном» фоне, составленном из обрывков газет. «Золотая» труба — сгусток солнечного света, физический и смысловой центр композиции, - показана как драгоценность, как нечто действительно важное, имеющее смысл.

В картине «Семья» сплоченная группа из четырех фигур, почти «замурованных» в газетный фон, как остров, на котором не врут, не лицемерят, не предают. В композиции «Десерт» между фигурами - «стена непонимания», сгущенное, душное пространство, сеющее разобщенность между участниками трапезы.

Художник на редкость устойчив в своем изобразительном ряде. Он мыслит теми цветами, которые имеют для него конкретный смысл, он строит композиции из определенных предметов, которые должны непременно сопутствовать друг другу. Так, женские образы в его картинах, как правило, сопровождаются изображением цветка. Это обычный цветок в горшке, вроде фикуса, который весьма широко распространен в повседневной жизни. Но в картинах Намика Мамедова он превращается в символ чистоты и божественности, подобно тому, как в средневековых композициях белая лилия сопутствовала изображению Богоматери.

Ассоциация с религиозным искусством здесь не случайна. Во многих картинах Намика Мамедова ощущается глубокая сакральность, хотя изображение как будто и не содержит в себе каких-то адресных символов. Тонкая духовность, внутренняя созерцательность, как будто зависшая тишина с полной очевидностью ощущаются при восприятии та-

«Жертвенный агнец»

«Побег»

«Благословение»

ких работ, как «В пути», «Прилетевший», «Бирюзовое пространство». И хочется здесь затаить дыхание, дабы не нарушить это хрупкое равновесие между телесным и бестелесным, между страстью и созерцательностью, между плотью и душой, составляющее основное содержание этих работ. Смысл в них не в изображении, не в цветовых соотношениях, а в чем-то ином, не выразимом словами, что, впрочем, и отличает живопись от вербального выражения.

Есть среди произведений Намика Мамедова цикл пастелей, называемый «Молитва». Над этим циклом художник работает почти всю свою сознательную жизнь. Монохромные, в охристой гамме листы содержат в себе разные мотивы: молящиеся, путники, музыканты. Пластические образы, едва проступающие из фона бумаги, неторопливой, бесконечной чередой сменяют друг друга, как ангелы-хранители, сопровождая художника на протяжении многих-многих лет. Все эти образы-фантомы, как будто вживую, в режиме реального времени, на глазах у зрителя возникающие и растворяющиеся в пространстве листа, со всей очевидностью свидетельствуют о некоем внутреннем видении художника, его тяготении к визуализации нематериального, духовного, незримого для обывателя мира.

Эта вера, «тайное знание» доступны не каждому, как и далеко не каждый способен их распознать. Как-то побывавшие в мастерской художника гости из Норвегии сумели все это прочувствовать, даже не подозревая, насколько скоро им доведется вспомнить об этих наполненных мистикой работах.

Этой истории уже без малого 20 лет. Среди норвежских гостей, побывавших в мастерской Намика Мамедова и по достоинству оценивших его работы, был знаменитый норвежский путешественник, исследователь, этнограф Тур Хейердал, который, посетив храм Св.Елисея в селе Киш, инициировал проект реставрации этого памятника албанской архитектуры с участием норвежского правительства.

Это стало знаменательным событием в политической и духовной жизни Азербайджана. Совместный проект между Азербайджаном и Норвегией по проведению археологических раскопок и реставрации храма был запущен в 2000 г. при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. С азербайджанской стороны организацией, ответственной за реализацию проекта, выступал Азербайджанский университет архитектуры и строительства под руководством ректора Университета, профессора Гюльчохры Мамедовой, с норвежской стороны основным фигурантом было Норвежское Гуманитарное общество по археологическим исследованиям и реставрации. Руководителем раскопок являлся доктор архитектуры, известный археолог, старший научный сотрудник Института Археологии и Этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана, профессор Вилаят Керимов [Гошгарлы, 2002, с.54-56; Мамедова, 2002, с.41-49; Керимов, 2003**].**

Свидетелем реставрационных работ стал талантливый азербайджанский композитор Галиб Мамедов, в результате чего им был создан целый ряд произведений, посвященных албанской тематике. В рамках программы азербайджано-норвежского сотрудничества он сблизился с норвежским писателем Эйвиндом Скейе, который стал автором либретто «албанских» сочинений Галиба Мамедова. Наиболее ярким, монументальным среди них является кантата «Ораториум Албанум», вдохновившая, в свою очередь, Намика Мамедова на создание серии «Албанская оратория».

Осло. Сентябрь 2004 г.

2004 11 DocScan.pdf

Kunstutstilling

i Fredrikstad domkirkes krypt

Oljemalerier og fettstifttegninger av Namik Mammadov, Aserbajdsjan

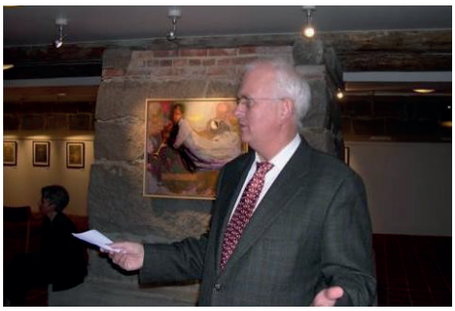
Høytidelig åpning fredag 5. november 2004 kl. 18:00

Åpningstider:

Fredag 5. november	kl. 18-21
Lørdag 6. november	kl. 10-15
Søndag 7. november	kl. 17-21
Lørdag 13. november	kl. 10-15
Søndag 14. november	kl. 12-15

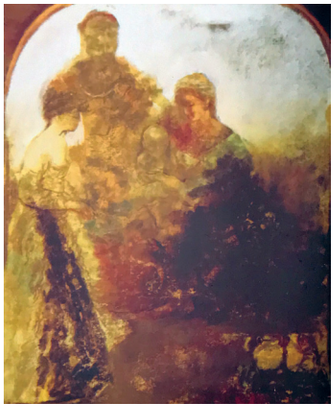
«Жертвоприношение»

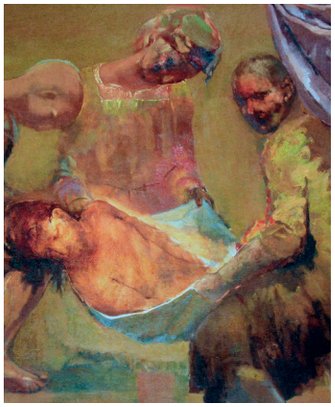
Писатель Эйвинд Скейе на выставке «Oratorium Albanum» в Фредрикстадском соборе. 5 ноября 2004 г.

«Вода жизни»

«Мать»

«Снятие с креста»

В качестве текста оратории Э.Скейе использовал подлинные тексты Ветхого и Нового Заветов. Однако, учитывая, что культура Кавказской Албании представляет собой конгломерат традиций и языков многих народов, сплав которых, в конечном счете, и составил генофонд традиционной азербайджанской культуры, композитор насытил величественную ткань хоралов интонациями ряда азербайджанских мугамов – Шур, Чахаргях, Баяты-Шираз, Хумаюн, а в качестве одного из солирующих инструментов ввел в партитуру кяманчу. Как писали музыкальные критики, в основе идеи «Ораториум Албанум» лежало осмысление важнейшего этапа истории Азербайджана – периода Кавказской Албании, явившейся одним из ранних очагов христианства на Кавказе.

Примечательно, что в цикле «Албанская оратория», состоящем из 30 работ – произведений живописи и графики, Намик Мамедов, как и композитор, попытался воссоздать исключительно авторскую интерпретацию общепринятой христианской иконографии.

25 сентября 2003 г. в Баку, в «Арт салоне», с большим успехом состоялась выставка «Албанская оратория».

Поразительно, как традиционные образы и сюжеты библейской и евангельской истории ни в коей мере не ассоциируются с какими-либо знаменитыми памятниками мировой культуры. Но и сугубо индивидуальное прочтение сакральной истории не лишает представленные образы глубокой духовной наполненности.

Это особенно касается работ, выполненных в технике пастели: фигуры-тени, едва проступающие на «истертых временем» «стенах», заставляют зрителя все глубже всматриваться, вчитываться и, в конечном счете, вдумываться в представленное на небольших листах действо. Здесь все наполнено особой тишиной, так что запечатленные образы, лишенные какой-либо стилистической ассоциации, как будто говорят здесь об одном: глубокой, универсальной, почти подсознательной укорененности идеи Божественного в нашей жизни, умах, душах.

Своеобразным продолжением выставки в Баку стала аналогичная выставка художника в Норвегии, проходившая там с 5 по 14 ноября 2004 г. Цикл «Албанская оратория» имел большой успех. Выставка была организована в городах Осло и Фредрикстад (во Фредрикстадском соборе). Сам факт демонстрации работ в храме существенно подчеркивал духовную значимость выставлявшихся произведений и особенно – сакральную сущность сюжетов, которым они были посвящены. О том, насколько большое значение этому показу придавала норвежская сторона, свидетельствует факт, что до открытия выставки Премьер-министр Норвегии г-н Кьелль Магне Бондевик (Mr. Kjell Magne Bondevik) принял художника вместе с супругой Нигяр-ханум. Выставку посетили многие норвежские художники, писатели, журналисты. В их числе был и один из наиболее авторитетных в Норвегии мастеров живописи Тарио Гростад.

Выставка в соборе получила широкое освещение в печати. Автор музыки «Албанской оратории» Галиб Мамедов так же приехал в Норвегию. В рамках этого события был организован культурный вечер, на котором не только обсуждались произведения Намика Мамедова, но и звучала фортепианная музыка в исполнении автора (Г.Мамедова). В целом, вечер был посвящен обсуждению древнего и средневекового периодов истории Азербайджана, и прежде всего – страницам, связанным с Кавказской Албанией.

…И сегодня художник полон сил и творческих идей, и кто знает, какие еще формальные и образные решения возникнут в моменты его блужданий в поисках духовности в этом бездонном мире под названием «живопись». Одно можно сказать точно: этот процесс неостановим, ибо можно ли остановить молитву?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гошгарлы Г. Кишский могильник // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. Issue №2, June 2002. Baku, 2002, с..54-56.
2. Мамедова Г. Отчет о ходе азербайджано-норвежского проекта «Киш» // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. Issue №2, June 2002. Baku, 2002, с.41-49.
3. Керимов В., Стурфиел Б. Киш. Баку: Изд-во «Чашыоглу», 2003, 183 с.

Баку. Музей современного искусства

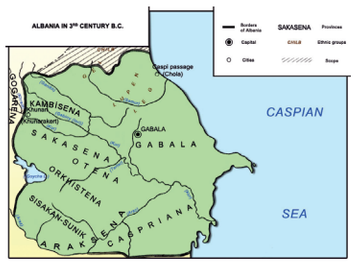
«Молитва»

Из цикла «Молитва»

Гаджиева Ульвия
Ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории

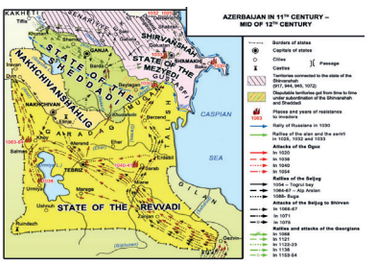
АЛБАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТЕРТЕРСКОГО И КЕЛЬБАДЖАРСКОГО РАЙОНОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

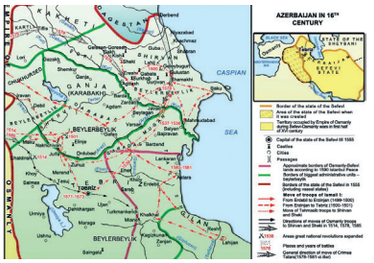
Карта 1. Албания в III в. до н.э.

Карта 2. Албания в V–VIII вв.

Карта 3. Азербайджан в XI–середине XII в.

Карта 4. Азербайджан в XVI в.

Албанские памятники старины, как левобережья Куры, так и Карабаха, являются составной частью этнокультурного наследия Азербайджана.

Следует отметить, что территория Тертерского и Кельбаджарского районов Азербайджанской Республики на протяжении веков являлась составной частью всех государственных образований, возникших в пределах от Дербента на севере до р.Аракса на юге и от Каспийского моря на востоке до границ Грузии: Албании (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.), Саджидов (IX–X вв.), Саларидов (X в.), Шеддадидов (XI–XII вв.) [Шарифли, 1978, с.30-89, 344], Атабеков–Ильденизидов (XII–XIII вв.) [Буниятов, 1978] Хулагуидов, Джалаиридов (XIII–XV вв.) [Пириев, 1987, с.98-105; Пириев, 2005, с.59; Piriyev, 2002], Гара-гоюнлу, Аг-гоюнлу (XV в.); будучи в составе Карабахско–Гянджинского беглярбекства в XVI–XVIII вв. в составе государства Сефевидов [Эфендиев, 1987, с.114; Карабах: история в контексте конфликта, 2014].

Население этого региона было многоэтничным и поликонфессиональным, что создало вековые традиции толерантности и заложило основу современного мультикультурализма в Азербайджане. На протяжении столетий параллельно шло формирование как христианской, так и исламской культур, которое нашло своё отражение в их взаимовлиянии в различных сферах, в том числе в архитектуре и в разных направлениях в искусстве, создав пёструю колоритную палитру этнокультурного наследия современного Азербайджана.

Албанская этническая группа сыграла важнейшую роль в этногенезе азербайджанского народа, являясь одним из его предков, а также оставила богатейшее историко–культовое наследие в архитектуре, как на левобережье Куры, так и в Карабахе (крепости, монастырские комплексы, церкви, часовни).

Следует отметить, что после падения албанской государственности в 705 г. [Каланкат., III, 12, с.254] на протяжении IX–XIII вв. в составе вышеуказанных азербайджанских государств возникли мелкие албанские царства-княжества, возглавляемые потомками албанских княжеских родов: Атрнерсех в Хачене, Кетритч в Гардмане, Степан Клиа в Утике, Есаи абу Муса в Арране, Сахл ибн Сунбат в Шеки, Арране, Сюнике [Каланкат., III, 22, с.278; Буниятов, 1965, с.184-194]. Один из сыновей владетеля Хачена Атрнерсеха – Григор-Хамама Благочестивый, внук Сахля «главы сюнийцев», князь «Малого Сюника и Агванка» в 886 г. «сделавшись албанским царем, возобновил разгромленное царство Албанское», «творил великие и щедрые благодеяния церквам, нуждающимся и неимущим» [Каланкат., III, 21]. Согласно ал-Мас’уди, его называли «великим князем Востока» и «царём Албании»; Асогик также именовал Хамама «царём

Агванка». Владения Григора-Хамама простирались от восточного побережья оз.Гейча на западе до подступов к г.Партав (Барда) на востоке [Каланкат., III, 22; Буниятов, 1965, с.189]. Арцах и частично провинция Ути перешли к его сыну–Сааку Севаде, чье царство длилось до XI в. [Каланкат.,III, 21, 22]. Он подчинил себе область Гардман в провинции Ути, области Кости и Парнаса в провинции Арцах, а также область Цорогета (Ширак) в Араратской провинции. К концу XII в. в Карабахе возникло Арцах-Хаченское княжество-царство, в бассейне рек Хачен-чай и Тертер, возрождение которого связано с правлением албанского князя Хасан Джалала (1214–1261), своей родословной восходящем к Михранидскому роду [Орбели, 1909, с.429; Орбели, 1963, с.157-158; Орбели, 1968, с.213; Mammedova, 1991, p.307-310; Мамедова, 2005, с.75, 223, 408-410]. В письменных источниках он был назван «князь князей», «царственно-блистательный», «князь стран хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь Албании», «великий окраинодержатель Албании» [Мамедова, 2005, с.408-413]. В дальнейшем вплоть до конца XVIII в. потомки албанских княжеских родов возглавляли феодальные владения в Карабахе, с XV в. получивших название меликств (Гюлистан, Джраберт, Хачен Варанда, Дизак) [Раффи, Mustafazadə, 2010, s.125-127].

Следует констатировать, что все албанские историко–культовые памятники нынешних Тертерского и Кельбаджарского районов Азербайджана, среди которых крепости албанских хаченских, атеркских и джрабертских князей, монастыри, церкви и часовни, освещенные в период независимого патриаршества албанских католикосов, были построены на протяжении V–XIII вв., а некоторые в XVII в.

Во второй половине XVIII в. возникло Карабахское ханство [Алиев, 1987, с.133, 136-138; Mustafazadə, 2010, s.28-51], которое было завоевано, оккупировано царизмом в 1805, 1813 гг. и, окончательно после Туркманчайского договора в 1828 г.

В ходе ряда политико–административных реформ в конце XIX– начале XX вв. территория нынешних Тертерского и Кельбаджарского районов входила в состав созданного в 1873 г. Джеваншир-ского уезда Елизаветпольской губернии [КК на 1878 год, 1877, с.323, 326, на 1910 год. Ч.1, 1909, с.483; ЭСБЕ, Т.Ха (1893), с.528, Мильман, 1966, с.157].

Джеваншир-ский уезд входил также в состав Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920).

28 апреля 1920 г. возникла Азербайджанская ССР, в составе которой в 1920 г. была учреждена Джеваншир-ская область, включающая в себя Тертерский округ. (1920–1922). В 1922 г. Тертерский округ был переименован в Джеваншир-ский в составе Агдамского (1923–1929) и Карабахского (1929–1930) округов.

8 августа 1930 г. была произведена административно-территориальная реформа, по которой были созданы Кельбаджарский р-н, расположенный в долине р.Тертер, на Малом Кавказе и Тертерский район с центром в г.Тертер, в западной части Кура-Аракской низменности, через которую протекают реки Тертер, Инджа-чай и Хачен-чай. После ряда переименований 7 февраля 1991 г. вновь было возвращено название «Тертерский район».

В 1923 г. была создана Автономная Область Нагорного Карабаха, переименованная в 1936 г. в НКАО [К истории образования НКАО, 1989], в Мардакертский район которой была включена часть сёл Джеваншир-ского округа.

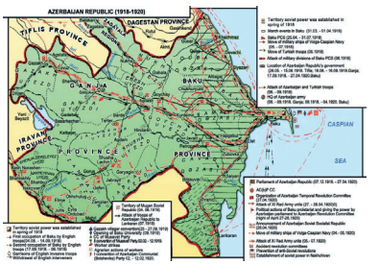

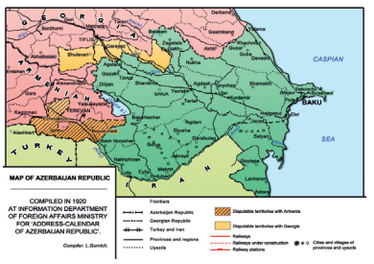
Карты 5. Оккупация Северного Азербайджана царизмом

Карта 6. Джеванширский уезд Елизаветпольской губернии. 1903 г.

Карта 7. АДР (1918–1920)

Карта 8. Азербайджанская ССР. 1920 г.

5 февраля 1991 г. за №4-XII Верховный Совет Азербайджанской ССР принимает закон об изменении названия республики как «Азербайджанская Республика».

30 августа 1991 г. была принята «Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» и создана парламентская республика с президентским управлением.

26 ноября 1991 г. Верховный Совет Азербайджана принял закон об упразднении НКАО [Цуциев, 2006, с.90] и переименования Мардакертского района в Агдеринский с центром в г.Агдере (бывший п.г.т.Мардакерд). В него входили г.Агдере, 2 посёлка городского типа Мадагиз и Ленинаван, около 61 села. Ленинаван 29 декабря 1991 г. был переименован в Шихарх (Şıxarx).

Постановлением Милли Меджлиса Азербайджанской Республики за №287 от 25 августа 1992 г. Тертерскому району были переданы населенные пункты Шихарх (Şıxarx), Гасангая, Чайли, Сейсулан, Талыш, Гармираван и Магавуз Агдеринского района.

Постановлением за №327 от 13 октября 1992 г. был упразднен Агдеринский район, территория которого разделена между Тертерским, Кельбаджарским и Агдамским районами [Azərbaycan Respublikasının inzibati ərazi bölgüsündə qismən dəyişiklik edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Milli Məclisinin qərarı. № 327. Bakı şəhəri, 13 oktyabr 1992-ci il].

Согласно указу 13 октября 1992 г., в состав Тертерского района было включено около 28 населённых пунктов, включая г.Агдере, один посёлок и ряд сёл, среди которых: Умудлу (Umudlu), Зейлик (Zəylik), Метсшен (ныне Улу Гарабей) /Metsşen (Ulu Qarabəy), Мохратаг (ныне Кичик Гарабей)/Möhrətağ (Kiçik Qarabəy), Агабейелендж (ныне Агабейялы)/Ağabəyələnc (Ağabəyyalı), Магавуз (ныне Чардахлы) /Mağavuz (Çardaqlı), Акоп Камари (ныне Люлясаз)/Akop Kamari (Lüləsaz), Мингрелск (ныне Мегрелалай)/Minqrelsk (Meqrelalay), Неркин Оратаг (ныне Ашагы Оратаг)/Nerkin Oratağ (Aşağı Oratağ), Касапет (Qasapet), Джанятаг (Canyataq), Демирли (Dəmirli), Гюлатаг (Gülyataq). В некоторых из них до сих пор сохранились албанские памятники старины.

Однако весь Карабах (нагорный и равнинный) был оккупирован армянскими вооружёнными силами в течение почти 30-ти лет до осени 2020 г., когда под руководством Президента Азербайджана и Доблестного Верховного Главнокомандующего, Великого Полководца-освободителя Ильхама Алиева Победоносная Азербайджанская армия в течение 44 дней (27 сентября – 10 ноября) освободила районы: Джебраильский с г.Джебраил (04.10.2020), Физулинский с г.Физули (17.10.2020), Зангеланский с г.Зангелан (20.10.2020), Губадлинский с г.Губадлы (25.10.2020), ряд сёл Ходжалинского (27.09.2020; 07-09.11.2020), г.Гадрут (09.10.2020) и ряд сёл Ходжавендского (14-16, 20, 23, 27-31. 10.2020; 07-09.11.2020) и жемчужину Карабаха – город Шушу (08.11.2020).

Согласно трёхстороннему заявлению от 10 ноября 2020 года Азербайджану были возвращены районы: Агдамский с г.Агдам (20.11.2020), Кельбаджарский с г.Кельбаджар (25.11.2020), Лачинский с г.Лачин (01.12.2020); а также районы Ходжавендский, Ходжалинский, Тертерский, Ханкенди (10.11.2020), часть территорий которых сейчас находится под контролем российских миротворцев.

В ходе Отечественной войны 3 октября 2020 г. с.Мадагиз Тертерского района было занято азербайджанскими войсками и согласно указу от

7 октября 2020 г. переименовано в Суговушан. 9 октября от оккупации было освобождено с.Чайлы. В целом осенью 2020 г. был установлен контроль Азербайджана на северо-востоке Тертерского района над сёлами: Суговушан (Suqovuşan), Талыш (Talış), Шихарх (Şıxarx), Чайлы (Çaylı), Хасангая (Həsənqaya).

Карта 9. Тертерский район

Карта 10. Карабах

На сегодняшний день согласно административно-территориальному делению Азербайджанской Республики, Тертерский район включает в себя 2 города (Тертер и Агдере), посёлок и 74 села [İnzibati ərazi bölgüsü təsnifatı, 2020, c.95-96]. Однако сёла Гызылоба (Qızıloba) и Сейсулан (Seysulan) оказались на линии соприкосновения, а 18 населённых пунктов, в части из которых находятся албанские памятники старины, оказались под контролем российских миротворцев.

На протяжении десятилетий XX – начала XXI вв. азербайджанские историки, архитекторы, археологи, антропологи, искусствоведы не имели возможность досконально исследовать все албанские памятники старины Карабаха, сведения о которых сохранены в письменных источниках VIII–XIX вв. и в некоторых изданных трудах. Препятствия создавали власти НКАО, не допуская именно азербайджанских учёных, в то время как проводился планомерный процесс григоринизации албанских памятников с привлечением учёных из Армении, не раз посещавших Карабах: 1) стирание текстов подлинной эпиграфики на них и замена на тексты, указывающие на принадлежность храмов армянам; 2) замена албанских крестов на армянские и незаконный вывоз албанских крестов в Армению с дальнейшим демонстрацией их в музеях, как подлинно армянское наследие; 3) монтирование армянских крестов на албанских монастырях и на ряде больших церквей.

В период оккупации было осуществлено варварское уничтожение почти всех памятников мусульманской культуры Карабаха, проведены незаконные археологические раскопки с привлечением зарубежных учёных и незаконный вывоз обнаруженных здесь артефактов различных периодов (палеолита, неолита, бронзы и др.) в Армению, которые были неправомерно объявлены принадлежащими истории армянской культуры. С целью придания албанским храмам облика армяно-григорианских был произведён ремонт (а не реставрация) ряда крупных монастырей и церквей Карабаха, об албанской принадлежности которых свидетельствуют данные письменных источников VIII–XIX вв. Что же касается большого количества более мелких албанских церквей и часовен, то к ним было проявлено полное пренебрежение: на их стенах оставлены различные непозволительные в культовых храмах надписи на русском и армянском языках, доказывающие, что в целом албанское наследие не является этнокультурным наследием армян.

Вся политика в отношении мусульманского и албанского культового наследия Карабаха преследовало лишь одну цель – территориальное отторжение всего Карабаха (нагорного и равнинного) с нарушением всех международных прав и незаконное присоединение этих земель к Армении.

Следует отметить, что на территории нынешнего Тертерского района Азербайджана находятся следующие албанские памятники старины.

Село Талыш, в раннем средневековье именуемое Урекан, упоминается в «Истории албан» М.Каланкатуйского и от этого названия происходит наименование монастыря Глхованк/Урекванк. В позднее средневековье это село было резиденцией меликов Гюлистана – Мелик-Бегляровых, которые, как пишет Раффи, этнически были удинского происхождения.

Монастырь Глхованк/Урекванк (V в.) был построен на северном склоне лесистой горы за с.Талыш. Название его (глхо-голова, ванк-храм) было связано с преданием, упомянутым в «Истории албан» о приобретении мощей св.Елисея, над которыми и был построен этот монастырь на месте более ранней церкви. На это указывают сведения

Каланкатуйского и епископа Бархударяна о том, что при обнаружении группой священников мощей св.Елисея в с.Гоменк (ныне с.Бум Габалинского района) священник Стефан из с.Урекан украл его голову и привёз в храм своего села, после чего тело святого также было перенесено сюда, т.е. из Габалы в Карабах. Позже мощи св.Елисея были перевезены в монастырь Нерсхмихра /Джрвиштик, вследствие чего получившего название Св.Елисея (Егиш Аракел) [Каланкат., I, с.7-8; Бархударянц, 1893, с.256, 280]. Монастырь Глхованк/Урекванк состоял из церкви, притвора, колокольни, обширного кладбища и других разрушенных зданий, обнесённых крепостной стеной. Надпись над входом, сохранившаяся до конца XIX в., свидетельствовала, что монастырь достраивался до XIII в. [Бархударянц, II, 241]. Бархударянц сообщает, что «в притворе погребены тела многих епископов, дьяконов, так что весь пол замощен надмогильными плитами. Здесь похоронены не только покойники из членов братии, блестящее место занимают гробницы славного рода Мелик-Бекляровых своими прекрасными памятниками и длинными надписями, и узорчатыми надмогильными плитами» [Бархударянц, II, 241-242].

К северу от этого монастыря находился замок-резиденция меликов Гюлистана, построенный в начале XVIII в. и представляющий собой комплекс с башнями, обнесённый стеной, известный под названием Карабург (четырехбашенная) [Бархударянц, II, с.231; Мкртчян, 1988, с.59-61].

Монастырь Св.Елисей (Егиш Аракел) V в. был построен у подножья Муровдага албанским царём Вачаганом III, в «Истории албан» названный святой обителью Нерсхмихра/ Джрвиштик. В наименовании храма было добавлено Св.Елисея, что связано с перенесением сюда его святых мощей, как указано выше [Каланкат., I, с.7-8]. Комплекс состоял из церкви, 7 часовен, кладбища и разрушенных зданий. По обеим сторонам церкви были расположены три часовни, служившие усыпальницей. В одной из них находилась усыпальница Вачагана III, в двух других – джрабертского мелика Атама и епископа Меликсета. Как писал Бархударянц, «в 3-й часовне находится могила агванского царя Вачагана III, на которой лежит трехугольная надмогильная плита, изготовленная особо тщательно и гладко отполированная (длина 1м 60 см), но без надписи. Возле этой плиты находится каменный крест-памятник, замечательный не только своей отдаленной древностью, но и своей архитектурной формой искусства древней скульптуры. На лицевом камне этой часовни, имеющей единственную скинию написано: «Это могила царя Вачагана III». Вблизи монастыря находились развалины часовни Ухти-матур [Бархударянц, II, с.246-249].

Монастырь Св.Елисея/ Джрвиштик

Вблизи находилось с.Тутот, в котором была построена ***церковь Котрац ехци*** (XIII в.) [Мкртчян, 1988, с.56-57].

Монастырь Анапат-пустынь был построен к северо-западу от Джраберта, включающий в себя однонефную базилику и монашеские кельи.

Монастырь Ерек манкунк/ Ериц манканц («Трех отроков») находится вблизи Джраберта и был построен в XVII в. Согласно сведениям Бархударянца, на фасаде скинии была надпись: «…в

Монастырь Ерек манкунк/ Ериц манканц (Трех отроков)

1113 (1664) г. была заложена сия церковь во славу Иисуса…»; на лицевом камне над входом было: «В 1140 (1691) г. во времена шаха Сулеймана великого царя Персии я Симеон милостью Божьей католикос Агванский построил сию церковь…» [Бархударянц, II, с.244-245]. Он представляет собой трёхнефную купольную базилику с ассиметричной конструкцией.

Село Суговушан (Мадагиз) известно тем, что в его северо-западной части в средневековье была построена церковь Св.Елисея.

Церковь Св.Елисея

Село Дютакан, расположенное в лесу между селениями Талыш и Суговушан (Мадагиз), являлось летней резиденцией албанского царя Вачагана III. Здесь находятся развалины церкви XII в. [Бархударянц, II, с.242].

Село Магавуз (Чардахлу). Считается, что либо само это село, либо вблизи него находилось древнее поселение Каланкатуйк, известное, как родное село автора «Истории албан», в котором в раннем средневековье была либо церковь, либо монастырь. Об этом свидетельствуют данные о том, что на Агуэнском соборе V в., созванного албанским царём Вачаганом III, присутствовал «иерей Каланкатуйка» [Каланкат., I, 26, с.66]. Ч.Доусет, основываясь на мнении В.Б.Хенинга, полагает, что прозвище Каганкатваци относится к названию монастыря Каланкатуйк, членом которого был Моисей [Dowsett. C.J.F. The Albanians Chronicle of Mkitar Gos. BSOAS, XXI, 1958, p.476; p.XIX; Мамедова, 2005, с.32].

В местности, называемой Ханегях, между с.Магавуз и Мецшен, находились развалины городища Кахакатех. Среди развалин находился ***дворец меликов Джраберта*** [Бархударянц, II, с.232, 235; Мкртчян, 1988, с.52, 58].

Еще ***два дворца меликов*** Джраберта были построены в с.Мохратаг (ныне Кичик Гарабей) и в местности Майракахак – ***крепость Калакатеги*** [Бархударянц, II, с.234, 251], а также ***крепость Джраберт*** на вершине скалы в месте слияния рек Тертер и Турагайчай [Бархударянц, II, с.251-252].

Крепость Джраберт

В с.Мецшен в XVII в. была построена каменная ***церковь Св.Георгия***, сооруженная на 4х колоннах [Бархударянц, II, с.231]. В с.Кусапат (Qasapet) на левом склоне узкого водного ущелья в XIII в. была построена каменная, сооруженная на 4х колоннах, ***церковь Св.Богородицы*** [Бархударянц, II, с.227]. На г.Бешик-даг находилась ***церковь VII в.,*** а восточнее родника Шахбулаг – развалины башни албанского князя Хамама [Мкртчян, 1988, с.64].

Карта 11. Кельбаджарский район

Сейчас Кельбаджарский район Азербайджанской Республики граничит с Тертерским, Агдамским, Ходжалинским, Лачинским, Дашкесанским, Гёйгёльским, Геранбойским районами и юридически включает в себя г.Кельбаджар, п.г.т. Истису и 145 сёл [İnzibati ərazi bölgüsü təsnifatı, 2020, c.63-64].

Согласно данным на 1980 г., в район (1936 кв. км.) входили г.Кельбаджар, п.г.т.Истису и 122 села. Население составляло 40,3 тыс. человек: азербайджанцы (103 села), курды (7 сёл), айрумы (12 сёл)[1].

Таким образом, на территории Кельбаджарского района в пределах указанной территории армяне до 1992 г. не жили вообще.

Следует отметить, что в 5-ти азерб. сёлах Гюнешли, Гасымлар, Дашбулаг, Хаджикенд и Ганлыкенд сохранились албанские памятники. Сёла Гюнешли и Гасымлар до 1992 г. назывались *Кильсели* потому, что на территории каждого села имелось несколько албанских церквей. Прежнее название с.Дашбулаг также было *Кильсели,* т.к. здесь находилась албанская церковь. Село Хаджикенд имело прежнее название *Сыныгкильсе*, что было связано с развалинами албанской церкви на территории села.

Вблизи с.Ганлыкенд (Qanlıkənd), именовавшегося также Лев, Кнараван (Knəravan), находятся развалины ***крепости Андаберд/Хандаберд***, построенной албанским князем Атрнерсехом в IX в. на вершине лесистой и крутой горы, в 600 м от правого берега р.Левчай, в связи с чем крепость также называлась Лек, Лок. Тропа, ведущая к крепости, тянется под юго-западной крепостной стеной с северной стороны. На территории крепости сохранялось несколько каменных надписей, одна из которых гласила о том, что тут похоронен «католикос Агванский Степаннос». Известно пять патриархов Албанской Церкви с этим имени: I (993–1079), II (1129–1131), III (1155–1195), IV (1262–1323), V (около 1476) [Никоноров, 2005, с.181].

Крепость Андаберд/ Хандаберд

Восточнее этой крепости, в 0,5 км южнее правого берега р.Левчай, посередине долины, обрамленной лесистыми горами находятся развалины ***монастыря Андаберд,*** построенного из необработанного и грубо обработанного камня на известковом растворе и состоящего из купольной церкви и часовни.

Монастырь Андаберд

[1] *Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. İki cilddə. I. Bakı: Şərq-Qərb, 2007;*
Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. İki cilddə. II. Bakı: Şərq-Qərb, 2007;
Kəlbəcər rayonu /Azərbaycan Sovet Ensiklopediya. T.V. / Red. C.Quliyev. Bakı: Azərbaycan Sovet ensiklopediya baş redaksiyası, Bakı, 1981, s.334.

Согласно Постановлению за №327 от 13 октября 1992 г. Кельбаджарскому району были переданы 23 села Агдеринского района, в ряде из которых находились албанские памятники старины: Чаректар, Гозлу (Вагауз), Котаван, Юхары Оратаг (Верин Оратаг), Гызылгая (Арутунагомер), Яйыджи (Гочогот), Деведаши (Погосогомер), Хейвалы (Дрмбон), Чылдыран, Мехмана, Довшанлы (Арачадзор), Хаят, Базаркенд (Томагахог), Шахмансурлу (Шахмасур), Ванклу, Чорманлы (Гарнакар), Имарет Гарвенд, Зардахач, Чапар, Хасанриз (Атерк), Нарынджлар (Нарештар), Дамгалы, Колатаг. В результате этого район стал включать 3050 км и 145 сёл.

Однако в 1993–2020 гг. Кельбаджарский район был оккупирован вооруженными армянами и переименован в Шаумяновский: ряд азербайджанских сёл и 23 села Агдеринского района (согласно указу 1992 г.) были включены в так называемый Мардакертский район.

25 ноября 2020 г. Президент Азербайджана и Доблестный Верховный Главнокомандующий Ильхам Алиев в обращении к народу заявил о полном переходе под контроль Азербайджанской армии Кельбаджарского района. В числе возвращенных сёл были: Гылынджлы, Надирханлы, Гамышлы, Зульфугарлы, Баглыпяйя, Ганлыкенд, Зар, Сеидляр, Алмалыг, Сыныгкильсе, Чайкенд; а из 23 сёл (согласно указу 1992 г.) – только 17 сёл. В зоне контроля российских миротворцев остались сёла Ванклу, Чаректар, Имарет Гарвенд, Чапар, Дамгалы, Зардахач, Котаван.

Сейчас на территории Кельбаджарского района находятся следующие албанские историко–культовые памятники.

Село Ванклу. В этом селе албанский князь Хасан Джалал построил ***Гандзасарский монастырь*** во имя св.Иоанна Крестителя в 1216–1238 гг., в эпиграфике которого было написано: «Я смиренный раб божий Джалал Дола, сын Вахтанга, внук великого Асана, коренной владетель высокой и великой Арцахской страны, царь и в многопредельной области; отец мой завещанием поручил мне и матери моей Хориша, дабы мы построили сию церковь на могиле отцов наших в Гандзасаре, к чему мы приступили в 665 (1216) г. …Сия церковь освещена в 689 (1240) г. в патриаршестве тер Нерсеса – католикоса Агванского» [Бархударянц, I, с.154-156, 160, примеч. 403]. Князь Хасан Джалал щедро одарил обитель пахотными землями, серебряной священной утварью, которая подробно перечисляется в надписи. Этот монастырь был построен напротив крепости Хоханаберд на месте более древней церкви IX–X вв. [Орбелян, 1910, с.278-279] и усыпальницы рода хаченских князей. Здесь был погребён Хасан Джалал, убитый в Казвине в 1261 г. по приказу Аргуна, тело которого было доставлено его сыном Атабеком [Бархударянц, I, с.157, примеч.19, 403]. Гандзасарский монастырь до 1836 г. был центром Албанского католикосата, последним патриархом которого был Саркис (Сергей) Хасан Джалал, погребенный здесь в 1828 г. [Бархударянц, I, с.5-6; Мкртчян, 1988, с.14-18; Мамедова, 2004, с.29]. Монастырь служил усыпальницей погребённых в притворе албанских католикосов, о чём свидетельствуют данные епископа Бархударянца: «Григорий католикос Агванский, в 1120 (1653) г.»; «Сия могила Еремии католикоса Агванского из рода Джалал Дола в 1149 (1700) г.»; «сия есть могила Есайи католикоса Агванского рода Джалал Дола в 1177 (1728) г.»; «католикос Ованнес» [Барх, ч.I, 157]; «католикос Давид, сын Багдасар-бека»; «Сия есть могила Ованнеса католикоса Агванского из рода Джалал Долы в 1235 (1786) г.»; «Сия есть могила Саркиса католикоса Агванского в 1277 (1828) г.»; здесь также могила «митрополита Багдасара архипастыря Императором увенчанного пастырём, начальника Дома Агванского из рода великого князя Джалала владетеля Арцахской страны в 1303 г. (1854) г.» [Бархударянц, I, с.157].

Гандзасарский монастырь

Дворец Хасан Джалала /Крепость Хоханаберд или Тархана-кала был построен Хасан Джалалом на вершине горы, как резиденция княжества вблизи с.Ванклу, напротив Гандзасарского монастыря. Внутри крепости, в нескольких метрах от развалин дворца находились ***2 церкви-базилики*** средних размеров. Епископ Бархударянц в конце XIX в.

отмечал, что это «просторное сооружение, которое состояло из многочисленных комнат, примыкающих к крепостной стене и возведенных из камней на известковом растворе. Наиболее привлекательным во дворце Джалал-Долы является приёмная и одна из комнат, которые отражают архитектурный стиль времени. Комнаты имеют прочные высокие стены и сводчатые перекрытия. Подпружные арки, осуществленные отесанными клиньями, опираются на тонкие и искусно обработанные капители. Окна очень узкие и редкие. Конкретное число комнат не удалось выяснить, поскольку все они покрыты густой зарослью, деревьями и кустами малины. Проводить исследования без удаления зарослей невозможно» [Бархударянц, II, с.210]. С тех пор этот албанский памятник старины разрушился до основания.

Развалины дворца Хасан Джалала /крепости Хоханаберд

В 30-ти км от крепости была ***наблюдательная башня***.

Развалины дворца дочери Хасан Джалала Рузан находятся рядом с крепостью.

Развалины дворца Дарпаснер, принадлежащий роду Хасан Джалала, находятся к северу от крепости, на живописном скалистом холме. Архитектурные особенности этого княжеского дворца были использованы позднее при строительстве дворцов меликов Карабаха. Аналогичные ***две базилики*** построены недалеко от Дарпаснера на левом берегу р.Хачен в местности под названием Керахани Арт [Мкртчян, 1988, с.20-23].

Монастырский комплекс Аваптук XII в. (небольшая церковь, притвор и маленькая церквушка) был построен в 5 км южнее Гандзасара, на вершине горы. Согласно сведениям Бархударянца, в конце XIX в. на лицевом камне двери малого алтаря сохранялась надпись: «В 612 (1163) г. в княжестве Асана сына Вахтанга и супруги его Мамкан, я Иоанн племянник Григория и племянник Геворк и мы прочие монахи построили сии церкви во спасение душ наших и в память наших родителей» [Бархударянц, I, с.161]. Согласно другой надписи, церковь, была восстановлена 1223 г. при Хасан Джалале. Монастырь Аваптук также был княжеской родовой усыпальницей.

Монастырь Аваптук

В окрестностях Гандзасара была построена ***церковь Мукдиси***, к юго-западу от с.Ванк находилась ***крепость Рузан*** (дочери Хасан Джалала) с церковью (XIII в.).

Развалины поселения городского типа Вачар, в котором Хасан Джалал в 1229 г. построил церковь, к южной стене которой примыкала маленькая часовня под названием ***Вачар-Цмакаох*** (церковь Св.Степаноса и церковь Манка) находятся восточнее Гандзасара [Мкртчян, 1988, с.23-24].

Село Колатаг является одним из древних поселений Хачена, албанские памятники которого относятся к IX–XVIII вв. В селе находились развалины ***часовни*** и хачкары XII в. В окрестностях села, в лесах на вершинах холмов были построены мона-

стырь-***пустынь Кошик Анапат*** XII в., ***монастырь Св.Якоба (Акоб Мец-и анац или Мец-Аранц)***; крепости хаченских князей ***Качахакаберд, Натарин, Дет, Циранакар***.

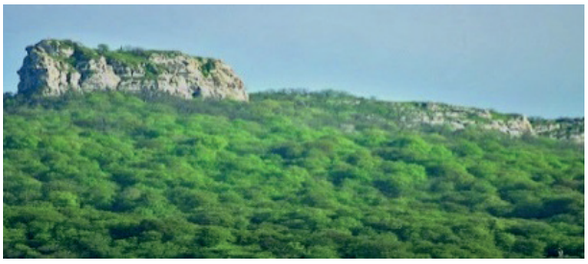
Монастырь-пустынь Кошик Анапат XII в. был построен в 8-ми км от с.Колатаг в лесу на холме. Он состоял из трёх церквей и трёхарочного притвора-часовни, обведённых каменной оградой. К часовне примыкала трапезная, к северо-западу находились развалины келий и других построек.

Монастырь Св.Якоба (Акоб Мец-и анац или Мец-Аранц) XIII в. был построен на лесистом отроге к северу от с.Колатаг, вблизи правого берега р.Хачен-чай. Согласно сведениям Бархударянца, в конце XIX в. над дверью второго храма снаружи была надпись: «661 (1222) г. я Хориша супруга Вахтанга, владельца Хачена, дочь Саркиса, сестра Захария и Иванэ вновь построила сию церковь мец-аранцев» [Бархударянц, I, с.152]. Основная часть сооружений была построена в XII–XIII вв. Монастырь состоит из двух церквей, двух притворов, жилого отсека, хозяйственных помещений, обнесенных стеной. Первая церковь называется Св.Якобом, к северной стене которой примыкают маленькие кельи, представляющие собой более древнее построение. Этот монастырь являлся епархиальным центром, в XIII в. был резиденцией албанского католикоса [Мкртчян, 1988, с.25-27]. Некоторые архитектурные особенности этого храма напоминают монастырь Худаванк/ Дадиванк, что подтверждает общность албанских строительных традиций. К северной стене притвора первой церкви примыкает вторая церковь, имеющая трёхарочный притвор и притвор-часовню. Один из притворов второй церкви служил усыпальницей знати и, согласно сведениям Бархударянца, некоторых албанских католикосов «Ованнес, Аристакес, Симеон 1060 (1611) г.» [Бархударянц, I, 152]. Кельи монахов располагались к востоку от церквей на низменности.

Крепость Качахакаберд (Хаченская крепость IX в.) построена на вершине горного хребта, покрытого лесом, напротив монастыря Акобаванк/ Мецаваниц (св.Якоба) [Бархударянц, II, с.209].

Вблизи с.Колатаг в лесах были построены ***церкви Хндзани*** и ***Матури***, на холме – ***церковь Ехцун Хут***, в еще одна ***церковь*** в местности Зарунц-тап. К востоку от с.Колатаг у слияния рек Хачен и Колатаг сохранились развалины ***крепости XIII в.*** К югу от села на холме была построена ***часовня***.

В окрестностях селений с.Довшанлы (Арачадзор), Кичан, Чылдыран, Гюлатаг, Мохратаг, Кусапат, Казанчи находился ряд албанских памятников старины.

Крепость Качахакаберд (Хаченская крепость IX в.)

В с.**Довшанлы (Арачадзор)** была построена трёхнефная ***базилика Св.Борогодицы*** (Сурб Аствацацин) XVIII в., а на южной окраине села, под скалой расположена ***церковь Харва-Анапат (пустыня),*** состоящая из ***двух пещерных часовен XIII в.***

В 3х км от с.Кичан, к северо-востоку от склона был расположен ***монастырь Анапат*** XII в., состоящий из 2х церквей, притвора, трапезной, келий [Мкртчян, 1988, с.29-30].

На месте старого с.Мохратаг был построен ***дворец меликов*** [Бархударянц, II, с.229-230]. Рядом с с.Нор-Мохратаг в с.Мецшен в XVII в. была построена ***церковь св.Георгия*** [Бархударянц, II, с.231].

В с.Чылдыран сохранялись следы крепости, в окрестностях села – ***церковь Кармир*** (XIII в.); в долине между с.Чылдыран, Деведаши, Кочохот, Хейвалы – ***церковь Аменапркич*** (XII–XIII вв.).

Село Казанчи, на левом берегу р.Хачен, у северного подножья г.Чобан-даг (Ванкасар) известно тем, что здесь находились ***базилика Св.Георгия*** XIII в. и на холме – ***церковь Кармир*** [Бархударянц, II, с.225]. В с.Гюлатаг находился ***меликский дворец*** [Бархударянц, II, с.226-227].

Долина р.Тертер изобилует множеством албанских памятников старины: княжеская резиденция в с.Цар с церквами Св.Сергия (Саргиса), Св.Григора, Св.Богородицы и монастырем Гетамич (XII–XIII вв.); монастырь Худаванк/Дадиванк, напротив которого были крепость Левонаберд, вблизи монастырь Хатраванк и крепость Хатра.

Монастырь Худаванк/Дадиванк (VI–XIII вв.), находящийся в с.Ванк, по преданию был основан в I в. учеником апостола Фаддея по имени Дади, который этнически был иудеем, отсюда и особенность его имени. Храм был построен на месте языческого святилища, на протяжении веков именовавшегося

Худаванк, Хотаванк, Готаванк, в значении «храма Бога», «Небесного храма». Как писал Бархударянц, «неизвестен год постройки, т.к. древность эта в разные времена постепенно реставрировалась, таким образом, древность целиком исчезла» [Бархударянц, ч.II, с.215]. С 1142 г. во главе Арцах-Хаченского княжества стоял х'Асан, сын Сакара Вахтанга. х'Асан женился на Мама-Хатун, дочери царя Кюрике. В 1182 г. х'Асан, после 40-летнего правления, вместе со своей женой постригся в монахи. У него было шесть сыновей. Следует отметить, что х'Асан именует себя владетелем крепости х'Атерк, х'Андаберд, Хаченаберд и х'Авкахагац. Один из сыновей х'Асана – Вахтанг, прозванный Танкик или Тонкик, владетель Нижнего Хачена, женился на Хоришах, сестре знаменитых в истории Кавказа братьев Захарии Спасалара и Иванэ Атабека Долгоруких-Аргутинских. У Вахтанга от брака с Хоришах было три сына и три дочери. Одним из трёх сыновей был Хасан Джалал, род которого имел родственные связи с влиятельными домами той эпохи, как отмеченными Аргутинскими-Долгорукими, так и с родом Орбели – правителями Сюника [Мамедова, 2005, с.405, 408-409]. Эта историческая справка о Арцах–Хаченском княжестве-царстве дана для того, чтобы еще раз напомнить, что вся эта информация содержалась в эпиграфике монастыря Хутаванк/Дадиванк еще в конце XIX в. и была зафиксирована и передана в труде «Арцах» епископа Бархударянца. Он даёт следующее описание: монастырь «имеет старинную ограду», «в (663) 1214 г. по приказанию благочестивой супруги царевича Вахтанга при монастыре была сооружена на 4х колонах из тесаного камня дивная пристройка»; «храм и притвор были построены по приказанию Арзу-хатун в качестве усыпальницы Вахтангова рода»; «колокольня построена на том же очень древнем, узком и длинном монастыре, который был основан во имя апостола Дата и затем неоднократно реставрирован. Епископ Григорий (XVI в.) построил церковь на 4х колонах невдалеке от этих монастырей». В XII в. «настоятелем монастыря был сын царевича Вахтанга епископ Григорий» [Бархударянц, II, с.215-219]. В эпиграфике монастыря Хутаванк/Дадиванк было сказано: «Волею Божьей я хАсан сын Вахтанга, владетель хАтерка и хАнаберта, Хаченаберта и хАвкахагаца пробыл начальником 40 лет, многими войнами победил моих врагов и было у меня 6 сыновей, я отдал им свои крепости и свою область и сам прибыл в сей монастырь к брату моему Григорию и сделался я монахом…в 631 (1182) г.» [Бархударянц, II, с.215]. В эпиграфике также были указаны имена албанской правящей знати: «царицы и супруги хАсана, дочери царя Кюрике…631 (1182) г.; Арзу-хатун, дочери великого князя князей Курда и супруга царевича Вахтанга, владетеля хАтерка и всего Верхнего Хачена и их детей хАсана, Григория (1214) г.; Мамка, супруга хАсана и сын Григорий и его супруга Аспа 761 (1312) г.» [Бархударянц, II, с.215-217], а также упомянуты настоятели и католикосы, похороненные в этом монастыре – Захария, Атанас, Григорий [Бархударянц, ч.II, с.218] и указаны земли, подаренные албанской правящей знатью в течение веков этому албанскому храму [Бархударянц, II, с.215-221].

Благодаря Великой победе Азербайджана в Отечественной войне 2020 г. одни из потомков албан – удины-христиане приобрели возможность совершить паломничество в этот албанский храм своих предков.

Монастырь Худаванк/Дадиванк

Вблизи монастыря Худаванк/Дадиванк была построена ***крепость Хавкахагац (Лачин гая)*** [Бархударянц, II, с.223].

Следует упомянуть также ***развалины монастыря Мшахани*** во имя св.Богородицы XIII в., представляющего из себя маленькую церковь с часовней [Бархударянц, II, с.222] и ***монастырь Св. Борогодицы XII в.*** из 20-ти сооружений, который находился в 3 км к западу, у подножья холма, на правом берегу Тертер.

Монастырь Хатраванк XIII в. был построен к юго-востоку от монастыря Худаванк/Дадиванк и состоял из церкви, часовни и жилых помещений.

Крепость Хатра находилась напротив западной стороны одноимённого монастыря, ***крепость***

Итарин-замок – вблизи него [Бархударянц, II, с.205-207, 210-211]. Ниже монастыря в XIII в. был построен ***мост*** [Бархударянц, II, с.207].

Село Хасанриз (Атерк) основано на левой стороне р.Тертер у восточного подножья горы, в котором были построены меликами ***крепость-резиденция*** XII–XIII вв., а в центре села – ***церковь св.Богородицы***. В окрестностях села находились: развалины ***церкви Святое Знамение*** (Сурб Ншан); к северо-востоку от Атерка – ***крепость Акана***, к юго-востоку от села – руины 3х церквей XII в.; в окрестностях Атерка – ***монастыри Ицкар*** и ***Колен***; в западной части Атерка – ***крепость Бердакар,*** которую Мхитар Гош назвал «замком Атерк»; а также ***часовня Астгаблур***, ***церковь Карахунч***, развалины ***часовни Масис***, развалины ***монастыря Шукаванк***, развалины ***церкви Каранлухдере (Мтнадзор***) [Бархударянц, II, с.211-213, 224].

Село Чапар известно тем, что в 3х км от него была построена ***крепость Акаракаберд***, к северо-западу – ***церковь Сурб Минас***; в 8 км от села – ***монастырь Кармир Кари Ванк*** (XII–XIII вв.) [Бархударянц, II, с.214]. В с.Чарекдар находился ***монастырь Св.Богородицы*** (XI–XII вв.).

Развалины ***монастыря Майракахак/Тирамайр*** XIII в. находятся в центре с.Гозлу (Вагауз), в окрестностях которого – развалины церквей, в 3х км от него – ***монастырь Кармирванк*** XIII в.***,*** состоящий из церкви, притвора, часовни и келий [Бархударянц, II, с.234].

Монастырь Кармирванк

У подножья ущелья, простирающегося с востока на запад (начиная от часовни по направлению к ущелью) была построена обширная крепость, имеющая два входа. Западный вход шел по подножью глубокого ущелья, почти соприкасаясь с правым притоком р.Тертер; с остальных сторон – природные неприступные утесы. Крепость имела две башни и здание с тремя вышками, состоящее из 2х больших комнат, в южных частях были бани, маслобойни. Второй дворец меликов был построен у восточного входа (15 комнат, печи, камины, 2 балкона), возле которого построили церковь и конюшню [Бархударянц, II, с.234-236].

Вблизи с.**Гарнакар,** к югу от Гандзасара, в одноименном ущелье была построена ***церковь Хамама*** (XI в.).

Село Яйыджи (Гочогот) имело 3 церкви, одна из которых называлась ***Кармир Ехци***, датируемые VII в.

Считается, что название села Агдабан связано с албанами.

В Кельбаджарском районе были следующие албанские **крепости:** Джомерд в с.Джомерд (Comərd), крепость Зодчий в с.Джамышлы (Camışlı), Кешикчи в с.Камишли (Qamışlı), Улухан XIII в. в с. Гараджанлы (Qaracanlı), Галабоюн в с.Галабоюн (Qalaboyun), еще одна в с.Чаплар (Çaplar); а также ***церковь Албана*** у слияния реки Тертер с рекой Буланиг.

Великая Победа Азербайджана в Отечественной войне 2020 года даёт возможность учёным подробно изучить албанское наследие всего Карабаха, Тертерского и Кельбаджарского районов в частности и составить более точный список сохранившихся на сегодняшний день албанских памятников старины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. İki cilddə. I. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
2. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. İki cilddə. II. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
3. Kəlbəcər rayonu /Azərbaycan Sovet Ensiklopediya. T.V. / Red. C.Quliyev. Bakı: Azərbaycan Sovet ensiklopediya baş redaksiyası, Bakı, 1981, s.334.
4. İnzibati ərazi bölgüsü təsnifatı, 2019. Azərbaycan Respublikası Dövlət Statistika Komitəsi. Bakı, 2020, 113 s.
5. Mustafazadə T. Qarabağ xanlığı. Bakı: "Sabah", 2010, 337 s.
6. Piriyev V. Azərbaycanın tarixi–siyasi coğrafiyası. Bakı: "Araz", 2002, 155 s.
7. Алиев Ф. Азербайджан в XVIII в./ Историческая география. Баку, 1987, с.129-139.
8. Бархударян М. Агвания и ее соседи. Тифлис: тип. М.Шарадзе, 1893, 304 с. (на арм.яз.)
9. Бархударянц М. Арцах. Баку, 1895, часть I–II (арм.яз) / Перевод Яргуляна, 1949- НАИИАНА инд. № 1622.2010, 415 с.
10. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965, 384 с.
11. Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана. Баку: Элм, 1978, 136 с.
12. Джеваншийрский уезд / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.Ха (20). СПб.: Типо-литография И.А.Ефрона, 1893, с.528.
26. Закон Азербайджанской Советской Социалистической Республики от 5 февраля 1991 года № 4-11 об изменении в наименовании Азербайджанской ССР/ http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2888
13. Кавказский календарь на 1878 (33) год. Отд.II. Тифлис: Тип. Глав. Управ. Наместника Кавказского, 1877, 603 с.
14. Кавказский календарь на 1910 год. Ч.1/ под ред. В.В.Стратонова. Тифлис: Тип. «Либерман и К°», 1909, VIII, 928 с., илл.
15. Каланкатуйский М. История агван / перевод с армян. К.Патканова. СПб.: тип. Импер. АН, 1861, 376 с.
16. Карабах: история в контексте конфликта/ Сост. К.К.Шукюров, Т.Р.Багиев. СПб.: Изд-во «Вестник», 2014, 404 с.
17. К истории образования Нагорно–Карабахской Автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925. Документы и материалы. Баку: Азерб. Госуд. издат-во, 1989, 336 с.
18. Мамедова Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: «Чашыоглу», 2004, 224 с.
19. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
20. Мильман А. Ш. Политический строй Азербайджана в XIX–начале XX веков (административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку, 1966, 317 с.
21. Мкртчян Ш. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1988, 360 с.
22. Никоноров иеромонах А. История христианства в Кавказской Албании. Баку: Нурлан, 2005, 196 с.
23. Орбели И. Мхитар Гош и его судебник / Избранные труды. Т.1. М.: Наука, 1968, с.213.
24. Орбели И.А. Хасан Джалал, князь Хаченский // Изв. Имп. АН. СПб., вып. IV, №6, 1909, с.429.
25. Орбели И.А. Хасан Джалал, князь Хаченский/ Избранные труды. Ереван, 1963, с.157-158.
26. Орбелян Степаннос. История области Сисакан. Тифлис, 1910 (на арм.яз.).
27. Пириев В.З. Об исторической географии Азербайджана XIII–XV вв. / Историческая география. Баку, 1987, с.98-105.
28. Пириев В.З. Гарабаг в XIII–XIV вв.: притязания армян на эту область и историческая правда / Гарабаг: Кюрекчайский договор–200. Баку: Тахсил, 2005, с.58-66.
27. Раффи. Меликства Хамсы. «Мшак», 1882/ bookdesigner@the-ebook.org
29. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Изд-во «Европа», 2006, 128 с.; Газета «Бакинский рабочий» №230, 27.11.1991.

30. Шарифли М.Х. Феодальные государства Азербайджана во второй половине IX–XI вв. Баку, 1978.
31. Эфендиев О. Территория и границы азербайджанских государств в XV–XVI вв. / Историческая география Азербайджана. Баку, 1987, с.110-119.
32. Dowsett. C.J.F. The Albanians Chronicle of Mkitar Gos / BSOAS, XXI, 1958, p.476; p.XIX.
33. Mamedova Farida. Au sujet des dirigeants Albaniens du IXe au XVe siecle (dynastie des Djalalides)/ TURCICA. Revue d'etudes turques. Tome XXI–XXIII.1991.Melanges offerts A Irene Melukoff, par ses collegues, disciples et amis, p.307-310.

Гандзасарский монастырь

Монастырь Худаванк/Дадиванк

Гарабаглы Ризван
Член-корреспондент Международной Академии восточной архитектуры,
Ведущий научный сотрудник Института архитектуры и искусства НАНА,
доктор философии по архитектуре, доцент

ИСЛАМСКАЯ АРХИТЕКТУРА ИРЕВАНА

Рис. 1. «Мечеть Сардар (Шах Аббас, Аббас Мирза)». Художник Дюбуа де Монпелье. XIX век

Рис. 2. Различные виды мечети Шах Аббаса

Как известно из истории, ислам был широко распространен на территории бывшего Иреванского ханства (ныне Республика Армения) Азербайджана с VIII в., поэтому мечети, медресе и другие культовые сооружения существовали здесь с древних времен.

Согласно источникам, до 1912 г. в Иреванском уезде Западного Азербайджана (ныне Армения) было 42 мечети, в Эчмиадзинском уезде 33 мечети, а в Зангезурском уезде 35 мечетей. Самая старая из этих мечетей была построена во время строительства Иреванской крепости (1510 г.) по приказу шаха Исмаила, а после уже в каждом районе была своя мечеть. 4 такие мечети **(«Новрузали хан», «Гусейнали хан» – «Голубая мечеть», «Ходжа Сафарбей» и «Мухаммад Сертифхан»)** располагались в районе «Шехер». Это были архитектурные памятники, которые характеризовали силуэт города с великолепным главным входом, куполом и возвышающимися минаретами.

Одна такая мечеть располагалась рядом с дворцом Сардар (Рис. 1). Хотя фундамент мечети был заложен во время строительства дворца Сардар, в разные периоды она была известна как **«мечеть Сардар»**, «мечеть Аббас Мирза» и «мечеть Шаха Аббаса». Смена названий показывает, что каждый из правителей в свое время проводил в мечети реставрационные работы. Например, после того, как шах Аббас I освободил Иреванскую крепость от османов в 1604 году, архитектор Шейх Бахаддин, отвечавший за строительные работы, провел обширные реставрационные работы в мечети, предположительно полностью разрушив старую и построив более впечатляющую новую мечеть (Рис. 2).

Кстати, следует отметить сходство между **«мечетью Шаха Аббаса»** в Иреване, Золотым Гаджилом в Горанбое, Янихли в Товузе и «мечетью Шаха Аббаса» в Гяндже. В частности, конструкция купола, входа и художественная архитектура идентичны. Следует отметить, что архитектором был Шейх Бахаддин.

Как и мечеть Гянджи, комплекс мечети Шах Аббаса в Иреване включал медресе, библиотеку и другие здания. Минареты мечети, украшенные орнаментом в форме пахлавы, выглядели так, словно были покрыты ковром. Художественная архитектура бассейна, построенного в ее дворе, гармонировала с орнаментом. С другой стороны, купол, фасад и интерьер Иреванской мечети были украшены темно-синими и белыми растительными орнаментами и написаны стихи Корана. Белая надпись арабским алфавитом на синем входе мечети сохранялась до начала XX века. Иса Азимбеков, азербайджанский ученый, посетивший Иреван в 1928 году, прочел оставшуюся часть надписи на обрушившемся входе следующим образом: «Zəmənе şah Abbas cənnətməkan Əz u kəşt abad mülke-cahan» [Nazim Mustafa, 2016].

Находясь здесь, И.Азимбеков увидел руины другой мечети по соседству с мечетью, известной как «Сардар» или «Шах Аббас» или «Аббас Мирза». По его словам, она составляет 9 м в длину и 6 м в ширину. Мечеть построена полностью из жженого кирпича. Мечеть имела невысокий алтарь и вход. Согласно надписи на входе, И.Азимбеков назвал дату постройки мечети. Он отметил, что она была построена в 1098 по хиджре (1685 г.) и там были написаны слова «Sənge tarixe şu məqsud əz dur zəman, kordən xədid be tarixe qədim Əhməd xan» [Nazim Mustafa, 2016].

В результате следует отметить, что **«мечеть Сардар»**, которая восстанавливалась несколькими правителями на протяжении всей истории, с 1864 г. подвергалась определенным разрушениям из-за сноса Иреванской крепости, но не была разрушена полностью. Поэтому здесь смогли поселиться армяне, пришедшие из Турции в начале XX в. Однако в советское время мечеть была полностью снесена и заменена многоэтажными жилыми домами. На сегодняшний день остался всего лишь кусок стены от мечети шириной и высотой 3-4 м (Рис. 3).

Путешественники и исследователи, посетившие Иреван, рассказывая об архитектурных памятниках здесь, особо отметили **«Голубую мечеть»** за ее великолепный внешний вид, красивую архитектуру и высокие минареты (Рис. 4). Хотя строительство этой мечети, одной из редких жемчужин азербайджанской архитектуры, началось в 1760 г., строительство было отложено. Однако строительство мечети было завершено в 1765 г. на средства, выделенные Гусейнали ханом Гаджаром. Об этом говорится в надписи на южном входе мечети. По этой причине «Голубую мечеть» иногда называют «мечетью Гусейнали хана».

В 1768 г. мечеть была реконструирована и достроена. В то время общая длина мечети составляла 97,2 м, а ширина – 66 м. В мечети были летний и зимний залы, медресе, библиотека, комнаты для верующих и фонтан в центре большого двора. Стороны арочного входа в мечеть и великолепного купола были украшены изразцами разного цвета, геометрическим и растительным орнаментом. Следует отметить, что эта мечеть по конструкции и художественной архитектуре напоминает мечеть Шах Аббаса в Гяндже. Вероятно, что во время правления Шах Аббаса архитектор Шейх Бахаддин проводил работы по реконструкции «Голубой мечети». В то время в мечети было четыре минарета. После Второй мировой войны армяне снесли три минарета, и мечеть осталась с одним минаретом. Несмотря на то, что мечеть имела всего лишь один минарет, «Голубая мечеть» была достопримечательностью города, как исламский символ и факт, доказывающий, что эти места принадлежат азербайджанцам. Как будто этого было мало, армяне дважды сжигали мечеть. Одно из этих событий произошло в 1918 г., другое - в марте 1955 г. Каждый раз мечеть восстанавливалась за счет мусульман. Однако, несмотря на все это, с 1936 г. армяне долгое время использовали «Голубую мечеть» как исторический музей, склад боеприпасов во время Второй мировой войны, музей природы после войны и для других целей.

После обретения Республикой Армения независимости в 1991 г. она установила дипломатические отношения с некоторыми мусульманскими странами, в том числе с Исламской Республикой Иран, и тогда возник вопрос об осуществлении «Голубой мечети» своей деятельности. Так, в 1991 г. в мечети закрылся Музей природы, а в 1994 г. Исторический музей. Годом позже (1995 г.) было подписано соглаше-

Рис. 3. Остатки разных стен мечети Шах Аббаса

Рис. 4. Разрушенный вход и купол «Голубой мечети»

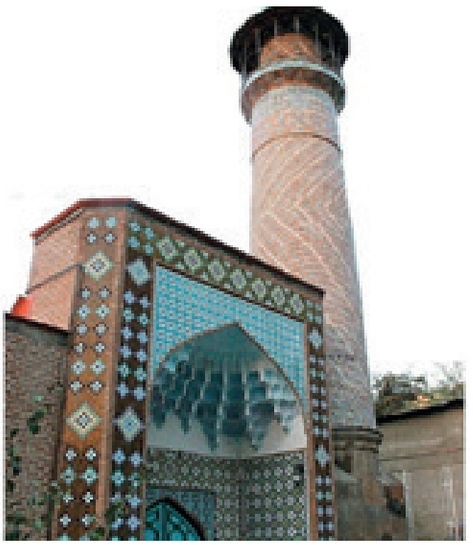

Рис. 5. Постреставрационные изображения «Голубой мечети»

ние между Арменией и Исламской Республикой Иран о восстановлении мечети. Согласно соглашению, строительство комплекса мечети было оплачено правительством Ирана и передано благотворительному фонду Ирана «Bunyad-e Mustazafan и Canbazan» («Ветераны войны и мученики»).

Реставрационные работы проводились в основном в северной, юго-западной части комплекса мечети, включая купол, минарет, зал (высота 24 м), библиотеку, кельи (28 шт.) и двор. Все работы были завершены в 2006 г. Армяне под предлогом реставрационных и ремонтных работ, проводимых иранским государством в «Голубой мечети», теперь представляют ее мировому сообществу как «персидскую мечеть» (Рис. 5).

«Мечеть Гаджи Новрузали» находилась в одноименном квартале рядом с железнодорожным вокзалом Иревана (Рис. 6). Этот квартал был назван в честь Новрузали, внука благотворителя, известного как Гара Сейид. Мечеть была построена Гара Сейидом в XVII в., а затем его внук Гаджи Новрузали провел в ней серьезные реставрационные работы. С тех пор и квартал, и построенная здесь мечеть с единственным минаретом были названы в честь Гаджи Новрузали.

По конструкции и архитектурному решению «мечеть Гаджи Новрузали» похожа на небольшую «Голубую мечеть». Купола, минареты и изразцовый орнамент обеих мечетей похожи. Исходя из этого, можно также сказать, что обе мечети были построены одним и тем же архитектором, учитывая, что даты постройки совпадают с одним и тем же периодом.

Человек по имени Ахунд Касым долгое время возглавлял мечеть. Однако в начале XX в. армяне полностью сожгли мечеть Гаджи Новрузали. В то же время **«мечеть Див Султана»** на противоположной стороне рынка была в аналогичной ситуации. В 1673 г. Жан Шарден, известный французский путешественник, побывавший в Иреване, стал свидетелем сожжения этих мечетей.

Турецкий полководец Раджаб-паша, захвативший Иреванскую крепость в 1724 г., в 1725 г. провел в городе масштабные строительные и ландшафтные работы, построив новую мечеть. В его честь мечеть носит название **«Мечеть Раджаб-паши».**

По плану мечеть имела геометрическую форму параллелепипеда. Выбрав эту форму, архитектор подчинил план мечети форме территории. Сводчатый алтарь, ниши, пилястры и куполообразный потолок в ее интерьере, а также полумесяц на куполе и цветочные геометрические орнаменты вдоль фасада были прекрасными образцами восточной архитектуры.

Кстати, мечеть Шукурбейли имела такое же архитектурное решение и конструкцию. Однако после русской оккупации Иреванской крепости в 1827 г. обе мечети (архитекторы В.Мирзоев, И.Киткин и М.Буйнов) были реконструированы, стихи Корана в их интерьерах были стерты, построена новая крыша, полумесяцы на куполах были заменены крестами, колонны были добавлены и мечети приобрели вид церкви. В результате «мечеть Раджаб-паши» была переименована в Русскую православную церковь, а «мечеть Шукурбейли» в церковь «Святой Богородицы» (Св.Марии) (Рис. 7). Церкви действовали до 1930 г., а потом были снесены армянами.

Массовый снос мусульманских памятников в Иреване был связан с подготовкой и утверждением генерального плана города в 1924 г. Согласно плану, мусульманские памятники в Иреване должны были быть снесены и заменены парками, скверами и многоэтажными домами, что и произошло.

Согласно генеральному плану Иревана, одной из снесенных мечетей была **«Шахар»** или **«мечеть Зал хана».** Мечеть располагалась в районе «Шахар», на площади Республики современного Иревана (Рис. 8). На мечети была надпись старым алфавитом, но на тюркском языке. Дата постройки мечети по хиджре 1098 год (1687 г.). Как и все мечети Иревана, двухэтажная «мечеть Зал-хана» была разделена на женский и мужской зал, а перед ней располагалось медресе с многочисленными кельями. Мечеть была похожа на «мечеть Раджаб-паши» своей аркой, купольной конструкцией и растительным орнаментом израсцов.

После Второй мировой войны в мечети размещался выставочный зал Дома художника. В 1928 г. большой зал мечети снесли, а на его месте построили гостиницу «Ереван».

Одна из мечетей Иревана находилась в районе «Тепебаши» (Рис. 9). Хотя мечеть названа в честь района, которому она принадлежит («**мечеть Тепебаши**»), считается, что она была построена Аббасгулу ханом Иреванским. Рядом с мечетью находится дом Аббасгулу. Судя по всему, поэтому предполагалось, что строительство мечети осуществил Аббасгулу. В таком случае мечеть называлась бы «Мечеть Аббасгулу», а не «Тепебаши». Толщина стен мечети 1,5 м. Некоторые части и минарет **«мечети Тепебаши»** были снесены в 1960 г., а в уцелевшей части жила одна армянская семья. Видимо, поэтому мечеть какое-то время сохранилась.

Одной из сохранившихся до наших дней (1988 г.) мечетей в Иреване является **«Зонтичная мечеть»**, построенная Гаджи Джафар-Беем (Рис. 10). Мечеть известна как **«мечеть Демирбулаг»,** потому что находится в районе «Демирбулаг». В ее надписи дата постройки по хиджре 1327 г. (1909 н.э.). Хотя конструкция и художественная архитектура мечети были аналогичны предыдущим мечетям, в ней не было минарета. Вместо минарета на ее крыше был установлен зонтичный «гюлдястя» высотой 2 м. Поэтому мечеть получила название «Зонтичная мечеть».

В связи с карабахскими событиями, начавшимися в феврале 1988 г., армяне подожгли «мечеть Демирбулаг» и среднюю школу №9 имени М.Ф.Ахундова, где учились азербайджанцы.

Среди религиозных памятников Иревана гробницы имели особое историческое и архитектурное значение. К сожалению, как и мечети, они время от времени разрушались армянами. К счастью, некоторые из них сохранились до наших дней.

Одна из таких гробниц – **«Гробница Пир Хусейна»** у села Джафарабад, прилегающего к городу Иреван (Рис. 11). Двенадцатигранная гробница, построенная из красного туфа, имеет высоту 12 м. Купол полуразрушен. Общий корпус памятника, выполненного в восточном архитектурном стиле, окружен карнизом. Сверху и до последнего карниза есть надпись высотой 50 см (Рис. 12). Текст надписи общей длиной 22 м. Прочитал эпиграф М.Немат. По его словам, в надписи было указано, что дата постройки гробницы по хиджре 15 число 7 месяца 816 г. Это соответствует дате 11 октября 1413 г. [Немат, 2001]. В надписи также указано, что гробницу построили по приказу эмиров саатлинского племени

Рис. 6. Различные виды на «Мечеть Гаджи Новрузали»

Рис. 7. Изображения мечети Раджаб-паши, преобразованной в церковь

Рис. 8. «Мечеть Зал хана»

Рис. 9. «Мечеть Тепебаши» и интерьер. В настоящее время там проживает армянская семья

Рис. 10. «Мечеть Демирбулаг» или «Зонтичная мечеть»

провинции Чухур Сад - Пир Хусейна и его отца Амир Саддина. Интересно, что архитектору, построившему такую великолепную гробницу и написавшему 22 метровую надпись на антаблементе, не разрешили написать свое имя. Это еще раз доказывает, что архитекторы, которые жили и творили на протяжении всей истории, не могли быть свободны в создании своих работ. Иногда если архитектор отвечал на вопрос «Можешь ли ты создать более красивое произведение?» словом «да», его жизнь продолжалась только до тех пор, пока он не завершит построенное им здание. Как только строительство объекта заканчивалось, ревнивые правители убивали архитекторов, чтобы те не создали вторую такую работу.

Хотя на «Гробнице Пир Хусейна» нет имени архитектора, трехлистный орнамент на ее фасаде повторяет орнаменты памятников в Салимском караван-сарае, а также в Физулинском, Джебраильском, Губадлинском и Зангиланском районах. Подобные художественные архитектурные элементы принадлежат архитектурной школе «Али Маджддаддин» [Qarabağlı, 2017].

В 1939 г. азербайджанские архитекторы (Л.Бретаниский, Г.Елкин, Л.Мамиконов, Д.Мотис), проводя исследования в «Гробнице Пир Хусейна», отметили, что она похожа на «Гробницу Момине-Хатун» и просто создана в форме камня. Это еще раз подтверждает географию школы «Али Маджидаддин» от Карабаха до Нахчывана.

В районе, где находится памятник Пир Хусейну, было множество надгробий и несколько небольших гробниц. Живущие поблизости армяне постепенно сносили их и использовали камни для строительства домов. Следует отметить, что азербайджанцы проживали в селе Джафарабад, где находится «Гробница Пир Хусейна», до 1828 г. Начиная с 1830 г. высланные из Ирана армяне периодически изгоняли азербайджанцев из села под покровительством России и проводили там работы по сносу. Не остановившись на этом, армяне игнорируют огромную надпись на гробнице и представляют ее публике как «туркменский памятник».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Qarabağlı R. Füzuli rayonunun memarlıq abidələri. Bakı, Nafta-press, 2017, 252 s.
2. Nazim Mustafa. İrəvan xanlığı: Erməni vandallarının yox etdiyi İrəvan məscidləri. Bakı, 2016, 44 s.
3. Немат М. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т.3. Баку, 2001, 216 с.

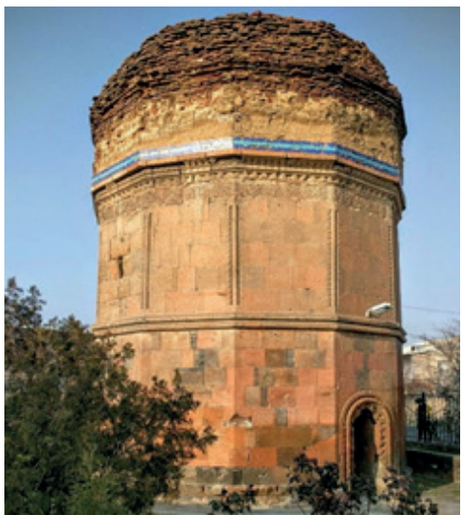

Рис. 11. «Гробница Пир Хусейна» и фрагмент надписи на антаблементе

Замматтео Паоло
Архитектор и преподаватель искусствоведения,
г.Тренто (Италия)

ХРИСТИАНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА В ИТАЛИИ: КОМАНО-ТЕРМЕИ ЕГО КАМЕННЫЕ РЕЛИКВИИ

Данное исследование посвящено христианскому искусству Кавказской Албании и его появлению на севере Италии в раннем средневековье. В то время в Италии Церковь не была однородной. Аквилея и Милан были автономны по отношению к Риму и Византии. Ломбардский стиль зародился под латинским, норманским и, в наибольшей степени, восточным влиянием. Наряду с арийским и несторианским в Кавказской Албании присутствуют образцы христианского искусства. Эти артефакты обнаружены в каменных карьерах к северу от озера Гарда или на паломнических маршрутах недалеко от Пармы и Варезе. Более того, недалеко от Аквилеи и Равенны есть такие места, как Утис или Удине, названия которых имеют тот же корень, что и катойконим «удины».

Из Северной Италии изображения распространились на запад благодаря ирландским монахам. В Церкви Крайст-Черч в Дублине внешнее убранство трансепта такое же, как и портала церкви Св.Елисея в селе Нидж.

Крест Кавказской Албании и древность ее Церкви

Христианские храмы времен Кавказской Албании являются символами независимости Азербайджана. Это древнее государство окружено легендами, как и апостольские истоки его Церкви. Итальянский художник Бруно Мунари сказал: «Я слышу и забываю, вижу и помню». Предметы рассказывают нам истории. Чтобы проникнуться древностью Церкви Кавказской Албании, необходимо изучить формы, которыми она представлена.

Крест. Самая важная форма из всех – это крест: он заключает в себе изображения, которые происходят из самых древних религий на Земле. Одним из наиболее ощутимых доказательств распространения христианства в I в. являются палиндромы SATOR: некоторые из них были найдены в Помпеях, разрушенных в 79 г. до н.э. Они смешаны с пламенем, священным для зороастризма и солнцепоклонников.

Форма храмов. Простейшая форма храмов сегодня напоминает нам первые domus ecclesiae (дома собраний) II и III веков. В тот период они испытали влияние халдейской Сирийской Церкви, вдохновленной культурой назареев [Mamedova, 2006]. Основная рассматриваемая тема – Воскресение, общая для Церкви Кавказской Албании и для диофизитства.

Рождение и смерть. Здесь нет баптистериев, а распространение священных надгробных памятников характерно для несторианства в целом. Эти памятники могли бы служить доказательством халифу Абд аль-Малику, чтобы убедить его включить Церковь Кавказской Албании в Армянскую Апостольскую Церковь [Johannes Rau, 2011].

Взаимосвязь Церкви Кавказской Албании с Иерусалимской Церковью теснее, чем с Византией [Mamedova, 2006].

Купола. Форма и высота куполов во многих церквах, связанных с Церковью Кавказской Албании, напоминают купол храма Гроба Господня в Иерусалиме. Следует заметить, раньше это был храм поклонения Солнцу. Убранство минимально: в центре только крест. Здесь нет попытки космогонной организации пространства.

Язык образов Церкви Кавказской Албании, как таковой, зародился в I в. То,что я обнаружил при изучении Церкви Кавказской Албании, позволяет [Marcigliano, Mecca, Visintainer, Zammatteo, 2014, p.67-119; Mamedova, 2006] предположить, что ее священные мотивы достигли Западной Европы. Северная Италия была самой отдалённой точкой за пределами Византийской империи. Взаимосвязь между этими разными народами повлияла на эстетику, искусство и само значение христианских образов. В первой церкви Виго-Ломазо, расположенной в Трентино [Gian Pietro Brogiolo, Enrico Cavada,

Monica Ibsen, Nicoletta Pisu, Matteo Rapana, 2013] в настоящее время сохранились лишь некоторые части этого здания.

От Кавказа к Европе

Увлекательное путешествие по устным традициям и эпическим пространствам между Европой и Азией, которые всегда пересекались цивилизациями и чей ландшафт показывает контрасты современности и истории. Прошлое Кавказской Албании представлено церквами и все еще многочисленными следами материальной культуры. Место стало знаковым для всего региона Шеки. Здесь в радиусе нескольких километров проживают удины, малочисленная этническая группа со своим особым языком. Они говорят на диалекте, который, вероятно, является преемником албанского языка. Об их связи с древней Албанией также свидетельствуют практикуемые в настоящее время албанские христианские обряды и некоторые сакральные постройки.

Самая знаменитая из них – церковь Св.Елисея в селе Киш. За ней следует храм в Нидже. Обе церкви были спроектированы по древним канонам, а затем перестроены, однако сохранили свои первоначальные черты. Храм Св.Елисея в Кише имеет централизованную планировку и выполняет погребальную функцию, подобно Анастасису Константина I в Иерусалиме, и так же уходит корнями в культ Солнца: центральная часть высокая, внутреннее пространство ограничено, основное помещение и три придела не составляют конкуренции лантерне и куполу, покрытым простой конической крышей. Другой храм также находится в районе Шеки, в Нидже: он имеет форму класса, состоит из трех частей, строгий по стилю, с мощными колоннами и правильными арками.

Подобные архитектурные сооружения можно также встретить в Северной Италии: особенно распространена модель храма Св.Елисея в Нидже. В постепенно усложнявшейся статической системе новых зданий стены становились все более массивными, проемы – более редкими и крупными, а центральный неф – более узким. В результате исчез обзор одновременно всего внутреннего пространства: оно превратилось в последовательность заполненных и пустых пространств; свет, более неоднородный, как в византийских базиликах, рассеивался чередованием открытых участков с глубокими конусами тени, структура перестала быть последовательностью плоскостей, и возникающие структурные элементы стали более очевидными.

Внимательно изучив здания в Кише и Нидже, можно увидеть элементы апостольской, раннехристианской и персидской традиций рядом с деталями, вдохновленными исламской традицией. Это подтверждение момента синкретизма, благотворного сотрудничества между арабскими рабочими и албанскими архитекторами или даже свидетельство того факта, что в XIII в. церкви были построены непосредственно исламскими экспертами, как это случилось в тот же период в Сицилийском королевстве с Чефалу и монастырем в Монреале.

Даже сама форма религиозных зданий иногда содержит те же мотивы: примером служит храм Ниджа, который имеет трехсторонний план, закрывающийся тремя апсидами. Кроме того, в Нидже есть здание в дороманском стиле с круглыми арками и большими колоннами грубой формы, которые также могут быть тевтонскими колоннами, арками в готическом стиле в центральном нефе и настенной росписью с изображением «Св.Георгия и дракона» перед залом южного трансепта, что придает базилике вид западной церкви. Изображение Св.Георгия идентично многим другим западным изображениям. Прямая техника совпадает, но еще важнее карниз в основании картины, изображающий восьмилучевое солнце. Аналогичные символы с аллюзией на крещение были на плащах кавалерии высоко на спине. Это позволяло пехоте и лучникам идентифицировать своих бойцов, чтобы избежать их поражения. Кроме того, на той же униформе на груди изображался албанский крест, такой же, как на люнетах дверей церквей и албанских храмов.

Детали уступов, поддерживающих арки вдоль стен, и архитрава боковой двери с остроконечной аркой в базилике Нидж явно имеют исламское происхождение. Они имеют вид многоугольных капель, которые украшают ниши и арки арабских дворцов: давайте снова обратимся за примером к Италии и Сицилии, на этот раз к замку Циза в Палермо и его роскошным мотивам внутри декоративных стен времен Фатимидов.

Анализ исследования, которому посвящена данная работа, был проведен после изучения всех этих элементов. Это было сделано с целью устранения любых сомнений относительно ограничений по времени и современной географии.

Христиане Кавказской Албании в Италии

В средние века арабское нашествие в VII в. и упадок Кавказской Албании после короткого периода возрождения в XIII в. привели к значительной миграции не только идей, но и людей. Признаки этого переселения нередкость, особенно в невизантийской Италии, в *Большой Лангобардии*. Утис – древнее название Удине. Реку Монтоне близ Равенны латиняне называли Утис [Della lingua de'primi abitatori dell'Italia opera postuma del Padre Stanislao Bardetti della Compagnia di Gesii Teologo di S. A. S. il Signor Duca di Modena In Modena MDCCLXXII Presso la Societa Tipografica Con Licenza de'Superiori, 156].

Название города Удине, которое впервые упоминается в средние века, также происходит от Oudhn, «маленькая гора» [Giovanni Battista Della Porta, Giovanni Frau, 1991].

Единственный итальянский городок, названный в честь Св.Елисея, находится в нескольких десятках километров от Удине возле деревни Перс (от «Перси», «Персиани») по главной дороге в направлении порта Аквилеи.

Первое звено, кажется, узнаваемо в мозаиках Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне, византийской столице Италии, где правил остготский король Теодорих Великий (VI в.). На них «Три Царя, приносящие дары Царю Небесному», Иисусу, облачены в персидские одежды и фригийские шапки, сделанные в XIX в. римским реставратором Феличе Кибель, заменившим два древних барельефа в виде византийских корон, часовню Святых Кирико и Иулитты и саркофаг экзарха Исаака (V в.): они, безусловно, связаны с Утисом, древним названием реки на северной границе Экзархата.

Говорят, что церковь Св.Елисея в Кише была построена на месте мученичества и в центральном плане соответствует мавзолею базилики Сан-Витале в Равенне, построенной Юстинианом I после византийского завоевания. Оба здания следует сравнить с мавзолеем Теодориха, также находящимся в Равенне.

Остготы и кавказские албаны имели одни и те же религиозные корни, характеризующиеся поклонением Одину: позднее остготы превратили фигуры Одина в христианского Бога, а Тора, сына Одина, в Христа: они приняли арийскую веру, потому что Тор-Христос есть меньшее божество по сравнению с Отцом.

Арийский баптистерий отражает то же видение и вкус к минимальному внутреннему убранству, сохраняя духовное первенство за куполом, символическим небом этой космогонии. Сходство крестов следует искать в базилике Сант-Аполлинаре-ин-Классе и мавзолее Галлы Плацидии. Очевидно, в поздней античности между автокефальной церковью Кавказской Албании и арианством существовала очень сильная связь.

В западном Трентино между поздней империей и ломбардской эпохой (V–VIII вв.)

Область итальянских Альп, которая охватывает территорию от Вальтеллины до Валли Джудикарие, приобрела свои культурные особенности в железном веке (V в. до н.э.). Этот период характеризовался общими стилями керамики, самостоятельной письменностью на основе северо-этрусского алфавита, также известного как камунийский алфавит или алфавит Сондрио, и использованием единого образного языка. Эти детали, сохранявшиеся долгое время, свидетельствуют о периоде изоляции каменщиков, сосредоточенных на севере озера Гарда и в еврейских каменоломнях. Самая кропотливая работа ведется в карьере Лундо в Ломазо. Изысканность плетения и разнообразие вариаций на тему креста, сложившиеся между VI и IX веками, являются характерными чертами области исследования. В других местах, на территориях господства ломбардов (568–774) преобладали растительные и зооморфные орнаменты, а также геометрические фигуры, основанные на возможных симметриях с сериями концентрических кругов.

Крест Кавказской Албании, который в III и VI вв. выделялся среди других, созданных соседними христианскими общинами, особенно примечателен: он берет свое начало в таинственных культах Солнца, которые на Кавказе присутствуют в маздеизме, зороастризме и митраизме. Пифагорейство/дионисийство практикует орфические мистерии: в детстве человек смотрит на восток, в сторону восходящего солнца, он беседует с рекой Кавказ. Крест Кавказской Албании является символом богатой и живой культуры, а исследование албанских влияний в Италии основывается на символе, который является общим для этих двух культур.

Некоторые скульптурные элементы, привезенные из карьера Лундо, а также из зоны возле

небольшой церкви Сан-Сильвестро и Пьеве-ди-Виго-Ломазо, где они были частично повторно использованы, свидетельствуют о контактах с искусством Кавказской Албании.

Над Сан-Лоренцо возвышается местный замок; в этом древнем поселении в живописном месте бассейна Ломазо примерно в 1000–1100 гг. была восстановлена более ранняя церковь (VII в.). Многие из резных камней были использованы повторно (портал, алтарь баптистерия) или найдены поблизости. Контрфорсы фасада и кессонный потолок датируются 1300–1350 гг. Внешняя апсида восходит к 1497 г.; нефы и приделы были возведены позже, поскольку они являются продолжением прекрасно узнаваемого фасада. Сан-Лоренцо – наиболее типичный пример *Pieve Rurale* («сельского прихода») в Трентино: церковь, баптистерий, простой церковный дом и кладбище. Это одно из самых ценных произведений ломбардской архитектуры в регионе: изначально романское, трехчастное, с тремя апсидами, затем украшенное готическими арками, увеличенными и приподнятыми, приближенное к базилике в Нидже прежде всего своей духовностью.

Существует очевидная аналогия между фрагментами эпохи Каролингов, переплетенными с меандрами и крестами в рельефе на оолитовом камне Ломазо, и крестами Албанской Церкви.

Любопытно, что за пределами трансепта совсем недавно появился новый элемент: это процессиональный крест внутри арочного портала, от которого исходят три луча. Бронзовая фибула с железной брошью, найденная в Монтаньяга-ди-Пине в восточном Трентино [Report by Michele Toldo, 2016], имеет тот же мотив, а лучи обрамляют греческий крест между двумя симметричными фигурами павлина. Это может быть связано с мотивом на капители VII в., найденной в Мингячевире, ныне хранящейся в Национальном музее истории Азербайджана в Баку. Бронза, из которой изготовлена фибула, отполированная из-за высокого содержания олова, показывает, что она была произведена не в регионе Альп, где сплав изделий состоит в основном из меди, а в Восточной Европе, из минералов, полученных в основном из отложений азербайджанских рек Куры и Аракса.

Единственным сохранившимся образцом в этом регионе является баптистерий Сан-Лоренцо в романском стиле, служащий лапидарием фрагментов старейшей церкви и других значимых зданий окрестности. Впечатляет основание, на котором стоит человек с *лабрисом*, вероятно, кельтской работы (II в. до н. э.).

Среди прочих находок одна примечательна тем, что подтверждает гипотезу о появлении художественных элементов Кавказской Албании в карьере Ломазо: угловой камень, повторно использованный в расположенной неподалеку церкви Сан-Сильвестро, должен быть сопоставлен по важности. В алтаре баптистерия Виго-Ломазо, внутри плетеной рамы (в восточном стиле), два павлина обращены друг к другу в идеальной симметрии. Более того, не только в христианских символах, но и в солнечных крестах рельефы Виго-Ломазо и Азербайджана излучают то же ощущение вечности благодаря материалу (камню) и изогнутым декоративным мотивам, которые плавно переплетаются между собой.

В Северной Италии

В период Поздней Империи прибывающие в Альпы с Кавказа сначала проходили через шерстяной рынок Аквилеи - уступавший только римскому - и поднимались пастушьими торопами, а затем по *Виа Лонгобарда.* Доказательство тому – местность Св.Елисея недалеко от Удине; найдены следы на Висентийском нагорье [Armando De Guio, Paolo Zammatteo (a cura di), Luserna: la storia di un paesaggio alpino, Atti del convegno “Sul Confine... Percorsi tra archeologia, etnoarcheologia e Storia lungo ipassi della Montagna di Luserna», p.43-61] и между Лана д’Адидже и Миланом вдоль паломнических маршрутов Западного Трентино и Ломбардских Альп: Ануния, Валь-ди-Соле, Валь-Камоника, Вальтеллина.

Здесь было много церквей, таких, как оригинальные Сан-Лоренцо или Св.Елисея в Нидже, в предгорьях Ломбардии в Альпах, и они существовали с VII–VIII вв. Их следует сравнить с Кастельсеприо, древней деревней близ Варезе. Там, хотя крестообразные усыпальницы удивительно просты по сравнению с гробницами в Трентино, религиозные здания удивительно близки к архитектуре Виго-Ломазо и Шеки.

Базилика Св.Иоанна Богослова (V–VI вв.), обращенная на восток, была трехнефной без внешней апсиды, которая была пристроена лишь позже. Она была расположена рядом с восьмиугольным баптистерием, как в Сан-Лоренцо, а внутреннее пространство напоминало церковь Ниджа. Фронтальная алтарная плита VI–VII вв., предположительно принадлежащая той же церкви, а теперь выстав-

ленная в музее истории и искусства в Галларате, напоминает силуэты четырех албанских крестов. Церковь Св.Павла (XI в.), с центральным планом, имела заметное восходящее развитие: результат ее идеального слияния со старейшей церковью Санта-Мария-*форис-Портас* (VI в.) в точности напоминает конструкцию церкви Св.Елисея в Кише.

Что касается западной христианской культуры, неотделенной от технологической культуры, она процветала в позднем средневековье, что отражалось в множестве зданий в первом истинно европейским стиле – романском. В Ломбардии новый стиль появился рано, начиная со второй половины X в. Некоторые примеры, связанные с феноменом приходских церквей, характерных для этого периода и особенно многочисленных в регионах Комо и Варезе, являются фундаментальными этапами зарождения стиля: это в основном горные церкви, которые обеспечивали контроль над территорией графства, ныне забытого, но некогда расположенного на важных путях сообщения с Северной Европой. Обычно здания, построенные в основном из камня или гальки, имеют один неф, иногда апсиду полукруглой формы и крышу с выступающими балками. В интерьере преобладают гладкие поверхности, подходящие для фресок: эти небольшие постройки, как правило, хранят в себе одни из самых красивых живописных циклов того времени, в то время как скульптура распространена в меньшей степени.

Об этом многое могут рассказать руководства по ломбардской традиции, известной как *комачина*, которые иллюстрируют техники [Marazzi, 1931, Voll. 1-III, 1931] орнамента для архитектуры: в то время как византийский орнамент произошел от греческого аканта, мотивы с растительными волютами, плетением и зооморфными изображениями пришли непосредственно из христианской Персии.

Роберт Мобили рассказал мне о еще одном совпадении (2017 г.). Среди удин фамилия Далян считается одной из старейших и патриархальных, а в Италии ее носит более пятисот семей. Возврат к периоду до XVI в. по династической линии невозможен, однако выяснить, где живут эти семьи, не представляет сложности. В 2017 г. 200 из 548 проживали в Реджо-нель-Эмилии, 180 – в Модене, 20 – в Болонье; иными словами, 77% проживали вдоль *Виа Франчиджена* («Дороги франков»), включая города Парма, где проживало девять семей, Феррару с двумя семьями и Пьяченце с одной [*Web source:* Cognomix.it.]. После V в. Равенна унаследовала роль порта Аквилеи, и *Виа Франчиджена* стала самым естественным маршрутом на запад. Именно история искусства до сих пор дает новые подсказки: там, где сейчас находится собор Берчето (Парма), стояла паломническая церковь. Древняя передняя алтарная плита установлена в нынешнем главном алтаре, как и, по чистой случайности, в баптистерии Сан-Лоренцо в Виго-Ломазо в Трентино. Берчето позволяет шире взглянуть на кавказские средневековые элиты и экспорт моделей из мест их происхождения. Об этом свидетельствует единообразие крестов и повторяющихся зооморфных мотивов: крестообразные орнаменты в Берчето аналогичны узорам на фибулах из Монтаньяга в Трентино и из столицы Мингячевира, сохранившихся в Баку. Фундаментальная тема, общая для культовой архитектуры того времени – это Воскресение и павлины с очевидными отсылками к вечности.

Древние влияния: ирландские монахи и кавказский декор

Давайте рассмотрим боковой портал церкви Св.Елисея в Нидже: его лепные украшения в стиле сасанидской архитектуры (V–VII в.) загадочным образом появляются рядом с самым старым Дублинским собором в Ирландии, Крайст-Черч, датируемым 1100 г. Судя по итальянским центрам искусства, очевидно, что религиозное искусство Кавказской Албании также повлияло на ирландские и британские островные традиции, то есть на кельтское и нормандское искусство в целом, когда между V и X вв. в этих двух странах распространилось христианство.

Переплетение узлов, должно быть, попало в Ирландию через первые монастырские миссии, которые использовали его для изготовления книг: коренная ирландская декоративная традиция, в которой использовались в основном спирали и плетеные круги, переняла этот вклад для выработки оригинального стиля. Затем те же мотивы каменного декоры вошли во все ирландское искусство: пиктские камни в Шотландии, англосаксонские могильные кресты и собор Крайст-Черч в Дублине являются яркими свидетельствами.

Ирландские монахи уехали со своими семьями в варварские королевства, образовавшиеся в континентальной Европе после падения Римской империи: они мигрировали в северную Италию и Тоскану, чтобы обратить новые народы в христиан-

ство, следовали маршрутом с Британских островов через Бретань, Луару и Франкское королевство, а затем пересекли Альпы.

Результаты генетического исследования кельтско-британской гаплогруппы R-L21 с 5-10%-ным разбросом между долиной реки По и тоскано-Эмилианскими Апеннинами могут объясняться присутствием ирландских религиозных поселений на протяжении всего раннего средневековья. Ирландское монашество характеризовалось значительной свободой от центральной церковной власти. В VI в. монахам не запрещалось жениться. Целибат был введен только после Кашелского Собора (1101 г.). Также можно было передать религиозные обязанности своим детям, создав настоящие монашеские династии [Kehnel, 2008]. В VI в. лангобарды все еще были язычниками или христианами арийской веры [Jorg Jarnut, *Storia dei Longobardi,* 2002]. Лишь в 603 г. благодаря влиянию своей жены-католички Теоделинды Агилульф крестил своего сына Аделоальда по католическим обрядам. Он предложил свою поддержку ирландскому монаху Колумбану (или Коллину), который в 612 г. основал монастырь Боббио [Stokes, 1892]. Когда лангобарды завоевали Тоскану, они нашли в Лукке ирландского епископа по имени Финниан из Мовилля (Сан-Фредиано). Партнер Сан-Патрицио, Сешал, сын Рестита, принадлежал к очень знатной семье лангобардов по имени *Летинги* [Stokes, *ibid.,* VII–VIII]. В то время как Сенан из Ларагбрина, ирландский монах, живший в конце VI в. находился в Инишкарре по течению реки Ли на юге Ирландии, прибыл корабль паломников из Лацио. Хорошо известны жития Фридиана из Лукки (умер в 588 г.), Колумбана ди Боббио (542–615 гг.), Доната Фьезольского (умер в 874 г.), Андреа Фьезольского Шотландца (IX в.), Силлана из Лукки (Св. Силлан, XI в.). Все эти монахи были благородного, если не королевского, происхождения [Stokes, *ibid.*]. Маргарет Стоукс, археолог, в значительной степени обогатила текст иллюстрациями архитектурных деталей.

К концу VIII в. ирландское культурное наследие слилось с наследием лангобардов и привело к созданию обновленного искусства. *Magistri comacini* (комачинские мастера), являющиеся создателями романского стиля, представляли собой разнородное сообщество художников разных национальностей, часто монахов, которые уже в VI в. обосновались в городе Комо под защитой Ломбардской короны: пользовались особой поддержкой и правовым статусом. *Magistri comacini* распространили в Европе новое романское искусство, тот универсальный архитектурный язык, который является основой возрождения европейской культуры.

В заключение можно признать многочисленные сходства между лангобардской архитектурой, нормандской архитектурой и так называемым ирландским романским стилем, а также наличие влияния Кавказской Албании, особенно в заимствованных крестообразных и зооморфных фигурах и в старейших элементах декора с плетением.

Вероятно, из-за благоприятных географических условий Средиземноморья на заре средневековья художественные связи объединили Кавказ, Италию, а затем и весь Запад. В то время отношения искусства с религией были самыми тесными. Ощущения, создаваемые изображениями, были более действенными, чем знание Евангелия. Для Запада жизненно важна прямая связь с традициями. Безусловно, знаковыми являются установившиеся в первые века христианства между Кавказом и северной Италией художественные отношения, от которых сейчас осталось лишь несколько предметов, редких и бесценных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Armando De Guio, Paolo Zammatteo (a cura di). Luserna: la storia di un paesaggio alpino, Atti del convegno “Sul Confine... Percorsi tra archeologia, etnoarcheologia e Storia lungo ipassi della Montagna di Luserna”, p.43-61.
2. Della lingua de’primi abitatori dell’Italia opera postuma del Padre Stanislao Bardetti della Compagnia di Gesii Teologo di S.A.S. il Signor Duca di Modena In Modena MDCCLXXII Presso la Societa Tipografica Con Licenza de’Superiori, 156.
3. Gian Pietro Brogiolo, Enrico Cavada, Monica Ibsen, Nicoletta Pisu, Matteo Rapana, APSAT11. Progetti di archeologia. Chiese trentine dalle origini al 1250, Volume 2, Provincia autonoma di Trento, 2013, Pieve di Lomaso, in: www.cultura.trentino.it.
4. Giovanni Battista Della Porta, Giovanni Frau. Toponomastica storica della citta e del Comune di Udine, Society filologica Friulana, Udine, 1991.
5. Johannes Rau. II Nagorno-Karabakh nella storia dell’Azerbaigian, a cura di A.Biagini, D.Pommier Vincelli, ed. it., Edizioni Nuova Cultura, Roma, 2011.
6. Jorg Jarnut. Storia dei Longobardi, 2002.
7. Kehnel Annette. Father and Sons in the cloister: Ecclesiastical Dynasties in the Early Irish Church, 2008.
8. Mamedova F. Christianity in Caucasian Albania. History, Spring 2006, Volume 1.1, in: http://www**.** visions.azien/news/150/d 1 b662a0/
9. Marazzi Aristide. Caratteristiche degli stili, Guida illustrata, Voll. 1-III, 1931.
10. Marcigliano A., Mecca A., Visintainer E., Zammatteo P. La Chiesa Apostolica Albana: le radici di m simbolo dell’Azerbaigian, II Nodo di Gordio 2014.
11. Stokes Margaret. Six Months in the Apennines, or A pilgrimage in search of vestiges of the Irish saints in Italy. With numerous illustrations, 1892.

Мамедова Лейла
Ученый секретарь Бакинской Музыкальной Академии им. У.Гаджибейли, профессор кафедры «Хоровое дирижирование», доктор философии по искусствоведению

ОБ АЛБАНСКОМ ПЕРИОДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЛИБА МАМЕДОВА

Галиб Гасан оглу Мамедов (19.04.1946, г.Гянджа) – известный азербайджанский композитор, с 2002 г. проживающий в Норвегии. На формирование его личности, как композитора повлияли ведущие азербайджанские композиторы – Фикрет Амиров, Кара Караев, Джевдет Гаджиев и Хайям Мирзазаде. С первых же минут своего становления Г.Мамедов унаследовал от них помимо замечательной школы, стремление к познанию, умение глубоко вдумываться в поставленную задачу, творческую самокритику, необыкновенную скромность.

Приведем цитату из интервью (от 05.04.2013 г.) автора статьи с Хайямом Мирзазаде, который в те годы работал в Музыкальном Училище и в Консерватории: «*В класс К.Караева Г.Мамедов поступил по моему совету. Хорошо зная его творческий потенциал, я считал, что с таким «багажом» нужно учиться только у К.Караева. На самом деле, Г.Мамедов по природе очень тонкий, изящный музыкант. Используемые им интонации были очень свежими для того времени, гармонический язык –интересный, соответствующий мелодическому мышлению. Образность произведений Г.Мамедова очень светлая, содержательная и интересная. Все это дало мне право рекомендовать его в класс К.Караева*». Именно эти качества стали отличительной особенностью Г.Мамедова.

В годы учебы в Консерватории Г.Мамедов проявил себя как многообещающий композитор, его дипломная работа – вокально-симфонический цикл «Семь баяты» (1974) для меццо-сопрано, тенора и симфонического оркестра, имела большой успех.

Г.Мамедов – автор целого ряда замечательных сочинений, в том числе: «Allegro» для струнного квартета (1974); «Pərvanə» (1975) для камерного оркестра (1977); «Uzeyir dastanı» для струнного оркестра (1977); Соната для фортепиано, посвященная писателю Генриху фон Клейсту (1979) [9]; Пастораль для симфонического оркестра (1979); Миниатюры для камерного оркестра (1981); «Элегия памяти Кара Караева» (1982); хореографическая зарисовка «Нушаба и Александр», по Низами Гянджеви (1983), позже, в 1985 г. была завершена работа над балетом «Сокровищница тайн»; 7 детских пьес для фортепиано (1983); «Детский альбом» для камерного оркестра (1984); «Вальс» для камерного оркестра (1988); вокальный цикл «Псалмы Давида» (на англ. яз.) для меццо-сопрано, баса и камерного оркестра (1992); Псалмы №39 и №52 для хора *a cappella* (1994); 40 Псалмов для Лютеранской общины г.Баку (2013); вокально-хоровой цикл «Landet vi kommer fra» (1997); кантата для хора, чтеца, солиста и камерного ансамбля «Summerland» на слова Э.Скейе (премьера в Осло, Зал Нобелевской премии); «İlahilər» (2003); музыка к театральным постановкам «Молла Насреддин», «Джавад хан», «Пепельный мальчик» (1997, 1999, 1998); музыка к кинофильму «Haray, Xocalı» (1993); камерно-инструментальные сочинения; ряд фортепианных пьес; романсы и песни на стихи азербайджанских и зарубежных поэтов; хоры и хоровые обработки азербайджанских народных песен [Мамедова, 2020, с.32-40] и многое другое.

Особо отметим и то, что в 1984 г. Г.Мамедов делает расшифровки девяти азербайджанских мугамов, записанных с исполнения выдающегося тариста Азербайджана Бахрама Мансурова: «Mahur-Hindi», «Şüştər», «Segah», «Bayatı-Şiraz», «Bayatı-İsfahan», «Bayatı-Kürd», «Navaa», «Çoban- Bayatı» и «Çaharqgah» [Гаджибеков, 1957].

Благодаря ему композитор приобрел большие познания в области профессиональной музыки устной традиции Азербайджана, которые он в будущем мастерски применял в своих произведениях.

Нужно сказать, что в конце 80-х гг., в 1988–1889 гг. музыка балета «Сокровищница тайн» заинтересовала выдающегося артиста балета, балетмейстера, хореографа, театрального режиссера, актера и педагога, Народного артиста СССР Владимира Васильева. Он собирался ставить этот балет в Америке, в Баку и даже в одной из арабских стран.

«*Музыка Галиба Гасан оглы не может не увлечь многочисленных зрителей. Его я расцениваю как талантливого композитора с тонкой душой и эмоциональностью*… [*единение которых*. – Л.М.] *создадут очень интересное произведение для театра*», – писал он в своем письме американскому продюсеру. К сожалению, осуществить постановку балета ввиду определенных обстоятельств так и не удалось.

Большую роль в творческой биографии Г.Мамедова сыграло произведение «Две Молитвы Зоратустре и Кришне» для фортепиано, голоса (ханенде) и магнитофонной ленты, с записью звучания индийской флейты, созданное им в 1987 г. Г.Мамедов находит интересные точки соприкосновения между индийской рагой Бхопали и азербайджанским мугамом Раст. Концепция и структура сочинения отражают сформировавшийся к тому времени внутренний мир композитора, основанный на изучении множества метафизических идей, на попытке прояснить для себя фундаментальные понятия, с помощью которых люди познают мир – существование, объекты и их свойства, пространство и время, причину, следствие и вероятность событий, связь культур и народов. Произведение было создано в виде отражения своеобразных ассоциаций, посетивших автора в момент медитации.

Джевдет Гаджиев очень высоко оценил это сочинение Г.Мамедова, горячо поддержав идею о связи многих культур. Именно творческая удача и вдохновила Г.Мамедова на расширение замысла и вторую редакцию (2002). Кроме того, обращение к подобному синтезу искусств – Culturmix стало основой стиля композитора Г.Мамедова в последующие годы. И если в этом сочинении он обращает внимание слушателей на близость индийской раги и азербайджанского мугама, то далее его заинтересовывает близость между норвежскими народными инструментальными наигрышами – слотте и древними азербайджанскими песенными темами, и историей музыки Древней Албании и др.

В 1999 г. начинается новый этап в творчестве композитора, который условно можно обозначить как «албанский период». Вначале этого периода Г.Мамедовым была написана концертная пьеса «Allegro Albana» для камерного оркестра. Сам автор считает это произведение одним из лучших своих сочинений. Интересно заметить, что первые наброски «Allegro Albana» были сделаны в дороге, в поезде, следующем из родной Гянджи – в Баку. Все произведение пронизано радостным, весенним настроением. Завершено сочинение было летом, когда композитор отдыхал в деревне Киш, около г.Шеки, вместе с семьей талантливого азербайджанского художника Уджала Ахвердиева. В то время шло восстановление полуразрушенной албанской церкви в Кише, и вместе они много времени проводили в беседах о судьбах мира, об истории Азербайджана.

Как известно, храм в Кише часто называют «Матерью церквей» на Южном Кавказе. В пользу этой версии говорят результаты радиоуглеродных археологических исследований, одним из инициаторов которых был знаменитый норвежский путешественник и этнограф Тур Хейердал, который посетил эту церковь в 2000 г.

В период правления Президента Азербайджана и Общенационального Лидера азербайджанцев мира Гейдара Алиева, МИД Норвегии в 2000–2003 гг. финансировало совместный проект Азербайджанского университета архитектуры и строительства и Норвежского Гуманитарного общества по археологическому исследованию и реставрации церкви в Кише.

Нужно сказать, что Г.Мамедов принимал самое активное участие в реставрации этой албанской церкви в качестве консультанта с азербайджанской стороны по вопросам культуры и реставрации Норвежского Гуманитарного общества и правительства Норвегии.

Древняя истории Албании глубоко заинтересовала Г.Мамедова, и не случайно им было создано несколько сочинений.

Возвращаясь к «Allegro Albana» отметим, что произведение было написано специально для Го-

сударственного Камерного оркестра Азербайджана и посвящено его художественному руководителю Теймуру Гейчаеву.

Следующее произведение «албанского» периода Г.Мамедова – «Oratorium Albanum» – можно смело назвать музыкальным памятником истории Азербайджана. В 2000 г. Г.Мамедов создает широкомасштабное сочинение для смешанного и детского хора, симфонического оркестра, органа, кяманчи и солистов. Впервые оратория прозвучала 26 сентября 2003 г., на авторском вечере композитора в Камерном и Органном Зале г.Баку, который был приурочен к открытию исторического музея Кавказской Албании в Азербайджане. Оратория прозвучала в исполнении Азербайджанского Государственного симфонического оркестра им.У.Гаджибейли под управлением Рауфа Абдуллаева и Государственной Хоровой Капеллы, художественным руководителем которой является Гюльбаджи Иманова. Соло на кяманче исполнил Эльшан Мансуров. Это был примечательный и незабываемый авторский вечер Галиба Мамедова. В зале были выставлены картины замечательного художника Намика Мамедова, изображение которых также было и на программе концерта.

«Oratorium Albanum» представляет собой одно из крупнейших произведений новейшего времени в жанре хоровой музыки Азербайджана. Первоначально автор, задумывал написать на рубеже XX–XXI веков «Мессу Огня». Он планировал назвать её «*Mystery of Jesus Christe*» – «Тайна Иисуса» (под таким наименованием в итоге представлена последняя, пятая часть оратории). Однако позже, в процессе работы над либретто, он несколько переосмыслил сочинение.

Оригинальность оратории обусловлена введением в состав большого симфонического оркестра кяманчи, являющейся на ряду с таром и дэфом ведущими инструментами азербайджанского профессионального искусства устной традиции – мугамного трио, имеющего многовековую историю. Кроме того, для более яркого выразительного показа образов оратории и их реалистической передачи автор использует детский хор, выступающий совместно со смешанным хором. Наконец, особую самобытность произведению придает избранная композитором тема – единение народов, близость культур, общечеловеческие ценности. Раскрытие темы сочинения осуществляется в пяти частях, тексты к которым написаны на латыни, что на тот период было новшеством в азербайджанской хоровой музыке ораториального жанра. Автор либретто – норвежский писатель и поэт Эйвинд Скейе.

Оратория посвящена истории родной земли, ныне одной из самых передовых стран мусульманского Востока – Азербайджану, и уходит своими корнями в далекое прошлое – эпоху древности, когда на территории этой земли существовало Албанское государство, где исповедовали и христианство.

В основе идеи «Oratorium Albanum» – представление истории Азербайджана, издревле известной как «страна огней», переосмысленной под данную ситуацию цитатами из Библии об «огне неугасимом». По замыслу композитора, музыка произведения должна была передать слушателям, вне зависимости от их национальности, историческую значимость Кавказской Албании не только в истории Азербайджана, но и всего Южного Кавказа.

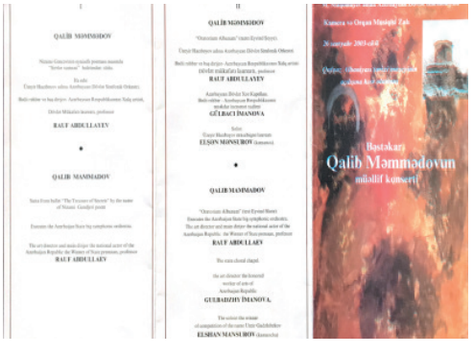
«Oratorium Albanum» – одно из самых ярких сочинений не только в творчестве Г.Мамедова, но и во всей азербайджанской хоровой музыке в целом. Работа над постижением сложнейшего внутреннего образа

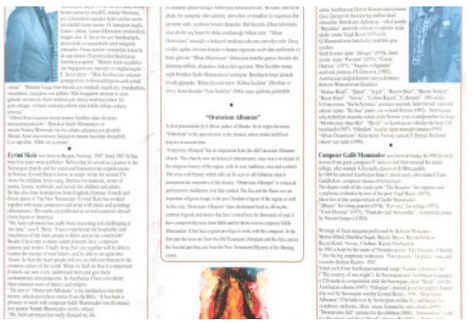

Албанская церковь Киш. 2003

сочинения, над раскрытием характера в самых подробных и глубинных психологических аспектах – это была едва ли не самая главная и самая трудная задача. Г.Мамедов понимал сложность этой задачи, но его внутреннее чутье, профессионализм, гармония мысли и чувства, утонченная творческая интуиция и неординарность мышления привели в итоге к созданию весьма значительного хорового опуса [Алиева, 1990].

При этом основная задача композитора была сконцентрирована на необходимости сохранения и закрепления связи времен и поколений, взаимосвязи культур и единении народов. И нужно признать, что художественный расчет Галиба Мамедова оказался безошибочным. «Oratorium Albanum» можно смело назвать вершиной творчества Г.Мамедова [Мамедова, 2016, с.64-81; Мамедова, 2016а].

В продолжение албанской темы, параллельно с работой над оратorией, Г.Мамедов создаёт «İlahilər», которое прозвучало во время открытия отреставрированной албанской церкви в с.Киш в 2003 г., в самой церкви. Сочинение написано в форме баяты и представляет собой театрализованное народное сказание. По мнению Г.Мамедова в нем показана исходящая из нашей истории и культуры богатая духовная палитра азербайджанского народа, открытого к разным формам медитаций, как особым формам углубленного размышления (напомним, что само слово «медитация» в разных контекстах означает «обдумывать», «мысленно созерцать», «вырабатывать идеи»).

Исполняли сочинение инструментально-вокальное трио артистов Азербайджанского Государственного театра «YUG» (художественный руководитель Вагиф Гасанов). Инструментальное сопровождение было поручено древним азербайджанским инструментам – ней, уд, саз и гавал.

Это был своеобразный музыкальный театр, где автор задумал показать, параллельно с музыкальным материалом, элементы древней культуры молитвы, древние обряды с использованием «aroma» – сжигания травы «üzərlik» (гармала обыкновенная), старинной медной посуды, из которой с помощью различных предметов извлекались необычные вибрирующие мистические звуки, и звука, льющейся из кувшина воды. Также были зажжены свечи, символизирующие время, отведенное молитве. С помощью определенных запахов и звуков, композитор стремился воссоздать особую атмосферу таинства древних религиозных обрядов и молитв, элементы которой сохранились до наших дней в устном народном творчестве, в частности у ашугов. Неслучайно, все это воплотилось в форме близкой к дастану. Таковым является авторское представление об албанском христианстве.

В 2002 г. Г.Мамедовым была создана детская кантата «Drömmenes Fjell» («Сновидения гор») на слова Э.Скейе. Эта кантата также на тему Древней Албании. В виду того, что Норвежское правительство принимало самое активное участие в реставрационных работах албанской церкви в Кише, им хотелось в популярной форме донести до своих граждан историю албанского христианства. Наиболее популярной формой для этого они сочли детскую телевизионную передачу. Премьера кантаты состоялась в Норвегии, в г.Ульстенвик. В ней приняли участие около 200 детей, отобранных со всей Норвегии. В целом, кантата рассчитана на детский хор, актеров и солистов (5 действующих лиц из числа взрослых), а также камерный состав оркестра. «Drömmenes Fjell» имеет большой успех и неоднократно демонстрируется по норвежскому телевидению.

В заключении хотелось бы сказать, что Галиб Мамедов – талантливый, неординарно мыслящий композитор, каждое произведение которого отличается рельефным, весьма убедительным художественным образом. Композитор в совершенстве владеет богатством палитры тембровых красок, тонко продуманной нюансировкой, утонченной творческой интуицией, лаконичностью письма, в связи с чем – он прекрасный миниатюрист. При этом ему не свойственны трафаретные решения, он ищет свои пути, свой, индивидуальный подход к слушателю. Обратим внимание и на то, что он крайне требователен к себе, самокритичен. Откровенность, искренность и душевная чистота Г.Мамедова, как человека предопределенно проявляются и в его сочинениях. В итоге все его сочинения с легкостью проникают в душу каждого слушателя и захватывают всю широкую аудиторию, покоряя сердца как любителей музыки как таковой, так искушенных профессиональных музыкантов.

Творческий потенциал Г.Мамедова весьма значительный. Его практическая деятельность, основное русло которой направлено на необходимость сохранения и закрепления связи времен и поколений, взаимосвязи между культурами и народами убедительно доказывает глубокий гуманизм и содержательность его творчества.

Мир художественных образов композитора Г.Мамедова, отличающий его от современников, представлен своеобразными неординарными концепциями, многоцветным разнообразием тембров и очень искренними, незамутненными эмоциональными красками. Все его творчество характеризует не столько мир, сколько его способность воспринимать мир.

Интуиция подсказывает, что в скором времени композитор еще вернется к албанской тематике, тем более что есть замечательный повод.

После Великой Победы Азербайджана во Второй Карабахской войне был освобожден от захватчиков Карабах и среди ряда албанских храмов и древний албанский монастырский комплекс Худавенг (VI–XIII вв.) вблизи азербайджанского села Венг Кяльбаджарского района. Все эти годы храм неправомерно представлялся армянами всему миру как древнеармянская церковь. Наконец, после 30-летней оккупации, удинский народ Азербайджана вернулся в стены своего Божьего Храма. Удины – единственный этнос, унаследовавший христианство Древнего государства Кавказской Албании.

Азербайджанский народ всегда был толерантен. Все нации и народности, проживающие на его территории, никогда не ощущали каких-либо притеснений. А творческая интеллигенция Азербайджана – композиторы, писатели, поэты, художники – одинаково любимы и уважаемы всеми. У Галиба Мамедова – особые дружеские отношения с представителями Албано-удинской христианской общины, проживающими в Азербайджане. И мы надеемся, что он еще не раз порадует всех почитателей своего таланта новыми произведениями, и албанский период в его творчестве ещё не завершен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Hacılı Ü. Azərbaycan–Norveç musiqi əlaqələri: Sənətşünaslıq fəlsəfə doktoru diss. Avtoref. Bakı, 2016, 25 s.
2. Алиева Н.А. Об аспектах полифонического многоголосия в музыке устной традиции Азербайджана. Научно-методическая разработка. Баку, 1990, 56 с.
3. Гаджибеков У.А. Основы азербайджанской народной музыки. 2 изд., Баку: Азгосмузиздат, 1957, 116 с.
4. Мамедова Л.М. Музыка, в которой я живу: Галиб Мамедов – 70 // «Musiqi dünyası», Bakı, 2016, №1/66, с.59-67.
5. Мамедова Л.М. «Oratorium Albanum» Галиба Мамедова // «Musiqi dünyası», Bakı, 2016, №2/67, с.64-81.
6. Мамедова Л.М. Творческий путь Галиба Мамедова. «Oratorium Albanum». Учебное пособие. Баку: Тип. АГПУ, 2016а, 92 с.
7. Мамедова Л.М. Традиции и новаторство в хоровом творчестве Галиба Мамедова // Электронный журнал «Harmony» 2015, №14, 3 с.
8. Мамедова Н.Б. Обработки народных песен для хора (на примере творчества Галиба Мамедова) // Электронный журнал «Музыковедение», М., 2020, №9, с.32-40 *https://elibrary.ru/item.asp?id=43946064*
9. Рагимова Н.А. Норвежские страницы азербайджанской музыкальной культуры// журнал «Şərqi», Bakı, 2/2002, с.6-10.
10. Сеидов Т.А. Развитие жанров азербайджанской фортепианной музыки. Баку: Шур, 1992, с.215-217.

Сайтография: http://www.galibgasan.com

Рзаева Салтанат
Преподаватель кафедры «Дизайн и декоративно-прикладное искусство»,
Азербайджанский Государственный Университет Культуры и Искусства,
доктор философии по искусствоведению

ТИПОЛОГИЯ ДОХРИСТИАНСКИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СИМВОЛОВ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Символы, изображённые на памятниках истории и искусства, обнаруженные на территории Азербайджана и датируемые IV в. до н.э. – III в. н.э., являются ценным источником для изучения типологии дохристианских изобразительных символов Кавказской Албании. Безусловно, они использовались в качестве носителей и переносчиков информации и поэтому имеют большое значение при изучении древней истории. Следовательно, символ выступает в виде ключа, с помощью которого возможно прочесть о мировоззрениях жителей Кавказской Албании.

На территории Азербайджана найдено огромное количество символов изображённых на петроглифах, керамических, бронзовых и других изделиях. Большинство исследуемых изображений было тщательно изучено со стороны таких азербайджанских ученых – археологов, историков и искусствоведов, как С.М.Казиев, И.М.Джафарзаде, Т.И.Голубкина, Р.М.Ваидов, О.Ш.Исмизаде, Д.Н.Рустамов, Ф.М.Мурадова, Дж.А.Халилов, И.Г.Нариманов, Ф.Л.Османов, А.Б.Бадалов, А.И.Алекперов, Г.О.Гошкарлы, И.Бабаев, Г.Джабиев, Г.М.Асланов, Н.И.Рзаев, Р.Эфенди, Н.В.Гулузаде, Ф.С.Халилли, Г.К.Ахундова и других.

Актуальность данного исследования заключается в том, что изобразительные символы, существовавшие в IV в. до н.э. – III в. н.э. на территории Кавказской Албании, не были объектом специального типологического исследования. Ученые изучали символы в рамках определенного географического ареала, временного периода, вида изделий, а также материала.

В данном исследовании в качестве решающего параметра для определения классификации символов избрано распределение изображений по типам. Они разделены на антропоморфные, **астральные, геометрические, зооморфные, растительные, полиморфные, а также клейма и знаки.** Кроме того, была сделана попытка прояснить семантическое значение исследуемых символов. Вследствие обширности данной темы были включены исследования, в которых была изучена их семантика на основе данных исторической, археологической, искусствоведческой, этнографической литературы и фольклора [Рзаева, 2011, 2013, 2015, 2019] и исследования символов, имеющиеся на изделиях обнаруженных археологами в последние годы.

По способу изображения все символы разделены на графические двухмерные и пластические трёхмерные изображения. Среди двухмерных графических изображений встречаются как отдельные символы, так и соединённые в композициях.

Антропоморфные символы. Графические композиционные изображения в зависимости от темы подразделяются на охотничьи, батальные, культовые и неидентифицированные темы.

1. ***Тема охоты*** – наиболее древняя и распространённая в тематике наскальных изображений Гобустана отражает охотничий культ. Имеются следующие подтипы: *пеший охотник* [Cəfərzadə, 1999, с.194, рис.10,13,14]*, охотящийся всадник* [Ахундова, 2020, табл.XIX, рис.10; Cəfərzadə, 1999, с.178, рис.4.] *и борьба человека со львом* [Бабаев, 2010, с.19; Ахундова, 2020, табл.XXX, рис.5, 9].

2. ***Батальная тема*** – сцена сражения всадника с пешим воином изображена на печати-подвеске [Ахундова, 2020, с.66].

3. ***Культовые темы*** – со следующими сюжетами: *жрецы перед алтарём огня* [Рзаев, 1976, рис.166]; *человек перед древом жизни* [Ахундова, 2020, табл.XVIII, рис.1]; *человек в позе адоранта рядом с животным* [Cəfərzadə, 1999, с.154, р.11], *со звездой* [Qaziyev, 1953, табл.II, рис.1] *и фаллическая сцена* [Рзаев, 1964, рис.79].

4. ***Античные сюжеты*** имеются на перстнях [Ахундова, 2020, с.93, табл.XVIII, рис.6].

5. ***К неидентифицированным сюжетам*** относятся изображения, сохранившиеся в виде фрагмента или те которые невозможно разобрать [Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016, с.253, рис.12].

Пластические изображения людей, найденные в Азербайджане, можно разделить на **монументальные каменные скульптуры**, **камерные скульптуры** из известняка, глины, бронзы, а также **антропоморфные сосуды и фигурки**, помещаемые на керамических изделиях.

Камерные скульптуры. Среди пластических антропоморфных символов имеются два основных типа:

Тип 1. *Фигурки с поясными изображениями* (1 экз.) [Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq[1], 2010, рис.52].

Тип 2. *Стоячие фигурки в полный рост,* которые делятся на два вида.

2а) *фигурки, с изначально выделенными ногами* (Рис. 1) [AAт. Kataloq, 2010, рис.2, 3, 8-23, 26-31, 33-44, 51; Алекперов, 1994, табл.III, рис.1, 2, табл.IV, рис.4, табл.VI, рис.5, табл.VII, рис.1-3, табл. VIII, рис.5; Бадалов, 2003, табл.XXI, рис.2]. Самая многочисленная группа включает **49** экземпляров. Женские терракотовые фигурки античного периода данного вида, как правило, изображены стоячими, обнажёнными, с украшениями в виде ожерелья в виде нескольких рядов из налепленных жгутиков, браслетами, поясами. На конце длинной и утончающейся вверх шеи находится голова без лица (**3 экз.**), с подобием лица с чалмой на голове и косами (**2 экз.**). У большинства терракотовых фигурок голова, руки и ноги сломаны, хотя иногда встречаются и целые. Некоторые фигурки сформованы грубо, а некоторые прекрасно передают пластику женского тела.

2б) *фигурки, с невыделенными ногами* **(3 экз.),** некоторые из них имеют коническое основание. Ноги не показаны, так как нижняя часть фигуры расширяется книзу, возможно, изображает платье или юбку. Всего имеется три женских фигурки, ни у одной из них голова не сохранилась. Две фигурки найдены в пос.Хыныслы (Шемаха) [AAт. Kataloq, 2010, рис.53, 60], одна в Шемахе [Алекперов, 1994, табл.IV, рис.2, инв.№72; Бадалов, 2003, табл.XXI, рис.1, XX, рис.1; Ахундова, 2020, табл.XIII, рис.14].

Следует отметить также **антропоморфные сосуды** в виде женщины (**3 экз.**) (Рис. 2) [AAт. Kataloq, 2010, рис.1, 68; Алекперов, 1994, табл.XVI, рис.4] и **сосуды с антропоморфными деталями** (3 экз.) [Xəlilov, 1973; Алекперов, 1994, табл.I, рис.4, 6, с.34; Quluzadə, 2012, рис.19]. Фрагмент сосуда из Наргизава в форме головы с несколькими рядами жгутов на основании сходства с аналогичными женскими головами мы считаем женской.

Имеется группа фигурок **без признаков пола** (**17 экз.)**: *целые* [AAт. Kataloq, 2010, рис.24, 25, 32, 47, 65; Алекперов, 1994, табл.II, рис.2, IV, рис.6] и *фрагменты* [AAт. Kataloq, 2010, рис.4, 5, 46, 59, 63; Алекперов, 1994, табл.IX, рис.1, III, рис.3, 4, IX, рис.3, V, рис.4, II, рис.5]. Сохранился фрагмент головы найденный в Моллаисаклы, аналог которой имеется на целой фигурке женщины, следовательно можно предположить, что данная голова также была на женской фигурке. [AAт. Kataloq, 2010, рис.59].

В следующую группу мы отделили **фрагменты фигурок** (**15 экз.**), у которых можно определить их половую принадлежность, среди которых 11 фрагментов *женских фигурок* [AAт. Kataloq, 2010, рис.6, 7, 49; Алекперов, 1994, табл.VII рис.4, 6, 8, VI, рис.7, II, рис.6, IX, рис.4; Kərimov, Əliyev 2011, с.208; Quliyev, Xəlilli 2009, с.223] и 4 *мужские головы* [Алекперов, 1994, табл.I, рис.5, V, рис.7; Рзаев, 1976, с.191].

Таким образом, рассмотрено **91** пластических антропоморфных изображений. Из них **69** (53 фигурки +3 сосуда + 13 фрагментов (женс.)) фигурок и сосудов мы считаем женскими, **6** мужскими (фрагменты), а **16** неизвестного пола.

У многих из них сломана голова, руки и ноги, однако имеется **18** экземпляров, у которых есть голова (9 женских, 6 мужских, 3 фигурки без признаков пола). Среди них 8 – это почти целые фигурки; 2 целых керамических изделия и 8 фрагментов.

Как видно, большинство из них изображают женщин. *Женские фигурки, по мнению А.И.Алекперова, являлись символическими образами богини-Матери и, следовательно, предметами её культа, используемыми в различных обрядах*

[1] *Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq, 2010 – Aam Kataloq*

[Алекперов, 1994, с.63-66, 68-74; Рзаева, 2015, с.8-9,12].

Кроме рассмотренной камерной скульптуры на территории Азербайджана встречаются **массивные каменные скульптуры** (Рис. 3). Подобных статуй немного, что связано с разрушениями языческих памятников со сторон зороастрийцев, христиан, мусульман. Каменные антропоморфные изваяния обнаружены у сел.Шатырлы около Барды, из Шемахинского района (Хыныслы, Даг Коланы, Чыраглы) и т.д. Исследователи подробно рассматривали их в своих работах [Халилов, 1985, табл.XXXVI, с.188-189; 1986, с.78-81; Геюшев, Халилов, 1986; Рзаев, 1976, рис.185-190, с.179-185; Эфенди, 1986]. Статуи высекались из больших обработаных глыб камня, во весь рост или по колено, у многих сохранилась голова. Эти схематично исполненные массивные, монолитные фигуры, на которых отсутствует детальная обработка частей тела, а черты лица и тела даны условно. Среди них встречается два положения рук: согнутые в локте и поднятые вверх и обе руки прижаты к груди, левая рука расположена над правой (у некоторых, правая рука расположена на животе или достаёт до левого бока).

В труде «История албан» Моисей Каланкатуйский отмечает, что эти каменные фигуры воздвигались в честь могущественных воинов и полководцев [Эфенди, 1986]. Согласно мнению Дж.Халилова, «…есть сведения о бытовании в Албании…статуй богов и предков. Возможно, что исследуемые нами статуи также имели *культовый характер….. Большинство таких изваяний являлось надгробными памятниками…»* [Халилов, 1985, с.188-189]. Н.Рзаев среди найденных статуй помимо мемориальных памятников выделяет также памятники *культового характера, как например, женскую фигуру из сел.Гарибли, Таузского района* [Рзаев, 1976, с.185]. Он также предполагает, что *«надгробные памятники воплощают пластические образы умерших, скорее всего храбрых и знатных воинов»* [Рзаев, 1976, с.182]. Подобная традиция особенно характерна для древнетюркских народов, на что не раз обращалось внимание исследователей.

Как видно, антропоморфные символы имели устойчивое место в искусстве Кавказской Албании.

Астральные символы. Древние албанцы поклонялись небесным светилам, которые изображались с помощью различных знаков на наскальных рисунках, изделиях из керамики и металла. К данному типу мы относим символы повторяющие форму небесных тел (круг, звезда, полумесяц), а также общепринятые астральные символы, имеющие разную семантику – крест, свастику и спираль. Солярные знаки имеют несколько типов и являются наиболее распространенными в древний период.

Символ круга. Обнаружены изображение *простого символа круга* [Ахундова, 2020, с.54-55] и *концентрических кругов* [Ахундова, 2020, табл.XIV, рис.3; Халилов, 1985, табл.VII, рис.6], а также *три вида круга с отрастающими лучами*: 1) круг с отрастающими лучами (Рис. 4) [Исмизаде, 1956, табл.XIV, рис.1]; 2) круг с отрастающими лучами, заключенный в круг [История Азербайджана, 1958, с.74; Ахундова, 2020, табл.XII, рис.4]; 3) круг с отрастающими лучами, внутри которого имеется один или более других кругов [Гошгарлы, 2012, табл.XXXIV, рис.5; Quluzadə, Ağayev, 2012, с.69, 72].

Символ звезды *свидетельствует о наличие астрального культа.* Звезда с восемью лучами есть на керамическом сосуде из Мингячевира возле фигур гусей и оленей, а с шестью лучами на печати из Мингячевира рядом с фигурой мужчины [Рзаев, 1964, рис.84, 86; Qaziyev, 1953, табл.II, рис.1].

Символ полумесяца *свидетельствует о культе Луны,* он встречается открытой частью вниз на сосудах Ялойлутепинской культуры (Рис. 5) [Исмизаде, 1956, табл.XIV, рис.2; табл.XVII, рис.1; табл.XX, рис.2; Халилов, 1985, табл.V, рис.4; Рзаев, 1976, рис.75].

Символ креста *обозначает четыре стороны света и Солнце,* имеется на бусинке из Мингячевира рядом с профильным изображением птицы, а также в качестве знака на керамике [Vahidov, 1961, табл.X, рис.19].

Символ свастики *обозначает четыре стороны света, идею движения и является символом Солнца.* Четырехсторонняя *свастика*, основой которой является крест, имеется на бусинке из кувшинного погребения №23 и перстне [Ахундова, 2020, табл.XVIII, рис.10].

***Символ спирали**, его значение многие исследователи связывают с Солнцем, а также с движением жизни.* Символ спирали изображался на бронзовых подвесках (Рис. 6) [Quluzadə, Ağayev, 2012; Xəlilov, Aslanov, 1973, табл.II, рис.15].

Астральные символы, изображенные на памятниках искусства, отражают религиозные культы, восходящие к почитанию небесных светил [Рзаева, 2015, с.7, 13-14]. *Фактический материал лишь подтверждает сообщение Страбона о почитании албанами Гелиоса, Зевса и Селены* [Алиев, 1992, с.151-152].

Геометрические символы. Линия, треугольник-зигзаг, ромб-сетка.

Символ линии широко использовался в декоре различных изделий Азербайджана. Чаще всего линия одна или несколько окаймляли горло сосуда, образуя бордюрные полосы. *Этот символ опоясывал предметы, таким образом, защищая их от злых сил.*

Символ треугольника встречается отдельно в виде серег треугольной формы, а также, соединяясь по горизонтали, превращаясь в зигзагообразный орнамент, являющимся одним из самых распространённых в искусстве Кавказской Албании (Рис. 7). Прорези на колокольчиках часто имеют треугольную форму [Ахундова, 2020, табл.XVI–XVII]. *Знак треугольника может иметь значение горы.* З*игзагообразная горизонтальная линия имеет значение горной гряды, а в более мягком варианте текущую воду, играя роль оберега.*

Символ ромба встречается в искусстве Кавказской Албании. Он может изображаться отдельно, соединяться по горизонтали, образуя кайму (Рис. 8) (реже по вертикали) [Əliyev, Babayev, Hüseynova, Əliyev, 2009, с.192]. Символ ромба, соединяясь между собой, образует сетчатый орнамент, как например, на печати из Мингячевира (Рис. 9) [Vahidov, 1961, табл.X, рис.22].

Общепринято значение ромба как раннеземледельческого символа, связанного с культом плодородия. Сеточный орнамент, образованный соединением ромба, имеет значение оберега и усилителя плодородия. Таким образом, наиболее распространёнными геометрическими символами, можно назвать символ линии, треугольника-зигзагообразной линии и ромба-сетки [Рзаева, 2015, с.13-14].

Зооморфные символы. Среди них встречаются символы птицы, змея, оленя, лошади, быка, козла, барана, хищных животных (семейства кошачьих, волка, собаки) и зайца.

Символ птицы устойчиво присутствует в искусстве Албании (в виде зооморфных сосудов и декора на сосудах, перстнях-печатях) [Бабаев, 2010, с.19, 21]. Среди различных символов птиц преобладают изображения утки и гуся, реже орла, петуха, павлина (Рис. 10) [Ахундова, 2020, табл. XV, рис.7; табл.XXXII, рис.7; Казиев, 1949, табл. IV, рис.4]. Встречается композиция с изображением водоплавающих птиц, стоящих перед древом жизни [Рзаев, 1964, рис.82, 84]. Образ утки оказался также наиболее распространенным среди зооморфных сосудов, трансформировавшихся позже в зооморфные фляги [Рзаев 1964, с.10; Голубкина 1951, рис.10, 11; Бадалов, 2003, табл. XXV, рис.3].

Их образы являлись амулетами, а также связывались с культами Солнца, плодородия и погребальным, а также с зороастризмом [Рзаева, 2015, с.7-10].

Символ змеи изображался ползущим по вертикали к верху сосуда или, по горизонтали опоясывая весь сосуд [Рзаев, 1964, рис.16]. В ювелирном искусстве образ змеи часто использовался для создания серег и браслетов [Ахундова, 2020, табл.XXIII, рис.2, 3; табл.XXIV, рис.2, 4, 5; табл.II, рис.9, 10].

Символ змеи, помещенный на различных изделиях, на раннем этапе мог иметь значение амулета и оберега, однако с усложнением религиозных взглядов стал связываться с подземным миром и участвовать в погребальном культе [Рзаева, 2015, с.8-10].

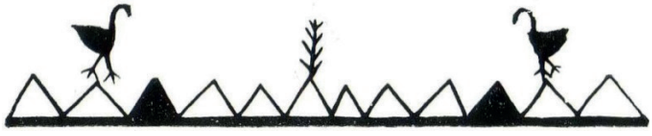
Символ оленя обнаружен на наскальных рисунках Гобустана, керамических сосудах, костяном гребне [Рзаев, 1976, рис.161], бронзовом медальоне и печатях [Vahidov, 1961, табл.XIV, рис.4]. Распространены бронзовые подвески в форме тела оленя трёх видов: 1) подвеска в форме оленя [Quluzadə, Ağayev, 2012]; 2) подвеска в форме оленя с ногами в виде колец [Асланов, Нариманов, 1962, табл.V, рис.5,6]; 3) подвеска в форме оленя, смотрящего назад [Quluzadə, Ağayev, 2012, с.63]. Найдены глиняные зооморфные сосуды в форме тела оленя трёх типов: 1) олень с горлом

Антропоморфные *1* *2* *3*

Астральные *4* *5* *6*

Геометрические *7* *8* *9*

Зооморфные *10* *11* *12*

Растительные *13* *14*

Полиморфные *15* *16* *17*

Знаки и клейма *18* *19* *20*

сосуда на спине [Бадалов, 2003, табл.XXV, рис.1, 2,5]; 2) олень с горлом сосуда на крупе [Quliyev, Əbdürəhmanov, Quluzadə, Xəlilli, 2011, с.188]; 3) ритон (Рис. 11) [Голубкина, 1951, с.19, рис.29]. Имеются также фрагменты тела оленя [Алекперов, 1994, табл.XIV, рис.5]. Встречаются следующие графические композиционные изображения оленя: 1) шествие оленей [Xəlilov, 1973, с.251-257]; 2) сцена охоты и терзания [Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları, 2013, рис.143]; 3) культовые сцены: олень рядом с древом жизни [Рзаев, 1964, рис.13; Muradova, Rüstəmov, 1986, табл.IV, рис.2], олень рядом с фигурой человека в позе адоранта [Cəfərzadə, 1999, с.154, рис.12].

Исследователи считают, что олень являлся священным животным для древних албан [Рзаев, 1964, с.11; Göyüşova, 2018, с.147-149; Ахундова, 2020, с.165-169 и др.]. *Его образы связывались с тотемизмом, женским божеством-матерью зверей, культом Солнца и плодородия, древом жизни, являлись оберегом. Традиция их изображать продолжилась на средневековой керамике и надгробных камнях, особенно в сценах охоты* [Rzayeva, 2011, с.178-208].

Символ лошади встречается на наскальных рисунках Гобустана, в виде камерной пластики из глины и бронзовых подвесок, зооморфных глиняных сосудов и их деталей. Бронзовые подвески и терракотовые камерные фигурки в форме лошади обнаружены в Наргизава, Моллаисаклах, Исмаиллах (Рис. 12) [Quluzadə, Ağayev, 2012, с.89, 91-94, 96, 97; Ахундова, 2020, табл.XV, рис.2; Алекперов, 1994, табл.XIV, рис.1, 2]. Фигурки и полуфигурки лошади использовались в качестве активного декора на сосудах [Голубкина, 1951, рис.6]. Среди различных рисунков мы выделили отдельное изображение лошади, а также следующие сцены: *охота* [Cəfərzadə, 1999, с.178, рис.4; Ахундова, 2020, табл.XIX, рис.10]; *батальная сцена* [Ахундова, 2020, табл.XIX, рис.5] и *неидентифицированный сюжет* [Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016, с.253, рис.12].

Жители древнего Азербайджана из всех домашних животных больше почитали лошадь. Трепетное отношение к ней являлось следствием огромной роли, которую играла лошадь в жизни народов. Её образы считались амулетами, были связаны с богиней-Матерью, тотемизмом, имели связь с культом плодородия, а также с солярным и погребальным культами [Рзаева, 2015, с.7-10].

Символ быка в различных изображениях найден в виде камерных терракотовых фигурок, глиняного ритона и фрагментов сосудов бронзовых подвесок [Ахундова, 2020, с.170; Рзаев, 1976, рис.7; Алекперов, 1994, с.42; Quluzadə, Ağayev, 2012, с.85, 86].

Символ быка связан с мужским божеством, Луной, тотемизмом, плодородием, а также являлся жертвенным животным [Рзаева, 2015, с.7,9,10].

Символ козла больше всего изображался на петроглифах Гобустана разных периодов, в том числе и античном [Cəfərzadə, 1999, с.145, рис.2; с.149, рис.8; с.193, рис.2,4,5]. На фрагменте глиняного табло из Газаха изображен *козёл, стоящий перед древом жизни* [Muradova, Rüstəmov, 1986, табл.IV, рис.2]. Встречаются глиняные камерные скульптуры козла [Алекперов, 1994, табл.XV, рис.9, 10, 15], а также зооморфный сосуд [Голубкина, 1951, рис.28]. *Символ козла имеет значение как символ Солнца, тотема, плодородия, весны, изобилия и процветания жизненных сил природы, имеет связь с водой и древом, защищает от сглаза* [Рзаева, 2015, с.7-9].

Символ барана. Керамические сосуды Кавказской Албании часто декорировали изображениями барана. Среди сосудов с фигурками и полуфигурками разных животных, сосуды с пластическими изображениями барана являются преобладающими. Встречаются ручки и носики сосудов в форме тела барана или его частей, а также браслет, концы сделаны в виде головок баранов-туров [Голубкина, 1951, рис.5, 15, 16,17, 26, 32, 34; Рзаев, 1964, рис.20, 80; Алекперов, 1994, табл. XV, рис.17; табл.III, рис.5; табл.XIV, рис.6; Ахундова, 2020, табл.XXIV, рис.3]. Этот символ также имеется на серебряном блюде из Ленкорани [Кошкарлы, 1985, рис.3а].

Баран являлся тотемом, был связан с Солнцем, водой, плодородием, приносился в жертву во время разных обрядов. [Рзаева, 2015, с.7, 9-10].

Символы хищников семейства кошачьи встречались как в форме скульптур [Əfəndi 2001; Рзаев 1976, рис.192], так и в графических изображениях [Vahidov, 1961, табл.XIV, p.7]. Среди композиций можно выделить *сцену боя человека со львом* [Бабаев, 2010, с.19; Ахундова, 2020,

табл.XXX, рис.5, 9] и сцену *охоты и терзания* [Cəfərzadə, 1999, с.169, рис.5].

Символ кошачьего хищника связан с тотемизмом, солярным культом, он также имел функцию охранителя на изображаемых предметах [Рзаева, 2015, с.7-9].

***Символ собаки*.** Отдельные изображения собаки встречаются на наскальных рисунках Гобустана [Cəfərzadə, 1999, с.147], на перстнях [Ахундова, 2020, табл.XVIII, рис.2], а также в форме камерной скульптуры [Алекперов, 1994, табл. XIII, рис.4, табл.XV, рис.12; Бадалов, 2003, табл. XXVII, рис.5]. Фигурка собаки украшает некоторые керамические сосуды [Голубкина, 1951, рис.7; Рзаев, 1964, рис.8; 64; Xəlilov, 1973, с.251-257]. Имеются следующие композиции со сценой охоты: 1) с*обака на охоте с человеком* [Cəfərzadə, 1999, с.194, р.10]; 2*) сцена преследования и терзания* [Cəfərzadə, 1999, с.252, рис.14,15]; 3) *сцена борьбы* [Cəfərzadə, 1999, с.227, рис.1, 2]. *Учитывая, что собака, в первую очередь, охранное животное, его изображения на сосудах и других предметах выполняли те же функции, т.е. охраняли содержимое сосуда, хозяина от злых духов, от сглаза* [Рзаева, 2015, с.9-10].

Изобразительные ***символы зайца*** эпизодически встречаются в искусстве древнего Азербайджана [Бадалов, 2003, табл.XXVII, рис.1; İsmizadə, 1959, рис.5].

В различных мифопоэтических традициях символы птиц и животных выступают как непременный элемент религиозно–мифологической системы ритуалов, обладающий разнообразными функциями. В первую очередь они являлись тотемами, со временем став воплощением души, демиургом и божеством, его помощником или атрибутом. Их семантика изменялась в соответствии с изменениями религиозных взглядов людей.

Растительные символы. К ним относятся *условно-натуралистично изображённое дерево* (Рис. 13) [Рзаев, 1964, рис.82, 84, 86; Бадалов, 2003, табл.XXVI рис.1; Халилов, 1985, табл.V, рис.2], *дерево-пальметта* [Muradova, Rüstəmov, 1986, табл.IV, рис.2]; *розетка*. *Розетка* имеет два вида: круг с отрастающими лепестками (Рис. 14) [Ахундова, 2020, табл.XVII, рис.13, с.114] и круг, вокруг которого расположены другие круги [Исмизаде, 1956, табл.XV, рис.1, 2, 8; Ахундова, 2020, табл.VIII, рис.16]. *С помощью дерева выражалась концепция трёхмерного строения Вселенной. Розетка, по форме напоминающая цветок считается символом Солнца. Растительные символы отражали культ растительности, распространённый на территории Азербайджана исследуемого периода, который был связан с культом богини-Матери* [Рзаева, 2015, с.8,18].

Полиморфные символы. В искусстве Кавказской Албании встречаются полиморфные символы, совмещающие в себе разные признаки (графические и пластические). Среди графических полиморфных символов имеются: *крылатый человек* [Ахундова, 2020, табл.XXX, рис.4], *крылатая собака* [Рзаев, 1976, с.247, рис.169; Бабаев, 2010, с.19], *грифон с головой орла и телом льва* (Рис. 15) и *кентавр* [Ахундова, 2020, табл.XVIII, рис.7, 6; Кошкарлы, 1985, табл.XI, рис.128].

Полиморфные пластические изображения можно разделить на три типа:

Тип 1. *Фигурки с поясными изображениями* *(бюстообразный)* (5 экз.) [AAт. Kataloq, 2010, рис.54-56, 58]; к ним можно присоединить и одну аналогичную фигурку-бюст со сломанной головой [AAт. Kataloq, 2010, рис.57];

Тип 2. *Фигурки в полный рост*, *которые разделяются на два вида:*

Вид 1. *Сидячие фигурки*: а) ногообразные; б) сидящие на корточках.

1а) у имеющейся статуэтки есть голова с большим носом на утолщающейся к основанию шее, которая сразу переходит в бёдра, а ноги раздвинуты, стопы частично отломлены [AAт. Kataloq, 2010, рис.64]. Подобные фигурки в литературе получили название ногообразных, и чаще всего они исполнены в полусидящей позе [Антонова, 1977, с.37];

2б) особый интерес представляет собой 2 аналогичные серебряные полиморфные фибулы из Мингячевира и Шемахи (Рис. 16) [Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları 2013, с.64; Ахундова, 2020, с.108; Cəbiyev, 2019, с.127]. Это пластическое изображение, сидя рожающей женщины, тело которой сформировано из трёх птиц держащих в клюве человеческую голову. О связи данной фигурки с полиморфными терракотовыми фигурками, её аналогах в азербайджанских коврах, её художественном и семантическом значении мы писали в отдельной публикации [Рзаева, 2019, с.96-109].

Вид 2. *Стоящие фигурки* имеют две разновидности:

2а) фигурки с изначально выделенными ногами **(5 экз.):** у всех фигурок маленькая голова на утолщающейся книзу шее, нет ушей и рта, нос похож на птичий клюв, ноги ниже бёдер сломаны (Рис. 17) [Osmanov, 1982, с.91, табл.XVII, рис.3; AAт. Kataloq, 2010, рис.49; Рзаева, 2013, табл.II, рис.10, 23];

2б) фигурки с изначально невыделенными ногами, имеющие коническое основание, напоминающее платье или юбку **(5 экз.)** [AAт. Kataloq, 2010, рис.62, 66; Османов, 2006, с.151; Бадалов, 2003, с.82, табл.XXIII, рис.1, XXI, рис.3]. В 2019 г. в Наргизава была обнаружена женская стоячая фигурка. «У женщины длинные косы, плоский нос, круглые глаза, ожерелье изображено методом налепа (налепленное украшение). На нижней части фигурки, имеется отверстия для того, чтобы укрепить её на трости. Видно, что фигурка использовалась в религиозных обрядах» [https://azertag.az/ xeber/Nergizava…]. Мы бы добавили, что она по типу полностью аналогична фигуркам из Гырлар-тепе и с.Нуран Ахсуинского района. Особенно интересно то, что её можно было укрепить на жезле.

Тип 3. ***Антропоморфные сосуды*** в облике женщины **(2 экз.):** на лице скульптур имеются глаза, волосы, на шее ожерелье, нос, нет рта и ушей [AAт. Kataloq, 2010, рис.70; Алекперов, 1994, табл. XVI, рис.2].

***Фрагменты*.** Следует отделить фигурки, от которых сохранились части тела, имеющие *две разновидности с выраженными признаками пола* **(1 экз.) [**AAт. Kataloq, 2010, рис.51] *и без признаков пола* **(5 экз.)** [AAт. Kataloq, 2010, рис.67, 61, 45; Рзаева, 2013, табл.II, рис.19; Əfəndi, 2001, с.28]. Один фрагмент представляет собой головку аналогичную головке на женской фигурке из сел.Нуран.

Исследуя антропоморфные пластические изображения албанского периода, а именно терракотовые фигурки был обнаружен их полиморфный характер, который заключается в сочетании *головы птицы и тела человека* [Рзаева, 2013, с.280-292]. Обнаружены следующие ***типологические особенности*** данного полиморфного образа: 1) толстая у основания шея, утончаясь вверх, образует непропорционально маленькую голову; 2) отсутствие чёткого разделения на голову, шею, плечи; 3) обязательное наличие носа; 4) отсутствие ушей; 5) отсутствие рта.

У семи скульптур выделена женская грудь (у одной из них грудь не показана, но имеются широкие бёдра, характерные для женщин). Нос изображается в виде крючкообразного налепа, в форме чётко оформленного птичьего клюва или в виде налепов разной величины и формы. В большинстве своём эти носы совершенно нетипичны для человеческого лица, поскольку, для человека характерна форма носа узкого в верхней части и расширяющегося книзу. А у исследуемых фигурок широкий у основания нос суживается книзу, что похоже на форму птичьего клюва.

Таким образом, 26 фигурки (23 терракотовая, 1 бронзовая и 2 серебряные фибулы) имеют полиморфный характер, а преобладание женских черт при изображении исследуемого гибридного образа говорит о его женской природе. Пластические и изобразительные образы богини-птицы часто встречаются в древних культурах разных странах. М.Гимбутас впервые описала образ богини-птицы и проиллюстрировала ее многочисленными изображениями терракотовых скульптур VI–IV тыс. до н.э., обнаруженными в Европе [Гимбутас, 2006, с.251-258]. Очевидно, что фигурки, обнаруженные в Кавказской Албании, подтверждают существование здесь также, как и в других регионах древнего мира, культа богини-Матери с орнитоморфными чертами. Она считалась подательницей плодородия, повелительницей жизни и смерти.

Однако в последние годы обнаружены новые целые терракотовые и бронзовые фигурки, полиморфность которых заключается в сочетании черт человека-лягушки, человека-змеи. Поскольку нам не известны публикации о них, мы проведем их полное описание. В Азербайджанском Музее Археологии и Этнографии находится одна из самых крупных терракотовых женских фигур, датируемая античным периодом. Это стоящая фигурка с поднятыми вверх руками, высотой около 30 см. У неё в отличие от вышеописанных фигурок нет носа, но имеется немного растянутый приоткрытый рот. Глаза обозначены круглыми углублениями по бокам головы фигурки. На шее и на одной руке видны толстые округлые налепные жгуты, изображая ожерелье в 4 ряда и браслеты. Груди удлиненной формы. Впереди по всему телу по вертикали расположены три ряда неглубоких углублений. Голо-

ва похожа на голову гибрида – полу-змеи полу-лягушки.

Другая терракотовая женская фигурка хранится в Азербайджанском Государственном Музее Искусства. Эта стоящая фигурка с раскрытыми в стороны руками. У неё нет носа и рта, а глаза обозначены с помощью дырочек. Голова её напоминает голову змеи. Шея украшена 12 рядами налепных колец, утончающихся к верху. Фигурка сзади имеет ровную плоскость, значит, у её создателей не было цели показывать её сзади. Интересно, что на месте кистей имеются отверстия, с помощью которых её можно было где-либо закрепить. На руках обозначены ряды браслетов. На открытой поверхности тела имеются вырезанные круги. Обозначены груди, а также три крупных налепа на плечах и выше живота. Идея о связи женских фигурок со змеёй были озвучены Д.А.Ахундовым, но он считал змеями ожерелья и браслеты [Ахундов, 1986, с.143-147]. Мы предполагаем что, образ змеи мог быть обозначен изображением змеиной головы на женском теле. М.Гимбутас также описала образ богини-змеи [Гимбутас, 2006, с.258-260].

Уникальные бронзовые полиморфные фигурки без признаков пола обнаружены в Наргизава. Одна из них состоит из трёх кругов, на верхней части которых на длинной шее с кольцами имеются три получеловеческие головы. «Головы в виде овалов, глаза и нос переданы выемкой» [Quluzadə, Ağayev, 2012, с.62]. Область носа образована самими углублениями. Подобная следующая фигурка состоит из двух вертикально соединённых колец, наверху которых расположена голова на длинной шее. «Рот, глаза и уши обозначены очень маленькими углублениями» [Quluzadə, Ağayev, 2012, с.62]. По мнению Ф.Халилли, это – изображения дракона, в том числе трёхголового [Xəlilli, 2015, с.29-30]. Описывая данные фигурки, он указывает на наличие глаз, носа, рта, ушей и усов. Древние люди придавали образам богов фантастический облик для того, чтобы подчеркнуть их божественность. Поэтому полиморфизм в изображениях исследуемых скульптур указывает на изображение божества.

Клейма и знаки. На керамической посуде из поселения Мингячевира III–V в. найдено изображения, разделённые Р.Ваидовым на клейма и знаки. Клейм найдено до 20-ти, среди них четырёхугольник, круг, овал. По мнению Р.Ваидова – это личные печати гончаров, в поселении найдена одна из таких печатей [Vahidov, 1961]. Также, обнаружено до 200 знаков, основная часть которых повторялась, но некоторые имеются только на одном экземпляре. Привлекают внимание перстни-печати, найденные в Мингячевире [Бабаев, 2010, с.18]. Они использовались в качестве печати, то есть по функциональности близки к клеймам. В целом, среди мотивов, использующихся в качестве клейма или печати, встречаются культово-магические, астральные, абстрактно-геометрические, изобразительные (антропоморфные, зооморфные, растительные, предметы быта, военные аксессуары (лук, стрелы и др.) и пиктографические знаки.

В искусстве Кавказской Албании имеются различные знаки, которые могли являться символами или клеймами (тамгами) племени, рода, семьи. Применение клейм зафиксировано в Сибири, Средней Азии, Турции, Причерноморье, Алтае, Кавказе, Монголии и Туве. Тамги развивались от общеродовых к индивидуальным знакам собственности. Самыми древними являются родовые тамги, как правило, это изображение тотема. В качестве племенных знаков у населения Кавказской Албании могли использоваться изображения животных-тотемов (олень, тур и др.), геометрические-абстрактные знаки в виде линий и их сочетаний (Рис. 18) и астральные знаки (Рис. 19, 20) (круг, полумесяц, крест, свастика, спираль), Эти символы также как и многие другие отражали мироззрение древнего населения.

В результате многолетнего изучения искусства Кавказской Албании искусствовед Н.Рзаев пришел к выводу о культовом характере творчества художников древнего Азербайджана [Рзаев, 1976, с.190]. Наши исследования огромного массива изобразительных символов ещё раз подтвердили то, что искусство Кавказской Албании было тесно взаимосвязано с культово-религиозными воззрениями его жителей, уходящими своими корнями в глубокие местные традиции. Следовательно, первоначальная и основная функция изобразительных символов заключалась в хранении и ношении религиозной информации. Характер и тематика изобразительной символики Кавказской Албании позволяет говорить о существовании здесь связанной между собой многоэлементной

религиозной системы, в которую входили *культ природы* (астральный, воды, земли и растительности), на ранней стадии воплощённый в образе богини-Матери (плодородия), *тотемистические культы* (животные и растения), *культ предков отцов-покровителей рода*, *погребальный культ* и связанный с ним *анимистический*, а также зороастризм. Символы, посредством которых эти верования обозначались, являются многозначными и в разные исторические этапы символы несли разную семантическую окраску.

Следует отметить, что эти представления, культы и религии выработали свою сложную ритуальную практику, непременными элементами которых являлись символы. Религиозное мировоззрение являлось определяющим фактором, влияющим на жизнь человека. Поэтому человек буквально окружал себя изобразительными символами, как с целью защиты от злых сил, так и с целью привлечения добрых сил и их покровительства. Важным выводом также является то, что повторяющиеся и характерные для Кавказской Албании сюжеты, символы, способы их изображения говорят о культурной общности и глубоких традициях развития искусства, живущего здесь многоэтничного и поликонфессионального населения.

Новизна статьи заключается в том, что впервые разработана классификация изобразительных символов обнаруженных в Кавказской Албании по следующим типам: антропоморфные, астральные, геометрические, зооморфные, растительные, полиморфные, а также клейма и знаки датируемые IV в. до н.э. – III в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq. Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi, 2010, c.54
2. Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları. Kataloq. Bakı: "Ziya", 2013, 100 s.
3. Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015-2016. Bakı, s.262-274.
4. Cəfərzadə İ.M. Qobustan qayaüstü rəsmləri. Bakı:YNE'XXI, 1999, 350 s.
5. Cəbiyev Q. Dəmirçi nekropolu (Şamaxı rayonu) materiallarının interpretasiyasına dair / Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi, 2019, Bakı, c.127.
6. Əfəndi R. Azərbaycan incəsənəti. Bakı: Çaşıoğlu, 2001, 247 s.
7. Əliyev T.R., Babayev F.İ., Hüseynova T.T., Əliyev V.T. Qalatəpə şəhər yeri və nekropolunda arxeoloji tədqiqatlar (Ağcabədi rayonu) / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009. Bakı, 2010, s.187-192.
8. Göyüşova T. Azərbaycan tunc kəmərləri. Bakı, 2018, 286 s.
9. Xəlilli F. Ağsuda zəngin Alban mədəni irsi – Nərgizava, 2015, 80 s.
10. Xəlilov C. Ə. Maraqlı incəsənət abidəsi // AMM, C.7, 1973, s.251-257.
11. Xəlilov C.Ə., Aslanov Q.M. Sırt-Çiçidə arxeoloji tapıntılar / Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VII c. Bakı, 1973, s.176-184.
12. İsmizadə Ö.Ş. Qaratəpədən zoomorf keramika // DAN Azərb. SSR, C.XV, 1959, №1, s.93-97.
13. Kərimov V., Əliyev M. Qax rayonunun Lələli kəndin yaxınlığında yaşayış yerində Torpaqqalada arxeoloji tədqiqatlaq / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009. Bakı, 2010, s.206-208.
14. Qaziyev C.M. İki küp və iki katakomba qəbri / Материальная культура Азербайджана. T.III, Bakı, 1953, s.17-48.
15. Quliyev A.A., Xəlilli F.S. Şamaxıda arxeoloji tədqiqatlar / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009. Baku, 2010, s.221-228.
16. Quluzadə N.V. 2011-ci ildə Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyinin Arxeologiya fonduna daxil olmuş maddi mədəniyyət nümunələri. Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi. Bakı, 2012, s.197-208
17. Quluzadə N.V., Ağayev Q. Şirvanın bədii metalı. Bakı: Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi, 2012, 101 s.
18. Muradova F.M. Rüstəmov C.H. Qazax rayonunda Alban dövrü tapıntıları // Azərvaycan SSR Elmlər Akademiyasının xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 1986, №4, s.33-44.
19. Osmanov F.L. Qavqaz Albaniyanın maddi mədəniyyəti. Bakı: Elm, 1982, 182 s.
20. Vahidov R.M. Mingəçevir III–VIII əsrlərdə. Bakı: Azərb. SSR E.A. nəşriyyatı, 1961, 160 s.
21. Алекперов А.И. Терракота древнего Азербайджана. Баку: Элм, 1994, 133 с.
22. Алиев К. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр,1992, 237 с.
23. Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних землевладельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977, 151 с.
24. Асланов Г.М., Нариманов И.Г. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура // Материальная культура Азербайджана, Т.4, 1962, с.217-250.
25. Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Аз. Гос. Изд., 1986, 310 с.
26. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: "Elm və təhsil", 2020, 276 с.
27. Бабаев И. Древние печати Азербайджана // İRS, 2010, №1 [43], s.18-21.
28. Бадалов А.Б. Гончарное ремесло Азербайджана античного периода [I–III вв.]. Баку: Элм, 2003, 186 с.
29. Геюшев Р.Б., Халилов М.Дж. Каменные изваяния раннесредневековой Албании. Баку: Элм, 1986, с.24 с.
30. Голубкина Т.И. О зооморфной керамике из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Т.2, Баку, 1951, с.103-140.
31. Гошгарлы Г. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 204 с.
32. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: Элм, 1956, 132 с.
33. История Азербайджана. Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1958, 430 с.
34. Казиев С.М. Первые итоги археологически разведок и раскопок в городище Кабала // Материальная культура Азербайджана. T.VI, Баку, 1949, с.150-158.

35. Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана Баку: Элм, 1985, 117 с.
36. Османов Ф.Л. История культуры Кавказской Албании. Баку, 2006, 288 с.
37. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании. Баку: Элм, 1976, 254 с.
38. Рзаев Н.И. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1964, 123 с.
39. Рзаева С.Ш. Типологическая классификация полиморфных фигурок Азербайджана древнего периода / Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi – 2013, Bakı, с.280-292.
40. Рзаева С.Ш. Классификация доисламских символов в искусстве Азербайджана (пер. железа и античности): Автореф. дисс. док. фил. искусствоведческих наук. Баку, 2015, 25 с.
41. Рзаева С.Ш. Полиморфная фибула из Мингечаура / Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi – 2019, Bakı, с.96-109.
42. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку: 1985, 277 с.
43. Халилов Дж.А. Древнее святилище. связанное с каменными изваяниями у сел.Шатырлы // Доклады АН Аз.ССР. Том XLII, 1986, №7, с.78-81.
44. Эфенди Р. Каменная пластика Азербайджана. Баку: Ишыг, 1986.
45. Rzayeva S. The Symbol of Deer in the Ancient and Early Medieval Cultures of Azerbaijan, Peregrination, 2011, с.178-208. http://peregrinations.kenyon.edu
46. https://azertag.az/xeber/Nergizava_nekropolunda_yeni_tapintilar___qedim_ocaq_yeri_saxsi_qadin_heykelciyi_kup_qebirler-1328281

Список иллюстраций:

1. Женская глиняная фигурка. Моллаисаклы, III в. до н.э. – I в. н.э./ Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq, 2010, рис.51.
2. Антропоморфный сосуд. Хыныслы, Шемаха, III в. до н.э. – I в. н.э. / Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq, 2010, рис.52.
3. Каменное изваяние / Азербайджанский Государственный музей искусства.
4. Керамическое блюдо. Ялойлутепинская культура, III–I в. до н.э. / Исмизаде, 1956, табл. XIV, рис.1.
5. Керамический сосуд. Ялойлутепе, III–I в. до н.э. / Рзаев, 1964, рис.74.
6. Бронзовая подвеска. Сырт-Чичи, Губа. нач. I тыс. до н.э. / Xəlilov, Aslanov, 1973, табл.II, рис.15.
7. Золотые серьги. Мингечаур, VII в. до н.э. – V в. н.э. / Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları, 2013, рис.14.
8. Керамический сосуд. Галатепе, III–II в. до н.э. / Əliyev T.R., Babayev F.İ., Hüseynov T.T., Əliyev V.T., 2009, с.192.
9. Печать. Мингечаур, III–VIII вв. н.э. / Vahidov, 1961, табл. X, рис.22.
10. Бронзовая фибула с золотым покрытием. Хыныслы, Шемаха, кон. II в. н.э./ Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları, 2013, рис.86.
11. Зооморфный сосуд. Мингечаур, I в. до н.э. – I в. /Археологические памятники. T.VII, рис.40.
12. Бронзовая подвеска. Наргизава, IV в. до н. э. – III в. н.э./ Quluzadə, Ağayev, 2012, с.94.
13. Изображения на керамическом сосуде. Мингечаур, I в. до н.э. – I в. / Рзаев, 1964, рис.82.
14. Бляшка. I в. до н. э. – I в. н. э. / Ахундова, 2020, табл. XVII, рис.13.
15. Серебряное блюдо. Гарабулаг Гахский район, II – нач. III в. н.э./ Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları, 2013, рис.143.
16. Серебряная фибула. Мингечаур, IV в. до н. э. – III в. н.э. / Azərbaycan arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları, 2013, с.64, рис.85.
17. Женская глиняная фигурка. Пос. Моллаисаклы, III в. до н.э. – I в. н.э./ Azərbaycan Antropomorf terrakotlar. Kataloq, 2010, рис.49.
18. Дисковидная подвеска. Моллаисаклы, IV в. до н.э. – III в. н.э./ Quluzadə, Ağayev, 2012, с.81.

19-20. Знак или клеймо на керамике. Мингечаур, III–VIII в./ Vahidov, 1961, табл.10, рис.10,16.

BAKI BEYNƏLXALQ
MULTİKULTURALİZM MƏRKƏZİ
QAFQAZ
ALBANİYASININ
ETNO-MƏDƏNİ İRSİ
БАКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ
BAKU INTERNATIONAL
MULTICULTURALISM CENTRE
ETHNOCULTURAL
HERITAGE
OF CAUCASIAN ALBANIA

Çapa imzalanıb: 11.10.2021.
Formatı: 60x90 1/8. Həcmi: 14,25 ç.v.
Tiraj: 250.

“RS Poliqraf” MMC-nin mətbəəsində
hazır diapozitivlərdən çap olunmuşdur.